

0 ЕСЛИ

СЕНТЯБРЬ 2006

ФАНТАСТИКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

9' 2006

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.RUSF.RU/ESLI

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО
**ЗЕМЛЯ
ВЕСНАРОВ**

ПИТЕР БИГЛ
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ВАСИЛИЙ МИДЯНИН
КОНСТАНТИН АРБЕНИН

**СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ:
ХРОНИКИ «ВТОРИЧНЫХ МИРОВ»**

«ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ»

глазами сценариста
и режиссера

ЧИТАЙТЕ РАЗДЕЛ
ВИДЕОДРОМ

Фото предоставлены кинокомпанией
«Proline-Film» при помощи интернет-портала
«Кино России» (www.kinoros.ru)

ЧИТАЙТЕ В ОКТЯБРЬСКОМ НОМЕРЕ

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

Владислава КРАПИВИНА

«АМПУЛА»

Марии ГАЛИНОЙ

«ДАГОР»

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

**Стива БЕЙНА, Джеймса МАКСИ,
Натальи РЕЗАНОВОЙ**

а также

заключительную статью **Антон ПЕРВУШИНА:**
освоение Марса

и наконец

очерк **Павла АМНУЭЛЯ** о **Генрихе АЛЬТОВЕ**

ПОДПИШИТЕСЬ НА «ЕСЛИ»

Подписку на наш журнал с любого месяца вы можете
оформить в своем почтовом отделении
по двум каталогам: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) —
53 рубля. Индекс — 73118.

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ЩЁКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэръ».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru, if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli, www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейлс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
тел./факс (501) 443-92-17,
(272) 6-25-36.
E-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 15 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.

Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2006

15 лет назад, в сентябре 1991 года, был отпечатан тираж
первого номера «Если». Спасибо всем, кто с нами.

123 Марина и Сергей ДЯЧЕНКО
ЗЕМЛЯ ВЕСНАРОВ

Традиционный конфликт «цивилизаторов»
и носителей «природного начала» приобре-
тает в повести особый смысл.

235 Питер БИГЛ
ДВА СЕРДЦА

Прощание автора с одной из самых знаме-
нитых фэнтези-историй XX века.

3 Василий МИДЯНИН
КОМПЛЕКС МАРВИНА

Конечно, пошарствовать в древней Элладе
было бы неплохо. Если, конечно, не про-
махнуться с мифами.

41 Вадим КИРПИЧЁВ
МАГ В ДВЕНАДЦАТОМ
ПОКОЛЕНИИ

Во все времена самым ходовым товаром
были, есть и остаются чудеса.

55 Константин АРБЕНИН
ЗАЯВКА НА ПОДВИГ

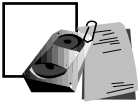
Место подвигу в жизни найдется всегда, но
времени почему-то не хватает.

87 Святослав ЛОГИНОВ
БАРСКАЯ ПУСТОШЬ

Воздушный замок способен смастерить ка-
ждый, а вот возродить из пепла очаг куль-
туры...

199 Дмитрий КОЛОДАН, Карина ШАИНЯН
ЗАТМЕНИЕ

Цирк уехал, а клоуны... вернулись.

70 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**

ПИРАТТРАКЦИОН

То есть аттракцион для пиратов? Или для нас с вами — устроенный флибустьерами? Или для ребятни, мечтающей о подвигах, славе, сокровищах? Судя по сборам, и первое, и второе... и десятое.

76 **Вячеслав РЫБАКОВ, Константин ЛОПУШАНСКИЙ**

ДВА ГАДКИХ ЛЕБЕДЯ ПОСЛЕ РАБОТЫ

От «Писем мертвого человека» к «Гадким лебедям»: режиссер и сценарист рождают истину в споре...

72 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Любая история в этом мире неизбежно повторяется как фарс: и классика НФ-хоррора, и древнегреческие мифы, и приключения Алисы Лидделл.

281 **Сергей АЛЕКСЕЕВ**

ГОМЕРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Если вы еще не знаете, чем эпическая фэнтези отличается от героической, тогда вам просто необходимо прочитать заметки московского исследователя жанра.

287 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

Не все эксперты согласились с самим вопросом, но ответ тем не менее дали.

297 **Глеб ЕЛИСЕЕВ**

САГА О НЕДОДЕЛАННЫХ ДАМБЛДОРАХ

За рубежом роман стал событием. А российский критик безуспешно пытается понять менталитет западного читателя.

290 **РЕЦЕНЗИИ**

В Плоском мире не все спокойно... Последняя битва составшего из праха поэта Гумилёва... Почему Галактика живет по московскому времени... На смену драконам Перна приходят девочки-единороги... Об этих и других событиях вы узнаете, заглянув в книжный магазин. Или в рубрику «Рецензии».

300 **КУРСОР**

Мы по части новостей — впереди Вселенной всей...

302 **ПЕРСОНАЛИИ**

Было время, когда героями фэнтезийных номеров были в основном рекруты с Западных земель. Но все меняется, а русская фэнтези — давно уже не миф, придуманный критиками. Не одиноко ли американцу в такой-то компании?

В А С И Л И Й М И Д Я Н И Н

КОМПЛЕКС

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

МАРВИНА

Рассказывают, что Тесей, проходя через Дельфы, маленький городок к Западу от Коринфского перешейка, заглянул в тамошний салун, чтобы выпить кружку пива и закусить гамбургером. На стойке красного дерева валялась забытая кем-то газета; он взял ее и принялся просматривать от нечего делать.

Роберт Шекли. «Лабиринт Минотавра».

Он был простым американцем, как пишут время от времени на надгробьях Арлингтонского кладбища. Фамилия у него тоже была простая и крепкая, как стальной шкворень — Марвин, а имя ему было, извините, Иезайя. За это ему следовало благодарить своих родителей, ревностных меннонитов из Оклахомы, которые воспитывали его до трех лет. По истечении данного срока мистер и миссис Иезекиль Гомес были одновременно и скоропостижно призваны в райские кущи вывернувшим из-за поворота автобусом, за рулем которого сидел пьяный водитель, поэтому религиозный опиум не успел пропитать сердце и мозг маленького Иезайи в достаточной степени. Оставшегося сиротой мальчика забрал к себе его дядя по материнской линии, дальнобойщик Сэм Марвин, который имел весьма отдаленное представление о религиозном поведении и проживал вдовцом в маленьком тexasском городишке под названием, если не ошибаюсь, Кананера. За два десятка лет мистер Марвин вырастил из Иезайи свою чуть увеличенную копию, дал ему начальное образование, обучил водить машину и после того, как хронический алкоголизм низверг старика в геенну огненную, оставил парню в наследство простую и крепкую, как стальной шкворень, фамилию, профессиональные связи, разваливающийся дом, грузовик модели «Мак», лишайного дворового пса системы лабрадор и бесчисленные, бесчисленные долги.

Осмысленный период жизни Иезайи Марвина пришелся на крайне любопытный исторический период, когда Джей Эф Кей уже успел поймать свою пулю, а Джон Леннон — еще нет. В этот промежуток времени Билли Джек уехал в Вашингтон, отец Каррас посетил маленькую Риген, Чарли с приятелями зашел в гости к Роману, но застал дома только Шэрон, чем и воспользовался, Юкио сделал себе харакири, Кассиус стал Мохаммедом, а музицирующие жесткокрылые насекомые оказались популярнее Христа. Люди, кажется, высадились на Луне, прогремел Уотергейт, русские отстранили от власти Никиту Хрущева и посадили его в ледяные подземелья Лубянки, закончилась

вьетнамская война, Китай объявил о создании собственной водородной бомбы, Францию потрясли молодежные бунты, кленовый лист был объявлен национальным флагом Канады, Сартр отказался от Нобелевской премии, в Боливии замучили Че Гевару, Шандор Ла Вей учредил в Нью-Йорке Церковь Сатаны, аятолла Хомейни сверг шаха Резу, Пиночет уничтожил Сальвадора Альенде, Куба ввела войска в Анголу, СССР ввел войска в Афганистан, Картер бойкотировал олимпиаду, разразился грандиозный нефтяной кризис, началась ирано-иракская война, члены клана Кеннеди осыпались с древа жизни один за другим, словно осенние листья — а Иезайя Марвин по-прежнему жил в богом забытой Кананере, любил старые вестерны по телевизору и не бриться, мотался дальнобойщиком по всему Западному побережью, а когда случалось заночевать в родном городе, заходил в закусочную мамы Бейкер, чтобы опростать там несколько кружек плохого местного пива «Дафф», и не было этому будничному круговороту ни конца ни края. Дорога — дом, дорога — могила... так, по-моему, говорили о подобной жизни древние перипатетики. У Иезаи даже девушки не было, хотя он некоторое время по молодости лет, конечно, активно интересовался семейным вопросом. Но в итоге как-то не сложилось.

В любом небольшом американском городке, от заваленного снегом Твин Пикса до изнывающей от жары Кананеры, есть такие парни — вроде бы и не почетные граждане типа доктора или шерифа, но и не вконец опустившиеся доходяги, что пьют дрянное кукурузное виски из соображений дешевизны и которых пускают в бар только из жалости. Средний класс, одним словом. Ну да, они не вертят задницей с экрана телевизора, как какие-нибудь модные перцы из Лос-Анджелеса, не могут перемножить в уме две тысячи восемьдесят четыре на шестьсот тридцать два, как яйцеголовые профессора из Оксфорда, не пожирают поганые лягушачьи лапки в дорогих французских ресторанах и не пишут книг про аболиционизм. Однако они молча и уверенно делают свою работу, на которой зиждется благосостояние этой богоспасаемой страны. На них всегда можно положиться. В случае войны эти крепкие и немногословные иезаи марвины оказываются в первых рядах десанта, прыгающего в полосу прибой на вражеском берегу. Именно они побеждают на чемпионатах мира и голосуют за республиканцев, именно они полетели в космос, именно они переломили хребет Гитлеру и сделали бы то же самое со Сталиным, если бы этот пакудник, коварный, как все русские, крайне вовремя не откинул копыта. Иезаи марвины — это соль земли, это скелет нации, это корпус

машины, которую приводит в движение великий мотор, подаренный нам отцами-основателями — частная инициатива.

В тот день, когда началась наша история, настроение у дальнбойщика Иезайи Марвина было отвратительным. Во-первых, он возвращался из рейса холостым пробегом: подвела товарная логистика заказчика перевозок. Во-вторых, он совершенно вымотался, поскольку вторые сутки гнал почти без отдыха, желая поспеть в Калифорнию к одному сомнительному заказу, чтобы не остаться совсем на бобах. И, наконец, в-третьих по счету, но не по значению, проститутка в мотеле, где он останавливался на ночь, тайком вытащила у него из нагрудного кармана рубашки заначенные десять баксов, и он обнаружил это только на бензозаправке через сто сорок километров. Поэтому когда впереди на шоссе замаячила фигура человека, нахально вставшего прямо посреди проезжей части, первым побуждением Марвина было вдавить педаль газа в пол. Однако его остановило то соображение, что сбитые на дороге хичхайкеры, как правило, настойчиво преследуют водителей, которые их задавили, и при этом совершенно не имеет значения, остались эти хиппи в живых после наезда или нет. По крайней мере о подобных неприятных событиях повествовала пара комиксов серии «Байки из склепа», прочитанная Марвином в сортирах на бензозаправках, и какой-то голливудский фильм класса «В» — совершенно дурацкий, но произведший на Иезайю весьма глубокое впечатление.

Марвину гораздо более по душе был замечательный фильм «Дуэль», где огромный, наглухо закрытый грузовик полтора часа экранного времени с ревом шпынял по пустынному шоссе легковушку с каким-то неудачником за рулем, пытаясь размазать их обоих о скалы или столкнуть в пропасть. Впрочем, это кино тоже заканчивалось неправильно, как и то, что с хичхайкером. Вообще, девяносто процентов фильмов, которые когда-либо смотрел Иезайя, заканчивались неправильно, особенно «Великолепная семерка» и «Франкенштейн встречает Человека-Волка».

Марвин ударил по тормозам, и его «Мак» с протяжным пневматическим стоном осел на рессорах шагах в десяти от хичхайкера. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как в радиоприемнике какая-то местная группа поет «Бич бамбу». День катился к вечеру — еще один прекрасный техасский день.

Высунувшись из окошка, Иезайя внимательным взглядом смерил незнакомца, который, едва грузовик остановился, тут же зашагал навстречу. Это был смуглый, смахивавший на латиноса мужчина лет три-

дцати с острыми чертами лица, черными вьющимися волосами и аккуратно подстриженной эспаньолкой. На незнакомце было странное короткое одеяние вроде ночной рубашки, едва прикрывавшее причинное место, алый плащ за плечами наподобие того, что носит Супермен, только без буквы S, и веревочные сандалии. На голове у него красовалось что-то вроде дурацкой шапочки с пластмассовыми ладошками, какие продают на бейсбольных матчах: тянешь за невидимую леску, и ладошки начинают аплодировать. Только развернуты они у этого типа были не вперед, как у всех нормальных болельщиков, а назад. Приглядевшись, шофер убедился, что точно такие же подрагивающие на ветру, развернутые назад ладошки, сделанные как будто из перьев, прикреплены к сандалиям незнакомца. Хиппи, определенно.

У хичхайкера не было ни сумки, ни рюкзака, вообще никаких вещей, кроме странной длинной штуковины из желтого металла в руках, которая напоминала двух переплетенных змей. Это сразу насторожило Иезайю. Подобной штуковиной можно как следует врезать по голове, к примеру, остановившемуся дальнбойщику. На всякий случай он не глядя сунул руку назад, пошарил за спиной и положил на сиденье рядом заветную бейсбольную биту, которую всегда возил с собой на случай непредвиденных эксцессов.

— Ну, куда тебе? — недружелюбно буркнул он, когда незнакомец приблизился к кабине.

— Привет, — миролюбиво сказал парень с эспаньолкой и широко улыбнулся. — Мир тебе, добрый человек. Меня зовут Гермес. Я — бог.

Марвин недоверчиво хмыкнул. Уж он-то знал, как выглядит бог. Два месяца назад по телевизору крутили «Царя царей» с Джеффри Хантером, и вот там был бог что надо: высокий, видный, с пылающим взором. И еще бога звали Иисусе, а никакой не Гермес. Гермесом же звали подсобного рабочего из закуской мамашы Бейкер, парня родом из Санто-Доминго, так что Иезайя без особого труда сумел определить национальную принадлежность незнакомца.

— Очень приятно, старина, — произнес дальнбойщик. — Я Балу, учитель Маугли. Куда едешь-то? Давай не тяни, я тороплюсь.

— Брось, Иезайя. — Лжебог улыбнулся еще шире. — Я хочу предложить тебе одну славную вещь, и если мы договоримся, тебе уже никогда никуда не придется спешить.

— Отойди от машины, — с чувством произнес Марвин, многозначительно порывивая двигателем грузовика. Бесчисленные коммивояжеры, расплодившиеся в последнее время как мухи на дохлой лошади, уже успели его порядком достать. «У нас сегодня юбилей фирмы

— сорок пять дней на рынке США, поэтому мы хотим сделать вам умопомрачительный подарок: сломанный мексиканский фен всего за одиннадцать девяносто девять, а если вы возьмете два сломанных мексиканских фена за двадцать три семьдесят пять, то получите в придачу совершенно бесплатно паяльную лампу, дохлого попугая в клетке и офигительный набор отверток, и вам уже никогда и никуда не придется спешить». Идиоты. Ну зачем настоящему мужику фен? Паяльную лампу он бы еще, может, и купил, если бы тот коммивояжер начал именно с нее...

И вдруг Марвин спохватился:

— Эй, погоди-ка! Ты откуда мое имя знаешь, а?

Гермес переместился. Только что он стоял перед кабиной грузовика и разговаривал с Иезайей, задрал голову, а теперь вдруг мгновенно оказался на сиденье рядом с водителем, будто просочившись через металлическую дверь. Бейсбольная бита под его задом жалобно скрипнула.

— Я все-таки бог, — небрежно улыбнулся Гермес, поворачиваясь к собеседнику.

— Ага, — ошарашенно проговорил Марвин. — Вон чего.

— Именно, — подтвердил Гермес, устраиваясь поудобнее. — Однако какое счастье, что я тебя встретил! Движение-то здесь, знаешь ли, не самое оживленное. Я стоял на обочине битый час, и за все время мимо проехала только толстая тетка на тракторе и какие-то малолетки на «шевроле».

— Рядом провели новое шоссе, широкое, — пояснил Марвин, все еще не пришедший в себя после циркового трюка Гермеса. — Через Санта-Ану. Эта дорога теперь второстепенная. Вот не повезло малышу Бейтсу, который держит мотель через пять километров! У него еще мамаша строгая, такая стервозная старуха. Зато теперь по этой дороге можно срезать путь. Ее перестали чинить, но я каждый раз выигрываю километров десять, правда, последние три километра надо ехать по проселку, но его содержат в хорошем состоянии местные фермеры, и...

— Ясно, ясно, — прервал его нервический словесный понос бог Гермес, похлопывая кадуцеєм по ладони. — Хвала Зевсу, в конце концов ты все-таки появился. Именно такой человек мне и нужен — крепкий, простой, надежный, уверенный в себе мужчина репродуктивного возраста.

— Для чего это? — снова насторожился Иезайя.

— Хочу сделать тебе одно маленькое предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Гермес посмотрел на Марвина, и в глазах его на мгновение вспыхнули колючие звезды, напоминающие миниатюрные эмблемы НАТО. И дальнбойщик понял, что действительно не сможет отказаться, даже если лжебог велит ему броситься в колодец. Он много слышал от коллег о цыганском гипнозе, и внешность парня совершенно определенно указывала на то, что тот вполне может оказаться цыганом, однако противиться Иезайя уже не мог.

Между тем Гермес продолжал безмятежным тоном:

— Как ты смотришь на то, чтобы стать царем, приятель?

Иезайя задумался.

— Наверное, это очень неплохо, — осторожно произнес он.

— Точно! — ухмыльнулся Гермес. — Все, что пожелаешь. Лучшая еда, лучший алкоголь, лучшие проститутки. Не надо работать. И власть! Ты сможешь казнить любого, кого только пожелаешь.

— И Мартина Тэкклери?! — обрадовался Марвин.

Гермес смутился.

— Нет, только в пределах своего полиса, — произнес он. — Но выбор у тебя все равно будет довольно обширный, поверь мне!

— Угу, — сосредоточенно проговорил Иезайя. — Значит, царем. Заманчиво. А куда же девался предыдущий царь?

— Он пропал, — тяжело вздохнул Гермес. — То есть не царь, а тот человек, который должен был стать им до тебя... Похоже, я тебя совсем запутал. Видишь ли, ситуация чуть сложнее, чем я сказал вначале. На самом деле стать царем я предлагаю тебе в перспективе. Вначале нужно будет свергнуть того балбеса, который сейчас правит Фивами.

— Предлагаешь мне участвовать в революции?! — возмутился Иезайя. Гипноз гипнозом, но это уже было слишком. — Обратись к Фиделю Кастро. Я честный американец и не собираюсь участвовать в ваших коммунистических штучках. Да и потом, это слишком рискованно. Повстанцев убивают куда чаще, чем диктаторов.

— Ты не понимаешь! — заторопился Гермес. — Смена власти в Фивах согласована с ЦРУ. И это гораздо проще, чем тебе кажется. Существует древнее пророчество, которое гласит, что человек, сделавший то-то и то-то, непременно станет новым царем Фив и будет жить долго и счастливо. У нас был один парень из Коринфа, который подходил по всем параметрам. Он даже отправился в Дельфы и получил оракул, полностью соответствовавший сказанному в пророчестве. Но потом он куда-то исчез! На Олимпе уже ничего не могут переиграть, прорицание запущено по божественным инстанциям и начало набирать обороты, однако субъект прорицания отсутствует. Кошмар! Мо-

жешь себе представить? Бюрократическая машина крутится всю, задействованы миллионы астральных связей, и все впустую...

— А ты отвечал за операцию, — догадался Марвин. — Нес личную ответственность. И теперь под тобой земля горит, и тебе срочно нужно заткнуть дыру первым встречным. Верно?

Он с раннего детства отличался глубокими интеллектуальными способностями и аналитическим складом ума.

— Верно, — не стал отпираться Гермес. — Ну так что, по рукам? Тебе даже не придется ничего делать. Мы просто выдадим тебя за парня из пророчества, и дело в шляпе. Ты получаешь в полное и неограниченное распоряжение Фивы, набитую золотом сокровищницу и красавицу-жену, а мы — исполнившееся прорицание, которое можно будет без лишнего разбирательства списать в архив.

— Эй-эй, ковбой! Не гони лошадей.

Практичный шофер грузовика с сомнением потер ладонью скрипящую щетину на подбородке. Все это выглядело красиво, однако жутко смахивало на какую-то дрянную авантюру. Не вербуют ли его красные?.. С другой стороны, стать царем Фив было более чем заманчиво. История, изложенная Гермесом, звучала довольно фантастично, но складно. Может быть, рискнуть? В конце концов, что терять честному дальнбойщику, кроме дрянного пива «Дафф» и лишайной собаки системы лабрадор? Если же он почувствует подвох, всегда можно будет сдать назад.

— А далеко нам ехать? — севшим от волнения голосом поинтересовался он.

— Туда нельзя доехать, — пояснил Гермес. — Нет шоссе, одна только Тропа Койота. Иначе в Элладе давно было бы не протолкнуться от туристов и нелегальных эмигрантов. Граница с Мексикой-то — вон она. В Афинах построили бы Диснейленд и Макдоналдс, в Спарте — военную базу, в Микенах расцвел бы игорный бизнес... Фу, мерзость какая! — Он содрогнулся. — Нет, мы пойдем пешком, партнер, как истинные дети прерий.

— А грузовик?! — опешил Иезайя.

— Грузовик придется бросить тут, — сочувственно качнул головой Гермес. — Но в Фивах, если пожелаешь, у тебя будет две сотни грузовиков, и ты сможешь гонять на них кругами по собственному стадиону имени Иезайи Марвина.

— И то верно, — согласился дальнбойщик. — Что ж, я готов!

Из движимого имущества он прихватил с собой только сигареты, кепку с эмблемой «Техасских рейнджеров», темные очки и бейсбольную битку. Последняя была дорога ему как память.

Они выбрались из машины, пересекли старое шоссе и, огибая низенькие деревца юкки и высокие кактусы, двинулись в прерию, на встречу выползавшему из-за горизонта горному массиву.

— А как зовут этого парня, которого мне предстоит заменить? — спросил Иезайя, едва поспевая за широко шагавшим богом. — Я совершенно не разбираюсь в вашей латиноамериканской политике, но, может, слышал про такого в закуской или по радио.

Гермес покосился на него с непонятным выражением лица.

— Эдип, — вкрадчиво произнес он.

— Не слышал, — сознался Марвин, пожав плечами.

Они долго шли по прерии, потом, добравшись до длинной скальной гряды, по указанию Гермеса взялись ее штурмовать. У Иезайи начали подгибаться колени, он изнывал от жажды. Вторую проблему Гермес успешно решил, материализовав из воздуха литровую бутылку содовой с приложенным чеком из магазинчика мистера Зорба. Что касается первой, то ее Марвин решился озвучить далеко не сразу — из ложной мужской гордости резонно опасаясь, что попутчик сочтет его хлюпиком, недостойным царствовать в Фивах.

— Далеко еще твоя Эллада? Небось тоже граничит с Мексикой? — заговорил он наконец, переложив битку на другое плечо.

— Да уж не близко, — рассеянно сказал Гермес, который думал о чем-то своем.

— А что, партнер, — произнес наконец Марвин, чувствуя, что силы его на исходе, — раз ты бог, то, наверное, мог бы мгновенно перенести нас на место?

— Ну, вообще-то мог бы, — виновато потряс ладошками на шапочке Гермес, — но у меня это, честно говоря, не очень выходит. Как-то раз попробовал я перебросить из Фермопил под Трою турму всадников. Надо было решить кавалерийским наскоком одну небольшую финансовую проблему... Ну и вот. — Он помрачнел и замолчал.

— Что — вот? — потребовал продолжения Марвин.

— Вот так и появились кентавры, — нехотя пояснил Гермес. Помолчав, глухо продолжил: — Главное, применил совершенно правильный алгоритм. Тар-р-р-ртар! В исходной точке разложил всадников на атомы, в пункт назначения направил информацию пятью пакетами по астральной струне, в точке сборки произвел совмещение — и на тебе... Конфуз! — Он нервно кашлянул. — Гены людей и лошадей перемешались во время пересылки. При телепортации такое бывает сплошь и рядом.

— А вот, скажем, сатиры? — безжалостно поинтересовался Марвин, припомнив картинку из детской иллюстрированной энциклопедии.

— Ну, было, было, — смущенно признался Гермес. — Минотавр, силены, гарпии... Молодой был, неопытный... Но это не означает!.. — внезапно вскинулся он, ткнув в Иезайю указательным пальцем с острым ногтем. — В олимпийском департаменте все допускают ошибки. Никто не застрахован. Скажем, Зевс... Или вон Гефест, когда попытался телепортировать одного специалиста из Гарварда и случайно прихватил с ним муху. Вот это было представление, когда бедняга начал понемногу превращаться в гигантское насекомое! Ну, правда, прожил он недолго — подруга застрелила из охотничьего ружья... — Он снова задумался.

— А что если нам в таком случае сделать привал? — осторожно предложил Марвин. — Если идти еще далеко, а переместить нас при помощи своих штучек ты не можешь?

— Охотно.

Они обессиленно опустились прямо на тропу.

— Было бы неплохо, если бы мы добрались до места часа за три, — проговорил Иезайя. — Скоро начнет смеркаться.

— Сегодня точно не доберемся, — заявил Гермес. — Придется заночевать.

— Ночевать в горах?! — возмутился Марвин. — Без одеял? Ночами тут, знаешь, бывает довольно холодно!

— Предоставь это мне, — отрезал бог.

И действительно, когда они через несколько часов окончательно остановились на ночевку, Гермес довольно быстро соорудил костер, две большие керамические кружки с горячим глинтвейном, суточный сухой паек армии США и спальный мешок для Марвина. Поскольку самому Гермесу сон не требовался, он собирался всю ночь медитировать и раскладывать пасьянс из порнографических карт. Спустя пять минут путешественники уже сидели возле костра, завернувшись в пестрые пончо, и с удовольствием прихлебывали дымящийся ароматный напиток с пряностями.

— Прекрасная обстановка для того, чтобы попытаться расширить свое сознание, — авторитетно заявил Гермес, прихлопнув надоедливо-го москита.

— Мескалин жрать не буду, — отрезал Иезайя.

— Уважаю четкую жизненную позицию, амиго, — развел руками Гермес.

В тишине что-то вдруг пронзительно пискнуло, а потом затеньдеренькало. Гермес с неудовольствием снял с пояса пейджер и, шурясь в свете костра, прочел адресованное ему послание. Марвин, правда, данной мизансцены не понял — в его время пейджеров еще не изобрели.

— Тар-р-р-ртар побери! — с чувством выругался Гермес. — Племена тутси и хуту в Африке снова занялись ритуальным взаимогеноцидом. Мне надо срочно сопроводить в Царство Мертвых кучу народа. — Он вздохнул. — Ненавижу, когда это случается. Столько возни... — Он нехотя поднялся с земли и предупредил: — Только не уходи никуда. Я вернусь через пять минут.

Лопнула в костре сырая ветка, а когда Марвин снова перевел взгляд на Гермеса, того уже и след простыл, лишь колыхнулся прохладный воздух, схлопнувшийся на том месте, где только что сидел античный бог.

— Эй! Пст! — тут же донеслось из темноты.

Иезайя поднял голову и на всякий случай взялся за биты. Здесь, вдали от цивилизации, запросто можно было наткнуться на какого-нибудь маньяка или мексиканца. Иезайя смотрел «Резню бензопилой в Техасе» и потому был предупрежден о возможных осложнениях во время этого путешествия, а кто предупрежден — тот, как известно, вооружен.

Из кустов в освещенный костром круг пространства выбрался высокий парень в обтрепанных шортах, гавайской рубашке и камуфляжной панаме. На ногах у него были пляжные сандалии, в руках — разобранная бамбуковая удочка в прозрачном чехле. Он уселся на камень возле костра, удочку прислонил рядом, демонстрируя, что у него нет ни оружия, ни враждебных намерений. Тем не менее Иезайя продолжал неотрывно наблюдать за ним, не выпуская биты из рук. Незнакомец был одет совсем неподходяще для этих мест, и это было в высшей степени подозрительно.

— Ну? — сухо поинтересовался Марвин, когда гость устроился у огня.

— Я Эдип, — деловито сказал незнакомец. — Привет. Будем знакомы. — Он протянул Иезайе широкую ладонь.

Марвин сурово сдвинул брови.

— Не так быстро, приятель! — произнес он, не принимая рукопожатия. — Отвали, место уже занято! Теперь я Эдип!

— Да нет, ты не понял. Я не претендую на твое место. Я настоящий Эдип.

— Тот, который исчез? — проявил осведомленность Марвин.

— Ну. — Эдип снова сунул клешню Иезайе, и на сей раз тот с опаской пожал ее.

— Джек, — представился Марвин. Он ненавидел свое имя и, представляясь, всегда старался сократить его до минимума. — Я вижу, ты даром времени не теряешь.

— Ну! — Эдип хлопнул ладонью по удочке. — Гавайи, все дела. Собственный рыболовецкий катер, смуглые туземки, гавайская гитара. Постоянно приезжают фотографы из «Плейбоя» с красивыми моделями, поснимать на природе. В общем, я неплохо устроился. — Он блаженно прищурился, потом нахмурился. — А вот ты, парень, как я посмотрю, сидишь по переносицу в дерьме.

— Чего это? — обиделся Иезайя.

— Какого черта ты влез в эту историю? Думаешь, я просто так сбежал, по собственной дурости? — поинтересовался Эдип. — Отправился от добра добра искать?

— Ну, — буркнул Марвин. Он уже привык за свою нелегкую жизнь, что если собеседник говорит такое и таким тоном, значит, все сказанное верно с точностью до наоборот. Но кривить душой все равно не стал.

— Хрена вот! — Эдип привстал с камня и сделал неприличный жест. — Думаешь, мне не хотелось стать царем Фив? Я что, похож на сумасшедшего?.. — Он безнадежно махнул рукой и снова опустился на свое место. — Нет, брат. Бесплатный сыр бывает только на помойке. Лучше линияй, как я, пока еще есть возможность. Иначе царем ты, конечно, станешь, но жить после этого будешь плохо и недолго. Гермес разведет тебя, как мальчишку.

— Как же это он меня разведет? — набычился Марвин.

— Ты пророчество-то знаешь? — Эдип пристально посмотрел на Иезайю. — Ясно. Ну, хотя бы читал мифы Древней Греции?..

— Смотрел «Геркулес в Нью-Йорке», — отозвался Иезайя. — С этим мускулистым парнем из Европы, как его... Шванкенхаймер... Шварценштейгер...

— Ясно. Дохлый номер, — кивнул Эдип. — Если бы читал, небось не сидел бы здесь. Короче, приятель, влип ты по самые уши. Если верить пророчеству, попадешь ты в результате всей этой аферы в совершенно безвыходную ситуацию: убьешь отца, переспшишь с матерью, а когда все откроется, выколешь себе глаза со стыда. То есть не именно ты, а тот придурок, который надумает стать Эдипом, царем Фив. Без вариантов.

Иезайя внезапно ощутил прилив жгучего раздражения. Если бы он услышал, что глаза ему в результате этой тайной операции ЦРУ выколют кубинцы или агенты КГБ, он сразу и безоговорочно поверил бы и, возможно, дал деру. Но Эдип сказал полную чушь, к тому же совершенно не к месту и в оскорбительном ключе припел покойных родителей Иейзайи, и это лишь утвердило дальнобойщика в подозрениях на его счет, которые появились, едва только несостоявшийся фиванский царь представился. Кто это, интересно, заставит дальнобойщика Иезайю Марвина, радиопозывные Хромая Лошадь, выколоть себе глаза? Что за бред?

— А чего это ты меня лечишь? — агрессивно осведомился Хромая Лошадь. — Небось пожалел, что бросил выгодное дельце, и решил вернуться? Нет уж, партнер, место занято! Думаешь, я такой идиот?

— Думаю, да, — веско сказал Эдип. — Идиот. К дьяволу такое выгодное дельце, извини. А пришел я тебя предупредить, потому что по большому счету вяпался ты из-за меня. Если бы я не сбежал, Гермес не отправился бы искать лопуха на мое место. Беги и ты, пока еще есть время, не позволяй Гермесу бесплатно поиметь тебя!

— Пошел к черту! Хочу быть царем!

— Ну, гляди же. Я тебя предупредил. — Эдип бросил взгляд на наручные часы и заторопился. — Мне пора, у меня сейчас портал закроется. Застряну тут на неделю. Ты помни, лопух, что я тебе сказал. Хотя бы дели все слова Гермеса на десять, а лучше на пятьдесят, и думай как следует, прежде чем выполнять его распоряжения.

Он сокрушенно покачал головой, подобрал свою удочку и растворился в темноте.

Вскоре у костра материализовался Гермес. Только что его не было, но Иезайя отвлекся на пару мгновений, чтобы подбросить в огонь ветку, поднял голову — а Гермес уже сидит на соседнем камне, трясет ладошками на шапочке.

— Порядок, — деловито сообщил бог. — Сопроводил в лучшем виде. — Под мышкой у него были зажаты деревянная африканская маска и высушенный калebas, а в ладони — пригоршня раковин каури. — Прихватил сувениры, — пояснил он, поймав взгляд Марвина. — Зря мотался, что ли? А ты чего такой надутый?

— Спать хочу, — соврал Марвин. Почему-то совсем не хотелось рассказывать Гермесу про визит Эдипа. Одно он из этого визита усек накрепко: ухо надо держать востро и никому из лиц, имеющих интерес в данном деле, не доверять. Необходимо блюсти собственные интересы.

— Так прошу! — радушным жестом Гермес указал на спальный мешок и извлек из воздуха колоду карт. — А я пока посторожу твой сон, партнер.

Утром, позавтракав горячим кофе и холодной вареной говядиной, они снова тронулись в путь. Перевалив через голый, выжженный солнцем горный хребет, они шли еще примерно полдня, так что Иезайя Марвин уже успел двадцать раз пожалеть о принятом вчера опрометчивом решении. Однако внезапно Тропа Койота вильнула, скалы ушли в стороны, и перед путниками открылась прекрасная изумрудная долина с оливковыми рощами и живописными водопадами. В долине там и сям пасся крупный и мелкий рогатый скот.

— Эллада, — удовлетворенно констатировал Гермес. — Держись, партнер, мы почти у цели! Осталось только выполнить кое-какие бюрократические формальности, чтобы твоя персона соответствовала прорицанию — и дело в шляпе.

В первую формальность он посвятил Марвина, когда они спустились в долину и остановились передохнуть в тени огромного придорожного кипариса.

— Вот, держи, — Гермес протянул попутчику тяжелый «магнум». — Умеешь этим пользоваться?

— Стрелял в Национальной гвардии, — ответил Иезайя, примеряя револьвер по руке. — Бог создал людей сильными и слабыми, а полковник Магнум сделал их равными. Что мне с ним делать?

— Все просто, — произнес Гермес. — Вон там, впереди, будет перекресток трех дорог. На перекрестке встретишь колесницу царя Фив. Разрядишь в него револьвер, и первая часть предсказания выполнена: ты станешь человеком, который убил царя Лая.

— Ничего себе! — возмутился Марвин. — А охрана?! Знаешь, как охраняют царей? У них эскорты из бронированных автомобилей, несколько десятков телохранителей в сопровождении, снайперы на крышах, а у некоторых даже боевые вертолеты! Подставить меня решил?! Не выйдет, мистер Я-Крутой-Бог-Который-Считает-Себя-Самым-Хитрым! На всякую хитрую пробку есть свой штопор.

— Успокойся, партнер, — сморщился Гермес. — Все гораздо проще. Фивы — отсталый и мирный полис, здесь жизнь течет размеренно и неторопливо. Вот в Афинах или в Спарте, особенно в эмигрантских анклавах, действительно можно среди бела дня схлопотать пулю. А в Фивах последнее убийство было совершено, если не ошибаюсь, двенадцать лет назад: один дедуля в припадке ревности

зашиб свою жену остраконом. Поэтому царь Лай разъезжает совершенно открыто и без всякой охраны. Даже без оружия. Берет с собой только скипетр, которым, правда, часто и больно дерется, но разве металлическая палка — соперник крупнокалиберному «магнуму»?

— Если палка в руках у Брюса Ли, то возможны варианты, — рассудительно заметил Иезайя. — Но хорошо, пусть. Однако как это выглядит с моральной точки зрения? Подойти к старому больному человеку и хладнокровно вышибить ему мозги из «магнума»...

— Можно стрелять в сердце, — подсказал Гермес. — Быстрая и милосердная смерть.

— Все равно неправильно это, приятель, — помотал головой дальнобойщик. — Нельзя так. Это же получается убийство первой степени. Да за мной вся полиция Техаса будет гоняться!

— Когда ты станешь царем, балда, то первым же указом отменишь розыск цареубийцы! — закричал Гермес. — Ты что, совсем тупой? Слушай, ты хочешь быть царем или ты баба сопливая? Мисс Манипенни? Ах, подождите минутку, у меня тушь размазалась! — Гермес начал делать вид, что красит ресницы, и обидно закудахта.

Иезайя насупился.

— И никак нельзя обойти это условие? — поинтересовался он. — Допустим, нанять киллеров?

— Нет, — сурово отрезал Гермес. — Прорицание категорично: Эдип станет царем Фив, только собственноручно убив царя Лая и женившись на его вдове Иокасте.

— Ну, ладно, — вздохнул Марвин, — поиграем в эти игры... Надеюсь, хоть жена Лая не уродливая толстая старуха? Сынуля у нее моего возраста.

— Ну, во-первых, она все-таки жена царя, — снисходительно проговорил Гермес, — а царям достается все самое лучшее. Она Мисс Эллада пятьдесят девятого года. А во-вторых, в Элладе женщины традиционно очень рано выходят замуж и рожают в довольно юном возрасте. Так что этот цветник еще отнюдь не увял.

Марвин задумчиво покрутил в руках «магнум».

— Умеешь ты убеждать, — признал он. — Ладно, показывай, где тут твой перекресток и муж мисс Эллады.

Гермес снова засиял белозубой улыбкой.

— Ну, вот и отличненько! Перекресток вон за тем поворотом. Я буду наблюдать за вами с вершины этой скалы. Близо мне подобраться не удастся, но в случае чего подстрахую, как смогу. Однако помни: ес-

ли он тебя перехитрит, я сумею вмешаться, но убить его не в моих силах. Все прорицание рухнет. Будь очень осторожен и не подпускай его на расстояние вытянутой руки. Все, иди; до момента randevu осталось тридцать минут.

Спрятав револьвер в карман, Марвин побрел по дороге, а Гермес левитировал на вершину скалы, с которой открывался великолепный вид на окрестности.

Иезайя довольно быстро добрался до перекрестка. И уже издали обнаружил весьма досадную помеху, которая грозила сорвать все их планы. На перекрестке стоял открытый экипаж, запряженный парой лошадей — то, что пару веков назад во Франции называли бы «ландо». В экипаже сидел с закрытыми глазами изможденный расфуфыренный тип с золотым обручем на голове. На козлах пристроился пожилой кучер с сосредоточенным выражением лица, который пристально смотрел вдаль, на убегающую к югу дорогу.

Если верить Гермесу, царь должен был прибыть на перекресток в ближайшие двадцать минут, проводить же акцию при свидетелях было немислимо. Марвин посмотрел на часы, но они стояли — вчера перед сном, переполненный новыми впечатлениями, он забыл их завести.

— Эй, приятель! — обратился он к кучеру. — Не подскажешь, сколько времени?

— Пошел вон! — огрызнулся кучер и снова устремил взгляд к горизонту.

— Эй, ну ты чего? — мигом напрягся Иезайя. — По-человечески говорить разучился? Я тебе не грублю вроде бы.

— Замолчи, смерд! — прошипел возница. — А то как тресну скипетром по башке!

— От смерда слышу! — Окончательно рассвирепев, Марвин с размаху хлопнул по ладони бейсбольной битой. — А ну, вылазь из брички, городской пижон! Сейчас я тебе покажу, как расправляются с вами техасские дальнобойщики!

— Так, стоп, — мигом остыл незнакомец. — Так это ты, что ли, Эдип из Коринфа?

— Ну, допустим! — Иезайя независимо отставил ногу в сторону.

— Извини, сынок! — широко улыбнулся кучер, слезая с козел. — Не признал. Я царь Лай.

— Не похож ты что-то на царя, папаша, — подозрительно заметил Марвин.

— Ну, да, да! — Кучер небрежно бросил на скамью вожжи. — Это вынужденная маскировка. На тот случай, если ты решил бы восполь-

зваться снайперской винтовкой. Но у меня есть все документы... — Он вытащил из внутреннего кармана жетон, похожий на полицейский, на котором золотом было выгравировано по-английски: «Лай, царь Фив». — Это, разумеется, для приезжих, — пояснил он, пряча жетон обратно в карман, — здесь-то меня каждая собака знает. Но как же это я тебя не признал? Специально приехал пораньше, чтобы поговорить спокойно, и на тебе. Чуть все не испортил. Правда, я ждал, что ты появишься со стороны Коринфа, да и представлялся ты мне немного другим... — Он скользнул по Марвину чуть презрительным взглядом, и тот, внезапно смутившись, поспешно стащил с головы бейсболку. — Впрочем, не одежда красит человека, а человек одежду. Я ведь сам сейчас вовсе не в царских одеяниях. Но к делу. Ты ведь планируешь убить меня, не так ли?

Внезапно заданный в лоб, этот вопрос окончательно сбил Марвина с толку. Он хотел соврать, но поймал дружелюбный, понимающий взгляд Лая и совершенно смешался.

— Ну, собственно... — Он вытянул из кармана револьвер, позорно зацепившись предохранительной скобой за подкладку. — Убить, да. Да, хочу убить.

— Не делай этого, сынок! — Взгляд Лая прямо-таки сочился сочувствием и всепрощением. — Ты ведь очень не хочешь этого делать, верно? Не так-то просто выстрелить в безоружного?

— Вот еще! — В Иезаие внезапно снова проснулся трезвый расчет, и он вздернул «магнум». — Как же я тогда стану царем? И можешь даже не предлагать мне в обмен на свою жизнь деньги, женщин и половину царства. Зачем мне это, если, убив тебя, я возьму всё?

— Подожди-подожди! — горячо заговорил Лай. — Ты непременно станешь царем, но для этого не надо никого убивать. Видишь ли, я сам хочу сбежать от всего этого. Скрыться. Придворный этикет, обеды церемонии, судебные тяжбы подданных, внешнеполитические интриги... Знаешь, как это все утомляет, как непросто быть правителем? Вот, к примеру, Великого Инку каждое утро обсыпали порошковым золотом, и он ходил так до заката, когда ему разрешалось совершить омовение в священном озере. Очень красиво, конечно, и почетно, но думаешь, это приятно — целый день ходить обсыпанным порошковым золотом? Все тело зудит, кожа совершенно не дышит и вообще чувствуешь себя как дурак... — Лай поежился. — Понятно, если ты родился в трущобах и в жизни не ел ничего вкуснее анчоусной селедки, участь царя выглядит весьма завидной. Однако если трюфели в икорном соусе опротивели тебе уже к двенадцати годам, а самые

красивые женщины — к восемнадцати... — Царь Фив вздохнул. — Тут поневоле взвоешь. Столько условностей, столько обязанностей, столько ограничений... Иногда я лежу без сна в своей шикарной спальне слоновой кости и мечтаю о тростниковом шалаше на берегу реки, простом крестьянском ужине и жене — дочери рыбака, с грубоватыми чертами лицами и обветренными руками...

— Понимаю, — вежливо ответил Иезайя. Честно говоря, ни черта он не понимал этого зажавшегося сноба.

— Ну так вот, — продолжал Лай. — Я давно лелею в душе мечту сбежать от этого невыносимого, разъедающего душу бремени власти и богатства. И тут такой случай! Мой сынок Эдип, такая умница — так получилось, что мы оказались разлучены, еще когда он был младенцем — выяснил, что ему предначертано убить меня, если он собирается стать царем Фив. От греха подальше он сбежал. Однако он прекрасно понимал, что боги будут вынуждены взять кого-нибудь на его место, иначе миф об Эдипе рухнет, а это внесет непредсказуемую сумятицу в культуру западной цивилизации. Сын сумел связаться со мной и посоветовал мне убрать нового претендента на трон, используя мои связи в «Коза ностра», но я резонно возразил, что в этом случае боги наймут другого. Капля, как известно, камень точит, и рано или поздно один из претендентов все-таки добьется своего. Поэтому мы решили, что мне лучше сразу уступить. Понимаешь? Исчезнуть, как Эдипу. Для этих целей я одел в свой костюм одного несчастного, который умирает от чихотки. Кроме того, у него рак предстательной железы, туляремия, саркома, экзема, тахикардия, половой герпес и гепатит С. Одним словом, он с величайшей радостью согласился на эвтаназию. Ты пристрелишь его вместо меня, понимаешь? Когда же этот квазицарь умрет, его кучер с воплями ужаса убежит с места царевубийства в холмы. Вот и все. К вечеру я уже буду в Фениксе, а утром чартерным рейсом прибуду на остров Ибица вместе с одной подружкой и навсегда исчезну из твоей жизни. Как тебе такой план?

— Ну, я не знаю, — замаялся Иезайя. — А что мне помешает, скажем, выстрелить в спину убегающему кучеру? Чтобы, так сказать, не оставлять свидетелей?

— Сынок, — ласково улыбнулся Лай, — ты же ведь не захочешь, чтобы я потом всю жизнь являлся к тебе по ночам в белых тапочках?

— Вряд ли, — согласился Марвин. — А этот, — он махнул пистолетом в сторону изможденного человека в царском убранстве, — не будет мне являться?.. Эй! — позвал он. — Вы меня слышите? Вы действительно добровольно согласились на эвтаназию?

Человек в царских одеяниях с трудом приоткрыл воспаленные глаза, с тоской посмотрел на своего потенциального палача.

— Хватит болтать! — сухо прокашлял он. — Ради Зевса, пристрелите меня скорее! Я умираю в муках и делаю это уже восьмой год подряд! Когда же это все закончится?..

— Кроме того, я положил его семье весьма солидную пенсию по утрате кормильца, — добавил Лай, — и они вряд ли будут тебе благодарны, если ты вернешь им умирающего кормильца вместо пенсии.

— Ну, что ж... — Иезайя тщательно прицелился в блаженно припухшего больного, потом опустил револьвер. — Нет, не могу.

— Почему?! — в один голос вскричали царь и страждущий.

— Я не могу стрелять в человека, если он на меня смотрит, — пояснил Иезайя. — Велите ему не смотреть!..

— Может, ему еще глаза завязать или поставить лицом к стенке? — прошипел Лай. — Хватит валять дурака, за нами наблюдают!

Человек в ландо вдруг забился в жестоких конвульсиях, на губах его выступила сиреневая пена.

— Проклятье! — простонал он. — Приступ! Ребята, вы давайте либо пристрелите меня скорее, либо дайте таблетки! Вон там, в сумке!

— Смелее, сынок! — подбодрил Иезайю царь Фив. — Будь мужчиной! Один выстрел — и все в выигрыше.

— Стреляй, скотина! — прохрипел умирающий. — Ты что, смерти моей хочешь?! Стреляй, кому говорят!

Внезапно он широко размахнулся и вытянул Марвина царским скипетром, который сжимал в руке.

— Эй, чего дерешься?! — возмутился Иезайя, отскакивая в сторону.

— Отлично! — обрадовался Лай. — Издали так будет выглядеть еще правдоподобнее. Ну, давай, парень! Пристрели его, пока он не раскрыл тебе голову! Это уже даже не убийство — это просто необходимая оборона!

— Да у него удар, как у цыпленка! — возразил Марвин, потирая ушибленное плечо. — Какая же это оборона? Как я могу вот так просто застрелить беспомощного человека?!

— Кретин! — возопил царь. — Стреляй, кому говорят! Время дорого! Всех нас погубишь!..

Больной, размахнувшийся для следующего удара, внезапно выронил скипетр, захрипел и повалился лицом вниз. Царь Лай бросился к нему, пощупал пульс, перевернул на спину, приложил ухо к груди и покачал головой.

— Кончено! — произнес он. — Во имя Демогоргона, как не вовремя!.. Ну, хотя бы в мертвое тело у тебя хватит духу попасть?

— В мертвое хватит, — согласился Иезайя. — Хотя осквернение трупов — тоже не самое похвальное дело в Техасе...

— Мать Гера! — возопил несчастный царь, воздев руки к небесам. — Ну почему ты позволяешь подобным идиотам безнаказанно пожирать наш кислород?!

— Хватит меня обзывать-то уже! — огрызнулся Марвин, прицеливаясь в труп. — Сами придумали какую-то дурацкую аферу, а теперь виноватых ищите! Раньше надо было думать...

Он выстрелил, и пуля отщепила от борта экипажа солидный кусок дерева. Лай уже ничего не сказал на это — он только пристально смотрел на дальнобойщика широко раскрытыми глазами, в которых застыли ужас, недоумение и отчаяние.

— Ну, ладно, ладно! — смутился Иезайя. — Давненько не брал в руки револьверов... Тяжелый очень, понимаете? Полицейская модель. Прицел уходит вниз, необходимо делать поправку...

— Стреляй, изверг! — мученически простонал царь. — Впрочем, нет, не надо! — тут же переиграл он, с опаской поглядывая на подрагивающий в руках Марвина «магнум». — Одного выстрела достаточно, чтобы Гермес услышал. Скажем, что попал с первого раза, издали все равно не видно. — Он суетливо полез в экипаж, загрохотал там чем-то металлическим. Послышался плеск, в ноздри ударил резкий бензиновый запах.

— Это зачем? — удивился Иезайя.

— Чтобы скрыть улики! — пояснил Лай. — Огонь — лучший помощник, если нужно избавиться от малейших следов. Труп не смогут опознать, а идентификацию по челюсти здесь еще не изобрели. Все, царь Лай умер! — Он быстро перерезал упряжь, после чего щелкнул зажигалкой и бросил ее в экипаж. Огонь с ревом взметнулся над деревянными бортами, и перепуганные лошади с оглушительным ржанием рванули в степь. — Лошади — божи твари и совершенно ни при чем, — пояснил он. — Не следует их губить понапрасну. Ну, ладно, сынок! Не поминай лихом — я побежал! Если будет время, приезжай к нам на Ибицу. Мы с Барбареллой будем рады...

Повернувшись, он бросился вслед за удирающими лошадьми.

— Ну как? — осведомился Иезайя, по-ковбойски покручивая револьвер на пальце. — Аплодисменты будут?

— Аплодисменты тебе, — сварливо произнес Гермес. — Медаль себе купи шоколадную. На троечку сработал.

Они сидели в придорожной харчевне, проводили разбор полетов и пили пиво «Францисканер», закусывая его холодными морепродуктами — здесь оказался довольно неплохой салат-бар с неограниченным количеством подходов.

— Объясни, тренер! — обиделся Марвин, пряча «магнум» за пазуху.

— Надо было как: пришел, увидел, замочил! Быстро, четко, красиво! И никаких вопросов к тебе со стороны полиции не возникло бы даже в принципе. А ты битый час трепался с возницей! Ради всего святого, ну о чем можно было столько времени трепаться с возницей?

— Ну, о разных вещах, — уклончиво отвечал Иезайя. — Я вообще не сразу понял, что это и есть экипаж царя Лая. Ты же мне сказал, что он подъедет только через полчаса. Я думал, это так... свидетели. Выяснял обстановку.

— Ну, ладно, — смягчился Гермес. — Видно, я тоже где-то прокололся, чего-то не просчитал до конца. А почему вдруг экипаж загорелся?

— Пуля отрикошетила в бензобак, — лаконично пояснил Марвин.

— То-то я смотрю, от Лая адски разило бензином, когда я сопровождал его в Царство Мертвых... — протянул Гермес. — Однако у меня сложилось впечатление, что он совсем не был расстроен собственной гибелью. По дороге он распевал хвалебные гимны богам, выглядел бодро и очень живо интересовался местами, мимо которых мы проходили. И знаешь, мне показалось, что там, на перекрестке, он упал еще до выстрела, — подозрительно добавил Гермес.

— Свет распространяется быстрее звука, — пожал плечами Марвин. — Мы сначала видим вдали облачко дыма от выстрела, а звук доносится до нас лишь несколько секунд спустя. Элементарная физика.

— И то правда. — Гермес отхлебнул пива. — Итак, первая и наиболее сложная часть дела сделана. Теперь остается самая малость — победить чудовищную Сфинкс, и жители Фив, окрестности которых она опустошает, сами принесут тебе ключи от городской ратуши. На, дорогой Иезайя Марвин, победитель дракона, владей нами! — Он мелко захихикал.

Дальнобойщик со стуком поставил свой бокал на стол.

— Слушай, ты! — взревел он, резко подавшись вперед и сграбастав Гермеса за грудки. — Ты что, издеваешься надо мной, скотина? Какой еще, к дьяволу, дракон?! Насчет дракона мы не договаривались! Нет, браток, ты как хочешь, а я больше голову в петлю совать не собираюсь, баста!

— Пусти, малахольный! — пискнул полузадушенный Гермес. Потом он неуловимо перетек на противоположный конец стола, оставив

в руках Иезайи кусок своей туники. — Фу, черт! — произнес он, растирая шею. — Да не дракон никакой, это просто фигура речи! Обыкновенная пожилая женщина, только на четырех ногах. Пожирает исключительно крестьян и простолюдинов, а с благородными воинами, которые приходят сражаться с ней, состязается в остроте ума.

— С детства не решил ни одной головоломки, — пробурчал Иезайя. — Что она делает с проигравшими?

— Убивает, естественно, — пожал плечами Гермес. — Но у тебя стопроцентная гарантия. Я знаю точный ответ. В общем, что бы она ни спрашивала у тебя, отвечай: «человек». Непременно попадешь в яблочко.

— А когда Сфинкс проиграет, что будет? — поинтересовался Марвин.

— Тогда она покончит с собой, как записано в ее контракте, Фивы освободятся от ужасного монстра, а герой Эдип Марвин станет царем. Твоя миссия будет выполнена, и ты сможешь до конца своих дней наслаждаться царским величием.

Иезайя тяжело вздохнул.

— Ладно, — буркнул он. — Раз уж ввязался в эту авантюру, нужно довести ее до конца.

Спустя час они стояли возле заброшенного, полуразрушенного храма, сложенного из известняковых блоков. Здесь обитала Сфинкс — беспощадная львица с головой человека, гроза округи, хтоническое чудовище с умом шахматиста.

— Туда? — тоскливо спросил Марвин, оглянувшись на пороге.

— Туда-туда, — заверил Гермес, подталкивая его в спину. — Помни, что я тебе говорил. Не напрягайся, держись запросто, но без панибратства — она этого страшно не любит. Будь вежлив, не хамя. И ради всего святого, не забудь ответ на ее вопрос: «человек».

Наконец ему удалось пропихнуть Марвина внутрь. По инерции Иезайя ступил еще два шага, чтобы удержаться на ногах после толчка, и тяжелый матерчатый полог мягко опустился за его спиной.

Помещение храма было небольшим, его скудно освещали масляные светильники. Посреди святилища располагался сложенный из туфа колодец — Марвин с опаской заглянул в него и увидел, как внизу на немыслимой глубине непрерывно движутся и перемешиваются магменные массы. В дальнем углу располагался большой мраморный алтарь, а за ним виднелось каменное изваяние хозяйки храма: огромная тварь неподвижно сидела напротив входа, обвив лапы длинным хвостом. Ее лицо с пухлыми губами было бесстрастно и напоминало по-

гребальную маску египетского фараона — если бы, конечно, в фараоны принимали нубийцев.

— Э-э-э... кхм, — произнес Иезайя, нервно оглядываясь по сторонам. — Тетушка... э-э-э... Простите... Вы тут?..

Изваяние шевельнулось, и Марвин понял, что допустил непростительную бестактность.

— Здравствуй, путник, — проговорила Сфинкс низким джазовым баритоном, выпрямляясь на лапах и потягиваясь, словно выпавшаяся кошка. В тишине храма отчетливо послышался хруст позвонков. — Что привело тебя в дом старой женщины? Может быть, тебе погадать на «медилогуне»? Не хочешь ли чаю с домашним печеньем? Или, может быть, стаканчик ямайского рому и кубинскую сигару?

— Человек, — поспешно пискнул перепуганный Иезайя, прекрасно запомнивший инструктаж Гермеса: тот уверял, что только такой ответ на любые вопросы чудовища гарантирует безопасность и победу.

— Вижу, вижу, что не лягушка, — отозвалась Сфинкс, смерив Марвина оценивающим взглядом. — Красавец! Будь я веков на двадцать помоложе, я бы даже подумала о межвидовом сексе. Но в моем возрасте заниматься глупостями уже не солидно, да и просто нелепо... Ладно, не сутулься, снежок. Тетя Сфинкс шутит. Резать белого петушка сегодня не будем. — Мягко ступая, она обошла вокруг собеседника, машинально потерлась о его колени. — Чего ты хотел-то от меня? Небось пришел сразиться со старой афроэллинкой и думаешь, что это великий подвиг для крутого белого парня, а?

— Человек, — повторил Иезайя, сообразив, что Сфинкс снова задала вопрос, точнее, целых два вопроса.

— Человек, человек... — пробормотала львица, постукивая себя хвостом по бокам. — И ходят, и ходят, малолетняя шпана... Во имя Дамбаллы! Пожалуй, черепа тех, кто когда-либо приходил сражаться со мной, надо бы сваливать перед храмом, а не отгаскивать на хозяйственный двор. Было бы гораздо нагляднее... Впрочем, тогда к храму вообще было бы не подойти...

Сфинкс замолчала, устремив взгляд в бесконечность. Марвин терпеливо ждал, пока она вспомнит о его существовании, в полном соответствии с инструкциями Гермеса: вежливо, но запросто, однако без панибратства.

— Ладно! — вновь заговорило хтоническое чудовище. — Раз уж ты здесь, не станем лишать тебя удовольствия погибнуть от моих лап, бледнолицый. Будь ты черным братом, или латиносом, или, скажем, китайцем, или хотя бы последователем пути духов петро, я бы тебя, пожалуй,

отпустила. Но вы, белые, должны нести коллективную ответственность за все те страдания, которые причинили другим расам веками беспощадной эксплуатации. Сейчас я задам тебе один вопрос и послушаю, что ты на это скажешь. Сумеешь ответить — клянусь Эшу ди Капа Прета, брошусь вот в этот колодец, и город спасен. Радуйся и все такое. Не сумеешь ответить — соответственно, пеняй на себя, за тобой придет черный барон Самеди. На хоздворе еще достаточно места. Готов, сахарок?

— Человек, — упрямо повторил Марвин.

— Какие мы гордые, — фыркнула Сфинкс. — Внушает. Типа несть ни эллина, ни иудея, ни тонтон-макута, а я типа вовсе никакой не бледнозадый снежок и не сахарок даже, а человек и звучу гордо. Ну, когда готов, то слушай. Только слушай внимательно и не оправдывайся потом, что плохо расслышал. Если будет надо, я повторю. Итак, кто утром на четырех, днем на двух, а вечером на трех?..

И тут Иезайя Марвин внезапно задумался. Уже трижды он отвечал на вопросы Сфинкс «человек», но ни разу та не обратила на его слова внимания и ни разу ему не была присуждена победа. Нет ли тут какого-то подвоха?.. Он припомнил беседу с Эдипом. Тот предупреждал его, чтобы он делил все слова пройдохи Гермеса на пятьдесят. А что если этот ярмарочный псевдобог из каких-то своих соображений решил подставить его именно сейчас? Что если Иезайя ответит, как его учили, а эта бабка-вудуистка с отвратительными манерами торжествующе хлопнет себя по бокам и с гомерическим хохотом отсечет ему голову широким ножом для разделки рыбы? Все происходящее очень дурно пахло, и Марвин решил быть настороже.

— Хм? — Он прочистил горло. — Вот что, тетушка? Трудная загадка. Я бы сказал, что это Санта Клаус, который в течение рабочего дня то выпрягает из саней уставших оленей, то, наоборот, запрягает отдохнувших. Утром он, соответственно, ездит на четырех, днем на двух, вечером... хотя нет, куда же он деваает остальных?

— Это твой ответ? — хищно оскалилась львица.

— Нет, нет! — замахал руками Иезайя. — Я бы так, пожалуй, сказал, но нет. Это слишком просто. И куда он деваает остальных? В карман кладет, что ли?

— Тогда отвечай, белоснежка! — рассердилась тетушка Сфинкс.

На стене обозначился светящийся прямоугольник, на котором появился небрежно набросанный углем портрет Гермеса. По поверхности прямоугольника побежали вертикальные полосы помех, изображение зашевелилось и кашлянуло, чтобы привлечь к себе внимание присутствующих.

— Протестую! — заявил анимационный Гермес. — Вопрос сформулирован некорректно и имеет $n+1$ возможных решений, что потенциально может поставить сторону, задающую вопрос, в заведомо выигрышную ситуацию. У моего клиента недостаточно информации для формирования единственно верного ответа.

— Хорошо-хорошо, — махнула лапой Сфинкс. — Сгинь! — рявкнула она, и прямоугольник с Гермесом погас. — Ладно, тогда поставим вопрос следующим образом: кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?

— Какой-то диковинный зверь, — покачал головой Марвин. — Мне такой еще ни разу не попадался.

— То есть ты отказываешься от ответа? — оскалилась Сфинкс.

— Нет, я просто размышляю вслух.

— Хорошо. Размышляй как следует, сметанка.

В левом ухе у Иезайи зазвенело, потом затрещало, потом раздался голос Гермеса:

— Раз-раз-раз! Проверка, проверка! Раз-два-три... Эй, парень! Говори: «человек»! Ребенок ползает на четвереньках, потом вырастает и становится на две ноги, а в старости ходит, опираясь на палку. Алгоритм ясен?

Иезайя поковырял мизинцем в ухе, и голос Гермеса пропал.

— Долго еще будешь думать? — нарушила молчание Сфинкс.

— В правилах ничего не было сказано о времени, которое отводится на обдумывание ответа! — запротестовал Марвин.

— Хорошо. Но если ты решил тянуть с ответом как можно дольше, то имей в виду: такие умники мне уже попадались. Ни один из них, как видишь, не дожид до встречи с тобой. Им тут нечего было есть, а наружу я их, естественно, не выпускала.

— По-моему, я знаю ответ, — сказал Иезайя. — Может быть, это мистер Сандерс? Соответственно, когда он пьяный, когда трезвый и когда возвращается домой из участка, опираясь на палку?..

— Это ответ?! — разъярилась Сфинкс. Она была знакома с афинским крючкотворством и прекрасно понимала, что если она сейчас хлопнет себя по бокам и с гомерическим хохотом возьмет широкий нож для разделки рыбы, претендент тут же начнет выкручиваться, что «может быть» и «я бы сказал» — речевые обороты, выражающие сомнение говорящего по отношению к сказанному, отчего сказанное никак не может однозначно трактоваться как ответ; скорее, это размышления вслух, варианты выбора, которые претендент проговаривает в раздумье, прежде чем принять окончательное решение. И самое обидное, что любой суд Эллады встанет на его сторону.

— Нет, пожалуй, это не ответ, — осторожно произнес Иезайя, чувствуя, что его опять собираются одурачить. — Скорее, это вопрос: может быть, мистер Сандерс?.. Но теперь я уже и сам думаю, что вряд ли — он ведь способен надираться в любое время дня и ночи, не только по утрам.

— Это человек, дубина! — гаркнул ему на ухо невидимый Гермес. — Говори: че-ло-век!

Марвин проигнорировал назойливого бога. Тогда тот возник у него за спиной, ухватил его за предплечья и, гротескно манипулируя ими в воздухе, словно конечностями марионетки, противно загнул:

— Эй, Багама Мама! Я, будущий царь Фив Эдип, отвечаю на твой вопрос: это человек!

— Послушай, приятель, — нахмурился Марвин, — мне совершенно не нравится то, что ты делаешь.

— Это ответ? — встрепенулась Сфинкс. — Ты, Гермес, сын Зевса, отвечаешь за Эдипа? Ты хочешь, чтобы пророчество пало на твою голову?..

— Твою мать! — Гермес проскользнул сквозь оторопевшего Марвина и материализовался прямо перед львицей с человеческим лицом. — Ты что, старая дура, совсем сбрендила?

— А ты? Ты кого мне привел, чертов латинос?! — в свою очередь, повысила голос Сфинкс. — Мы с тобой как договаривались? Поэйра да энкрузильяда! Да этот творожный сырок стоит тут и издевается над мной!

— Слушай, ну сама видишь — случай сложный! — залебезил Гермес. — Сам не рад. Но переигрывать поздно, Лай уже убит. Ну, давай будем считать, что он ответил «человек»!

— Да?! — взвилась Сфинкс. — А как я потом отчитаюсь перед Легбой? Ты вообще представляешь, чем мне это грозит?!

— Вообще представляю, — уныло ответил Гермес.

— Ладно, исчезни. — Гермес исполнил ее требование, и она вновь повернулась к Иезайе. — Ну что, голубь? У нас мало времени. Будешь отвечать, сдаешься или станешь дальше издеваться над старой больной негритяжкой?

— Ну, что вы, мэм! — деликатно возмутился Марвин. — Разве такой человек, как я, может позволить себе издеваться над...

— Человек? — встрепенулась Сфинкс. — Ты сказал — человек? Это ответ?

— Ответ? — удивился Иезайя. — Это с какой еще стати ответ?..

— Он сказал: «Ответ», — со значением заметил Гермес, на мгнове-

ние вынырнув из туманного облака, разлившегося над головой у Марвина. — Два раза, между прочим.

— Исчезни! — рыкнула Сфинкс. — Ладно, вопросительную интонацию на аудиозаписи подчистим... Ну, Змей и Радуга с тобой! Будем считать, что на вопрос ты ответил, хотя голову мне поморочил изрядно. Поздравляю, снежок: тебе удалось повергнуть могучее хтоническое чудовище и избавить этот город от страшного проклятия. О, горе мне, великое горе, Шанго-громовержец! — внезапно возопила она, схватившись передними лапами за голову.

— Вам плохо? — участливо спросил Марвин.

— Еще бы не плохо! — окрысилась Сфинкс. — Смертный разгадал великую загадку темных духов петро, и теперь, согласно контракту, мне придется броситься в вулкан! О, Папа Легба, это ли не юдоль глубочайшей скорби!.. Отойди, — деловитым жестом остановила она двинувшегося было к ней Иезайю, — а то не ровен час оплесну магмой. Пятна останутся.

Коротко разбежавшись, Сфинкс рыбкой нырнула в колодец, и магменный поток поглотил ее. Марвин, наклонившись над колодцем, прикрыл глаза рукой от яркого света огненного протуберанца, взмывшего над потоком.

— Жалко ее, — проговорил он, заметив, что Гермес материализовался на краю колодца и тоже смотрит вниз. — Хорошая, в принципе, была тетка, только мозги у нее от одиночества съехали набекрень.

— Нормально все будет, — утешил Гермес. — У хтонических чудовищ шкура покрепче человеческой. Вынырнет на той стороне, доберется до аэропорта и сядет на самолет до Венесуэлы. А там ищи-свищи. Не бойся, я своих не сдаю. Ей хорошо заплачено.

— Ну что ж, похвально, — одобрил Иезайя.

Они выбрались из храма, и античный бог указал на вздымавшиеся вдали стены древнего города:

— Это Фивы. Ступай туда и сообщи жителям, что ужасная Сфинкс больше не будет опустошать деревни полиса, наводить ужас на округу и причинять невосполнимый ущерб сельскому хозяйству и туристической отрасли царства. И победил ее ты. Да они тебя не только царем — папой Римским изберут! В своем приходе, конечно. — Гермес усмехнулся. — Ну, а мне пора. Я свою миссию выполнил. Пророчество сбылось, ты получил за это царскую должность. Все честно, без обид?

— Как жалко! — расстроился Марвин. — Уже исчезаешь? Не зайдешь даже на кружечку пивка? Я-то, идиот, сомневался в тебе, думал,

ты меня пытаешься всячески развести и подставить. Но теперь вижу: ты — парень что надо. Может быть, нам встречаться время от времени? Ходить вместе на бейсбол там, или в сауну, или в бордель... Жалко так вот расставаться.

— Дела у меня, — заявил Гермес, поглядывая на пейджер. — Весь в делах, понимаешь ли! Но мы непременно увидимся еще раз. И даже скорее, чем ты думаешь. — Он криво ухмыльнулся. — Я не прощаюсь, партнер!

Вроде бы только что стоял рядом и вдруг не стало его, словно и не было никогда. Телепортировался пятью информационными пакетами в точку сборки.

Иезайя пожал плечами и направился к городу — вступать во владение полисом.

Все получилось так, как и обещал Гермес. Сначала, правда, жители Фив не поверили Иезайе и едва не вытолкали его в шею за ворота. Но потом все же решили проверить и убедились, что святилище Сфинкс пусто. На землях полиса тут же началось всеобщее ликование, сопровождаемое народными гуляньями, фейерверками, раздачей бесплатного пива и выступлениями фольклорных коллективов, ибо сварливая и прожорливая старуха-вудуистка успела всех порядком достать. Когда же фестиваль через несколько дней завершился, высшие вельможи полиса пришли к Иезайе, дабы умолять его возложить на себя царские регалии и занять престол Фив. Иезайя милостиво согласился.

Дотошный дальнбойщик принял по инвентарной описи роскошное дворцовое имущество и содержимое сокровищницы, которая оказалась даже богаче, чем он рассчитывал. Сдав хозяйство новому владельцу, прежний временный и. о. государя, царедворец Поликсен, задержался в дверях.

— После смерти царя Лая у нас осталась бесхозной его жена, Иокаста, — деликатно произнес он. — Очень хорошая женщина, поэтому я был бы рад, если бы нам удалось ее пристроить. Сходите посмотрите, Ваше Величество, может быть, она вам понравится.

Честно говоря, Марвин опасался, что его будущая супруга, мисс Эллада пятьдесят девятого года, окажется желчной от непрерывной диеты, молодящейся сухопарой старухой с ломкими после многократного обесцвечивания волосами, выдающимися скулами и никотиновыми пятнами на пальцах. Реальность приятно изумила его. Иокаста оказалась свеженькой, как огурчик, цветущей, сравнительно молодой

особой поразительной красоты, с виду никак не годившейся Марвину в матери, скорее, в старшие сестры. Он еще раз убедился, что царь Лай был законченным психом, если решился удрать от такого богатства и такой жены. Что касается Иезайи, то уж он-то бился бы за них до последнего.

Иокаста хлопнула в ладоши, и горничная тут же внесла бутылку «Педро Хименес», дабы царь и его потенциальная супруга могли спрыснуть знакомство. Иезайя вино оценил, хотя и нашел, что оно несколько приторновато и отдает изюмом. Они с Иокастой немного поговорили по душам и поняли, что им непременно нужно друг с другом переспать. А еще через неделю Иезайя влюбился в царицу с первого взгляда.

Так они и зажили душа в душу. В итоге и царица Иокаста оказалась пристроена, и старый холостяк Иезайя Марвин, что немаловажно, наконец обрел семью.

Поликсен оказался местным тайным советником и серым кардиналом, поэтому Иезайя с легким сердцем спихнул на него все государственные заботы и посвятил себя гедонизму. Первым делом он купил себе две сотни грузовиков, на которых гонял кругами по собственному стадиону имени Иезайи Марвина. Эллада оказалась не самым большим географическим образованием, размером примерно со штат Техас, поэтому он быстро перезнакомился со всеми статусными соседями и время от времени закатывал богатейшие пиры, на которые приглашал всех, кого только знал.

Прошло некоторое время. На дворе была ранняя осень. Во дворце царя Фив дым стоял коромыслом: владыка давал очередной банкет. Поесть на халяву съехались многие знаменитые герои Древней Эллады. Иезайя восседал во главе огромного П-образного стола в горностаевой мантии, о которую вытирал жирные руки, обглодав гусиную ножку или, допустим, оленью лопатку. Стол ломился от яств и хмельных напитков. Марвин научил местных поваров готовить настоящий тexasский стейк — заветренный кусок говядины, поджаренный на слое раскаленной каменной соли, — в результате чего его имя прогремело до самой Финикии. Местным же поварам удалось удивить Иезайю рыбной кухней — Средиземное море находилось всего в паре километров отсюда, поэтому рыба на царский стол попадала самая свежая, и сашими, а также нигири суши удавались на славу.

В самый разгар пира, когда захмелевшие гости под руководством Орфея уже затянули хором любимую песню царя «Хэй, Джуд», двери обеденного зала вдруг жалобно затрещали и рухнули внутрь. В клубах

цементной пыли на пороге возникла фигура Гермеса с угрожающе вздетым железом в руке.

— А! — радостно закричал уже прилично набравшийся Иезайя. — Так входят только морские пехотинцы армии США! Это же Гермес, мой старый корешок, мы с ним служили вместе! Где ж ты пропадал все это время, голуба?..

Гости за столом радостно загомонили: не всякую вечеринку решает почтить своим присутствием божество, к тому же служившее в одном воинском подразделении с хозяином пира. Разве что Аполлон регулярно летает на празднества к гиперборейцам, да Посейдон не пропускает шведских столов у возлюбленного своего народа — феаков. Гермес же имел репутацию шkodливого кота, который всегда гуляет сам по себе, поэтому его появление на царском пиру сильно повышало акции царя, сумевшего заманить к себе эту капризную звезду Олимпа.

Гермес прошел в зал, брезгливо отстранил сунувшегося с пьяными поцелуями Иезайю и сумрачно осмотрел присутствующих.

— Здравствуйте, господа, — надменно произнес он. — Здравствуй и ты, партнер. У меня для вас пренеприятнейшее известие.

Высокие гости начали недоуменно переглядываться. Выдержав театральную паузу, Гермес продолжил:

— Только что открылось поразительное кошунство. Ваш хлебо-сольный хозяин, господа! — Он патетически возвысил голос, указуя на Марвина худым перстом с длинным ногтем. — Генетическая экспертиза установила: он — похищенный в детстве сын царя Лая и царицы Иокасты! Он спит с собственной матерью, господа!..

По залу прокатился недоуменный шепоток. Захохотал во всю глотку уже совершенно пьяный Аякс Теламонид, прислуга спешно вывело его из зала под руки.

— Что за чушь! — закричал Иезайя. — Что ты несешь, партнер, с какой еще матерью?! Моя мать погибла в автокатастрофе двадцать лет назад, о чем имеется соответствующая запись в меннонитской церкви Кананеры и заметка в местной газете!

— То есть ты хочешь сказать, что ты вовсе не Эдип, а просто самозванец? — с готовностью изумился Гермес. — Что ты не отпрыск царского рода, а, к примеру, водитель грузовика из какой-нибудь Зевсом забытой дыры в Техасе?

— Именно! Именно! Ты же сам все прекрасно знаешь! Ты сам втравил меня в эту историю!

— Прекрасно, — понизил голос Гермес, наклоняясь к Марвину. — То есть ты не имеешь никаких прав ни на этот дворец, ни на царские

почести, ни на красавицу-жену, предназначенные согласно пророчеству Эдипу из Коринфа? Знаешь ли ты, как поступают у нас с самозванцами? Их зашивают в кожаный мешок и отправляют на корм рыбам!

— Нет, ну отчего же, — заерзал Иезайя. — Отчего же не имею прав? Очень даже имею.

— Значит, ты все же не самозванец? Не какой-нибудь простолудин-дальнобойщик с простой и крепкой, как стальной шкворень, фамилией — скажем, Марвин или, допустим, О'Хара?

— Нет-нет! — испугался Иезайя. — Я Эдип из Коринфа, царь Фив!

— Все слышали, господа? — снова повысил голос Гермес. — Это Эдип из Коринфа, и он кощунственно спит с собственной матерью!

На сей раз зал возмущенно зашумел. Царь Тезей оглушительно зашвырнул в три пальца.

— Партнер! — яростно забормотал Марвин. — Это что еще за штуки? Мне не нравится то, что ты делаешь!

— Извини, партнер, — ослепительно улыбнулся Гермес. — Ничего личного, только бизнес. Это просто вторая часть моей операции, о которой я забыл вовремя тебе рассказать. Видишь ли, сопротивляться предначертанному бесполезно. Это столь же глупая затея, как, скажем, пытаться чайной ложечкой срыть гору Килиманджаро. И дело тут, поверь, вовсе не в ложечке — ты можешь взять столовую и убедиться в этом сам.

— Царь Эдип! — вскричал Язон, забравшись с ногами на пирашественный стол. — Извольте объясниться!

— Ничего страшного, друзья мои! — закричал Иезайя с отчаянием утопающего и замахал руками. — Ничего страшного! Инцест — обычная практика у народов Крайнего Севера и Экваториальной Африки! В конце концов, кто мы такие, чтобы осуждать божественную любовь, вспыхнувшую между двумя людьми, пусть даже близкими родственниками?..

— И это еще не все, уважаемые сыны Эллады! — тоном прокурора на Нюрнбергском процессе объявил Гермес. — Все гораздо, гораздо хуже! Презренный Эдип не только спит со своей матерью, он еще и убийца собственного отца, царя Лая! Вот заключение экспертизы о том, что на рукояти револьвера, из которого был убит Лай, обнаружены отпечатки его пальцев! — Олимпийский бог потряс над головой бумагой с какими-то расплывшимися печатями и подписями. — Итак, господа, среди нас — отцеубийца, кровосмеситель и растлитель малолетних! Встречайте — Эдип, с позволения сказать, царь Фив!

— Малолетние-то откуда взялись?! — поразился Иезайя.

— А, — махнул рукой Гермес. — Доктор Геббельс убедительно доказал, что чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят... Сыны Эллады! — снова загремел он на весь зал. — Заклеймим ли мы позором этого монстра в человеческом обличье? Предадим ли его самым страшным пыткам и бесчеловечной казни?

Эллинские герои разразились одобрительными возгласами.

— Предадим! — яростно ревели Агамемнон, Персей и Эгисф. — Смерть мерзавцу!

— Замолчи, партнер, хватит! — не выдержал Иезайя, чувствуя, как почва стремительно ускользает у него из-под ног. — Я не Эдип! Уж лучше в мешок и на корм рыбам!..

— На колени, несчастный! — обратил на него пылающий ненавистью взгляд Гермес. — Возможно, тебе удастся вымолить прощение, хотя лично я сильно сомневаюсь в этом. Твои фантастические беззакония переполнили чашу человеческого и божественного терпения.

Марвин поспешно бухнулся на колени перед коварным партнером.

— Пощады! — завопил он. — Пощады! Я осознал... я искуплю!..

— Что ж, господа, — произнес Гермес, — преступник определенно многое осознал и теперь жестоко раскаивается. Я думаю, мы вполне можем проявить похвальное эллинское милосердие и ограничиться изгнанием его из полиса — в том случае, если он сам себя накажет, доказав тем самым, что безусловно вступил на путь исправления и покаяния.

Эффектным жестом бог выдернул длинную золотую заколку из платья царицы Иокасты, и та, охнув, поспешно подпернула начавшую сползать с ее груди парчовую материю. С шутовским полупоклоном Гермес подал заколку Иезайе:

— Царь Эдип, поклонник инцеста и узурпатор трона! Выколи себе глаза этой штукой и ступай на все четыре стороны. Благородное собрание клянется не преследовать тебя в этом случае.

Цари Эллады ответили на это восторженным ревом.

Иезайя потерянно замер посреди пиршественного зала с заколкой в руке, глядя остановившимся взором на людей, которые четверть часа назад громогласно восхваляли его доблесть и щедрость. Теперь они свистели, топали ногами и изрыгали в его адрес ужасные проклятья. Прав был Эдип: Гермес поймел его, поймел как мальчишку. Теперь он уже ни капли не сомневался, что сам, добровольно, выколет себе глаза — иначе не избежать ему гораздо большей беды.

И тут, в самый напряженный момент драмы, на сцену вышел бог из машины или, как выразились бы некоторые прогрессивные европейские литераторы, роаяль из кустов.

— Остановитесь, несчастные! — раскатился по залу уверенный старческий голос.

Гермес раздраженно обернулся и замер, словно громом пораженный. В дверях стоял бывший царь Лай собственной персоной. На царе были драные джинсы с бахромой и вытертая на локтях кожаная куртка с большим круглым значком на лацкане: ДУМАЙ О СНЕГЕ. На плече у экс-царя висела матерчатая сумка с огромным вышитым пацификом посередине.

— Что вы делаете, кретины?! — спросил Лай, сурово оглядывая присутствующих. — Кого вы хотите сделать мифологическим персонажем? Это же подставное лицо, пустышка!

— О, горе, — простонал Иезайя, закрывая глаза от стыда. Он больше не мог выносить этот кошмар.

— Это ненастоящий Эдип! — продолжал кричать Лай, приближаясь к замершим во главе стола Гермесу и Марвину. — Это самозванец! Генетический же материал был взят у моего настоящего сына, который сейчас проживает на Гавайях и не только не спит со своей матерью, но даже в глаза ее никогда не видел! Вы все помешались, господа, если слушаете этого клоуна с крылышками!

— Твою двадцать! — заорал Гермес. — Кого же я сопровождал в преисподнюю вместо тебя, старый мошенник?

— Несчастного Леокада, — невозмутимо отвечивал бывший царь. — Ловко мы провели тебя, а, придурок? Хотел без лишнего шума убрать меня руками этого техасского идиота, а потом отправить следом и его самого? Дудки, мистер бог! — Он вытянул в направлении Гермеса крепко сложенную дулю и экспрессивно повертел ее в воздухе.

— Ты позволяешь себе слишком много, смертный, — процедил Гермес. — Надо полагать, ты заручился надежными покровителями, если разговариваешь со мной в таком тоне — или просто наивно надеешься, что эта публичная дерзость останется безнаказанной?

— Узнав, что имеется отличный повод поставить тебя на место, Гея сразу же подписалась за меня, — самодовольно заявил Лай.

— Тартар побери! — расстроился Гермес.

— Поэтому перед всем благородным собранием я заявляю, что был вынужден бежать, узнав о заговоре, чтобы спасти свою жизнь и достоинство, и теперь на вполне законных основаниях требую свое царство назад! — возгласил Лай.

— Опомнись, ты же до основания разрушаешь миф об Эдипе! — заскулил Гермес. — От меня Зевс мокрого места не оставит!

— Это твои проблемы, приятель, — с достоинством ответил Лай. — Я не собираюсь решать их за тебя.

— Что же ты, мистер, — с горькой укоризной обратился Марвин к бывшему царю. — Я же тебя, можно сказать, от неминуемой смерти спас, а ты меня теперь топишь в буквальном смысле слова!..

— Своя рубашка ближе к телу, — усмехнулся Лай. — Иббца оказалась совершеннейшей дырой. Я, похоже, перепутал ее с Ниццей. Президентских номеров в отелях нет, пляжи грязные, куда ни пойдешь — везде толпы каких-то немых волосатых бездельников, которые сидят на газонах, бренчат на гитарах и курят удивительную дрянь. Да и Барбарелла... Я к ней быстро охладел. За ногтями не ухаживает, готовить не умеет, валяется целыми днями на циновке и слушает Джимми Хендрикса. Нет, не так я себе представлял идиллию в рыбацком шалаше... — Он снова повернулся к беснующейся аудитории. — Итак, господа! Вы все прекрасно меня знаете. Кого вы поддержите в притязаниях на престол Фив — отпрыска древнего царского рода или этого безродного выскочку?

— Вообще-то судя по размаху пиров, которые закатывает новый царь, ему вполне присущи щедрость и благородство истинного владыки, — рассудительно заметил Персей, ковыряя в зубах бамбуковой зубочисткой.

— Низкий чревоугодник! — заверещал Лай. — Подумай как следует, сосед: это создает очень опасный прецедент! Если вы не вернете мне царство, Гермес решит, что ему все позволено. Ничто не помешает ему повернуть аналогичные банановые путчи в ваших полисах, поставив у власти своих людей из низшего сословия — бывших рабов, рыбаков и дальнобойщиков!

— Замолчи, вздорный старик! — прогремел Гермес. — Ты уже сказал достаточно, чтобы я немедленно испепелил тебя!

— Руки коротки! — отозвался Лай. — Ты, посланник олимпийцев, мальчишка на побегушках, который таскает Аресу любовные записки от Афродиты, но при этом корчит из себя древнее автохтонное божество! Интриган, который не видит дальше собственного носа и не может просчитать ситуацию хотя бы на два хода вперед, хитрец, которого я обвел вокруг пальца, как...

— Привет, папа.

— Сынок?! — страшно изумился Лай.

В дверях обеденного зала возник Эдип — в знакомых Иезайе за-

мызганных шортах, гавайской рубашке и камуфляжной рыбацкой панаме. В руках у него была сетка, наполненная чем-то темным и угловатым.

— Ага, он самый. — Эдип грохнул сеткой об пол, и из нее посыпались продолговатые коричневые бруски, похожие на куски хозяйственного мыла. — Это не твое, а?

— Нет. — Лай побледнел как полотно. — Я не торгую мылом.

— Брось, папаша. Ты прекрасно знаешь, что это не мыло. Это три килограмма толовых шашек, которые ты, старый вонючий скунс, заложил в двигатель моего катера. — Эдип повернулся к совершенно обалдевшей от такого количества сюжетных зигзагов аудитории. — Обратите внимание, господа! Ему мало было того, что я побрезговал убивать его, предпочтя бегство из Эллады кровавому фиванскому престолу. Этому хорьку мало было того, что я, sentimentalный идиот, предупредил его об опасности, исходящей от этого вот самозванца, который в настоящее время узурпировал царский трон. Нет, папочка решил дополнительно подстраховаться. Вдруг проклятие еще действует и он все еще рискует быть убитым мною?.. Убрать опасного сынка — и дело в шляпе! Да, кстати, благородные герои Эллады, совсем забыв представиться... Эдип из Коринфа, настоящий Эдип, кровный сын вот этого сморчка!

Русский драматург Гоголь потратил приблизительно полторы страницы убористого текста, чтобы описать немую сцену в финале своей пьесы «Ревизор». Для того, чтобы описать немую сцену, возникшую в пирушественном зале царского дворца в Фивах, бумаги понадобилось бы значительно больше.

— Ладно врать-то, — проскрипел в установившейся потрясенной тишине Лай. — Ты сбежал вовсе не потому, что внезапно воспыпал горячими сыновними чувствами к папаше, которого никогда в жизни не видел. Тебе просто не улыбалось остаток дней скитаться по Элладе с выколотыми глазами, как последнему бомжу! Даже предполагаемый инцест с матерью не вызвал у тебя сакрального ужаса, я думаю — ее ты тоже никогда не видел и вряд ли питал к ней родственное почтение...

— Клянусь Зевсом! — завопил Эдип. — Клянусь Зевсом, теперь эта цена уже не кажется мне чрезмерной, если за нее я смогу получить твою голову!.. — Оскалившись, он двинулся к отцу, нервно потирая волосатые руки. — Значит, для того, чтобы стать владыкой Фив, Эдип из Коринфа первым делом должен убить царя Лая? Отлично, отлично...

— Я уже не царь! — пискнул Лай. — И пока еще не царь! Остановите этого психа!.. — Он проворно нырнул за спины эллинских героев. — И потом, детка, царем тебе все равно не стать: Сфинкс-то уже погибла!

— Это ты так думаешь, сахарная голова, — раздался низкий джазовый баритон.

Лай и Гермес в ужасе повернулись к выбитым дверям — в дверном проеме, скрестив передние лапы на груди, стояла тетушка Сфинкс.

— Эй, вареная сгущенка! — сумрачно произнесла она. — Ты считать умеешь?

Гермес едва увернулся от брошенного чудовищем кейса. Пролетев через весь зал, чемоданчик загрохотал по гранитным плитам пола.

— А я умею! — зарычала Сфинкс. — Грязный латинос! Здесь ровно половина той суммы, на которую мы договаривались. Где остальное?!

— Вторую часть суммы я собирался выслать телеграфом в Венесуэлу, — заюлил Гермес. — Когда ты прибудешь на место.

— Ага, шас! — Львица уперла лапы в бока. — Об этом у нас разговора не было! Небось надеялся, что обнаружив это дело за пятнадцать минут до самолета, я не посмею вернуться и качать права?! Плохо ты меня знаешь, кофейный крем! Я древнее хтоническое чудовище! Я в молодости была одним из ключевых функционеров «Черных пантер», я общак держала! — Она незаметным кошачьим движением скакнула к Гермесу, ухватила его за тунику и начала бешено трясти, словно крысу. — Где деньги, божественная скотина? Да мы с Тифоном и Ехидной зажигали не по-детски, когда тебя еще и в проекте-то не было!

— Мама! — закричал несчастный бог торговцев.

Банкетный зал заполнил густой бас, сошедший с небес:

— Мама твоя, джуниор, давно умерла, но папа внимательно наблюдает за твоими проделками с Олимпа.

— Не приближайся ко мне, придурак! — завизжал Лай, выхватив пистолет и направив его на Эдипа, который все это время целеустремленно огибал пиршественный стол, стремясь добраться до паши.

— Серьезно? — комично удивился Эдип, вытаскивая руку из кармана. В руке у него была зажата граната с выдернутой чекой. — Ладно, не буду. Зоны осколочного поражения, думается мне, вполне достаточно. Знаешь, батя, мне ведь больше совершенно нечего терять. Все, что можно, ты у меня уже отобрал. И царство, и безмятежное будущее, и Барбарелла...

— Барбарелла! — выкрикнул Лай. — Так вот с кем она снюхалась! Это она выдала меня, маленькая дрянь!..

— Слушайте, вы, голубки! — загрохотала Сфинкс. В руках у нее появился портативный огнемёт советского производства. — Прекращайте свои семейные разборки! Вы мне мешаєте восстанавливать справедливость!..

Почувствовав, что в общей суматохе все о нем забыли, Иезайя Марвин бочком отступил к дверям, ведущим в дворцовую кухню, и когда оба царственных негодя набросились на Сфинкс с упреками, выскользнул из пиршественного зала. За спиной у него гулко бухнуло несколько выстрелов, оглушительно прогремел взрыв, и последним, что увидел Иезайя в клубах дыма, прежде чем выкатиться в коридор, был Гермес, который, отступив к кухне, молитвенно воздел к потолку свой кадуцей, а также черные фигуры спецназовцев, которые в ответ на его призыв стремительно спускались из-под купола по специальным фалам. Сбросив с плеч изгвазданную мантию, Марвин выбрался из дворца и бегом устремился к видневшемуся у горизонта скальному массиву.

Он бежал без отдыха почти час. Потом, давая себе лишь короткие передышки, карабкался по гладким камням, затем нашел горную тропу. Заночевал на перевале и всю ночь трясся от холода, сидя на корточках, потому что оставил зажигалку во дворце. Едва начали рассеиваться предрассветные сумерки, вновь кинулся бежать и к вечеру следующего дня оказался на заброшенной дороге, ведущей к мотелю Бейтса, в семистах метрах от своего грузовика.

Грузовик неплохо выдержал разлуку с хозяином, хотя аккумуляторы, конечно, пришлось менять. Пес системы лабрадор, как выяснилось, все это время прекрасно обходился без Иезайи — он охотился на кроликов в холмах и бегал на свадьбы к соседским собакам. Однако, когда его блудный хозяин вернулся, лабрадор совершенно искренне, по-детски обрадовался.

На этом эллинскую эпопею Иезайи Марвина можно считать законченной. Детский комплекс любви к матери и ревности к отцу теперь называют Аяксовым. Лая афинский арбитражный суд восстановил в царских правах, он по-прежнему правит Фивами и через четыре месяца собирается отправиться туристом на международную космическую станцию по линии Росавиакосмоса. Гермесу, как самому младшему и любимому ребенку Зевса, сошли с рук все его художества, несмотря на активное вмешательство Геры. Лаю Гермес публично пообещал веселую жизнь после того, как презренный царь Фив

изволит умереть; впрочем, на Олимпе у царя по-прежнему есть надежные заступники, и если он за отпущенное ему до смерти время сумеет не поссориться с ними, то в Царстве Мертвых ему не придется вечно катать в гору камень или наполнять бездонную бочку, как некоторым его бывшим собутыльникам. Контуженный Эдип убежал в Австралию и устроился спасателем на один из пляжей Канберры. Сфинкс все-таки выбила из Гермеса вторую часть денег, но в Венецуэлу не поехала, а отправилась в Лас-Вегас, от чего, несомненно, здорово выиграла, поскольку самолет, что должен был доставить ее в Каракас, потерпел необъяснимую катастрофу над Андами, в которой не выжил никто. В Лас-Вегасе же хтоническое чудовище растворилось столь искусно, что всякие ее следы потерялись; подозревают, впрочем, что она бежала на коммунистическую Кубу, где с полным чемоданом американских денег можно устроить себе вполне неплохую жизнь. Царица Иокаста некоторое время грустила по юному жеребчику Иезайе, но в конце концов утешилась, придя к выводу, что старый конь борозды не портит, к тому же Поликсен тоже оказался неслабым любовником.

Иезайя же Марвин по-прежнему живет в своей богом забытой Кананере, мотается на грузовике по всему Западному побережью и по субботам пьет пиво в заведении мамы Бейкер. Правда, теперь в его доме есть хозяйка — миссис Иезайя Марвин, в девичестве Мария-Луиза Хосефа Хуана Сапатеро младшая, чрезвычайно скромная и относительно красивая девушка. О своей странной и рискованной эллинской эскападе дальнбойщик вовсе не жалеет: он получил неплохой жизненный опыт, убедился еще раз на деле, что бесплатный сыр бывает только на помойке, и теперь ему будет что рассказать внукам на склоне жизненного пути. Омрачает его воспоминания одно: заветная бейсбольная бита с автографом питчера «Техасских рейнджеров», оставшаяся во дворце царя Лая.

Увы, он еще не знает, что на самом деле является второстепенным персонажем фильма «Атака пауков» и что его мученическая смерть в одном из эпизодов призвана позабавить пресыщенных американских кинозрителей. Впрочем, все мы смертны, и каждому назначен свой час, которого не избежать и не изменить; сопротивляться предначертанному столь же глупо, как пытаться чайной ложечкой срыть гору Килиманджаро. И дело тут, поверьте, вовсе не в ложечке; аминь, ребята.

В А Д И М К И Р П И Ч Ё В

МАГ В ДВЕНАДЦАТОМ

Иллюстрация Ларисы КОРОТЕНКО

ПОКОЛЕНИИ

Вдвенадцатом, говоришь? Отчего ж физиономия у тебя жуликоватая? Глазки бегают. И ты мне хочешь доказать, что эти камешки будут делать чудеса?

— Будут, уважаемый, не сомневайтесь, — я встряхнул лоток, и чуд-камни запищали, затрещали разноцветными искрами. — Алый чуд принесет карточную удачу на целый месяц, голубоватый — приворотный чуд, он поможет соблазнить любую красавицу, зеленый в крапинку отыщет клад или богатое местоорождение, а фиолетовый с бирюзовыми прожилками — это уникальный камень, он может...

— Не старайся, я вашу коммивояжерскую породу знаю. Меня, Наполеондора Тютика, не проведешь! Тридцать лет металлоломом торгую. Мне чугунную болванку вместо нержавеющей не всучить. И тебя, прохвоста, насквозь вижу! Этаким умником заявился сюда с Земли облапошить глупых провинциалов. Угадал?

Если честно, именно это я и собирался сделать, но, согласитесь, Тютик мог бы и поделикатней выразить свою мысль.

— Уважаемый Наполеондор, сразу видно: вы умнейший человек, но чудеса я продаю настоящие.

— Помолчи. Хочешь, я тебе покажу настоящее чудо? — Наполеондор повернулся к шикарному особняку, стоящему в глубине совершенно райского сада. — Здесь был пустырь, но тридцать лет тяжелого труда, экономии, пота, и чудо перед тобой. Труд — вот настоящее чудо, ежедневный, тяжелый...

Пока шла проповедь, я рассматривал этого самовлюбленного идиота. Рыжеватый, коренастый — вылитый орангутанг. Да еще в пошлой клетчатой рубашке. И зачем Голос послал меня сюда? Орангутангам чудеса ни к чему. Начудил сегодня Голос.

— Так что брось торговать чепухой, займись настоящим делом, землянин, и у тебя тоже будет такой дом.

Проповедь закончилась. Тратить время на Тютика я больше не собирался, но тут заметил двух молоденьких девушек, торопящихся в нашу сторону.

— Уважаемый Наполеондор, дом у вас действительно прекрасный. Не каждому дано построить такой дом, но я смотрю, и дочки у вас красавицы. Разрешите, я покажу им товар.

— Ни в коем...

Договорить он не успел, дочки уже перебирали камни, а я вовсю расписывал удивительные свойства чудов. На черном бархате лотка чуд-камни искрились диковинными, сказочными игрушками.

Старшая дочь Тютика, рыжеволосая девица лет двадцати, оказалась довольно бойкой. Младшая, брюнеточка-тихоня, держалась чуть в стороне.

— Папочка, купи мне синий камешек, гляди, искры так и прыгают! И этот тоже хочу! — капризничала старшая сестра. В ней гены уже начинали побеждать молодость.

— Хватит! — рявкнул в ответ папочка. — Какой-то шарлатан заявился с Земли, а вы и рты пораскрывали? Да вы знаете, сколько тысяч гулькенов он просит за один камень? Марш домой!

Девушки ушли. Почувствовав, что его карману ничто больше не угрожает, Тютик заулыбался:

— Ничего у тебя здесь не выйдет, пройдоха. Клокса — планета рабочая, простая, и мы твердо стоим на ногах. Так что сворачивайся, прячь свой мусор. И пусть твой стол сейчас же уберет копыто с моего газона!

— Это не стол, а ПК, персональный компьютер, мой помощник, кстати. У него даже имя есть — Пек, и между прочим, он разумен.

В подтверждение моих слов Пек установил на Тютиковом газоне и второе переднее колесо.

— Да плевать мне на то, как зовут твою мебель! Убирайся вместе со столом. А в город не суйся, я позабочусь, чтобы здесь ты не заработал ни единого гулькена!

Мы с Пеком поплелись прочь, и думал я как раз о гулькенах — так назывались местные деньги. Валюта смешная, бумажки вида нелепого, но если честно, гулькены — это единственное, что меня интересовало на Клоксе. Да и что еще может быть интересно умному человеку на убогой, промышленной, забытой Великим Чудесником планетке, затерявшейся на самой окраине Галактики?

Обычно гастроли на провинциальных планетах проходят на ура. Лучшей публики для торговли чудесами не сыскать, и доить ее одно удовольствие. Тогда зачем Голос развернул меня к дому Тютика? Намудрил Голос с выбором первого клиента. Тютик может все испортить. Такие, как он, гадают с наслаждением. И ведь не спросишь у Голоса ничего. Не ответит. Ну что за манера постоянно держать меня в напряге.

Я шелкнул «мышкой» по пиктограмме кресла, из столешницы поднялось кресло-седло, которое я тут же придавил своим задом. Шестеренки Пека жалобно зашуршали. Не любит он работать средством передвижения, видите ли, я ему логарифмы считать мешаю. Ничего, пусть терпит.

Дорожка свернула в парк.

Слепило солнце. Цвиринькали птички. Клумбы ласкали взгляд цветочками. Весна старалась вовсю, словно тоже хотела что-то продать.

Апрель. Идеальное время для торговли чудесами.

За спиной слышались частые шаги. Нас кто-то догонял, и я, кажется, догадывался, кто именно. Стук каблучков доносился уже из-за ближнего поворота.

Пек остановился, я привычным движением открыл лоток. К моему удивлению, из-за поворота показалась не старшая дочь Тютика, а младшая. Вот тебе и тихоня.

Впрочем, какая разница? На моей ладони заискрился приворотный чуд-камень. О каком другом чуде может мечтать весной восемнадцатилетняя девушка? Правильно?

Значит, и вы ошиблись. Подошедшая брюнеточка попросила продать совсем другое чудо.

Не без уважения посмотрев на девчонку и обеспокоенно зацокав языком, я стал копать в камешках: делал вид, что требуемый чуд-камень может и не найтись. Обычные торговые хитрости. А сам присматривался к девушке.

Губы сжаты, побелевшие пальцы вцепились в пухлый кошелек, вся, как струночка. Еще бы, судьба решается. С характером девчонка. Такая может и понять, что купить чуд-камень — это еще далеко не все.

Наконец нужный камешек нашелся. Она вырвала его из моих рук, взамен сунула пачку гулькенов и убежала. Еле успел вручить ей чек и инструкцию пользователя. Похоже, Наполеондора Тютика скоро ожидает большой сюрприз.

Потрепав пачкой гулькенов по колену Пека — на торговую удачу, я спрятал деньги в карман. Дело пошло, пора устраиваться на постой, пива холодненького принять. Ну и готовить массовую распродажу чудес. Не гоняться же по городу за каждой девчонкой.

Настроение понемногу улучшалось: грели душу гулькены, впереди — отдых. Неплохая планетка эта Клокса. Да если все чуды уйдут по такой цене, то до следующих гастролей жить можно припеваючи. Куплю Пеку новую пси-квантовую память, своей старухе шубу справлю из марсианской лесобурки, рвану отдохнуть на Ласковый Сюрприз, а то и на Нежную Развратилровку. Есть еще в Галактике лихие планеты!

Дорожка из парка вывела к перекрестку.

Налево — гостиница с баром, направо — библиоинфотека. На такой развилке и идиот сообразит, куда надо поворачивать.

Сквозь стекла гостиничного бара я уже различал белшапочные пивные кружки в руках официантов. Уф-ф. Притоптать на ходу ледя-

ную кружечку, устроиться в номер, а потом спуститься на первый этаж и заказать целый поднос белых шапок.

Щелчок «мышью» влево ничего не дал — стол повернул направо. Обожающий библиотеки Пек явно собрался испортить мне вечер.

Я спрыгнул на землю, ухватился, как за узду, за титанопластиковый провод «мыши» и принялся тащить компьютер в сторону бара. Компьютер упирался всеми четырьмя колесами.

— В чем дело, Пек?!

На экране Пек нарисовал озабоченную физиономию.

— Для эффективной чуд-торговли не хватает информации.

— Сколько можно? Ведь мы в столице Клохсы целый месяц в инфотеках просидели.

— Требуется корректировка местной инфой.

— Пива мне требуется! — дернул я изо всех сил за «мышь», но проклятая железяка и не думала сдаваться.

Я пыхтел, он дымил колесами, и на нас стали оборачиваться прохожие. А что тут такого? Ну ссорится хозяин со своим столом. С кем не бывает?

Протасив меня метра три, Пек вырвал «мышку» из моих рук и ласково завилал ею.

— Тит, — сказал он, — будь разумным. Информация — это основа чудесничанья. Вспомни, как нас чуть не догнали покупатели на Омикроне-17.

— Хорошо, катись в библиотеку сам.

— Нельзя, Тит, мы на провинциальной планете, вокруг полно тайных и явных расистов. Они не потерпят, чтобы компьютер расхаживал по городу без хозяина. Или ты хочешь, чтобы меня побили камнями?

— О-хо-хо...

До пива в этот день мне так и не удалось добраться.

Утром я отправился в церковь.

Лучше места для торговли чудесами не найти: аура соответствующая, да и народу можно собрать тучу. А согнанный в стадо народ глупеет, возбуждается, начинает бляеть и алкать чудес — тут не зевай, выхватывай ножницы и стриги гулькены.

Со священником мы быстро договорились. Пять минут — и храм арендован на два торговых дня с недельным интервалом между ними. Чудеса в оплату святой отец не взял, предпочел наличные — умнейший человек.

По дороге в гостиницу я приговорил три кружечки и, никуда уже не торопясь, гулял себе, изучал достопримечательности. Милый городиш-

ко. Есть в провинциальных городках свое очарование, особенно если ты уверен, что через несколько дней и духу твоего здесь не будет.

От пива ноги отяжелели, зато на душе стало легко, как у ангела. Разве что Тютик немного беспокоил. И зачем Голос привел меня к дому этого орангутанга?

Гостиничный лифт не работал, так что пришлось мне плестись пешком на пятый, верхний, этаж. Почему мы всегда снимаем номера на самом верхнем этаже, я потом объясню.

Узнав расписание торговых дней (первый — послезавтра, второй — через неделю после первого), Пек тут же распечатал десяток афиш, приглашающих в церковь на распродажу чудес, после чего мы взялись за доводку чуд-каменной.

О подробностях умолчу. Программирование чуд-каменной есть таинство, секрет любого мага и чудесника. Такие секреты в могилу уносят. Или — в металллом.

И зачем я вспомнил это слово?

В дверь заколотили кулаком. Потом — ногой. Снова кулаком, тяжелым. Рывкнули:

— Нашел я тебя! Отпирай сейчас же!

Открывать не хотелось, может, это вовсе и не меня нашли, но на всякий случай я спрятал чуд-камни. Мне бы еще и афиши догадаться прибрать.

Из-за двери рывкнули снова:

— Я знаю, ты здесь! Отпирай, прохвост!

Все-таки искали меня. Пришлось открыть, и в номер разъяренным орангутангом ворвался Наполеондор Тютик. Пытаясь ухватить меня за грудки, он орал:

— Верни мне дочь! Что ты сделал с моей дочерью, мошенник?

Пек быстро покотил в дальний угол — все эти чуд-гастроли изрядно подпортили нервы моему компьютеру.

— Какую дочь, уважаемый? Не видел я никакой дочери.

— Опять врешь! — На кровать полетел смятый чек. — А кто ей чудо продал?

— Ах чудо, так бы сразу и сказали. Только проданное чудо не повод, чтобы меня душить. Уберите лапы с горла, уважаемый, мы ведь цивилизованные люди.

На последние слова орангутанг только зарычал, но руки убрал.

— Что случилось с вашей дочерью?

— Она исчезла.

— Отлично!

— Что значит «отлично»? Нет, я тебя точно задушу!

— Подождите минуточку.

И я принялся втолковывать слегка озверевшему папаше, что за человек его дочь (отцы редко это понимают), объяснять, что его младшенькая, эта тихоня, давным-давно мечтает стать великой актрисой, но любые намеки на артистическую карьеру резко в семье пресекались. Так? Так. Поэтому она пыталась пробиться в театр тайком от родителей. Но безрезультатно. У нее нет таланта. Точнее, есть, но мелкий, ничтожный талантишко, с которым к успеху своими силами никак не пробиться.

— Все изменил чуд-камень. Он обеспечил ей вполне приличную артистическую карьеру. Вчера в городе закончились гастроли столичного театра, сегодня утром труппа уехала. Позвоните в театр, там скажут, что ваша дочь укатила вместе с ней. Или потерпите пару дней. Через два дня дочь пришлет вам телеграмму. А через два года, когда к ней придет первая слава, вы простите ее.

Тютик тяжело опустился на кровать, примяв афиши.

— Я мечтал, чтобы дочь продолжила мое дело, — сказал он наконец.

Дурак дураком. Юная девушка — продолжатель металлломного дела! Орангутанг, что с него взять.

— В общем так, прохвост, — Наполеондор поднялся, отшвырнул афиши, — убирайся из города немедленно. Твой грязный бизнес здесь не пройдет!

Я с трудом подавил зевок. Одни и те же слова, одни и те же угрозы. Великий Кудесник, сколько раз я их уже слышал...

— Не будем ссориться. Возьмите лучше по льготной цене чуд-камень, он вам...

Орангутанг ударил меня по руке, и запищавший от ужаса чуд полетел под кровать.

— Наглец, неужели ты думаешь, что Наполеондор Тютик купится на такую дешевку? Если мне понадобится чудо, я не к мошенникам пойду, а обращусь с молитвой прямо туда, — и он торжественно показал куда-то вверх. На потолок, наверное.

Сейчас бросится вон, подумал я.

Он бросился вон.

Сейчас грохнет дверь.

Дверь грохнула.

Я зевнул. Как все это скучно. Везде и всегда одно и то же: оскорбленные отцы, прозревшие мужья, ослепшие жены, глупые, алчущие всего и сразу подростки.

Видите ли, этот орангутанг попросит чуда в молитве! Будто у Великого Чудесника, занятого творением новых, дивных вселенных и миров, только и дел, что эксклюзивно нарушать законы природы, ради исполнения довольно-таки паскудненьких желаний торговца металлоломом по фамилии Тютик.

Страх Божий ко мне вернулся на улицах городка, куда я отправился клеить афиши. Мазал клей, раскатывал и давил бумагу, а сам все время оглядывался. Неудобно себя чувствовала моя спина; провинциалы любят простые решения: жахнет из-за угла обрез, и прощай, гастроль!

Из-за напряжения и лишних мыслей я у входа в гостиницу чуть было не попал под невесть откуда взявшегося циркового слона. Этого не хватало! Впрочем, в холле я сразу понял: слон — это мелкая неприятность. В кресле под фикусом сидел священник.

Святой отец вернул деньги, извинился за то, что не может предоставить мне храм в аренду, и посоветовал отказаться от распродажи чудес. Мол, влиятельные прихожане уже купили смолу и перья и готовят мне веселые проводы.

Смола, перья — что за варварская планетка! Да, слышал я, что когда-то неудачливых мошенников могли раздеть догола, вымазать смолой, обсыпать перьями и, привязав к шестам, носить по городу, стуча при этом в сковородки и улюлюкая, но ведь о такой дикости в нормальных галактиках забыли тысячу лет назад!

Пришлось опять тащиться по городу. Днем-то напасть на меня не посмеют. Наверное. А вместо церкви надо новое помещение искать.

Возле театра меня снова пытался растоптать все тот же слон.

Плохая примета.

Так и есть. В театре мне отказали в аренде зала наотрез — Тютик и здесь успел побывать. Недооценил я орангутанга.

Когда на перекрестке из-за угла на меня выскочил слон, я уже был абсолютно спокоен. Голос молчит. Слоны бегают. По переулкам крадется Тютик с друзьями, держа в руках обрезы, а в зубах портативные пакеты «Смола и Перья». Пока я думал в легком головокружении, что лучше: сойти с ума сразу или выпить кружечек восемь пива, меня и осенило. Эврика! Слон — это и есть решение главной проблемы! Быстрей, быстрей на базарную площадь!

Я не ошибся: там стоял цирк-шапито, рабочие забивали последние колья. Через полчаса мы с директором уже обмывали сделку. Он получил толстую пачку гулькенов, а я — помещение на два дня, причем вечернее время оставалось за цирком.

Когда я предупредил директора насчет Тютика, тот только почесал

волосатую грудь и захохотал. Житель столицы и бывший борец, он в этом захоластье никого не боялся. И то, если Тютик походил на орангутанга, то мой циркач — вылитая горилла. До наступления темноты я успел решить и проблему новых афиш. Их даже печатать не пришлось. Всех дел — купить краску и в слове «церковь» одну букву переправить и три замалевать.

Земля — Клохса по дороге на Астеропу! Только два раза!

Все ваши сокровенные мечты исполнит Тит — торговец настоящими чудесами и дипломированный маг в двенадцатом поколении!

Вход — свободный. Количество чудес ограничено!

Место распродажи — цирк.

Теперь либо я улечу с Клохсы с чемоданом гулькенов, либо меня вышвырнут из города в смоле и перьях под всеобщее улюлюканье.

Двумя кружечками пива в этот вечер я не ограничился.

Когда я появился на манеже в алом, усыпанном серебристыми звездами плаще чудесника, раздались аплодисменты. Следом выкатил Пек с лотком. Распродажа чудес началась.

Я воздел руку, и шум стал стихать.

Аншлаг. Обычная картина для гастролей в провинции. Лишь в первом ряду пустовало четыре места, и это мне активно не нравилось.

Все притихли. Можно начинать лекцию.

Когда втюхиваешь чудеса малограмотной публике, самое главное — набросать ей в мозги побольше ученых слов. Кубитовое супермоделирование, трансцендентная персональная футурология, акупунктура континуума — я сыпал терминами, и понемногу глаза клохсцев становились квадратными.

— Что есть чудо?! — внезапно возопил я (продажа чудес держится на темпе, напоре, неожиданности). — Я вам отвечу! Чудо — это не эксклюзивное нарушение законов природы в пользу частного лица, как считают многие, не покушение на основы мироздания, а совсем наоборот, чудо — это...

Четверку в длинных плащах я увидел сразу, как только они вошли, и в животе моем что-то оборвалось. Свободные места в первом ряду ждали Наполеондора Тютика и его дружков. Ну и морды. День теплый, а вся четверка в плащах до пят. Под такими можно спрятать и обрезы, и пакеты со смолой и перьями.

Голос по-прежнему молчал. Пек (трусливая электронная душа) покатил за кулисы, я еле успел сдернуть с него лоток с чудами и переставить на обычный стол. Я бы и сам рванул за компьютером, но не хотелось подставлять спину разбойной четверке.

Пришлось тянуть лекцию дальше, объяснять, что чудо есть виртуозное владение законами природы. Маг, чудесник не нарушает высших предписаний, но в полной мере их использует, а магические действия — акупунктура Вселенной в целях чуда. Сами же чуд-камни — это разумные динамические супермодели Вселенной, которые настраиваются на своего хозяина и подсказывают ему чуд-действия, в результате которых и свершается чудо.

Я сбивался и мямлил, и в цирке становилось шумно. Зритель, как собака, моментально чувствует трусость.

Заискрились, засверкали чуды на черном бархате — это я распахнул лоток. С лекцией надо было кончать.

— Богатство без труда, стопроцентный успех у женщин, не имея богатства, одномесячная удача в карты — все чудеса мира перед вами, вы можете купить любое! Сегодня ваш уникальный шанс... — завывал я, но перекричать публику не мог.

Перекричал ее спрыгнувший на манеж Тютик.

— Хватит! Сколько мы будем слушать эту ахиною? — он повернулся к народу. — Хотите, я в минуту докажу, что нас держат здесь за дураков? Что никакой он не маг, а обыкновенный прохвост и мошенник?

Народ взревел, а орангутанг повернулся ко мне.

— Скажи, прохвост, ты настоящий маг?

— Да. Я маг в двенадцатом поколении.

— И ты способен делать чудеса?

— Да. Я могу творить чудеса.

— Вы слышали? — Тютик воздел руки к жаждущей разоблачений публике. — Тогда ответь мне, прохвост: если ты маг, зачем тебе обирать этих людей? Молчишь? Тогда я отвечу. Будь ты настоящим магом, ты смог бы наколдовать себе любые деньги, а не пытался всучить фальшивые камешки. Ты бы жил в замке, а не охотился за кошельками простаков. И у тебя было бы лицо мудреца, а не рожа проходимца. Друзья, перед нами наглый мошенник! Давайте проводим его из города так, как мы выпроваживаем всех мошенников!

Зал взревел, а я стал пятиться к кулисам. Проклятый цирк, с манежа трудно смыться — за моей спиной уже прыгали через барьер жаждущие расправы горожане, отрезая путь к отступлению. Сейчас сорвут плащ и прочее, а там смола, перья... надо прорываться. Сбить с ног первого, вернуться от второго, оставить плащ в руках третьего...

СТОЯТЬ!

Загремел Голос у меня в голове.

Дальнейшее помню смутно, но видевшие меня в состоянии Голоса рассказывали, что в такие минуты я становлюсь на голову выше, моя плутовская физиономия превращается в апостольский лик, а речь... так способно вещать только небо.

О чем говорил? Об этом помню не больше, чем кукла на нитках помнит о своей роли. Кажется, о том, что логика чуда — это не логика торговли ржавым металлоломом. Чудесник есть поэт действия. А поэт способен десять лет зябнуть в подвале, питаясь водой и хлебом, лишь бы одарить мир дивными, волшебными строфами, которые согреют души миллионов. Истинная цель настоящего чудесника и мага — вовсе не чудо, которое он вскармливает кровью своего сердца, а человек, обретающий в чуде свою самую заветную мечту. И вот ради исполнения заветной мечты каждого...

Я так долго и убедительно нес всю эту чушь, что народ почти поверил. Выскочившие на манеж для скорой расправы энтузиасты вернулись на места. Настроение цирка замерло в равновесии, но Тютик, к счастью, этого не почувствовал. Он снова стал кричать о наглом мошеннике, о сказках для дураков.

Народ молчал, и нервы Тютика не выдержали: он изо всех сил ударил ногой по лотку. Жалобно запищавшие чуды разлетелись по арене. В душе я ликовал, но лицом окаменел и навернул на глаза точно выверенные по миллилитражу слезы.

Я ползал на коленях, собирал чуды, а этот дурак-орангутанг торжествовал. Он еще ничего не понял.

Поднявшись, я сделал вид, что ухожу, а потом повернулся к народу и еле слышно забормотал:

— Мы... ничего плохого... ради добра... собрались вместе...

Цирк затих. Народ уже сочувственно внимал моим словам.

Тогда я добавил голоса.

Заговорил о том, что нас собрало здесь общее стремление к счастью, желание встретиться с самим собой настоящим и наконец обрести чудо мечты, которое дается раз в жизни. О том, что мы все, собравшиеся в этом зале, никому не хотели зла.

Голос суфлировал, народ сочувственно молчал: самое время подпустить нотки благородного гнева. Я заговорил о том, что, когда собираются хорошие люди, всегда найдется какая-нибудь сволочь и попытается всё испортить.

Цирк зашумел, и теперь уже Тютик озирался, не зная, что делать. Я добавил еще благородства, усилил гнев, а когда народ заревел от негодования, повернулся к орангутангу и указал на выход:

— Убирайся отсюда!

Мало кто может выдержать обращенную на него ненависть толпы. Спотыкаясь, путаясь в плащах, Тютик с дружками бросились прочь, а я прокричал вслед:

— Торопись, Тютик! И проверь, на месте ли то, что ты закопал под яблоней! Вдруг там пусто!

Наполеондор посмотрел на меня совершенно безумными глазами и сгинул под свист и улюлюканье.

Началась самая легкая и приятная работа — швырять пачки гулькенов в саквояж.

Покупатели буквально сметали чуды. Учитывая спрос, на некоторые из камней пришлось устроить нечто вроде аукциона.

Вечная любовь, абсолютное здоровье без докторов и физзарядки, бесповоротный приворот, любовь за сказанную в глаза правду — гребли все. Какой-то местный пижон купил даже способность ходить пешком по водам — вещь в практической жизни совершенно бесполезную. Последний чуд приобрел фермер, симпатичный молчун с кирпичным лицом и в красной клетчатой рубашке. Наконец-то сбудется его мечта — задрать юбку бойкой на язык соседке.

Через полчаса я, Пек и раздувший бока саквояж были уже в гостинице.

Пек нервно постукивал колесом, а я лихорадочно набивал чемодан. Начинался заключительный и самый важный момент гастролей.

Хотелось думать о гулькенах, о том, как разгуляюсь на них, но я мечтам воли не давал. Сгребал в чемодан вещи, проверял документы, билеты и думал о гениальности Голоса. Ну и трюк он придумал — вышший пилотаж.

Голос направил меня к дому Тютика специально, он и хотел спровоцировать этого орангутанга на войну с нами, чтобы Тютик, как губка, вобрал в себя все недоверие горожан к столичным гастролерам, все их страхи и опасения. Но Тютика в городе не любили, поэтому мне и удалось в цирке уничтожить его, а с ним и недоверие народа к чудкамням, после чего клохсы, тряся пачками гулькенов, бросились расхватывать чудеса. Голос показал себя гением и в замысле, и в выборе «губки»...

Выглянул в коридор — никого. Мы с Пеком быстро взобрались на крышу, где нас уже поджидало воздушное такси. А где-то внизу возле афиши наверняка толпился народ; обсуждал первую распродажу, готовился ко второй...

Машина взлетела и взяла курс на самый дальний космопорт. Что

самое главное в профессии продавца чудес? Правильно — вовремя сесть на звездолет.

Прижимая саквояж к груди, я смотрел на город, задвигающийся за горизонт. Сколько таких городов я уже видел... В некоторых, наверное, до сих пор ждут второй распродажи чудес.

Не дождутся.

Чудо можно купить только раз в жизни, и качество чуд-камней здесь ни при чем. Виноваты владельцы. Их нетерпение, лень. Чуды требуют от своих хозяев чуд-действий, причем порой самых неожиданных. То надо выйти в полночь на балкон и сжечь три соколиных пера, то заклинание прочитать, а то и встать рано утром и пробежать километров восемь — мало ли что чуд может попросить, но именно чудодействие и есть ведущая к результату акупунктура тайных, ключевых точек Вселенной.

Поначалу хозяева чудов все исполняют, но при первых же успехах большинство из них начинают смотреть свысока на пишущие, требовательные камешки, о чуд-действиях забывают, чем сбивают тончайшие программные настройки чуд-камней. В итоге обиженные чуды умолкают навсегда, а их хозяева, привыкшие к легким успехам, бегут к нам с претензиями, а то и с гранатометами.

Безмянный город исчез за дымчатым горизонтом. Впереди — космопорт и Земля.

Светило солнце. Плескалась мелкая речная волна. Я стоял на коленях и занимался привычным делом.

За рекой сверкали башни клохского космопорта, а чуть ближе вдоль противоположного берега протянулся небольшой городок. Уютный, с черепичными крышами.

До рейса на Землю оставалось часов пять — достаточно времени, чтобы привести в порядок и себя, и Пека, поэтому я, не торопясь, тщательно мыл колеса своего хозяина.

Теперь можно раскрыть карты: Пек и есть мой хозяин, а я всего лишь его помощник. Сейчас домою левое заднее колесо и все объясню.

С появлением на Земле сверхразумных персональных компьютеров двенадцатого поколения у нас много чего интересного произошло. Первые сверхразумные ПК попытались было забрать власть в свои манипуляторы, но после Шанхайской катастрофы и битвы в Кремниевой долине для ПК двенадцатого поколения ввели строжайший запрет на манипуляторы и деньги. Однако средства к существованию Пекам как-то зарабатывать надо! Процессоры, память, устройства — все со временем требует замены...

Так на Земле появилась профессия помощников ПК. Ваш покорный слуга из них. С хозяином мне повезло. Сверхразумен, да еще и маг, умеющий программировать чуд-камни. Таких компьютеров даже среди ПК двенадцатого поколения немного.

Откуда у Пека способности мага? О, это интереснейшая история. Человек стал разумным и умелым благодаря наличию рук, а Пек стал магом из-за отсутствия манипуляторов. Лишенный орудий действия сверхразум был вынужден находить и вычислять такие микровоздействия (чуд-действия) на мир, которые приводят к настоящим чудесам. Ну и с помощью чуд-каменей продавать их людям.

Так, колеса вымыты, можно заняться собой. Достав магнит, я принялся извлекать из уха микрочип — источник Голоса. Кто управляет микрочипом, можно не объяснять, правда?

Покончив с чипом, взялся за лоток. Ба! — из-под бархатной складки сверкнул забытый чуд, класса «мелких универсальных чудес». Жалко. Кому его теперь всучишь?

Мимо прошла парочка влюбленных, не замечая никого вокруг. Ну, это народ бесполезный, не покупатель. Влюбленным чудеса ни к чему.

— Какая температура воды? — вдруг спросил Пек.

— Температура? Холодная. А в чем дело?

— Посмотри вверх, и если не хочешь искупаться, поторопись.

Я поднял голову. На мосту паренек лет семнадцати ладил на шею веревку со шлакоблоком.

В мои годы — и так бегать? Уф-ф. Зато ситуация беспроегрешная: и доброе дело можно сделать, и товар загнать.

— погоди, у меня для тебя чудо есть.

Парень вздрогнул от неожиданности и дико повел очами. В них горела вся вселенская скорбь. Волосы всклокочены. Лицо неинтересное. Понятно — поэт. Одно из двух: либо его стишки обругали в местной газетенке, либо красотка из параллельного класса предпочла, чтобы ее нездоровые прелести тискал капитан школьной футбольной команды, а не лучший поэт поселка.

— Что? Зачем? — спросил он.

— Дай отдышаться, сынок, и смотри сюда. Только для тебя. Эксклюзивное предложение. Бешеная скидка в связи с окончательной распродажей, полной ликвидацией предприятия и завершением гастролей! Продается универсальное чудо. Мировая слава без хлопот и позора, бескорыстная любовь красавицы, ну и так далее по списку. Купи, сынок, чудо! Не пожалейшь.

К О Н С Т А Н Т И Н А Р Б Е Н И Н

ЗАЯВКА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

НА ПОДВИГ

Саше Арбениной — любимой, жене, другу.

Ж

ил на свете рыцарь — не то чтобы бедный, а, скорее, среднего достатка. Звался он барон Николай. Жилось ему так себе, не очень хорошо, а виной всему — не-твердый характер и рассредоточенность. Этот рыцарь ни одного подвига не мог довести до конца. Начинал очень лихо, героически, а потом как-то сдувался, отвлекался на какую-нибудь даму сердца или на оружие (и в том, и в другом он хорошо разбирался и был страстный коллекционер) и пускал дело на самотек. Так что его благородные замыслы тихо сходили на нет.

Бывало, вызов на поединок негодяя, бросит ему в лицо перчатку, а утром проспит и в назначенный час на дуэль не явится. «Ничего, — думает, — я его, мерзавца, еще раз вызову да время-то попозже назначу, поближе к вечеру». А потом все никак не соберется еще перчаток купить, чтобы вызов сделать. Ну а затем выясняется, что уже другой рыцарь того негодяя давно заколол...

А еще вопиющий случай был. Завелся в округе лютый змей и стал похищать окрестных принцесс и герцогинь для бесстыдного пополнения своего гарема. Вот и вздумал барон Николай того змея наказать и пленниц освободить, растрюбил о своем намерении на весь свет, снарядил коня, вооружение на него повесил, доспехи надраил до блеска, а едва тронувшись в путь, вспомнил, что забыл провиантом запастись. Тогда притормозил он своего коня возле ближайшей продуктовой лавки, зашел в нее, но вместо покупок начал разводить разговоры с тамошней продавщицей. Как зацепился языком — так и все, пиши пропало! Змей ждет, принцессы и герцогини ждут, конь ждет, придворный оркестр — и тот ждет, репетирует туш в честь победителя. А рыцарь уже позабыл обо всем, до конца рабочего дня прошептался со своей продавщицей сердца. Вышел на двор — темно уже, конь куда-то запропастился, спать хочется. В итоге побрел горе-рыцарь домой, думает: завтра коня найду и по-новой в путь отправлюсь. А на завтра, понятное дело, запал уже пропал, настроение не боевое, ну и прочие уважительные причины... Хорошо еще, конь у него ученый был, сам дорогу домой находил. Да еще то хорошо, что змей нынче гуманный пошел: принцессам и герцогиням создает приемлемые условия, такие, что те нормально плен переносят, а некоторые и вовсе от свободы отказываются. И потом, среди рыцарей немалая ныне конкуренция — нашлось, кому змея-похитителя покарать и славу завоевать.

И уж совсем опозорился барон Николай с крестовым походом. И главное — ведь сам всех знакомых рыцарей взгоношил: «Идемте, — говорит, — на неделю в крестовый поход!». Те оживились, укомплектовали рюкзаки и палатки, простились с дамами сердца. А рыцарь накануне выхода вспомнил вдруг, что в этот день футбол показывают — чемпионат феодальных округов! «Ну ладно, — думает, — я только посмотрю самое начало, как там бретонцы с нормандцами сыграют, и нагоню своих». Сел, усталился в чудо-ящик, да так неделю и не вылезал из замка!

Словом, все рыцари как рыцари, а наш неумеха и разгильдяй; все больше дома сидит, а если выползет куда, то еще хуже получается. Домой возвращается ни с чем, щетиной заросший, лицом опухший, латы вечно помяты очередной дамой сердца или ее законным мужем. Словом, не рыцарь, а какой-то вечный бой. Старушки, которые возле его замка яйцом торговали, так и прозвали его: бой-рыцарь.

Вот таким балбесом протянул барон Николай до сорока лет, порастерял на своем ратном пути обе коллекции, врагов себе не завел, друзей распугал — и на день рождения остался в полном одиночестве. Призадумался о жизни своей бестолковой. «Мне бы, — вздыхает, — хоть бы один подвиг до конца довести! Хоть бы один свой геройский замысел осуществить!» Повздыхал-повздыхал, покручинился — и почувствовал вдруг всем своим нутром, что на этом присказка его закончилась, а значит, пора бы уже начаться и сказке. С горя выпил он лишнего и пошел на улицу куролесы куролесить: искать драконов или еще кого-нибудь, с кем можно сразиться. То есть пошел своей сказке навстречу.

Неизвестно точно, что же там произошло ночью — было это началом сказки или еще быль заканчивалась, — а только утром следующего дня обнаружился наш новорожденный рыцарь в кусте шиповника под стеной своего трехкомнатного замка. Меч его был выгнут скрепкой, а латы измяты, как яичная скорлупа. Судя по всему, он все-таки сразился с какими-то местными разбойниками.

И так случилось, что одна молодая незамужняя женщина по имени донья Маня, которая проживала тут же неподалеку, отправилась этим утром купить полтора десятка яиц, пока не кончились деньги. Купила и смотрит — лежит в кустах рыцарь. Она и стала спрашивать:

— Чей это рыцарь? Кто рыцаря обронил?

А старушки, которые яйцом торговали, говорят:

— Да это ничейный рыцарь. Это ж бой-рыцарь, он никому не нужен — ни на размен, ни на сдачу.

— Как это — не нужен? — удивилась женщина. — Мне рыцарь очень даже пригодится.

Старушки ее отговаривать принялись:

— Оставь, красавица, с ним только морока на голову, это ж бракованный рыцарь, шалопут, ни одного подвига до конца не совершил!

А донья Маня на них цыкнула, ухватила рыцаря под мышки — хватка у нее ничего себе была — и утащила к себе в дом, да так ловко, что ни одного купленного яйца не побила по дороге.

Проспался барон Николай, пришел в сознание, а донья Маня растворила ему кофе, приготовила яичницу. Он и размяк — стал о своей жизни рассказывать да на судьбу пенять.

— Это не беда, — говорит ему донья Маня, — что ты подвиги до конца не доводишь. Некоторые вообще их и не начинают: считают, что геройство — пережиток. Так что не отчаивайся, не все у тебя потеряно, твоя сказка еще только начинается. И вообще: тебе сказочно повезло, что ты со мной повстречался. Вот я за тебя возьмусь — так ты такое совершишь, о чем другие рыцари и мечтать не пробуют!

— Нет, — возражает рыцарь, — мне дамы сердца не нужны больше, от них только суета и нервозность. Мне другое нужно — оруженосца бы, я б тогда горы свернул.

— Хорошо, — говорит девушка. — Я твоей дамой сердца станювится вовсе и не собиралась — была бы охота! А насчет оруженосца... это можно попробовать. Так и быть, бой-рыцарь, буду твоей оруженоской, дело хорошее.

— Оруженоской? — изумляется рыцарь. — А время у тебя есть? Подвиги, знаешь ли, дело небystрое.

— Время есть, — отвечает донья Маня. — Я учительницей младших классов работаю в бюргерской школе, и сейчас у меня как раз летние каникулы.

— Тогда по рукам!

Согласился барон Николай на такой альянс и по этому случаю у своей оруженоски еще чашечку растворимого кофе попросил — больно вкусный!

А допив кофе, почувствовал он насущную необходимость принять душ или даже ванну. Донья Маня выдала ему полотенце и махровый халат, но предупредила, что вода у нее только холодная — горячую-то опять отключили.

— Ну да это не беда, — добавляет, — ты ж рыцарь, тебе закаляться полезно.

Барон Николай на это заявление такую ухмылку поперек лица изобразил, что самому во рту кисло стало.

— Нет, — говорит, — это не дело — доблестному рыцарю в холодной воде плескаться. Пойдем лучше ко мне, у меня в замке газовая колонка, горячая вода круглый год без перебоев.

Оруженоска на него посмотрела с укоризной и говорит:

— Вот теперь мне все ясно. Поэтому ты, друг ситный, и не доводишь до конца свои подвиги: ты, оказывается, эгоист. Думаешь только о себе, чтобы только тебе хорошо было! А горячей воды, между прочим, во всем нашем городке нет! И вот что я тебе скажу на правах верной рыцарской оруженоски: ты должен всем горожанам — твоим, между прочим, соседям — прийти на помощь и воду горячую в их дома вернуть! И это будет твой первый личный подвиг, который — при активной моей поддержке, разумеется — ты доведешь до самого логического завершения. Понял?

— Как это? — огорчается рыцарь. — Прямо вот так, с места в карьер? Не успели познакомиться — и сразу за подвиги?

— Подвиги не ждут, — твердо заявила донья Маня и втолкнула барона Николая в ванную. — А чтобы лучше прочувствовать неотложность экспедиции, не ерпенься, залезай сейчас же под холодный душ и раз и навсегда забудь обо всех газовых колонках на свете. Закаляйся, бой-рыцарь мой, барон Николай. А я пока у старушек выпрошу, в каком направлении нам ту горячую воду искать.

Через полчаса барон Николай из ванной вышел, весь покрасневшийся, взбодрившийся, в оранжевом донья-манином халате похожий на перезрелый персик. Тут и оруженоска вернулась.

— Значит, так, — говорит, — я все, что нам нужно, узнала. Горячей воды нет, потому что из городской котельной похищена важнейшая деталь — Золотой Вентиль. Без этого Вентиля гномы-водопроводчики воду включить не могут. А украл его злостный великан по имени Аноним Имярекович Псевдонимов. Ничего о нем больше не известно, кроме того, что он этот Вентиль крадет каждое лето и этим своим воровством сильно достал всех жителей нашего города, они его на чем свет стоят ругают.

— И что же мы будем делать? — интересуется рыцарь.

— План такой: идем его искать, вызываем на поединок, побеждаем, забираем Золотой Вентиль, возвращаемся, врубаем горячую воду. После чего ставим памятную зарубку на твоих латах. Если, конечно,

такую зарубку не поставит тебе Аноним Имярекович на чем-нибудь другом.

— И всего-то! — горячится рыцарь. — Это запросто, делов на три дня, не больше... Вот только не опасно ли?

— Опасно, — отвечает оруженоска. — Еще как опасно! А ты чего хотел — безопасных подвигов?

Рыцарь нахмурился, пошарил вокруг себя руками.

— Да нет, — говорит. — А кстати, где мои латы?

— Я их в кузню сдала, мастера у меня там знакомые: отстучат к завтрашнему утру, вот тогда и в путь отправимся.

Рыцарь походил из угла в угол, еще чем-то озадачился.

— А как же я великана на поединок вызывать буду? — размышляет. — У меня ж ни одной перчатки не осталось — все по негодьям раскидал! Есть только кухонная рукавица, горячие кастрюли хватать, но она мне дорога как память, мне ее одна дама сердца подарила... У тебя перчатки лишней не найдется?

— Ну хватит ерунду болтать, — перебивает донья Маня. — Без перчаток обойдемся, слава Богу, не в каменном веке живем, не в античности — средневековье на дворе! Повесткой его вызовем: время, место, что иметь при себе, вместо печати — черная метка. Сразу явится, как миленький, знаю я этих прохвостов!

На том и порешили.

Утром оруженоска сбегала к кузнецу, получила отремонтированные латы, восстановленный меч да на обратном пути взяла в прокат ослика. Приготовила завтрак, разбудила барона Николая и заставила его сделать зарядку. Пока пять раз не отжался, в кухню его не пускала — с рыцарями только так и надо. Потом из рыцарского замка забрали оставшееся оружие, погрузили его на осла, туда же — два тюка с консервами и бутербродами. Коня поклажей нагружать не стали: рыцарь от долгого сидения дома тяжеловат сделался, а конь наоборот, отошал на вольных хлебах — в пору бы рыцарю коня-то на себе тащить.

— Я, — говорит оруженоска рыцарю, — помимо твоего вооружения еще линейку взяла.

— Какую линейку? — зеваёт барон Николай.

— Обыкновенную, школьную. Я этим видом оружия очень хорошо владею, — проверенная вещь, надежная.

И тронулись в путь — сонный рыцарь на коне да его оруженоска на навьюченном под завязку ослике. Поехали искать великана Анонима Имярековича.

Однако не так-то просто оказалось на его след напасть. Целых пять дней колесили по горам да по лесам, переносили тяготы и лишения рыцарской жизни. Оруженоске с бароном Николаем нелегко пришлось, он совсем форму потерял, ныл постоянно: то ему не так, это ему не то, вода в озере нефильТРованная, яблоки на яблоне немые, в пустыне ему жарко, в пещере холодно, в ручье мокро — ох, и привереда! И все время домой повернуть норовил, донья Маня еле его сдерживала, вперед толкала, пару раз даже линейкой по затылку шлепнула для профилактики.

Наконец в одном селении из-под полы приобрели запрещенный путеводитель «Леса, горы и пещеры средневековья» с картой-схемой. Таких путеводителей когда-то много выпущено было, но потом их по приказанию самого короля Артура Артуровича сожгли — как издание, приоткрывающее постороннему глазу военные тайны королевства. Только несколько экземпляров у спекулянтов-первопечатников осталось, вот один из них донья Маня и выменяла на банку единорогового паштета. Там, на этой карте-схеме, и обнаружили наши герои среди прочих достопримечательностей обиталище злостного великана Псевдонимова А.И., подходить к которому в путеводителе настоятельно не рекомендовалось.

Еще два дня добирались до означенного пункта, чуть было не заблудились: у барона Николая ко всему прочему обнаружился топографический кретинизм, а он сознаться в том долго не решался, пока вообще не зашли в тупик; что же касается компаса, то с ним рыцарь и вообще обращаться не умел. Только донья Маня ситуацию спасла — взяла компас в свои умелые руки, обозвала рыцаря «двочником» и вернула экспедицию в нужное русло.

Сказка-то скоро сказывается, да не скоро подвиг совершается. Вот наконец достигли рыцарь и его оруженоска ворот великанского замка. Кругом скалы и трава по пояс. Высокий частокол из острых бревен, ворота, на воротах — почтовый ящик величиной с человеческую дверь. Разбили наши герои возле ворот палаточный лагерь, барон Николай от усталости сразу уснул крепким рыцарским сном, а донья Маня выписала хозяину замка повестку, в которой обязала его явиться с вещами и личным оружием на поединок завтра утром, в 9:00, на территорию прилегающего к замку заброшенного баскетбольного поля. Нарисовала череп и кости для устрашения, поставила школьную печать и опустила повестку в ящик. И уж только потом спать легла, да и то вполглаза, всю ночь настороже была, за рыцаря своего пере-

живала. А утром проснулась ни свет ни заря, приготовила легкий походный завтрак, потом, как обычно, растолкала рыцаря и отсчитала с него за завтрак пятнадцать отжиманий.

Вышли на заброшенное баскетбольное поле, стали ждать противника. В 9:00 нет великана. И в 9:15 нет. Наконец, в 9:35 смотрят — бежит, торопится.

Прибежал, в одной руке чемодан какой-то, в другой давешняя посылка. Говорит, тяжело дыша:

— Извините, проспал... — и протягивает повестку: — Великан Псевдонимов Аноним Имярекович по вашей повестке явился собственной персоной.

— Так-так, — говорит оруженоска. — Какой вид оружия предпочитаете?

— Позвольте для начала узнать, с кем имею честь сражаться? — спрашивает великан.

— Барон Николай, рыцарь, — объясняет донья Маня. — Девиз написан на щите.

— Я, извините, в латыни не силен.

— Это не латынь, — говорит оруженоска, — просто у данного рыцаря с родным языком плохо и трояк с минусом по правописанию. У вас какое зрение?

— У меня дальновзоркость, плюс два.

— Вот поэтому вы и не можете прочесть. А если бы у вас была близорукость, минус три, вы бы прочли с легкостью. Читаться это должно так: «Подвиг — дело небыстрое».

Сказала, а рыцарю своему шепчет:

— Мелковат великан, не впечатляет. Спорим, ты его с трех ударов в нокаут отправишь?

— Спорим, — кивает рыцарь и берет ее руку в свою. — Со второго.

А великан и правда невелик собой, всего в два с половиной человеческих роста; по великанским меркам — ниже среднего. Да и мышцами не особо рельефен, плечи тоже узковаты, в общем и целом — ничего страшного нет.

— Мы тут поспорили, — говорит великану оруженоска, — разбейте нас, пожалуйста.

И подставляют спорщики Псевдонимову свои сцепленные в рукопожатии руки. Великан кивнул, размахнулся да, разбивая, ногтем задел бароново ухо. Вроде и не особо сильный удар был, да только рыцарь так сразу навзничь и пал без сознания, только латы зазвенели.

— Я не хотел! — кричит великан Псевдонимов. — Я случайно!

— Да ты что ж, ирод, творишь! — набросилась на него донья Маня. — Еще оружие не выбрали, а он уже тумачи раздаст! Сейчас дисквалифицирую и победу барону Николаю сразу запишу, верзила такой!

А великан Псевдонимов аж покраснел — он же действительно не хотел, он и вправду случайно рыцаря задел, больно уж рука у него тяжелая. Он оруженоску успокаивает, оглушенного пальцем теребит, чтобы в сознание пришел.

— Не лезь, — отталкивает тот палец донья Маня, — тоже мне помощник выискался!

Слава Богу, рыцарь быстро в сознание пришел, а то бы несдобровать великану Псевдонимову.

— В общем, это не считается, — говорит оруженоска и рыцарю своему подняться помогает.

— Хорошо, хорошо, — соглашается великан.

Донья Маня развела поединщиков в разные углы поля, сама посередине встала.

— Значит так, — говорит. — Вам, господин Псевдонимов, засчитываются два штрафных очка — за опоздание и за фальстарт. Ясно? Но, как вызванная сторона, вы имеете право выбирать оружие. Ну? Какое оружие выбираете?

— Оружие у меня одно, — говорит великан. — Я дубину предпочитаю, необработанную, стоеросовую. Вот у меня как раз дуэльный наборчик с собой захвачен.

И выставляет на обозрение большущий футляр чемоданного типа, в котором аккуратно — одна к другой — уложены две сучковатые дубинищи. Барон Николай как увидел эти предметы, так всем остовом своим покачнулся, даже доспехи у него похолодели, но делать нечего — правила есть правила. Донья Маня дубины осмотрела внимательно, прощупала сучки.

— Хорошо, — говорит, — принимается. Берите дубины и вставайте друг против друга. Сражаться будем до нокаута.

Помогла она рыцарю забраться на коня — он и стал с великаном практически одного роста. Дала ему в руки дубину — едва дотянула ее из футляра до рыцаря. Потом взяла в руки свисток, сосредоточилась, подает команды:

— Лупить начинаем по свистку. Все понятно? Псевдонимов, спину не горбите! Барон Николай, ворон не лови, на противника гляди!

Досчитала до трех — свистнула. Оба поединщика замахнулись да как съездят дубинами друг по другу. От первого удара рыцарь с коня слетел, а великан где стоял, там и сел.

— Отлично, — кричит донья Маня, а сама от увиденного морщится. — Давайте, давайте, не расслабляться!

Конь рыцарский накала не выдержал, в сторонку отошел, прилег отдохнуть на травку. Поднялись обе стороны на ноги, плюнули на свои ладони, дубины покрепче перехватили.

— Может, хватит? — кряхтит рыцарь.

— Разговорчики во время боя! — командует оруженоска. — Сходимся, сходимся, — а сама глаза жмурит от страха.

Размахнулись... Барон Николай великану снизу вверх заехал, только челюсть чуток набок свернул, а тот его сверху вниз шибанул — по пояс в землю вогнал.

Пока рыцарь равновесие свое восстанавливал, великан Псевдонимов пощупал челюсть рукой, вставил ее на прежнее место, сплюнул и говорит:

— Давайте-ка, ребята, на этом закончим поединок, а то, чего доброго, еще действительно до нокаута дело дойдет. А я шибко сомневаюсь — надо ли? Ежели я этого доблестного незаслуженного рыцаря следующим ударом в землю забью по шляпку, то его уже потом выкопать навряд ли удастся — почва тут плотная, каменистая.

Донья Маня смотрит на картину боя задумчиво, слова великановы в уме взвешивает. А барон Николай торсом извивается, щит бросил и все пытается свой шлем на голове поправить — он от удара сплюснулся и сквозь смятые прорези не видать ничего. Великан подошел к рыцарю, достал из кармана великанскую бутылочную открывалку, помог рыцарю шлем снять. Покатился шлем по камням, как консервная банка, да куда-то в расщелину канул. Великан взглядом его проводил, присел рядом с рыцарем, закурил трубку великанскую.

— Перекур, ребята, — говорит.

Донья Маня ухватила рыцаря своего под мышки, да что-то трудно идет — очень прочно он в землю вошел, будто не гвоздем его вбивали, а шурупом закручивали.

— Вы бы лучше, ребята, объяснили, — говорит великан, — по какому такому злодейскому поведению я вам понадобился. Что вам нужно от меня? Почто деремса-сражаемся не на живот, а до полного нокаута? Может быть, я и так готов на уступки пойти, без мордобоя. Рукоприкладство, ребята, не метод, это я вам как злодей со стажем говорю.

— А то ты не знаешь, — подает голос вкрученный в землю барон Николай, — по какому поводу мы к тебе явились!

— Не знаю, ребята, — пускает дым великан. — Много за мной злодейств числится.

— Да ну, — не верит донья Маня. — Неужто много? А так по вам и не скажешь, приличный великан. Если б не курили, у меня б вообще о вас хорошее мнение сложилось.

— Злодейств-то много, — вздыхает великан Псевдонимов, — да только ни одно из них не закончено. Ведь я, ребята, не простой злодей, а злодей-неудачник. Ни одной своей пакости до конца довести не могу, представляете! Не получается, и все тут — хоть плачь!

И рукой махнул — опечалился. Рыцарь и оруженоска переглянулись, посмотрели друг на друга многозначительно, со смыслом.

А великан продолжает рассказывать:

— Берусь за несколько пакостей одновременно, потом все путаю, отвлекаюсь... Всех врагов подвожу, всем сподвижникам мешаю...

— Нам, — говорит барон Николай, — Золотой Вентиль нужен, который ты у добрых горожан похитил. Помнишь такой или от обилия злодейств позабыл?

— А, — говорит великан, — это... Вот что вам, оказывается, нужно! Ну, с этим Вентилем вообще история...

— А в чем дело-то? — спрашивает оруженоска. — На что он вам сдался?

— Да не мне он сдался, — вздыхает великан. — Есть у меня дружок один, дракон Жора, ему лет сто назад какой-то заезжий рыцарь в неравном поединке зуб такой же вот дубинкой выбил — самый рабочий зуб, резец жевательный. А зубных врачей дракон Жора ужас как боится, не летит новый зуб вставлять, вот и перебивается уже сотню лет супчиками да жидкими кашками, без мяса совсем отощал, с морды спал. Зимой-то еще ничего, зимой-то он в спячку впадает, а по весне просыпается и начинает со страшной силой выть от вегетарианской своей тоски. Так воеет, бедолага, так воеет! За триста верст слышно. Я терплю, терплю, а потом не выдерживаю, ребята, срываюсь с места и отправляюсь дружку своему Жоре золото на зуб добывать. А Вентиль этот и по весу подходящий, и не охраняет его никто особо, вот я по привычке-то все его и тягаю, поскольку дело проверенное.

— Ну а дальше-то что? — спрашивает донья Маня.

— Дальше как получается? А так, что Вентиль — это ж еще не зуб, это только полдела. Его надо переплавлять, выковывать, вставлять... А мне ох как лень всем этим заниматься. Нет, поначалу-то я загораюсь,

раздуваю горн, строю планы, как я этот зуб сделаю да дракону Жоре подарю... А потом как-то гасну. И знаете, что еще: сомнения меня терзать начинают. И вот какого плана сомнения. Я ж злодей, стало быть, совершать должен злые дела, а другу помочь — это ж доброе дело! Так?

— Да, — говорит барон Николай, — дело оно доброе, но людям-то ты зло причиняешь, оставляешь их без горячей воды — ни себя не помыть, ни посуду!

— Вот то-то и оно! — напирает великан. — И что получается? Получается неразрешимое противоречие! Одним — зло, другим — добро; это уже двурушничество какое-то, лицемерие! А это не мой профиль: я злодей, но никак не лицемер. Вот я от этого противоречия мучаюсь-мучаюсь, маюсь-маюсь, а там, глядишь, возьму ваш Золотой Вентиль и отнесу его обратно, где взял — от греха подальше, чтоб совесть злодейская меня по ночам не ела. Тем более, что у меня к тому времени куча других неотложных злодейств накапливается, не до зуба мне... И так уже в течение многих-многих лет эта история со мной повторяется: будто в замкнутом кругу живу, ребята!

— Ерунда какая-то, — говорит оруженоска.

— Не то слово, — кивает великан, встает и цепляет барона Николая пальцами под мышки. — Давай-ка подсоблю...

Ухнул — и вытянул рыцаря из почвы. Барон Николай сразу на щит присел, ботфорты скинул, портянки размотал — ноги у него затекли сильно. Оруженоска ему пальцы массировать принялась, а сама с великаном разговор продолжает:

— Все это поправить можно, — говорит, — нет в мире безвыходных ситуаций. Пора бы вам это знать, не маленький уже.

И посмотрела на него снизу вверх. Великан плечами пожал, трубку табаком заправил. А оруженоска продолжает:

— Я вот знаю одного рыцаря, у которого — хоть он и не великан — та же проблема: не может ни одного подвига до конца довести.

Псевдонимов уши наострил, заинтересовался. Да и рыцарь тоже на оруженоску с таким вниманием уставился, будто ушам своим не верит и читает по губам.

— Ну и как? Чем дело кончилось? — спрашивает великан с пристрастием.

— Да не кончилось еще, — продолжает оруженоска, — но уже огромные подвижки произошли. Один подвиг, считай, почти до конца довел. А все почему: поверил в себя, в свои силы. В нужность свою поверил. Ну и человек рядом нашелся, который его поддержал и подтолкнул в правильную сторону.

— А, — великан махнул рукой, трубку выбивать стал. — У меня такого человека нет. Тут ни одной живой души, лишь камни да земляные червяки. И потом — я в нужность своих злодеяний ну никак поверить не могу. Кому они нужны, ребята?

— Вот и прекрасно. Так, может, вам вообще злодеяния забросить и заняться чем-нибудь другим? Чем-нибудь, к чему у вас сердце лежит и душа тянется, в нужность чего вы готовы поверить.

— Ну как же я все это хозяйство брошу! — сокрушается великан. — Вы подумайте: сколько злодеяний! Я столько сил в них вложил, да что там сил — душу я в них вложил! А вы говорите — бросить. Нет, мои дорогие, не годится.

— Во что душа вложена, то незавершенным остаться не может, — говорит ему донья Маня. — Душа — она только в целостном предмете обитает, в недоделках души нет.

— Да? — задумался великан. — Правда?

— Правда, — говорит оруженоска. — И все эти недопеченные злодеяния вытягивают из вас душу, потому что хочется им одушевиться за чужой счет. Вот вам пример: наш педагогический коллектив въехал осенью в новое здание, а школу ту сдали с недоделками! Так дети в ней учиться не могут, учителя учить не могут, розги вянут, завхоз заведовать не в состоянии! Все друг другу душу выматывают, а почему — потому что это не школа, а полуфабрикат! Вот и получается, что недоделка — сама по себе уже есть злодеяство. Кстати, и недоделанный подвиг — это чистой воды злодеяство.

— А недоделанное злодеяство, стало быть, подвиг? — удивляется великан. — Так выходит?

— Может, и так, — говорит донья Маня. — Хотя это не факт.

— Эй, погодите, — встречает в разговор рыцарь. — Я что-то уже ничего не понимаю. — Про что вы говорите? Дети-то здесь при чем? Вы лучше скажите мне, кому победа-то засчитывается? Кто бой выиграл? Или мы не закончили еще?

— Ничья, — объявляет оруженоска. — Когда двое встретились, из которых ни один закончить не может, то побеждает дружба. Так что подайте друг другу руки и скажите так: «Мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться...»

— А Вентиль? — не унимается рыцарь. — Руку подать мне не жалко, но как же с Вентилем-то быть?

— Да отдам я тебе твой Вентиль, успокойся, — говорит великан, забирая рыцарскую ручонку в свою великанскую лапищу. — Легкая у тебя рука, парень! Мне бы такую руку, я б давно все начинания за-

кончил... На складе он у меня лежит, цел и невредим, сейчас пойду принесу.

Ноги у великана Псевдонимова длинные — шустро он обернулся. Как обещал, принес Золотой Вентиль в целости и сохранности, даже в какую-то промасленную бумагу завернутый, даже и прокладка на нем почти новая, но не золотая, а просто резиновая.

— Распишитесь, — говорит, — в ведомости.

— Это зачем? — удивляется рыцарь.

— Для злодейской отчетности, — отвечает великан. — Хотя это и ерунда, все равно носом чувствую, попрут меня скоро из злодеев за разбазаривание награбленного, попрут — и даже злодейской пенсии не дадут!

— А вы тогда к нам приходите, — говорит оруженоска. — Мы вас в рыцари примем, экстерном; оруженосочку вам найдем. Мужчина вы статный, с руками, с головой. Опять же поболтаем — о подвигах и злодействах.

— Точно, — поддакивает барон Николай. — У меня замок есть, малогабаритный, но трехкомнатный, он сейчас пустой стоит. Я-то вот теперь с доньей Маней в спартанских условиях закаляюсь... Забрасывай, браток, свои недоделанные злодейства — и айда к нам. У нас с тобой, Аноним Имярекович, общего много: будет, о чем речи вести.

Великан свою большую голову почесал, глянул куда-то за леса, за горы, в сторону города и говорит:

— Подумаю, ребята. Подумаю. Заманчиво...

* * *

Обратная дорога вроде как вдвое короче показалась — донья Маня сразу компас себе взяла, барону Николаю восьмерки на пересеченной местности выписывать не позволила. В пути о многом говорили: оруженоска рыцарю в основном все о школе да о средневековой педагогике, а тот ей все про футбол да про оружие всякое.

— Кстати, — говорит донья Маня, — линейку, выходит, я зря брала; не понадобилась она в бою-то.

— Ну как же! — возражает рыцарь. — Если б ты меня в дороге линейкой не закалила, я бы тех дубинных ударов не выдержал.

Прежде чем домой вернуться, заехали в котельную. За бутылку «Круглостольной» гномы-водопроводчики вставили Золотой Вентиль куда следует и пустили воду горячую.

— Ну вот, — говорит донья Маня, — и поставлена в твоём подвиге точка. Теперь и заручку делать можно. Только это подвиг — не

подвиг еще, а так, подвижок. Подвиг, сдается мне, впереди еще. Но все равно: с почином тебя, бой-рыцарь мой, барон Николай.

— Первый подвиг комом, — соглашается барон Николай, — но все-таки...

Как приехали домой, первым делом рыцарь в теплую ванну залег. Оруженоска тоже ванну приняла, насладились всеми прелестями завершенного ее рыцарем подвига. После водных процедур сели в халатах кофе пить. И все бы хорошо, да только донья Маня уже о следующих подвигах толкует, строит героические прожекты, намечает объекты будущих опасных сражений и смертельных схваток. У нее этих подвигов на уме — ну просто не перечесать, готова сразу после кофе собираться в следующую экспедицию. Барона Николая такая ретивость несколько огорчила, но поскольку он очень доволен был в этот момент собою и всем вокруг, то позволил себе не сердиться на оруженоску, а ограничился небольшим порицанием.

— Дорогая... — начал он было это порицание, но осекся, смутился и поспешил поправиться: — Дорогая оруженоска, разве не заслужил я после всех свершений хотя бы вечер отдыха? Так сказать, для тех, кому за сорок. Сегодня, видишь ли, «Лангедок» с «Гасконцем» играют, четвертьфинал, очень хочу посмотреть. А?

— Ну ладно уж, — махнула рукой донья Маня. — Отдыхай до завтра, но помни: еще много подвигов у нас впереди. Враги не дремлют — то воду отключат, то подъезд загадят, то еще чего, у меня целый список составлен. Всем им теперь житья не дадим, не будь я оруженоска славного рыцаря! Смотри свой дурацкий футбол, а я пока за яйцами схожу, неплохо бы нам учинить праздничный ужин.

И пошла за яйцами. Едва успела: старушки-торговки палатки свои сворачивают, домой торопятся.

— Ой, милая, — говорят, — давай скорее, а то там воду горячую дали, бежим мыться!

А еще спрашивают:

— Как там наш бой-рыцарь поживает-то? Что-то его не видно, небось выкинуть пришлось?

— Да нет, неплохо поживает, — отвечает донья Маня. — Я из этого боя второй сорт сделала.

— Ну! — удивляются старушки. — А первый сорт из второго сможешь сделать?

— А что, попробую. Все в наших руках.

ПИРАТТРАКЦИОН

Этот фильм уже в самом начале своей прокатной истории умудрился побить сразу несколько рекордов — никогда еще сборы за первый день проката и за первый уик-энд не были такими значительными. Попробуем разобраться в феномене — как, в общем, рядовой сиквел рядового фильма смог настолько обогатить компанию Уолта Диснея.

На самом деле «Пираты Карибского моря» — это аттракцион в Диснейленде. Его более полувека назад придумал сам Дисней (правда, увидеть аттракцион в «натуре» великий аниматор не успел). Посетителей сажают в лодки и везут по пещере, полной неожиданностей, — скелетов, флибустьеров, водопадов, стреляющих пушек. По слухам, изначально Дисней задумывал продемонстрировать пиратское грехопадение по всем семи пунктам, но потом, учитывая юный возраст большинства посетителей шоу, один из грехов — похоть — был ликвидирован. Подобные «пещеры страха» в разных тематических вариациях существуют почти в каждой парке развлечений. Но лишь такой мощной и уверенной в себе медийной коммерческой структуре, как компания Диснея, могло прийти в голову снимать по мотивам

аттракциона высокобюджетный кинофильм. И в 2003 году на экраны вышли «Пираты Карибского моря: Проклятие «Черной жемчужины» режиссера Гора Вербински.

В принципе, фильм вполне мог пройти незамеченным (о пиратах снимается немало), спокойно окупиться в прокате и трансформироваться в диснеевский мульт- или телесериал. Однако успех картины превзошел все ожидания. И причина этого — не обилие экранного моря, солнца, драк, шпаг, парусов; не традиционный для фильмов компании мягкий юмор; не мистическая сюжетная линия, редкая для пиратского кино; не участие восходящих звезд Орlando Блума и Киры Найтли; и даже не обилие спецэффектов — удачнейший образ капитана Джека Воробья. Образ, в котором удивительно сочетаются подлость и благородство, роман-

тичность и цинизм, трусость и способность к самопожертвованию, прагматизм и бесшабашность, алчность и презрение к богатству...

Джонни Депп, которому мы обязаны появлением такого обаятельного персонажа, никогда в жизни не снимался в сиквелах. Актерская многогранность, логическая завершенность его воплощений, ориентация на кино, скорее, некоммерческое, тому причиной. Но тут — угостили. Еще бы! Во второй раз войдя в образ Джека Воробья, Джонни Депп впервые вошел в узкий «клуб двадцатимиллионников» — актеров, чей гонорар за съемки превышает 20 млн долларов. При этом чувствуется, что ничего нового в свой самостоятельно придуманный образ Депп не привнес — Джек Воробей такой же, как и в первом фильме: экранный имидж и манер знаменитого гитариста «Роллинг Стоунз» Кита Ричардса*.

Вторая часть получила подзаголовок «Сундук мертвеца» и снята по всем кинематографическим законам сиквелов: помимо главных героев первой ленты, в продолжение «переехали» и самые симпатичные второстепенные персонажи. Появились и новые действующие лица. Капитан «Летучего голландца» Дэви Джонс, которому Воробей задолжал свою бессмертную душу, не менее харизматичен, особенно, когда играет на органе: для человека-осьминога это дет-

ская забава. Да и матросы «летучего голландца» весьма импозантны, хотя порой чересчур натуралистичны для семейного фильма.

Сюжет незамысловат, но при этом в нем слишком много поворотов: складывается впечатление, что сценаристы умышленно загоняли себя в логические ловушки, дабы (с разной степенью успеха) из них выбираться. В результате — отличие от первого фильма здесь финал полностью открыт. А режиссер Гор Вербински, параллельно второй части снимавший уже и эпизоды из третьей (премьера — май 2007-го, рабочее название «Конец света»), делал это «вслепую», не имея под рукой более или менее законченного сценария.

Тем не менее в результате зрелище получилось занимательным, персонажи — живыми, трюки, драки и погони — впечатляющими. Отсюда и кассовый успех сиквела. Только солнца и моря в нем поменьше, чем в первой части, и выглядит лента мрачнее.

Тем временем начала работать и «обратная связь» кино и жизни. Пираты из кинофильмов перебрались в породивший эти фильмы аттракцион: в день премьеры «Сундука мертвеца» в пещерах Диснейленда обосновались двойники пиратских капитанов — Воробья, Барбоссы, Дэви Джонса...

Дмитрий БАЙКАЛОВ

** Самому Ричардсу, довольному подобной ситуацией, была предложена маленькая роль в сиквеле, однако не сложилось... (Прим. авт.)*

ЗЕРКАЛЬНАЯ МАСКА

(MIRORMASK)

Производство компании Jim Henson Productions, Destination Films и Samuel Goldwyn Films LLC (Великобритания — США), 2005.

Режиссер Дэйв Маккин.

В ролях: Стефани Леонидас, Джейсон Барри, Роб Брайдон, Стив Фрай и др. 1 ч. 41 мин.

Какая же это тоска — работать в цирке! Когда тебе уже пятнадцать, а вся жизнь проходит мимо, и мир видишь только с арены или из окошка циркового вагончика. Хелен невообразимо скучно. Она рисует угловатые, корявые картинки и мечтает выбраться из однообразной действительности в мир своих грез. Для нее он более реален, чем тот, где родители и цирк. Однажды, после жуткой семейной ссоры, мама Хелен заболевает, и дочка винит в этом себя. Тогда-то, заснув, девушка оказывается в стране своих фантазий, стране, где ее рисунки вполне реальны. Там живут и грифоны, и сфинксы, и летающие обезьяны, и плавающие в воздухе рыбы, а фолианты «работают» транспортом. Здесь все принимают Хелен за Принцессу — точнее, ее злобное отражение, возникшее в реальном мире. Девушка находится в эпицентре борьбы Добра и Зла и должна найти единственную вещь, способную вылечить Белую Королеву — Зеркальную Маску, заодно избавив иную реальность от полного исчезновения.

Сценарий Нила Геймана, написанный совместно с режиссером ленты Дейвом Маккином, несомненно, навеян «Алисой в Стране Чудес» и «Алисой в Зазеркалье». Эта психоделическая фантазия наполнена элементами классической рисованной мультипликации (аляповатыми и грубо, от руки, нарисованными набросками), сложными компьютерными спецэффектами — но подобная мешанина не выглядит разностильной. Невообразимые существа, будто сошедшие с полотен Босха, и нелепые кособокие здания, навевающие ассоциации с работами Сальвадора Дали, визуально создают немного пугающую, но по-волшебному легкую и даже карнавальную атмосферу. Фильм очень напоминает «Лабиринт» и «Темный Кристалл» — сказки покойного Джима Хенсона, чья компания и занималась производством этой ленты. Возможно, сюжет картины покажется детям слишком мрачным, а взрослым — несколько простоватым, но в чем нельзя отказать создателям — в визуальной изобретательности.

Вячеслав ЯШИН

МИНОТАВР

(MINOTAUR)

Производство компаний LionsGate Films и др.

(Великобритания—Германия—Испания—Люксембург—США), 2005.

Режиссер Джонатан Инглиш.

В ролях: Том Харди, Мишель ван дер Уотер, Тони Тодд,

Рутгер Хауэр и др. 1 ч. 33 мин.

Зрителям, интересующимся мифами Древней Греции, фильмы подобного рода смотреть возбраняется. Сплошное расстройство. Одно дело, если бы это снимал Голливуд, постоянно передергивающий хрестоматийные факты. Но Европа!.. Вместо получеловека-полубыка зрителю предложили гигантское парнокопытное, в котором нет ничего людского. Да и сам Лабиринт — огромная пещера, куда на откорм чудовищу раз в несколько лет скидывают десяток юношей и девушек.

Кстати, героя эллинского эпоса теперь зовут вовсе не Тесей. Создатели ленты укоротили имя героя до Тео. Длинноволосый и небритый, одетый в рубище, он избавит всех от страшного Минотавра, изменит местечковую религию и опять все будет не «по истории». На подобные дела Тео подвигло не желание избавить людей от монстра, а влечение к девушке Фионе, отданной на растерзание чудовищу. О подвиге он лишь потом догадался. Собственно говоря, на его месте мог быть каждый.

Да и Ариадна, чья хрестоматийная нить вообще не упоминается, превратилась почему-то в Рафаэllu...

Фильм, несмотря на странный сюжет, снят довольно прилично. Правда, убогие пещеры, декорированные под Лабиринт, раздражают. Как и игра половины актеров.

Но кто уж добросовестно отработал свой гонорар — так это Рутгер Хауэр в роли отца Тео, вождя пелопонесского племени; жаль, на экране мистер Хауэр появляется лишь в начале фильма. А также Тони Тодд в роли жестокого царя — кстати, вовсе не Миноса, как вы уже, наверное, догадались.

Достаточно в фильме и экшена, особенно во второй половине. Рев быка и трясущиеся стены пещеры вполне могут привести зрителя в шоковое состояние. И заставить посочувствовать главному герою этого боевика — самому Минотавру. Сделан он, кстати, весьма неплохо. Для собирателей кинотварей он станет достойным экспонатом в коллекции.

Алексей АРХИПОВ

СКОЛЬЗЯЩИЙ

(SLITHER)

Производство компаний Gold Circle Films, Brightlight Pict., Strike Entert. и Universal Pict. (США), 2006.

Режиссер Джеймс Ганн.

В ролях: Майкл Рукер, Натан Филлион, Элизабет Бенкс, Грегг Хенри и др. 1 ч. 36 мин.

Реанимация жанра зомби-хоррора идет полным ходом. После увлекательной британской пародии «Шон из мертвецов» и американского римейка «Рассвета мертвецов» сценарист последнего, Джеймс Ганн, снял еще одну юморную трешевую ленту. На этот раз Ганн, получивший известность в сотрудничестве с чернушной студией Tronka, удачно собрал актерский ансамбль и предоставил публике зрелище в духе ужастиков второй половины прошлого века. Тут угадываются и «Нечто» Карпентера, и «Чужие», и «Вторжение похитителей тел», и ромеровские зомби...

Из глубин космоса на Землю сваливается метеорит с инопланетной жизнью и вселяется в тело Гранта, крутого парня из провинциального американского городка (Майкл Рукер, «Шестой день», «Хроники Риддика»). После этого Грант становится своеобразной фабрикой по переработке обывателей в инопланетных монстров-мутантов и вечно голодных зомби. Метод заражения прост до отвращения — выплевывание гадких слизняков в сторону жертвы: пара минут судорог — и монстр-зомби готов. Голодный, постоянно жрущий мясо — от собачек, коров и замороженных бифштексов до человечины.

Красавица жена склизкого и вонючего осьминогоподобного Гранта — Старла (Э.Бенкс) — в мутанта не превращается. И вкупе с местным шерифом Биллом Парди (Натан Филлион, «Миссия Серенити») выступает на защиту городка от инопланетной заразы... На помощь им приходят придурак-мэр и девчужка, не сдавшаяся под напором желающего сожрать ее слизняка (название фильма «Slither» можно перевести как «Слизняк»).

Фильм смотрится живо — по-видимому, оттого, что столь бесцеремонное обращение со зрителем режиссеры редко могут себе позволить. Все события выглядят настолько примитивными и привычными, что срабатывает правило «второго свидания». Добавьте немного юмора, узнаваемые характеры героев — и получается неплохая пародия на ленты категории «В». Забавно до примитива.

Вячеслав ЯШИН

У ХОЛМОВ ЕСТЬ ГЛАЗА

(THE HILLS HAVE EYES)

Производство компании Craven-Maddalena Films, 2006.

Режиссер Александр Ажа.

В ролях: Аарон Стенфорд, Тед Левайн, Дэн Бирду и др. 1ч. 47 мин.

Создается впечатление, что в кинематографе пойдут на все, лишь бы конвейер по производству «ужастиков» не останавливался никогда. Пусть в какой-то момент не сыскать ничего свежего, интересного — всегда есть выход: римейки. Старшее поколение ностальгически вспомнит о том, как боялось в молодости, а «новая генерация» воспримет фильм как нечто оригинальное. Хотя что может быть оригинального в набивших оскомину приемчиках, разработанных десятилетия назад?

В 1977 году Уэс Крейвен снял ленту «У холмов есть глаза». Уже тогда фильм не блистал новизной — тем не менее (скорее всего, благодаря красивому названию) он вошел в современную культурологическую линейку хоррора. Классиком жанра стал и сам Крейвен. Но все равно не совсем понятно, зачем было затевать римейк? Пусть Крейвен уже не режиссер, а лишь продюсер (постановку осуществил молодой француз Александр Ажа), однако никакого нового визуального решения фильм не предполагает — спецэффекты вставлять просто некуда. Да и сценарию оригинального фильма Ажа — не забывая, кто продюсер — следует строго, внося лишь небольшие правки, а иногда чисто по-европейски, незаметно для массового заокеанского зрителя, иронизируя над американской классикой. Единственное серьезное отклонение — мутанты живут не в пещерах, а в странном городке, полном автомобильных «трупов» и манекенов. Но надо же европейскому режиссеру продемонстрировать стиль!

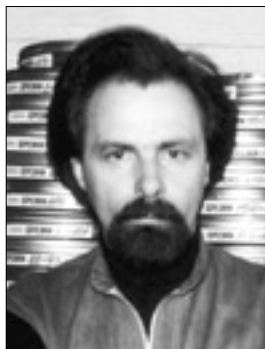
Сюжет прост до оскомины. Многочисленная американская семья, путешествующая в доме на колесах, заблудилась и оказалась в центре пустыни, где когда-то проводились ядерные испытания. И подверглась нападению не менее многочисленной семьи радиоактивных мутантов-людоедов. Зрителю надо лишь угадать, кого из семейки пришьют первым, вторым и т.д., а кто выживет и перебьет ужасающих монстров...

В 1985 году Уэс Крейвен снял «У холмов есть глаза — 2»... С мутантами воевали уже заблудившиеся байкеры. Сейчас все делается быстрее — скорее всего, не за горами и римейк сиквела, как бы нелепо ни звучало это сочетание.

Тимофей ОЗЕРОВ

ДВА ГАДКИХ ЛЕБЕДЯ ПОСЛЕ РАБОТЫ

Осенью в прокат выходит фильм по мотивам повести братьев Стругацких «Гадкие лебеди». Режиссер картины Константин Лопушанский и сценарист писатель-фантаст Вячеслав Рыбаков уже не первый раз работают в тандеме: их лента 1986 года «Письма мертвого человека» уже вошел в анналы отечественной кинофантастики. Специально для нашего журнала впечатлениями о снятых картинах, а также своими взглядами на кино режиссер и сценарист решили поделиться оригинальным образом — в форме беседы между собой.

К. Л.: Прежде чем ты начнешь спрашивать, спрошу я. Вот ты сейчас посмотрел замечательную картину «Гадкие лебеди». Что-нибудь можешь сказать?

В. Р.: Костя, у меня пока нет связанного впечатления, а мое мнение по частностям тебя вряд ли заинтересует.

К. Л.: Нет, но все же...

В. Р.: У меня часто возникало ощущение неестественности, психологической или профессиональной недостоверности интонаций и реплик. Но ведь для тебя это ничего не должно значить, у меня и от фильмов Тарковского такое же чувство. И мы тут с тобой опять где-то на равных — года три назад один мой коллега мне сказал: «Знаешь, тебя так же неприятно читать, как Солженицына»... Ну,

например, у тебя несколько раз подряд повторяется выражение «энергетический удар»...

К. Л.: Рыбаков, мать-перемать! Что ты несешь? Тебе показали громадное полотно, десять на пятнадцать метров — а ты нос воткнул в холст и бубнишь: вот тут краска облуплена, вот тут ворсинка торчит...

В. Р.: Костя, блин! Я тебе с самого начала сказал: не пытай меня! Сейчас, по первому разу, я не мог твой фильм смотреть иначе, как только регистрируя: что уцелело из того, что хотел сказать я.

К. Л.: Да кому какая разница, что ты хотел!

В. Р.: Это понятно. Режиссер — ты, и, когда мы работаем, я всегда помню: я написал диалоги для придуманных тобой или нами вме-

сте сцен — и ушел, а тебе потом их под себя приспособлявать, потому что картину снимать именно тебе. Но если бы я чего-то сам для себя от фильма не хотел, я вообще ничего не смог бы написать. В том числе и того, что пригодилось и помогло тебе!

К. Л.: М-да. Ну, наверное... Тебе надо еще минимум дважды посмотреть фильм, спокойно. И забудь, что ты имел к нему какое-то отношение.

В. Р.: Это нетрудно.

К. Л.: Не хами!

В. Р.: Ты будешь отвечать на вопросы или нет?

К. Л.: Ладно, поехали.

В. Р.: Слава Богу. Итак. Прошло, между прочим, ровно двадцать лет с тех пор, как на экраны вышел фильм «Письма мертвого человека». И двадцать три года с тех пор, как мы познакомились. Вообще-то люди столько не живут — но мы не только выжили, но даже ухитрились не поругаться вусмерть, и не прошло и двух десятков лет, как на экраны снова выходит фильм, над которым мы на определенной стадии работали вместе. Что ты помнишь от того апреля-мая восемьдесят третьего года?

К. Л.: Я полагаю, встреч случайных не бывает, и то, что судьба нас свела — а я ей благодарен за то, что она нас свела... Это было не зря, потому что сотрудничество оказалось чрезвычайно успешным. Отчасти и потому, что мы бы-

ли тогда в одинаковом положении: мы только начинали каждый свой путь, рискуя всем, понимая, что можно и не войти в мир искусства, оказаться выброшенными... И в общем, взявшись тогда за эту безумную идею, мы сильно рисковали и карьерой, и головой, чем угодно. И вот это безумие двух молодых идиотов — это было самое приятное. Воспоминания у меня о том времени замечательные... Должен сказать, что работа писателя в кино, с режиссером, который сам пишет — как я, — дело очень тяжелое, и не каждый может в нее войти. Для этого надо очень друг другу доверять. На фильме работает много людей, каждый кладет свой кирпичик — но есть все-таки архитектор: режиссер. К сожалению, слово довольно мало значит в кино, текстовые структуры режиссером меняются, переписываются, переставляются местами, выбрасываются... Не каждый писатель это может выдержать. А тут как-то получилось. Притирались, притирались — и вроде бы притерлись...

В. Р.: Меня в свое время очень резануло, когда ты во время работы над одним из вариантов сценария к «Лебедям» бабахнул: а неважно, что они там говорят, речь — это же просто музыка, звуковое оформление... Для меня, человека, который идет от текста, — это бред. Более того, очень претенциозный бред!

К. А.: Вот интересная вещь: меня многие критики обвиняли в литературоцентричности, я в свое время очень большое внимание уделял слову, и когда писал для себя сценарии, невероятно долго бился над формулировками, репликами, вытачивал их. А потом стал придавать этому все меньшее значение. Кино сильно сдвинулось к образу, к движению, речь — лишь одна из красок. Отчасти даже жалко, что оно отвернулось от высокого искусства слова... Но факт: эстетика сменилась.

В. Р.: Вот еще из прошлого. Ты этого коснулся — мы же были никто, у меня четыре рассказика в периодике, у тебя получасовой дебютный фильм. И все! И после этого сразу — «Письма». Такой ошеломляющий успех! И возникло, конечно, некое завистливое недовольство, даже недоверие. Я до сих пор с ним сталкиваюсь. То на гостевую ко мне поведется какой-нибудь штатный злопыхатель, который со знанием дела начинает всем сообщать: за Рыбакова все диалоги в «Письмах» Стругацкий написал. То Ярмольник в своей телеигре задаст загадку: фантастический фильм по сценарию братьев Стругацких, причем ответ: «Письма мертвого человека». Ты никогда с таким не сталкивался?

К. А.: Да на каждом шагу!

В. Р.: Что «Письма» за тебя снял, например, Герман...

К. А.: Нет, таких глупостей никто не говорил. Зачем бы Герман стал этим заниматься, у него своих дел хватает. Но, конечно, были попытки разобраться, как это так вдруг молодой режиссер подобное сделал, наверное, Герман ему помогал. Ну, конечно. Герман помогал — просто спасал от растерзания, как и Аранович помогал...

В. Р.: Ну, как и Борис Натанович буквально ручался за нас в официальном порядке...

К. А.: Уверю тебя, я дряни нахлебался. Очень много людей просто не понимают специфики кино. Говорят, например: ну, вот, там же у Лопушанского Ролан Быков — Быков за него все и сделал. Что можно ответить? Я с большой нежностью отношусь к памяти великого актера Ролана Быкова, которого я безумно люблю. Ну как я стану возражать, ведь тем самым я как бы начну оскорблять и унижать его. И вот попадаешь в жуткую моральную ситуацию. Хотя ясно же, что на площадке, если кто-то не делает того, что сказал режиссер, хоть гвоздь один вобьют не там, где велено — никакого кина не будет! Там же у нас, помнишь, пытались запускать интригу: нет, это Рыбаков написал, а Лопушанский себе приписал; нет, это Лопушанский написал, а Рыбаков себе приписал... Вот что тут надо отметить. Не хочу говорить тебе комплименты, но у тебя есть

умение приносить себя в жертву. Понятно же, что если писатель что-то написал, для него это свято. Вот сейчас ты уже маститый, знаменитый, и тут я тебе говорю: слушай сюжет, надо так и так, и ни на шаг в сторону — расстрел. Пиши. Ты сидишь неделю, мучаешься, пишешь, приносишь — тут я говорю: понимаешь, Слава, давай все это выкинем и напишем иначе. Какой писатель это выдержит?

В. Р.: Больше всего мне понравилась одна твоя реплика позапрошлым летом, когда после бесплодных попыток тебя убедить, что этого писать не надо — ты ж никогда не слушаешь, если загорелся, — я вот именно так неделю из себя выдавливал, пытался как-то пристойно написать, что ты требовал, что-то совершенно противоположное, и чего-то даже достиг, очеловечил как-то... Приношу тебе, ты читаешь и сообщаем мне: «Да, я с самого начала подзревал, что так нельзя — а теперь в этом окончательно убедился».

К. А.: Помню, как ты высказывал из дому, бежал по улице, а я за тобой: вернись, я все прощу! Знаешь, меня часто спрашивают: зачем вам писатель, вы же сами пишете. И я им объясняю: это часть работы. Для того, чтобы понять, прожить, это надо создать! Но на пленке создать нельзя, это же немереные деньги будут — снимать, потом выкидывать. А на бумаге можно, тем более именно когда

это делает хороший писатель, который каждый вариант в себе проживает... Получается кусок реальности, который мне нужен, с которым я потом работаю, интерпретирую, переосмысливаю.

В. Р.: Так. Вот были «Письма» — фильм, который сильно нашумел. Вот «Лебеди»...

К. А.: Тоже нашумят.

В. Р.: Да хоть нагремят! Я этому, конечно, обрадуюсь — но, скажу по совести, очень удивлюсь... Был «Посетитель музея», который тоже можно отнести к фантастике.

К. А.: Но это уж без тебя.

В. Р.: Я сейчас исключительно о тебе.

К. А.: «Посетитель», да... Ну я все-таки называю его жанрово: религиозная драма.

В. Р.: Это мало кому важно. Я для ван Зайчика в свое время тоже красивый подзаголовок придумал — этнокарнавальный роман. Читателям такие определения до лампочки. Я вот что хочу спросить: почему фантастика? Ведь ты относишься к ней безо всякой симпатии, никогда не увлекался и весьма неуверенно себя чувствуешь, когда речь заходит о том, что действительно называют фантастикой. И персонажи у тебя именно в фантастических коллизиях говорят наименее уверенно и убедительно. Чего же тебе не хватает в реалистическом кино? Почему время от времени тебя из реальности выносит? Я очень хорошо знаю, чего

мне не хватает, и хотя меня коллеги, собственно, фантастом уже и не считают, тем не менее мне в реальном мире тесно, пресно, скучно. Нужно создавать свои миры, а уж потом разыгрывать в них свои коллизии и драмы — в твоих собственных, специальных мирах на раскрытие этих коллизий миры сами по себе будут работать. Как сами по себе уже играют, уже значимы Российская империя в «Гравилете», распавшаяся Россия из «Будущего года» или, скажем, Ордусь... А вот чего не хватает тебе?

К. Л.: То, что мы называем в быту для краткости фантастикой — это возможность гораздо более метафорического прочтения, осмысления реальности. Я бы мог назвать этот жанр сюрреалистической драмой, но это не будет понято ни продюсером, ни теми, кто деньги дает, и только насторожит. Узкий круг ценителей скажет: ах, как тонко, а остальные зрители побегут куда подальше. Тут ведь граница очень размытая, Булгаков, в конце концов, тоже фантаст. Жанр философского осмысления реальности — да. Жанр метафорического преувеличения, которое позволяет создать образ гораздо более придуманный, тем самым — изысканный, гораздо более авторский, связанный с какими-то слепками глубин именно твоего сознания, которое, конечно, дает сюрреалистическую

картину мира, но в ней есть метафора, которая позволяет осмыслить гораздо больше и гораздо глубже. Вот это, наверное, меня и ведет в жанр, где соединяется авторское кино и поиск верного изображения, потому что чем дальше, тем больше я стараюсь все выразить... ну, не через визуальный ряд, но через образы, скажем так.

В. Р.: Откуда вообще пришла мысль делать фильм именно по «Гадким лебедям»? Я помню, несколько лет назад, когда мы писали в итоге никуда не пошедший сценарий, то в одном из разговоров перебрали произведения Стругацких: что бы, мол, имело смысл снять. И я назвал как самые интересные и кинематографически многообещающие — «Гадких лебедей» и «Улитку на склоне»...

К. Л.: Да нет, все ты не то говоришь. «Гадкие лебеди» в первом варианте возникли в восемьдесят седьмом... Даже нет, в восемьдесят шестом!

В. Р.: А, ты «Тучу» имеешь в виду! То, что для тебя писали сами Стругацкие!

К. Л.: Ну конечно! Это после фестиваля в Мангейме, на волне славы от «Писем» я приехал на семинар по кинофантастике в Репино, мы поговорили с Аркадием Натаньчем, с Борисом Натаньчем, и я сказал: очень бы хотелось так-то и так-то, предложил концепцию, и был написан сценарий. Но он по-

казался мне не вполне созвучным тому, что я искал, и как-то все отошло, а потом время ушло... А сейчас я вернулся к этой идее — чуть ли не двадцать лет проскочило, да? — в другом понимании. Потому что вот сейчас я четко увидел кино и понял, каким оно должно быть. Вне зависимости от деталей, чуть влево, чуть вправо, больше диалогов, меньше диалогов, но я увидел кино. Оно, конечно, ничего общего не имеет с тем замыслом, который был тогда.

В. Р.: Борис Натанович на семинаре нашем часто говорит: «А вот киношники, когда у них что-то не складывается, всегда спрашивают себя: про что кино? Стоит на этот вопрос себе ответить, все остальное становится предельно ясным». Когда ты мне предложил заняться сценарием по «Гадким лебедям», и мы, помню, с первым вариантом сценария ездили к Борису Натановичу, и он, прочитавши, задумчиво сказал: «Что ж, мы хотели совсем не этого, но так тоже можно», и дал нам официальное разрешение работать с романом дальше — в ту пору я очень точно знал, про что это кино для меня. Во-первых, это попытка подстелить под фильм по Стругацким дополнительный смысловой слой из самих же Стругацких. Я знал, что тебе это не очень интересно, но подозревал, что ты этого и не заметишь. Фильму как таковому это совершенно не мешало бы, но

тем зрителям, что хорошо помнят тексты Стругацких, доставило бы добавочную радость. В итоге моя вязь уцелела лишь фрагментами. Ташлинск — из «Отягощенных злом», а там ведь тоже тема воспитания и конфликт поколений. Геннадий Комов из светлого мира Полудня — сопредседатель комиссии по Ташлинску от России... Жаль, мало от Комова осталось. Фраза, которую говорит один из ребят Баневу: «Мы знаем, что этот вопрос не имеет ответа — мы хотим знать, как вы на него ответите». Это же версия фразы из «Понедельника»: «Мы знаем, что эта задача не имеет решения — мы хотим знать, как ее решать». Она уцелела, но там было много других того же уровня... Не пригодились. Из варианта в вариант я заставлял Иру-Ирму в финальной сцене тихонько читать стихи из концовки «Далекой Радуги». Не привлекло тебя, ты видел иначе. Уцелели стихи Пастернака о будущем, взятые Стругацкими эпиграфом к «Улитке» — но они, на мой-то взгляд, повисают в воздухе без предшествовавших разговоров, в которых так или иначе затрагивалась тема будущего... Хотя бы где, помнишь, они плывут на катере через затопленные предместья, и Банев спрашивает Диану: «А вы когда-нибудь задумывались о том, что происходит с настоящим, когда наступает будущее?» Это же Одержание из

«Улитки»! В фильме часть пунктирного текста ушла...

К. Л.: Текстовик хренов.

В. Р.: Мыслить надо не образами, а головой.

К. Л.: Рыбаков!

В. Р.: Ага... Но самым существенным для меня была полемика по главной теме. Ведь идея отъятия детей от родителей и их правильного воспитания некими профессиональными учителями — это одна из основных идей ранних утопий, и через европейских фантастов, и через коммунизм — к Ефремову и к ранним Стругацким... Ты, конечно, не помнишь, а например, в той же «Далекой Радуге»: «Ребенку не нужен хороший отец, ребенку нужен хороший учитель». И в «Лебедях» Стругацкие отдали ей дань. Но... Вот цитата... сейчас... вот: «Семья, сучий потрох, гнойный аппендицит... Твой отец инженер или работяга — злой, худой, неудачливый, время от времени надирается. А то и вовсе никакого папочки в семье, мать — в облезлой шубейке. Мать всегда жалко, к отцу никакого уважения. Он — никто; когда пьян, ругается с телевизором. Вонючий братец (вариант: вонючая бабка) — после него противно войти в туалет». Кажется, все это прямое продолжение праведно гневных мыслей Банева о городе-клоповнике, из которого дети, молодцы, ушли к мокрецам. Или: «Вечные: «Выключи свою музыку!», «Убери эту порнографию

со стены!» и прочие стенания...» Буквально в одну строку ложится с борьбой Ирмы из «Лебедей» за свою свободу и независимость под лозунгом «Прошу никогда не закрывать окно». А сразу после описания Стругацкими школы со стенами, крашенными веселенькой казематной зеленью, и тягостными допросами у доски естественнейшим образом вписывается: «Сейчас детей гноят в скучных школах, снабжая их мозги и память насильно на хер не нужной никому пылью». Да, но это уже не великие Стругацкие с их поразительной добротой и мудростью, а канонические тексты нацболов, и продолжается этот пассаж о школе так: «Образование станет коротким и будет иным. Мальчиков и девочек будут учить стрелять из гранатометов и понимать всю мерзость московских спальных районов». Парадоксальным образом бесчисленные гуманисты-утописты и вожди всевозможных югендов, находясь на противоположных краях спектра идей европейской цивилизации по детскому вопросу оказались в одной строку. И общими усилиями сделали материнской цивилизации подарок, который называется так: дети ничего не должны родителям. Либерте! Эгалите! Долой предрассудки, даешь царство разуму! Рацио! Попользовался, пока был мал и нуждался в кормильце и защитнике, а чуть подрос — и на по-

мойку родителей, они же ничего не понимают и все время мешают, они все неумехи и неудачники, не то что мы, молодые, которые понимают абсолютно все и у которых впереди одни удачи! Но тогда оказалось, что и родители ничего не должны детям. Можно выбрасывать младенцев в мусорные бачки, можно их продавать... А где достатка и культуры побольше, там и вообще все просто: можно вообще не рожать! Итог: мир чисто демографически захватывают якобы косные и реакционные, иррациональные цивилизации, где люди рожают себе не обузу, а помощников, не могильщиков, а опору под старость. Где люди не боятся собственных детей. Вот идеальность мокрецового воспитания мне и хотелось подвергнуть сомнению... Именно в семье мы учимся любить тех, кто нам вроде бы мешает, и прощать их за то, что они не такие, как нам бы хотелось. В нашем мире это неоценимый опыт на дальнейшую жизнь. Я мечтал показать, что и Банев, и его дочь порознь сами ощущают некую неполноту себя. Им чего-то не хватает, откуда-то у них чувство ничем не восполнимой пустоты, и становятся людьми они только после того, как становятся вместе. Поэтому он вдруг и рвется ее спасать. Поэтому, скажем, я там втюхивал в ремарки описание стены в квартире, исписанной формулами: корень квадратный из «минус

отец» — мнимые величины... Девочка пытается в той системе представлений, которую дают мокрецы, решить проблему разрыва родителей — и не может. Поэтому, когда они там в подвале прощаются с жизнью, Ира, после ее постоянного высокомерного «ты», вдруг говорит Баневу: «Папа»... Потребность в чем-то душевном, априорно теплом, не компенсируется никакими успехами и никакими чудесами. Вот про это для меня было то, что я писал. А про что кино было для тебя?

К. А.: Ну, во-первых, я Борису Натановичу чрезвычайно благодарен за очень мудрое отношение — скажем прямо, такого масштаба писатель по-разному мог отреагировать на довольно-таки свободную степень отношения к собственному тексту. Борис Натанович очень любит повторять фразу: чем дальше отойдешь от литературного текста, тем лучше будет фильм. Ничего более вдохновляющего я от писателей не слышал. Честно говоря, нужно иметь развязанные руки, потому что сама специфика работы над материалом кино предполагает максимально свободное отношение к литературной основе. А про что кино... есть вещи, которые невозможно до конца сформулировать. У меня природа создания фильма связана с тем, что погружаешься в некое медитативное состояние, видишь некое кино с самого нача-

ла — более точно, менее точно... И от того, насколько точно ты его сначала увидел, зависит степень попадания уже при конкретной работе. Это не та природа, когда идешь от слова...

В. Р.: Неужели от образа дождя все пошло?

К. А.: От дождя — очень много. А по смыслу, по теме... Дети как возможные враги нашей цивилизации, как возможные судьи нашего мира, и судьи очень жесткие, может быть, даже жестокие. И неопишная жестокость нашего мира ко всему, что пытается его духовно поднять, ко всему, что выходит за рамки принятого в нашем мире. Самое, может быть, сокровенное в этой истории для меня — это возможность на уровне пощечины высказаться о цивилизации, внутри которой мы вынуждены существовать, о ее чудовищной безнравственности, о ее чудовищной банальности и бездарности, пошлости... И это высказывание идет от детей — а дети это всегда некая абсолютная истина, потому что они всегда будуще, значит, это высказывание от лица будущего. И тогда конфликт доводится до предельных степеней, чреватых ситуацией «быть или не быть», «погибнуть или выжить». Вот тут, мне показалось, прячется болевая точка, очень близкая моей главной теме, которая, в общем-то, ты знаешь, из фильма в фильм у меня идет, кото-

рая меня всегда волнует, всегда цепляет...

В. Р.: Как в «Посетителе»: выпусти нас отсюда.

К. А.: Совершенно верно. Это в плане идей. Но смотри — идеи идеями... А там другое, тебе обязательно надо фильм еще раз посмотреть, может, это не сразу читается. Там есть тайна. Музыка тайны. Есть необъяснимые образы, которые объяснять так же бессмысленно, как объяснять словами мелодию. В моем искусстве они так сотканы... Вот музыканта спрашивают: про что симфония? А он знает: там есть одна музыкальная фраза такой потрясающей красоты и таинственности, что он только ради нее одной все и сыграл. Тут то же самое. Уже в начале — медленный огонь за окном беззвучно движущегося поезда, человек, который куда-то перемещается, едет... и мы видим тайну наступившего апокалипсиса. Его нет еще, он где-то стоит рядом за дверью, но ты ее открой, а там будут дети, которые окажутся четырьмя всадниками. Это нигде в фильме прямо не показано и не произнесено, но интуиция нам подсказывает: что-то не то с этими детьми, это не просто вам детки пришли. Их жестокость и их справедливость, четкость их формулировок, критических к миру, их способности, тайна их появления, тайна тех существ, которые их ведут и которые на себе, на своей коже испы-

тывают некий процесс, близкий к тому, что когда-то произошел с Туринской плащаницей... Все одно к одному. Что происходит вообще? Вроде все обычно: ну, дожди, ну, потепление климата, ну, засуха и лесные пожары... Как бы все в пределах естественного, но вроде дожди, а вроде и мировой потоп, вроде трава горит — а вроде уже и весь мир брошен в пламя! И при этом беззвучие, и странная замедленность движений, как во сне. Или финал — с окном звездным любимым моим. Сам этот проход девочки вдоль стены, эта иконописная графика необъяснимая — ничего уже нет в мире, только черная стена и девочка: лицо движется, и это стирание окна, маленькая рука, открывающая в глухом тупике простор звездного неба, в котором все звуки гибнут, гаснут... И тут рождается пронзительная, безысходная тема — но, между прочим, тема, сыгранная на тибетской флейте, ты понимаешь, Рыбаков? Тема Востока чрезвычайно сильна в этом фильме. И это вдруг само родилось, материал себя родил. То есть там я вдруг вывел для себя как задачу какие-то вещи интуитивные, необъяснимые даже мне самому. Я не могу сказать, почему я так делаю. И тем более, кстати, тебе, пока мы вместе работаем, не могу объяснить, почему ты мне должен писать так, а не иначе. Тогда возникают некие вещи, связанные с тайной. Или же

— дыхание пространства, его припадок, припадок понимания: когда идет текст, написанный мной, кстати, еще для фильма «Конец века», туда не вошедший в результате. Он состоит из очень обостренных фраз из философских текстов Татьяны Горичевой, она — известный философ, живет в Париже, очень интересно формулирует, на мой взгляд. Это такая квинтэссенция мировоззрения эпохи апокалипсиса. И вдруг он лег на момент, когда дождевая вода на окне распадается и дает зрительный образ — очень странный... Как это родилось? Я не знаю, как это родилось, оно не было задумано, оно само себя родило... Это самое интересное, когда такое происходит, самое большое наслаждение. Фильм насыщен неожиданными интуитивными образами такого рода. И вообще, знаешь... Я не склонен нагонять дешевую мистику, но уже когда началась работа над фильмом, вдруг прорезался материал, который настолько точно попал...

В. П.: Дети индиго?

К. Л.: Ну конечно! Тут у Стругацких потрясающая интуиция сработала сорок лет назад. А теперь может быть, висящая в ноосфере проблема детей индиго и на нас спустилась...

В. П.: А может быть, проблема детей просто.

К. Л.: Может быть, проблема детей просто. Должен тебе сказать,

реакция детей, которые снимались в фильме, меня поразила. Вернее, реакция детей, которые пробовались, но им отказали по разным причинам. Такие слезы, такие истерики, такие звонки родителей... Я сначала думал, может, детки озабочены тем, чтобы сняться в кино. Говорил с ними, говорил с родителями, оказалось — нет. Их тема задела! Ведь у любого ребенка в двенадцать, в тринадцать лет есть неопишимо высокие идеалы, с которыми он от природы растет, а потом наступает момент, когда взрослые говорят: ну, поиграл? А теперь ты пойми, жизнь есть жизнь! И вот этот цинизм взрослых начинает подрезать детские крылья, и отсюда происходит этот так называемый переходный возраст! Переходный от чего к чему? От высоких идеалов к прозе жизни.

В. Р.: Даже не от идеалов, идеалы — это взрослое слово... От чувства всемогущества к пониманию ограниченности возможностей. От предвкушения грядущего простора к ощущению навалившейся навсегда тесноты...

К. Л.: Может быть. Да, да, наверное. И это очень интересно — потому что затрагивает уже совсем глубокие и болезненные пласты психологии, вообще существования. Да, так вот... дети индиго... В Москве их уже пятьдесят тысяч, так что фильм отнюдь не такая фантастика, как мы думали, когда

начинали. Или еще мистика: первый съемочный день, семнадцатое мая пятого года... И вдруг все перестают работать и с открытыми ртами смотрят вверх. И я смотрю вверх, и у меня тоже рот открывается — потому что над нами, курлыкая, летит огромная стая лебедей. Откуда, куда им надо лететь именно через Петербург — одному Богу известно, но я никогда не видел ничего подобного. То есть этот фильм весь пронизан странными событиями и совпадениями — а ты тут со своими цитатками...

В. Р.: Ты доволен фильмом? Нет ощущения, что что-то не получилось, что-то тебе помешало сделать так, как надо?

К. Л.: Нет, нет, я доволен. Я сделал именно то, что хотел. Другое дело — я понимаю: картина не простая, и судьба у нее тоже будет сложная.

В. Р.: Что же, будем надеяться, фильм дойдет до тех, кому он понравится. Я поздравляю тебя с завершением колоссальной работы, Костя. Наливай.

К. Л.: А и налью!

В. Р.: Дай Бог, не последняя...

К. Л.: Картина.

Довольно хохочут. Затем реплики становятся все более громкими и все менее разборчивыми.

**Беседу записывал
на магнитофон В.Рыбаков**

С В Я Т О С Л А В Л О Г И Н О В

БАРСКАЯ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ПУСТОШЬ

*Зайка серый,
Куда бегал?
В лес зеленый.
Что там делал?
Лыжи драл.
Куда клал?
Под кусток.
Кто украл?
Ларион!
Поди вон!*

Напралину клепал зайка на всех Ларионов скопом, и за эту вину многие зайки расплатились серыми шкурками. Дедушке Лариону куда как за восемьдесят было, а охоты он не бросал и почитай каждую неделю бил зайку, а то и двух. Ноги у старого уже не ходили, так он отправлялся на охоту, прихватив привезенный внуком складной стульчик. Выбирался на задворки, ставил стульчик поудобнее, не надеясь на хлипкую спинку, а так, чтобы прислониться к стене сеного сарая. Там и сидел, бывало, по несколько часов кряду.

В ночи появлялись зайки. Бесшумные тени, неприметные в полумраке, прокрадывались на огороды или в сад, портить яблони. Но от дедушки Лариона не скроешься, у него глаз, что у совы, а в старости еще и дальновзоркость объявилась. Так, со стульчика не вставая, и бабахнет. Ружье — грох! Зайка — кувырк! Вот мы и с мясом.

Бабушка выстрел слышит и, кряхтя, поднимается с железной кровати с пружинным матрацем, таким же кряхчучим, как и хозяйка. Добрые люди спят, а ей охотника домой вести, ведь он, ноги за ночь отсидевши, поди сам и не доберется. Сначала зайку подобрать, потом — деда. В одной руке добыча и складной стул, за другую добытчик держится. Идет, нога за ногу волочит, но ружье за плечом, ружья бабе доверить никак нельзя.

Случалось дедушке и промазать. Тогда — беда! Только попробуй усмехнись или, пуше того, словцо насмешливое скажи — дед вспыхнет, зашумит, а то и кулаком сунуть может. А там ему от волнения сердце прихватит, будет лежать, сосать таблетку «нитросорбит». Нет уж, над чем другим посмеяться можно, а когда охота неудачна, иди да помалкивай.

После охоты складной стульчик возвращался законному владельцу. Внука тоже звали Ларионом, в честь дедушки. Так просто в наше вре-

мя Лариона не встретишь — имя редкое. По редкому имени и профессия у внука не рядовая — художник. Это Кольки да Лешки могут быть трактористами, а если выучатся, то простыми инженерами. А редкое имя обязывает, с ним хочешь не хочешь, а надо быть на особицу.

И Ларион-младший не подкачал. Одна выставка в Новгородском кремле чего стóит; вся деревня смотрела, как «нашего Ларьку по телеку показывают»... Бывало, что богатые иностранцы Ларионовы картины покупали и увозили к себе за границу. Платили втридорога, а на картине, смешно сказать, пруд в Гачках. Прежде мельница стояла, а теперь только валуны от плотины замшелые и ручей меж ними. Кто ж этого пруда не знает? Среди камней мальчишки от века выюнов ловят голыми руками, в омуте купаются, обмениваясь впечатлениями, какая ледяная на глубине вода. И вот, сызмальства знакомый пруд так поразила заезжего американоса, что тот за картину деньжищ отвалил — весь пруд того не стоит вместе с мельницей, что на нем когда-то стояла.

Еще Барскую пустошь рисовал. Место всем известное, ничего там нет хорошего. Прежде усадьба была, но ее в восемнадцатом порушили, теперь и следа не вдруг найти. Березы старые вдоль ручья, саженные в ряд. Кусты сирени, задичавшие, сами собой растут. А усадьбы и фундамент заплыл. Прежде на горушке косили, а теперь бросили, земля пустует. Под березами, правда, лисичек тьма бывает, а их заготконтора принимает за хорошие деньги. Так что, кто первый придет, тому и счастье. А так — место бросовое, не нужное. А Ларион туда как на посиделки повадился, картину сделал, называется: «Туман». Этого тумана в округе — хоть ложкой хлебай, а Лариону, вишь, на Барской пустоши понадобился. На картине тропку видать и березы — чуть, а дальше — все бело, глаз блазнит, да чем не разберешь.

Мужики смотрели, хвалили: подходяще нарисовано, только бы ты, Ларик, прояснил маленько, а то ухожи не видать. Там ухажа за ручьем, а на картине не разглядеть.

Один Вовка Замятин с народом не согласился. Ничего, говорит, прояснять не надо. На Барской пустоши туман сытый, глядеть сквозь него не обязательно, его пронюхивать надуть, так что все Ларька правильно изобразил.

Скажет тоже, туман на картине пронюхивать!.. Вовка, он такой, и грибы нюхом ищет, нос, что у собаки. Опять же пропойца, хлеба в дому неделями не бывает, тут и туман сытным покажется.

А ведь прав оказался Вовка! Нацело забеленную картину купил какой-то швед и увез к себе... будто у него там, в Швеции, своего тумана нету.

С тех пор мужики картины смотрели, а мнения не навязывали; Ларион этому делу в академии учился и лучше знает, что рисовать и как.

Дедов портрет Ларион не продавал, дома на стену повесил вместо фотографии. И добро бы в пиджак старика нарядил, пиджак костюмный у дедушки почти не надеванный... нет, как по дому ковылял в зайчиковой телогрее, так и на портрет попал. Теперь добрые люди станут думать, что у деда Лариона приличного и надеть нечего.

Свой художник не во всякой деревне есть. Приезжие, бывало, пугались, слыша, как деревенская тетка кричит соседке:

— Валуха! Я на пленэр пошла, коз пасти. Автолавка придет, так ты мне шумни!

Вообще-то младший Ларион жил в городе, прописка у него была московская и мастерская тоже в Москве. Только взрослому мужику при папе, при маме жить несподручно, а художественные студии бывают в таких скворечниках, куда ни люди нормальные не вселятся, ни офис самый задрипанный не въедет. Может, потому Ларион и не измосквичился. Оно давно известно, кто с родных мест во что бы то ни стало в столицу перебраться хочет, тот, может, успеха и добьется, но скурвится очень быстро. Москва на это дело беспощадная — ни талант не спасет, ни умище, — высосет столица приезжего, что паук муху, и наполнит пустую шкурку всякой бестолковщиной. Это и называется: измосквичиться.

Вот ведь странное дело, в московской квартире человеку не живет, а в дедовом доме — пожалуйста! В художественной мансарде, куда шесть этажей взбираться по провонявшей кошками лестнице, ему не работается. А в пронавоженном хлеву бабкину козу рисовать — в удовольствие. Коза в полутьме едва белеется, одни глаза — желтые, безумные — на виду. И рога над ними изогнутые; не понять, то ли Мотрина коза, то ли черт рогатый. Любит Ларион нарисовать так, чтобы народ с прищуром глядел. А без прищура не сразу и дотумкаешь, что там на картине. Хотя все рисовал по правде, натуру не искаживши. Живопись штука мудреная, к ней тоже талант нужен и обычка.

По весне вновь привадило Лариона ходить с мольбертом на Барскую пустошь, ту самую, где туман сытый. Проталины рисовал, лес в стылой, словно бы стальной дымке. Потом дымка стала зеленой, а среди жухлой, тем летом не выкошенной травы зажглись звездочки мать-и-мачехи. Картины не получалось: весной хватает времени и сил разве что на этюды, так быстро меняется мир вокруг. Мгновение — и серое прошлогоднее былье скрылось под солнечным ковром одуванчи-

ков, и только двухметровые стебли коровяка упрямо торчат к небу, напоминая, что еще недавно все было серо. Чтобы весну написать, нужна юоновская палитра, но не успеешь вжиться в солнечное ликование, как одуванчиковый косогор поседеет, а лес — напротив, сменит чуть заметную зеленцу на прочную листву. Мучайся, грызи от бессилия деревянный конец кисти, лови неуловимое...

За косогором вроде голоса послышались. Ларион обернулся. Так и есть, мужики идут: Володька Замятин и Генка Проглот. Проглот — не фамилия, а прозвище, бог весть когда прилипшее. Обычно эти двое с утра картошку старухам сажают, под борозду, а после обеда пропивают заработанное, но сегодня никак пустой день выпал, вот и пошли в лес за сморчками. Далековато ушли, ну да Вовка длинноногий и лес знает до последнего куста. С ним в паре ходить прибыльно.

— Ишь, он куда забравши!.. — пропел Генка, подходя. Глянул Лариону через плечо, похвалил: — Ничо, подходяще нарисовано, похоже. Почем продавать станешь?

— Сколько дадут, — привычно ответил Ларион.

— Я бы и копейки не дал, — изрек приговор Генка.

Он еще раз критически оглядел этюд, недоверчиво покачал головой.

— Одного я не пойму... Чего тебя сюда потянуло? Ближе одуванчиков не нашел? Лес везде одинаковый, одуванчики одинаковые — хрена ты сюда болотом три версты ноги топтал?

— Сам ты везде одинаковый, — прервал приятеля Володька. — У тóва краю только зайца встретить можно да еще барсука на росчищах. А тута в ужоже медведица бродит с медвежонком. Есть разница, а?

— Так ее ж, медведицы, на картине не видать!

— Это тебе не видать, а мне очень даже. Она лес какой сторожкий. Опять же у деревни луг в стежках, кто-нить да прошел, а тута цвет нетоптанный.

— Это мы сейчас исправим. Спускаться начнем — все перетопчем.

— Я те перетопчу! Вон туда пошли! — Володька махнул рукой в сторону деревни.

— Ты же говорил, в березах у ручья сморчков много бывает.

— Ошибся. А вот на лесопосадках вдоль канавы строчки должны быть. Там доберем.

Глаза у Вовки раскосые, смотрят ласково. Так глядеть умеют только самые непутевые мужики. Улыбка добрая, а зубы остались через один, черные от табака и паленой водки. Когда Вовка в запое бриться забывает, бороденка растет клочьями. И какой проезжий татарин подарил новгородскому мужику свою внешность? — этого и праба-

бушка не ответит. Вовкин бы портрет написать, да только позировать он не станет. Выцыганит на бутылку и пойдет куролесить.

Ларион улыбнулся благодарно и вернулся к этюду. Приближалось то время, ради которого он приходил сюда.

У весенней быстротечности есть одно дивное исключение: бесконечно длинные, за полночь тянущиеся вечера.

Осеннее предвечерье исполнено тревоги. Солнце еще порядком высоко, но лучи его напитаны грядущей тьмой. Чтобы такое написать, нужна не ююновская кисть, а Куинджи. Птицы примолкают, и лишь последний кузнечик отчаянно стрекочет. Что уж тут, все равно пропадать! Солнце торопится упасть, и едва оно сплющивается о горизонт, как землю поспешно заливают чернота. Неважно, что еще несколько минут край неба будет окрашен тяжелой закатной кровью, внизу уже ночь, молчаливая, не обещающая ничего, кроме прихода зимы.

Весной все не так. Даже самая полуночная тьма дрожит недремлющим светом. Ночь поет, гремит, свищет, стрекочет... всякое дыхание спешит восславить свою любовь. И все же, хотя никто в округе не спит, кроме разве что глухих человеческих существ, в мире царит ночь. Светло, да не видно; видать, да не разборчиво. Чудится, дразнится, кажется, мстится... Иной раз такое углядишь, что и сам не поймешь: было не было, видал или примечталось.

Подрамник с холстом, где «подходяще» изображены нетоптанные одуванчики, давно лежит в стороне, а на мольберте установлен другой, заранее подготовленный холст. Ларион едва ли не на ощупь смешивал краски, стараясь перенести на кусок холста то, чего сам толком не видел. Мерещится, чудится, блазнится, грезится...

Как краской передать непроницаемую прозрачность ночного воздуха? Для ремесленника тут нет вопроса: масло долой, берись за лак, пиши лессировками и все будет о'кей! Краска на лаке полупрозрачна и даст нужный эффект. Глубина будет настоящая — на полмиллиметра. А если нужно на полвселенной, тогда как? Моне лессировок не признавал.

Домой Ларион шел утром, наблюдая, как от прикосновения солнечных лучей разжимаются крепкие кулачки одуванчиков и махонькие земные солнышки глядят на небесного брата.

Бабушка уже встала и обряжалась по хозяйству: запаривала комбикорм поросенку и курам, козу выгнала побегать в заглохший сад. Дед еще спал, его вообще последнее время кидало в сон: и днем, бывало, приляжет, да и не один раз. Бабушка не ругалась: чего на старого шу-

меть — не мешает и ладно. А Лариона встретила воркотней: «Опять всю ночь гулял, непутевый? Иди, там тебе молока оставила на столе, пей, пока теплое».

Ларион прямо из банки выпил пол-литра парного козьего молока. Потом расставил мольберт и водрузил на него свою ночную работу. Отошел на шаг, разглядывая, что получилось.

Нет большего испытания для ночного пейзажа, чем выставить его на яркий солнечный свет. В едином мазке совершешь, и вся картина, которая в полумраке казалась ожившей сказкой, обратится в мазню, вместо темного света останутся умбра и сажа, нанесенные неверной рукой.

Ларион долго стоял, глядя на то, что просвечивало сквозь плывущую с картины ночь. Заскрипела дверь, бабушка, управившись с хозяйством, вышла в горницу, встала рядом с внуком, тоже пристроилась смотреть.

— На Барскую пустошь ходил?

Ларион молча кивнул.

— Оно и видно. Похоже нарисовал. Только крыша малость покруче была, на такую, как у тебя, зимами снега наваливать станет.

— Я думал, усадьба на холме стояла.

— Скажешь тоже... на юру дом ставить. Туточки она и стояла, в самый раз. Холмом ее от гнилого угла прикрывало, а на юру ветром из дома тепло выдует, дров не напасешься. Так что у тебя все, как надо, токо крыша кручей была.

— Погоди, — опомнился Ларион. — Ты-то откуда знаешь, как там и что? Ты родилась, усадьба уже сгоревши была.

— Мама рассказывала, прабабушка Клава. Она в девчонках туда часто бегала. Ольга Юрьевна там жила, добрая барыня. Она у мамы землянику покупала, малину лесную. Однажды попросила цветов нарвать, луговых. Мама-то расстаралась, цвет к цветку сложила плотно. А Ольга Юрьевна ей говорит: «Нет, милая, так только венки плетут». Цветочки все расшебуршила, чтобы каждый по себе красовался, и травок полевых, кукушкиных слезок добавила. У травы стебельки надо подлиньше, чтобы цветам не мешало, а поверху было.

Ларион кивнул. Он и сам, собирая порой цветы, составлял их в пеструю гамму и непременно добавлял в букет высокой луговой травы, чтобы овсец или кукушкины слезки создавали над головками цветов прозрачное дрожащее облако. Сам бы и не припомнил, кто его научил этому... кажется, искони так было. А оказывается, вот откуда идет семейное искусство составлять букеты.

— И все-таки, — напомнил Ларион, — что же, тебе прабабка Клава так подробно рассказывала: и крыша какая была, и все остальное?

— А ты как думал? Ты на картинку-то свою глянь. Вроде как ночь на ей, а все видать: и крышу разобрать можно, и наличнички. Думаешь, ты один такой в роду умный? Токо ты кисточками своими рассказываешь, а мама — словами. Но тоже, если присмотреться, все видать было.

— Мотря! — донесся с улицы крик соседки. — Гляди, кудой твоя Беяна вперлась!

Бабушка заполошно кинулась призывать к порядку Беяну, а Ларион еще долго стоял перед мольбертом, с которого смотрело на него ночное видение. Размышлял об услышанном. Он-то полагал, что ему достался пронзительный дедов взгляд, а выходит, что к дедову взгляду еще и прабабушкино умение.

Не гордись собой, гордись семьей. Но помни, кому много дано, с того много и спросится. Вот и думай, куда влечет предками выпестованный дар, гадай, что сумел увидеть этой ночью? Еще вчера не было ничего, а сегодня, не страшась яркого солнца, красуется на мольберте полотно, и оттуда сквозь живую весеннюю ночь проступает порушенный едва ли не век назад барский дом, усадьба графов Отрадиных. И даже ночничок в одном из окон вроде бы мерцает. Кому там не спится — неужели доброй барыне Ольге Юрьевне? И что за дело до былых страстей Лариону Фомину? У него в роду графьев не бывало, все больше крепостные мужики, да и те не графские были, а черт знает чьи. Или это не дает покою давний урок, преподанный босоногой девчонке: как должно собирать в букет полевые цветы.

* * *

Козе Беяне и в голову рогатую не могло войти, что ее диковатая морда в полумраке бабушкиного хлева на аукционе в манеже будет куплена за две с половиной тысячи зеленых. Зелень коза уважала, но совсем иного рода, американские доллары оставляли ее равнодушной. А для Лариона успех на аукционе обернулся не только получением приятной суммы, но и крупным заказом, о каком другие художники только мечтать могут. Роспись конференц-зала в пятизвездочном отеле — это тебе не персональная выставка, хоть бы и в областном центре. Это деньги, причем по-настоящему серьезные. Точные условия договора являются конфиденциальной информацией, так что незнающий — пусть гадает.

Сама роспись делалась кистью, а не с помощью аэрозольного баллончика, как сейчас многие любят. Стены украшались русскими пейзажами, без лубочных хороводов, безо всяких красных молодцев и добрых девиц. Работал, не халтура, и получилось подходяще, как сказали бы на деревне. Стыдиться нечего. Гордиться тоже особо нечем. Зато — деньги. Большие.

В деревню Ларион вернулся уже осенью. Отдыхать. А вернее, намерстывать упущенное за денежной работой. Бродил по окрестностям, глядывался в пожелтую серость некошенных лугов и праздничные пятна отав, там, где кто-то прошел с косой, готовя сено непроданной покуда Буренке. Ходил на лесосеку, писал раздолбанную лесовозами колею, грязь и древесный лом. С набиркой и этюдником бродил по брусничнику. Капа Фомина, двоюродная тетка, рассказывала: «Ларьку нашего седни в лесу повстречала. На пенечке сидит, карандашиками цветными чиркает, ровно дитя. А ягод в набирке вот стоконько, на два пальца. Я старуха, и то какую корзинищу приволокла, а у него картиночки на уме. Картинки картинками, кто их еще купит, а ягоду всегда продать можно. Да и самому пригодится, зима длинная, все подберет».

Дед тоже был недоволен. На зиму Ларион-младший березовых дров купил — две полных коляски, а колоть и окладывать подрядил Вовку с Генкой. Здоровый парень, мог бы и сам, так нет, уселся на чурбачок и стал рисовать, как другие работают. И Мотря тоже хороша, защищает бездельника: ему, мол, руки беречь надо. Работа рук не портит, а бар у нас в роду вовек не бывало. Бары вона за Пашиной ухажей жили, да повывелись. Одна пустошь осталась.

На Барскую пустошь Ларион ходил частенько. Осенние дожди налили колеи водой, добираться приходилось в резиновых сапогах. Лесники и егеря, пробившие лесные колеи, теперь тоже въехать в лес не могли. Они оставляли машины по деревьям под присмотром старух и, обратившись в охотников, топали в ухажу своим ходом. Берегись боровая птица и заяц-горюн, грохают в осеннем воздухе меткие выстрелы...

*Зайка серый,
Куда бегал?
В лес зеленый.
Что там делал?
Помирал.
Кто стрелял?
Ларион?
Нет, не он.*

Дедушка Ларион за гумнами сидит, караулит зайку воровского, что за капустой крадется. А внучок Ларион — живописец, а не живобеец, от него никому вреда нет. Даже лиса-огневка, увидав, чем Ларион занимается, в лес не метнулась. Мышковать бросила, хвост трубой распушила, красуется: давай рисуй, как следует быть.

Призрачная усадьба на Ларионовых картинах больше не появлялась, но что-то он там видел, потому как ходил задумчивый, а однажды собрался и поехал в райцентр, знаменитый на всю Новгородчину мастерами, рубившими бани и колотившими дачные домики.

Местный предприниматель богатого заказчика выслушал, нимало не удивившись. Кто платит, тот и заказывает. Пошелкал на калькуляторе, назвал сумму — не точную, а порядок величины. Точные суммы в прејскуранте на типовые изделия, а тут заказ персональный, на него цены отдельные, с кондачка их не определишь. Вроде бы частности, но от них цена очень зависит. Вот, скажем, лес, из которого строить. Если брать первый попавшийся, то строительство выйдет по восемь тысяч за квадратный метр. А если брать лес просушенный, то дороже. А можно стены из клееного бруса класть, но это окажется дороже чуть не в десять раз. Зато и дому сноса не будет; так что некоторые заказывают. Но я рекомендую из обычного бруса — самая прогрессивная технология и цена та же, что и у кругляка. Итак, что решаем? Заранее просушенный кругляк... хорошо, записываем. А зачем непременно нужна тесовая крыша? Металлочерепица или, скажем, ондулин, практичнее и в конечном счете выйдет дешевле. Нет? Хорошо, будет тесовая. Стены тоже тесом обшивать? Вагонкой наряднее... вы на рисунок-то поглядите, на фотографии... Вот и отлично, значит, вагонкой обошьем. Резьбу: потолки, карнизы, балкон — это уже с мастерами договаривайтесь; работа тонкая, художественная... ну, конечно, вы это лучше меня понимаете. Мастеров предоставлю самолучших, такой заказ бывает не часто, а им тоже бытовки колотить скучно. Вот посмотрите, этот узор называется «ромб», а этот — «паутинка». На потолок в большом зале очень рекомендую. Наружные стены в какой цвет красить? Натуральное дерево оставить? Отлично. Но тогда нужна пропитка, чтобы не сгнило все в первый же год. Мы используем «антижук». Нет, что вы, он не только против короеда, просто мы его так называем, а официальное название: «Антибиозащитный состав КСД». Еще советую морилку. Дерево все равно будет темнеть, а так цвет не серый и поприятнее. Хотите, можно специальным лаком покрыть для наружных работ... что вы, лаки бывают ненавязчивые... впрочем, это дело неспешное, потом попробуете на от-

дельной дощечке: понравится, так и сделаем... Ох, что ж вы так далеко строиться задумали? Могу местечко порекомендовать замечательное: у самого озера и бор вокруг сосновый... нет, что вы, я не настаиваю, где скажете, там и построим. По зимнику материалы завезем, чтобы дорогу не портить, а к августу под крышу подведем. Тут вроде от Гусева проселок есть? Ага... и два километра по лугу. Я смотрю, тут на карте ручей обозначен — там как, проехать можно? Ну, если жигуленок проходит, то наша развозка тем более пройдет. Все-таки далекоовато вы решили строиться, зимами придется сторожа держать, а то вам весь дом разграбят. Напьются местные пацаны и пойдут бомбить. Я понимаю, что там пять километров, а все-таки побережью не мешаает. С электричеством как будете обходиться? Линию за пять верст тянуть себе дорожке станет. Я советую собственный генератор, на солярке. Вот тут, где службы, поставить. Это конюшня, я так понимаю, в ней гараж будет... это банька, а вот сюда впишем сарайчик бревенчатый, и в нем — генератор. Кабель незаметно проведем, чтобы внешний вид не портил. Кстати, как насчет водопровода? Здесь у нас родник, насос поставим...

Услыхав прикидочную сумму, Ларион охнул внутренне, но не отступил. Прощай отдельная московская квартира и приличная иномарка взамен задрипанной семерки. И с поездкой в Италию он тоже в полете. А впрочем, много ли в Италии корысти? Вон, Сильвестр Шедрин — какой талант был! А уехал в Италию — и что осталось? Этих гаваней в Сорренто, что собак нерезаных. Нет уж, где родился, там и пригодился, обойдемся без итальянского полдня.

Есть такой поганенький анекдотец: «Папа, а почему мы в говне живем? — Родина, сынок!».

Так вот, не хочешь жить в говне — бери лопату и разгребай. А если предпочитаешь сбежать в Сорренто и оттуда кривить мордашку на российское убожество, то скатертью тебе дорога. Только тогда нечего корчить из себя русского. Продай первородство за гамбургер — ну и жри.

Восстановить пригрезившуюся усадьбу стало для Лариона неотвязной мечтой. На всю Россию сохранился ныне десяток барских имений, прославленных некогда своими обитателями. Михайловское, Болдино, Спасское-Лутовиново... еще пяток святых мест. Шахматово даже заново отстроили после революционного разгрома. А остальные места — кто их будет восстанавливать? Жили люди, не последние в отечестве — а не стало, и памяти нет. А ведь их было много... Посреди серого армянского моря, промеж курных изб, пьянства и скучного мата подни-

мались дворянские усадьбы — островки настоящей красивой жизни. Там читали книги, звучала музыка, ходили изящные женщины и рядные дети. Тысячи, десятки тысяч усадеб — очаги культуры, просвещения, грамотности и гуманизма... Как же, держи карман шире! Из этого очага простому человеку разве углей каленых отсыплют. Культурные, тонкие, образованные обитатели усадеб — именно они разделили мир на себя любимых и на рабов. А потом удивлялись, что мир раскололся. В своей книжной учености они наивно верили, что есть «миръ» и «миръ». А безграмотные рабы произносили два эти слова одинаково и разницы между ними не видели. И когда распался миръ, то и мира не стало. И в ответ на музыку, льющуюся сквозь иллюминированные барские окна, из тьмы полетел кирпич. Тот, у кого отняли право быть человеком, швыряя булыжник, не думает, что его камень кинут в человеческую жизнь. Скульптор Шадр показал это как никто другой.

Самое обидное, что снесло усадьбы с лица земли как раз в ту пору, когда они худо-бедно, но начали исполнять роль очагов культуры. Жаль, что худо-бедно, жаль, что поздно.

Есть в русском языке красивое слово: «интеллигенция». И по сей час в культурных кругах спорят, что бы могло значить это слово? Чем интеллигент отличается от образованца? И, главное, чем он отличается от культурного человека? Синонимы, говорите? В русском языке синонимов нет, хоть в малом, но схожие по смыслу слова различаются. Интеллигент — это тот культурный человек, который чувствует неразрывную связь с народом и ради народа трудится. Это не западник, что с высоты своей культуры презирает грубого мужика, но и не славянофил, готовый на алтарь возносить посконные рубахи и овсяный кисель, которого в жизни не пробовал. Это отчисленный за крамолу студент, пошедший в сельские учителя, барыня, пользующая детишек в земской больнице, отставной офицер, открывший личную библиотеку для всех желающих. Немного их было, мало они успели сделать к тому времени, когда вместе с толпой никчемушников были сметены долой. И теперь некому зажигать хотя бы и слабые огоньки культуры промеж темных деревень.

«Культура» — изначально «земледелие», ведение сельского хозяйства. Помните об этом, господа, полагающие себя культурными.

Эти и многие иные правильные слова повторял в уме Ларион, не признаваясь даже себе самому, что затеял стройку потому лишь, что не мог ее не затеять. Если не я, то кто? Ни в ком больше не осталось памяти о былой жизни на нынешней пустоши.

Как и обещано, к августу дом подвели под крышу. Местные работники были недовольны, наперебой доказывая, что они сделали бы де-

шевле и быстрее, но Ларион слишком хорошо знал односельчан, чтобы верить их рассказам. Кто по правде работать мог — давно в бригаде, что до остальных — они только на словах молодцы. А как до топора доходит, то с утра голова болит и работа на ум нейдет. Значит, надо с хозяина стребовать на опохмелку. А как похмелился, тут работе и вовсе конец, потому как одной всегда мало. Так бутылочка за бутылочкой и пропьют весь дом, ничего не построишь. Нет уж, предприниматель, конечно, мироед, зато и работа у него кипит.

Домина получился громадный: в центре — двухсветный зал, украшенный камином; на втором этаже — восемь жилых комнат, которые отапливались четырьмя изразцовыми печами; одноэтажный кухонный флигель с русской печкой — там же и столовая в русском стиле со стругаными скамьями и сосновым столом. Второй флигель — холодный, для просторного летнего житья.

Занялись отделкой. Стены в зале и парадных комнатах убраны были штофными обоями и резными деревянными панно, на потолках — фирменная паутинка, полы шашечками из дуба и черной ольхи. Не подвел мироед, сыскал мастеров, которым искусство дороже заработка. Вместе с ними и Ларион сидел, слушал, вникал, не жалея рук, резал липу и черную ольху, которая имя получила за цвет коры, а древесину имеет розовую, какой и в индонезийских джунглях не сразу сыщешь.

Одному жить в таком доме незачем, да и невозможно, так что умные рассуждения о возрождении очагов культуры очень пригодились и должны были воплотиться в жизнь. Привезти концертный рояль, устроить в двухсветном зале художественную выставку, для начала свою, а там — как получится. Детишек из городской школы искусств привозить на зимние каникулы, а то и летом. Далековато до города, почти сорок километров, но ничего, пусть привыкают. Пригласить кое-кого из художественной братии, но только тех, кто, очутившись на свежем воздухе, не станет напиваться в хлам и тушить хабарики о резные панели. Да мало ли как еще можно использовать восстановленную помещичью усадьбу. Было бы желание, найдется и дело.

И вот наступил первый вечер в отстроенном доме. Уехали резчики, обойщики, столяры. Грузчики, привозившие мебель в те две комнаты, что Ларион предназначил для себя, все расставили и укатали в своем фургоне, захватив по дороге Анну и Лизу — гусевских теток, подрядившихся намыть полы во всех комнатах и развешать пошитые на заказ портьеры. Замолк в сараюшке генератор, наступила тишина, такая же чуткая, как и два года назад, когда дом чудился лишь воображению художника.

Ларион вышел на воздух; по дорожке, уже изрядно протоптанной, поднялся на склон, с которого писал когда-то картину. Дом стоял совершенно такой, как привиделось два года назад. Разве что крыша «малость покрутей», чтобы не наваливало зимами снежные холмы. Солнце уже село, но майская непотухающая заря весь мир заливала чудным обманным светом. Ночь пела на разные голоса, шелкала, стрекотала, свиристела, звонко брекотала лягушками.

Дом стоял, прикрывшись от гнилого запада холмом, сбереженные березы вдоль ручья готовились одеться в листву. Со стороны голого склона усадьба огорожена штaketничком, и возле не запирающейся калитки наклонно вкопан огромный камень, живо напоминающий картину Васнецова. Направо пойдешь... налево пойдешь... Камень нашли, когда расчищали площадку для строительства. Бульдозерист из местных, занятый планировкой, прибежал с сообщением: «Там никак могила! Камень лежит, а на нем — буквы!». Камень перевернули, надпись расчистили, и Ларион вздохнул с облегчением: на розовой гранитной плите красовалось название усадьбы — «Отрадное». И хотя плита удачно ложилась в фундамент, находку оттащили в сторону, а потом вкопали при въезде, как, должно быть, она и стояла сто лет назад.

А случись на этом месте могила? Не станешь же строить дом на чужих костях. Ларион не был суеверен, но тут уже не о суевериях речь, а о собственной душе.

Осенью вдоль ограды посадят жасмин и кусты белой сирени, а пока придорожный камень стоит одиноко, указуя путнику: «Прямо пойдешь — будет тебе отрада».

В ночном лесу, перекрывая песнопения соловья и хор лягушек, что-то протяжно зашкряпело, деревянно хрустнуло и громко рухнуло, так что ногам передался толчок: «Бум!». И следом обиженное: «Э-э!..» — в котором воедино слились боль, жалоба и разочарование.

Ларион улыбнулся. Надо же, не ушла медведица! А он боялся, что перестук молотков, визг бензопилы и прочий строительный шум отпугнет соседку. Ан нет, пришла тишина, и медведица вернулась на знакомые уголья. И сейчас, по всему слышать, ее мохнатое дитяtko ползло на дерево, да сорвалось, грянув толстым задом о землю. Ничего, до свадьбы заживет, если раньше не прикончат подростшего дитяtko понаехавшие охотники.

*Вдруг охотник выбегает
И в кого-нибудь стреляет!
Пиф-паф! Ой-е-ей!..*

Казалось бы, должно быть страшно: серьезный зверь бродит в округе, да еще и с детенышем, а в душе никакой тревоги. Это в городе надо пугаться темных подворотен и затхлых лестниц, там водится опасное зверье: грубо материальное, с заточкой в рукаве, и призрачное, порожденное большими мыслями скученных людей. А в лесу все просто: я тебя не трогаю, ты — меня. Главное, не сослеживай соседа, чтобы он не подумал на тебя дурного. Но тяжелая звериная вонь у всякого следопыта отобьет охоту любопытствовать. А так с медведем можно в одном малиннике ягоду брать: здесь ты сквозь ветки ломишься, неподалеку он чавкает — чего нам делить? Ягод, что ли, не хватает?

Ларион перевел взгляд с леса на дом и замер. В окне второго этажа, в одной из нежилых покуда комнат мерцал огонек ночника.

Завороженно Ларион двинулся на свет. Холодно было в груди, но притягательная сила огонька превышала страх. Об одном жалел: была бы сейчас в левой руке палитра, а в правой кисть — шел бы бестрепетно, улыбаясь, словно воин при щите и мече. А ино не готов оказался ко встрече с неведомым, хотя и ждал его более двух лет.

На второй этаж вела деревянная лестница с балясинными перилами, и еще не поднявшись наверх, Ларион видел дрожащий свет в верхней прихожей. Три последних шага, и двое встретились лицом к лицу: художник Ларион Фомин и высокая женщина в темном платье, удивительно похожая на актрису Ермолову кисти Серова. Только правая рука видения была высоко поднята и сжимала бронзовый подсвечник, на котором горела одинокая свеча.

— Здравствуйте... сударыня... — Ларион, не зная, что делать и как говорить, отвесил неловкий поклон.

— Добрый вечер, Ларион Сергеевич, — дама величаво кивнула. — Не напугала вас? Вы проходите, что в прихожей стоять...

Ларион толкнул двери комнаты, которую прочил себе под кабинет, сделал приглашающий жест. Дама вновь благосклонно кивнула, первой прошла в комнату, поставила свечу на стол и, не дожидаясь нового приглашения, уселась в ротанговое кресло-качалку. Кресло колыхнулось, и это обыденное движение неожиданно успокоило Лариона.

— Простите, вы Ольга Юрьевна? — спросил он.

— Вы ее помните? — оживилась дама.

— По рассказам.

— Это неважно. Здесь жило много разных женщин: красивых и не очень, добрых и не слишком. Но раз вы помните ее, то да, я — Ольга Юрьевна.

Не проглядывало в гостье — или то была хозяйка? — ничего потустороннего, невещественного. Красивое лицо с чуть намеченными морщинками; даме явно за тридцать, хотя в это трудно поверить. Смесь молодости и мудрого понимания, такое только в женщине встретить можно. Волосы, немного подвитые или вьющиеся от природы, уложены в прическу, которую легче нарисовать, чем описать. Руки покойно лежат на коленях. Невежда никогда не знает, куда девать руки, он будет шевелить пальцами, сцеплять их, прикрывать рукой рот, как делают лжецы.

Человек, знающий себе цену и умеющий себя вести, суетиться не станет. Посмотрите на гудоновского Вольтера, не на лицо, а на руки — они говорят не меньше, чем знаменитая усмешка.

Дама сидела молча, позволяя изучать себя, будто позировала для портрета. Темно-синее платье блестящего шифона ниспадало до пола.

Белая горжетка — невинное ухищрение, чтобы скрыть морщинки на шее, первыми выдающие возраст. И ни единого украшения: ни броши, ни колье, ни даже булавки с неярким камушком. Но сквозь отсутствие пышности проглядывает истинный аристократизм, в повороте головы, в осанке. Не деревянная выучка пансионных дам, словно проглотивших аршинную линейку, а идеальная смесь природы и воспитания. Рядом с такой женщиной любая современница покажется рыночной торговкой, что ни ступить, ни молвить не умеет.

— Простите, Ольга Юрьевна, — осторожно произнес Ларион, — я могу вам чем-нибудь помочь?

Дама улынулась потаенной, от глаз идущей улыбкой.

— Вы мне уже очень помогли. Я была несчастна все эти годы, а теперь у меня снова есть дом. Нет, разумеется, дом ваш, но и без меня он стоять не будет. Во мне память обо всех Отрадиных, что жили здесь.

— Я не Отрадин.

— Это неважно. Соседство благородного человека не может быть в тягость.

— Вы знаете, с благородными кровями у меня тоже туговато. Насколько мне известно, все в роду мужики. Сами посудите, имя у меня — Ларион. Дворяне больше Илларионами пишутся, а Ларионы все из крестьян.

— Честь в душе, а не в летописце, — Ольга Юрьевна вскинула голову, улыбнувшись на этот раз совершенно открыто, и озорно предложила: — А хотите, я открою уж-жасную семейную тайну? Основателем нашего рода был стрелецкий голова Ларион Отрада. В шестьсот восьмидесятом году царь Федор Алексеевич произвел его в дворяне московские. Так что имя Ларион меня совершенно не пугает.

— Пойдите, Отрадины были графами.

— О, это уже в девятнадцатом веке! Полковник Петр Отрадин отличился в боях с Наполеоном.

— И все-таки вам лично чем я могу помочь? Ведь из-за чего-то вы здесь бродите.

— Ларион Сергеевич, дорогой, мы с вами в России, а не в Англии! Неужели вы верите тому, что пишут в готических романах? Ужасные преступления, скелеты в шкафу, бряцание цепей... Ничего этого не было, и кровавые пятна на полу спальни вам не придется выводить. Просто, когда одна семья очень долго живет под одной крышей, иногда случается такое. Возможно, если бы здесь творились ужасы и непотребства, я бродила бы сейчас, оглашая окрестности стонами и пятная стены кровью. Но мне повезло, за триста лет в этом доме не случилось ничего серьезнее интрижек и адюльтеров. А этого недостаточно для родового проклятия.

— Но как вы будете теперь? Насколько мне известно, род Отрадиных пресекся.

— Да, к сожалению. Я не знаю, что будет потом, а пока я хотела бы просто жить. Не беспокойтесь, я вам не помешаю. Я не умею быть навязчивой, напротив, это вам придется постараться, чтобы я пришла.

Мне самой надо так немного: крыша, тепло, возможность послушать музыку и постоять перед картиной. У вас замечательный дар, ваши картины живут.

Ларион потупился, не зная, что сказать, а Ольга Юрьевна вдруг рассмеялась, словно услышала что-то забавное.

— Ларион Сергеевич, что вы стесняетесь, право? Берите карандаш, бумагу. Я ведь вижу, как вам хочется сделать хотя бы набросок. Ну так рисуйте. Помните, вы хозяин, не надо менять своих планов ради меня. Пусть здесь будут шум, голоса; Ольга Юрьевна, которую вы помните, любила заниматься с деревенскими детьми. Художественные выставки, музыка — это жизнь. Вы ведь не станете возражать, если во время концерта я войду и присяду на краешек стула? Ваши гости меня не заметят, а кто различит — тот умеет удивляться молча.

Карандашный грифель летал над белым листом. Призрачная свеча на столе горела, не сгорая, капли воска стекали на подсвечник, но свеча ничуть не убывала.

*Ты не жги, не жги свечу сальную,
Свечу сальную, воску ярого...*

В жизни, если вдуматься, бывает и не такое. Главное, уметь удивляться молча.

* * *

Первые шаги нового культурного центра прошли почти незамеченными; Ларион не умел и не желал пиарить свое начинание. Лишь районная газета опубликовала статью, в которой радостно объявила, что «история творится на наших глазах».

Призрачная Ольга Юрьевна и впрямь оказалась ненавязчива, за все лето хозяин видел ее дважды, причем один раз издали. Ольга Юрьевна прогуливалась вдоль ручья, собирая ромашки. На этот раз на ней было платье «принцесса», вошедшее в моду в конце десятых годов прошлого века. Гладкий муслин, собранный в буфы на рукавах, вместо шлейфа — воланы; горжетку заменил кружевной воротничок. Никаких ухищрений, подчеркивающих фигуру: ни турнюра, ни корсета на жестком китовом усе. Все просто и свободно — на радость педагогам натуральной школы.

Легкая ярко-сиреневая материя гармонировала с жирной зеленью рогоза, с ромашками, пестрящими склон, с замшевыми туфельками, но всего более — с лицом, не девчоночьи юным, но удивительно молодым. И какие морщинки почудились художнику во время ночной беседы?

Завершающим штрихом летнего наряда была шокирующих размеров шляпа с лентами и искусственными цветами, исполненная в розовых и белых тонах. Попробуй кто в наше время нацепить на голову этакий зефирный торт, окружающие со смеху помрут. А тут, смотришь и видишь — иначе быть не должно. Гармония прекрасного диктует свои законы. Вот только позвольте спросить, где молодое очаровательное привидение хранит свои туалеты?

Лариону Ольга Юрьевна кивнула приветливо, но, видя, что тот работает, подходить не стала. Не стала и нарочито позировать; подобные вещи хороши в интерьере, на воздухе надо просто гулять, а художник пусть ловит мгновение. Impression — значит впечатление от живой жизни, к позированию оно отношения не имеет. Блик на текучей воде и совсем иной отблеск струящейся материи, разница между лиловостью колокольчика и насыщенным сиреневым цветом платья — лови, замечай, останавливай мгновение.

Ольга Юрьевна ушла, когда эскиз еще не был закончен, последние мазки пришлось накладывать по памяти.

В конце августа Лариону привезли давно ожидаемый рояль. Сам Ларион играть не умел, разве что собачий вальс и чардаш двумя пальцами. Но если хочешь всерьез воссоздать поместье, рояль должен быть непременно.

В обычной квартире фортепиано кажется неоправданно большим, оно подчиняет себе все, уничижая обыденную жизнь. В одной квартире с таким инструментом может жить только музыкант, простому человеку будет неуютно, словно приживалке под взглядом властной хозяйки. А в парадном зале королевский инструмент оказался на месте. Ясно представлялся длинный зимний вечер при свечах... или летние сумерки, когда можно распахнуть двери на террасу, и музыка поплывет над ручьем в сторону Пашиной ужоги, заставляя медведицу чутко прислушиваться к странным и привлекательным звукам.

Старик-настройщик долго обхаживал фортепиано, что-то подправлял, неразборчиво мурлыкал и бормотал сквозь усы. Брал аккорды и снова что-то подправлял. Потом с четверть часа играл, прислушиваясь к звучанию. Наконец сказал:

— Хороший инструмент и прекрасная акустика. Ваша супруга будет довольна.

— Почему супруга? — удивился Ларион. — Я не женат.

— Пусть не супруга, но та, для которой вы купили рояль. Сами вы играть не умеете, но по тому, как вы следили за моей работой, видно, что для вас фортепиано не просто предмет обстановки. К тому же этот дом пропитан присутствием красивой женщины. Пусть не супруга... сестра, дочь, любимая... — все равно вам очень повезло.

Мастер уехал, а Ларион долго сидел перед раскрытым роялем, беззвучно проводя пальцем по клавишам. Безумно хотелось заиграть, чтобы музыка наполнила резную хрупкость залы. Но не собачий же вальс тренькать в такую минуту... Мучительное чувство, когда в душе звучит музыка, а пальцы способны извлечь лишь фальшивую дребедень. Такие же мучения, должно быть, испытывает человек, не умеющий рисовать, при взгляде на белый лист.

Ларион встал, распахнул дверь на террасу, впустив в помещение лиловый августовский вечер, а когда оглянулся, увидел Ольгу Юрьевну. Она только что вошла с улицы через другие двери и остановилась, стаскивая с тонкой руки перчатку. На этот раз на ней был строгий наряд, чем-то напоминающий «Курсистку» кисти Ярошенко. Оливковый жакет, табачного цвета юбка и котиковая шляпка пирожком. Впервые руки дамы жили своей нервной жизнью, стягивая лайковые перчатки, комкая их... Ларион поймал взгляд женщины и указал глазами на рояль.

Ольга Юрьевна порывисто шагнула, бросила перчатки на каминную полку, сняла шляпку... Поражала уместность этого движения — нельзя же садиться за фортепиано с покрытой головой; то, что хорошо для вечерней прогулки, не годится в ином месте.

Тонкие пальцы коснулись клавиш, инструмент откликнулся, зазвучал. В музыке не было ничего бравурного, ничего от виртуозного мастерства или бездушной старательности. Немного грустная, но умиротворяющая, негромкая, но наполняющая собой зал, плывущая в вечерний сумрак, она изумительно подходила ко времени и месту. Все было так, как представлялось в воображении, разве что медведицы в этот час не случилось поблизости, соседка убрела за Пахомово болото, отъездаться в черничнике, запастись жир на всю трудную зиму.

Растаял последний аккорд, но еще долго никто не смел нарушить тишину. Наконец Ларион спросил:

— Что это?

— Шопен. Ноктюрн Шопена.

Ноктюрн, ночная песня. Разумеется, иначе и быть не могло.

Ольга Юрьевна развернула круглый стул, оборотившись лицом к хозяину.

— Ларион Сергеевич, что за кустики посажены у вас вдоль дорожки? Я таких не знаю.

— Это японская айва. У нее есть какое-то специальное название, но я его опять забыл. Весной она цветет большими оранжевыми цветами, а осенью на кустах появятся вот такие айвинки, ярко-желтые, кислые и замечательно ароматные.

— Чудесно! Не то, конечно, чудесно, что кислые, я все равно не могла бы их попробовать, но зато аромат — это для меня. И цветы тоже. Раньше на том склоне, что ивой зарос, был сад. Яблони, сливы и очень много вишен. Вишни бывало столько, что собирать не успевали, половину воробьи расклевывали.

— Вишневый сад...

— Ларион Сергеевич, что вы говорите? Вишневым бывает варенье, а сад — вишennyй! Вишневый сад Антоша Чехонте придумал. Хотя, наверное, теперь все так говорят, ошибка гения становится нормой для будущих поколений. Но я человек старой выучки, для меня сад бывает только вишennyй.

— Хорошо, — Ларион кивнул. — Когда-нибудь на том склоне непременно появится вишennyй сад.

На улице уже почти стемнело, проснувшийся юго-западный ветер тащил с гнилого угла первую тучу, обещавшую скорый приход осени, но в зале на бронзовых канделябрах вспыхнули призрачные свечи, и стало светло.

— Ольга Юрьевна, — попросил Ларион, — а вы не могли бы еще сыграть? Хотя бы то же самое.

— Можно и другое. То был девятнадцатый ноктюрен ми-минор, а это — семнадцатый, до-диез-минор.

На этот раз звуки были глухо рокочущими, под стать идущей с запада туче. Чудилась скрытая тревога, боязнь приближающейся тьмы. И Ларион ничуть не удивился, когда сквозь аккорды различил натужный звук автомобильного мотора. Машина на самой малой скорости переезжала вброд ручей, отделявший усадьбу «Отрадное» от остального мира.

Музыка усилилась, словно хотела заглушить, оттолкнуть, прогнать чуждый звук, но двигатель взревывал все отчетливее, ближе, наконец внизу проскользил отблеск фар и, окончательно обкусив музыку, хлопнула автомобильная дверца.

— К вам гости, — произнесла Ольга Юрьевна, отступая в тень.

Внизу зашарил фонарь, должно быть, гости искали звонок, потом в дверь застучали. Колотили громко, по-хозяйски, не оставляя ни малейшей надежды не расслышать стука. Ларион вздохнул, зажег электричество и пошел открывать.

Почему-то он был уверен, что приехала милиция — кто еще может так властно стучать? Но четверо одетых в штатское мужчин явно не собирались предъявлять никаких документов. Один из них оттеснил Лариона в сторону и все четверо прошли внутрь.

— С кем имею честь? — спросил Ларион. Бесцеремонные визитеры ему крайне не понравились, но с ходу сменить манеру разговора он не сумел, продолжая изъясняться, словно житель минувшей эпохи.

Лариону не ответили. На него обращали внимания не больше, чем на предмет мебели.

Один из незваных гостей, невысокий и полненький, с улыбочкой мордашкой, держал в руках отблескивающий никелированными замками дипломат. Трое других — явные мордороты — явились с пустыми руками, лишь у одного имелся мощный фонарь. В первую секунду могло показаться, будто коротышка и есть главный, но Ларион быстро заметил, что один из мордоротов выглядит слишком сытым и беспечным, и значит, хозяин именно он.

— Кто вы такие, что вам от меня нужно? — повторил Ларион.

— Кто мы такие? — переспросил откормленный. — Нехорошо, начальство нужно знать в лицо. На первый раз ступай-ка, братец, на конюшню, да скажи, чтобы выпороли!..

Гости хохотнули шутке, а толстячок счел наконец нужным объяснить:

— Перед вами владелец усадьбы, его светлость граф Валерий Отрадьев.

Этого Ларион ожидал менее всего. Лишь после постыдно длинной паузы он выдал:

— Никаких Отрадьевых в природе не существовало. Здесь когда-то была усадьба графов Отрадиных, но ее сожгли еще в восемнадцатом году.

— Он будет меня просвещать по поводу моих предков, — процедил откормленный, усаживаясь в кресло-качалку, в котором любила сидеть Ольга Юрьевна. Весной Ларион стащил легкое кресло вниз, все лето оно простояло на террасе и лишь недавно было перенесено сюда. Когда-то Ольга Юрьевна тоже уселась в кресло без приглашения, но это было правильно, естественно и само собой разумелось. Женщина и должна садиться, не ожидая особого приглашения. И вообще, каждое появление Ольги Юрьевны выглядело уместно и удивительно естественно, как ни странно звучит это слово применительно к призраку. Во время их второй встречи, на террасе, когда они беседовали о лунном свете, Ольга Юрьевна тоже сидела в ротанговом кресле. А сейчас в нем развалился чужак и, не спросив, задымил сигаретой.

— Здесь не курят, — сказал Ларион.

— Хамит, — заметил Отрадьев, выпустив в сторону Лариона струю дыма. — Он еще ничего не понял. Борис Яковлевич, объясни ему популярно.

— Граф Валерий Андреевич Отрадьев, — проникновенно начал толстячок, — решил восстановить свои права на родовое имение. Заметьте, его сиятельство не стал требовать возмещения убытков, а попросту выкупил у государства и без того принадлежащие ему земли...

— Урочище «Барская пустошь» выкуплено мною три года назад! Все документы оформлены по закону и зарегистрированы в земельном кадастре!

— Сортир у тебя где? — подал голос его сиятельство.

— Удобства во дворе, — мстительно произнес Ларион.

— Так вот, сходи во двор и подотри свои документы.

— Возможные права третьих лиц на эти земли аннулированы, — с готовностью подтвердил Борис Яковлевич. — Мы не захватчики, а действуем строго в рамках закона. Но даже просто в рамках обычной человеческой морали сейчас восстанавливается историческая справедливость: граф Отрадьев возвращается в свое родовое поместье, дворянское гнездо, можно сказать!

— Какая историческая справедливость? Род Отрадиных давно пресекается, а у вашего... клиента и фамилия другая! Здесь жили Отрадины, а он, как вы сказали — Отрадьев.

— Это вы не в материале, — с готовностью закивал Борис Яковлевич. — В древних летописях часто встречаются разные написания одного родового имени. Порой даже появляются двойные фамилии: Белосельские-Белозерские, Драко-Драковичи... и, скажем, Бонч-Бруевичи. Аналогичная история и здесь: Отрадьевы-Отрадины. Причем, прошу заметить, Отрадьевы — старшая ветвь древнего рода.

— Не было никаких Отрадьевых! — закричал Ларион. — Отрадины — не столбовые дворяне, их нет ни в Белой, ни в Бархатной книгах! Так что древние летописи можете не поминать.

— Видали, — саркастически заметил Отрадьев, — он и в моей родословной разбирается лучше геральдической комиссии. Не тебе, было, рассуждать о дворянских корнях. У меня в роду сорок поколений благородных предков, понял?

Ларион не успел ответить, потому что в эту минуту в зале объявилась Ольга Юрьевна. Она не вошла в двери, а возникла ниоткуда, шагнув к развалившемуся в кресле Отрадьеву.

— Милостивый государь, вы самозванец! Извольте выйти вон!

Отрадьев щелчком отправил окурок в камин, прямо сквозь призрачную фигуру. Мордвороты у дверей остались неподвижны и даже пронырливый Борис Яковлевич продолжал поглаживать свой дипломат. Ни один из незваных гостей не обратил на призрак ни малейшего внимания, они попросту его не видели.

— Прочь отсюда!

Отрадьев щелкнул зажигалкой и закурил новую сигарету.

— Прочь! — Ольга Юрьевна попыталась дать пощечину новоявленному родственничку, но рука прошла сквозь выбритую щеку, не коснувшись ее.

Рассчитывать на действенную помощь Ольги Юрьевны не приходилось.

— Послушайте, — произнес Ларион, — я не понимаю, чего вы добиваетесь. Всем известно, что усадьба была сожжена во время революции. В течение восьмидесяти лет здесь была пустошь. Бросовые земли, последние годы тут даже не косили. И усадьба восстановлена мною, строительство закончено в этом году. Это тоже известно всем, так что ваши претензии...

— Кто такие «все»? — поинтересовался Борис Яковлевич. — У них есть конкретные имена? Они придут свидетельствовать в суде? Предоставят какие-то документы?

— Есть и документы. Дом строила компания «Русский лес», они подтвердят мои слова.

— М-м?.. — Отрадьеv поворотил голову в сторону юриста.

— Совершенно верно, — вновь закивал толстячок. — Усадьбу восстановливала фирма «Русский лес», владелец — господин Каштун. Я беседовал с ним на днях, и он заявил, что готов, если понадобится, свидетельствовать в нашу пользу. Документы у него в порядке: сметы, расходные ордера... я уже получил копии всех денежных документов для предоставления в налоговую инспекцию. Построить такой дом стоит довольно дорого, значит, и налоговые льготы окажутся значительными. Кстати, если господин... э-э... Фомин решит обратиться в суд, сумеет ли он объяснить, откуда у него такие средства?

Удар безжалостно точный! Информация о сумме гонорара недаром была приватной, поскольку большую часть денег за роспись конференц-зала Ларион Фомин получил черным налом. Собственно говоря, его даже не спрашивали, как оформлять выплату — просто выдали толстую пачку долларов, а в ведомости предложили расписаться за совсем иную сумму. И не в баксах, а в рублях. Деньги Ларион взял, и ничто в душе не дрогнуло. Оно, конечно, незаконно, но в нашей стране попробуй жить по закону — мигом и работодатель, и работник пойдут по миру. У русского человека издавна привычка закон нарушать, порой даже ни о чем таком не думая. И вот аукнулось.

Ларион потерянно молчал, машинально прокручивая последнюю пришедшую в голову мысль: «Рейдеры... Этих людей называют рейдерами. Они приходят и делают так, что твое имущество начинает принадлежать кому-то другому. И ничего не докажешь, у этих бандитов все схвачено, у них все по закону. Они не воры, они грабители в законе...»

Отрадьеv толчком раскачал кресло и, запрокинув голову, проговорил мечтательно:

— Здесь будет мой охотничий домик. Говорят, в этих местах прекрасная охота. Медведи, лоси, кабаны... Всю жизнь мечтал застрелить медведя, причем не просто так, а в собственных охотничьих угодьях. Гостей буду приглашать, пусть посмотрят, как настоящие бары живут. Дом оформлен миленько, хотя, конечно, обстановкой придется подзаняться. Чучело медведя поставлю, а в кабинете — впрячью голову. На стенах портреты предков... Эй, мазилка, хочешь заказ на портреты? Не, где тебе, рылом не вышел. Так-то... Дом, конечно, обошелся дороговато, так что ты, Борис, молодец, потому как о налоговых льготах подумал. Но главное, не деньги, главное — честь предков! Ноблез, так сказать, облиз!

— Какой у вас ноблез? — обреченно произнес Ларион. — Титулами вроде вашего в открытую торгуют. Десять тысяч баксов, и импера-

торский геральдический комитет вместе с престололюбостителем — не помню, какой мошенник присвоил это звание — выведут ваш род хоть от самого Рюрика.

— Та-ак... — мрачно протянул Отрадьев. — Вот он как заговорил? А я еще собирался этому козлу хороший откат предложить... Но теперь все, кончилось мое терпение! Забирай свою пачкотню и мотай отсюда, чтобы я больше тебя не видел!

В зале висели две картины кисти Лариона. Пейзаж с усадьбой, самый первый, написанный, когда здесь не было ничего, кроме одуванчиков, и жанровая сцена, где возле горы переколотых, но куда не окладенных дров курили Володька Замятин и Генка Проглот. Отрадьев задержался взглядом на пейзаже, буркнул: «Это сойдет на первый случай», — а вторую картину сорвал с крюков и швырнул через весь зал под ноги задохнувшемуся от гнева и ужаса Лариону.

— Что ты делаешь, сволочь!

Ларион метнулся вперед, охранники мгновенно сбросили сонное оцепенение, но, увидав, что Ларион кинулся не на шефа, а к картине, вновь замерли, прилипнув к стенам.

Неизвестно, что сделал бы в следующую секунду Ларион, если бы не Ольга Юрьевна. Она бросилась на колени перед картиной, проверяя, цел ли холст, но выглядело это так, словно она на коленях упрашивает Лариона во что бы то ни стало прекратить мучительную сцену.

— Ларион Сергеевич, голубчик, умоляю, уйдем отсюда!

И хотя внутри все кипело от ярости, Ларион сумел сдержаться. Он помог женщине встать, поднял чудом уцелевшую картину и молча направился к дверям.

— Дуй отсюда, говнюк! — напутствовал его Отрадьев. — И пеняй на себя, если снова мне попадешься!

Борис Яковлевич и один из охранников демонстративно прошли вслед за Ларионом в прихожую, где на вычурной корневой вешалке одиноко висел Ларионов зонтик.

— Ваш зонт, — напомнил адвокат. — Мы люди честные, нам чужого не надо.

Ларион выразительно посмотрел на него, адвокат приветливо улыбнулся в ответ.

На улице порывами бил ветер, с закатной стороны шла запоздалая августовская гроза.

В одной руке Ларион нес картину и зонтик, впихнутый ему на выходе, второй придерживал за локоть Ольгу Юрьевну. Стороннему на-

блюдателю, не способному разглядеть призрачную даму, должно быть, представлялось забавное зрелище. Рука Ольги Юрьевны была холодной и напоминала касание ночного тумана. Но даже самый шквалистый ветер не мог унести этот туман.

— Хорошо, что вы ушли, — твердила Ольга Юрьевна. — Ужасные люди, они могли искалечить вас. Особенно парвеню, называвший себя графом. Я думаю, он просто безумен. Какой бред он нес о своих, якобы благородных предках! Он не только не имеет никакого отношения к нашему роду, он даже не Отрадьев. Я хорошо чувствую такие вещи. Его настоящая фамилия — Отродьев, но он сменил ее уже давно, потому что она неблагозвучна. Чисто лакейский поступок... несчастный человек, но при этом его даже не жалко.

— С чего же это он несчастный? — не удержался от недоброго вопроса Ларион.

— Не может быть счастливым тот, у кого не осталось даже имени.

Первые крупные капли дождя шлепнулись на землю. Ларион остановился в конце березовой аллеи, поставил картину на землю, прислонив к смутно белеющему стволу, раскрыл зонтик над головой Ольги Юрьевны.

— Ларион Сергеевич, экой вы, право, — тихо произнесла женщина, — Дождика я не боюсь, за девяносто бездомных лет сколько этих дождей сквозь меня пролилось — устанешь считать. А вот себя вам поберечь надо.

— Не сахарный, — коротко ответил Ларион.

Холодный дождь не остужал тлеющую в груди ярость. Струйки воды, стекавшие с волос за шиворот, вызывали озноб, но ничуть не успокаивали. Второй раз в жизни Лариона кинули так нагло и бесцеремонно. Первый раз такое случилось еще в студенческие годы на излете советской власти. Тогда Ларион подрядился оформлять территорию военного завода. На стенах заводских цехов нужно было намалевать лозунги: «На работу с радостью, с работы с гордостью!» — и прочее в том же духе. А под лозунгами изобразить вдохновенные пролетарские физиономии. Работать приходилось, болтаясь на спущенной с крыши веревке, что само по себе не облегчало задачи. А когда задание было выполнено, Лариона просто не пустили на завод. Ларион кинулся звонить директору, но услышал в ответ:

— У вас договор есть?

— Нет, но вы же обещали — оплата по выполнении...

— Я ничего не обещаю без договора, а кто вы такой, и вовсе не знаю. Всего хорошего.

С заводом Ларион расквитался радикально: вооружившись самодельной пращей и кучей стеклянных банок с краской, залез на крышу дома, с которой просматривалась заводская территория, и заляпал безобразными зелеными пятнами все свое художество. А один пузырек умудрился положить ровно в окно директорского кабинета. На покупку зеленой краски ушла вся стипендия, так что вместо заработка получилось сплошное разорение, но о поступке своем Ларион никогда не жалел.

А как быть в данной ситуации? Чем художник, пусть даже и добившийся успеха, может досадить Валерию Отрадьеву? Руки короткие, и праща в данном случае не поможет. Все, как в считалочке: Ларион, пошел вон — вот и весь сказ.

Дождь хлестал все сильнее, обратившись в настоящий ливень, какие разве что в июне бывают. По строительной площадке, не успевшей порости муравой, бежали желтые от глины ручьи. Ларион измок до нитки, но упорно продолжал держать зонт над головой неуязвимой Ольги Юрьевны.

*Всю ночь сижу я и страдаю,
Темно вокруг и грустно мне.
А струйки мутные так медленно стекают
За воротник и по спине...*

По какой ассоциации припомнилась старая туристская песня? Ах, да, студенческая месть заводу! А что делать теперь? Не отдавать же младокровному мерзавцу все, ради чего жил последние годы? Жаль даже не денег, хотя строительство выпотрошило Ларионов бюджет вчистую. Но нестерпимо думать, что в любовно восстановленном доме будет хозяйничать тип, которого в былые годы и до людской не допустили бы. Граф Отрадьев — как язык-то поворачивается выговорить такое? А ведь ему поверят, деньги умеют уговаривать. Родовое гнездо — вот оно, пожалуйста! Портреты предков закажет у Ильи Глазунова. На охоту станет выезжать в Пашину ухожу, со сворой собак и егелей. И, конечно, исполнит давнюю мечту: сидя на вышке, в полной безопасности, застрелит живущую в ухोजе медведицу. Плевать ему, что это запрещено законом, он граф и, значит, в своем праве.

Прямо хоть бери дедову двустволку и устраивай засидку на Барской пустоши.

*Ружье — грох! Граф — кувырк!
А не ходил бы ты, граф, за чужим добром!*

Как же, так ему и позволят засидку устроить! Телохранителей видал? Профессионалы... По всему знать, не один Ларион мечтает по-

квитаться с обидчиком. Тьфу, даже не знаешь, как его величать: Отрадьев-Отродьев... Драко-Дракович.

Ольга Юрьевна поднялась с камушка, на который присела поначалу, встала так, чтобы и на Ларионову долю достался кусочек зонта. Они стояли недопустимо близко, с точки зрения морали девятнадцатого века. Хотя что может знать мораль? Моральные императивы неприменимы ни к призракам, ни к художникам.

— Ларион Сергеевич, — тихо произнесла Ольга Юрьевна, — я догадываюсь, о чем вы сейчас думаете. Не надо этого делать. Даже двести лет назад такое уже не помогало.

— Так что же, сдаться на милость победителя?

— Ни в коем случае! Этот выскочка думает, что купил наше имя. Он полагает, что захватил наш дом и отныне ему принадлежат прошлое и будущее. Он ошибается, ему не принадлежит даже настоящее. Мы привыкли переделывать историю в угоду толстым кошелькам, но всему на свете должен быть предел. Продается все, кроме чести, и сколько бы ни было денег у отродья, нашу фамилию он не купит.

— И тем не менее, — с горечью произнес Ларион, — он сидит там, а мы мокнем здесь.

— Вот именно — мы. Я могла жить на развалинах, но оставаться рядом с этим нуворишем — выше моих сил. И я ушла с вами. У вас нет родословной, но есть благородство и честь, а это важнее. А без меня, я это говорила, дом стоять не будет. Смотрите... — Ольга Юрьевна подалась вперед, указывая в дождливую темноту, — вон там, под берегом, прежде били родники. Криница была обустроена, берег камушками цветными выложен. Потому и колодца при усадьбе не копали. Когда усадьба сгорела, обломки и часть фундамента обрушились в криницу и засыпали родники. Остался только тот, что ниже по течению. Девяносто лет источник был заперт под землей, но сегодня его заточению придет конец. Я ушла, да еще и этот дождь... Смотрите...

Август, поздний вечер, дождь... что там можно разглядеть? Но недаром Лариону достались зоркие дедовы глаза. Нет родословной, но есть род. Ларион видел происходящее как на собственной ладони. Вздувшийся ручей, оплывающие пласты глины и песка... бревенчатый сарайчик покосился и с медленным хрустом завалился набок. Движок генератора смолк, хотя его и прежде было не особо слышно, свет в доме погас, исчерченные дождем окна погрузились во тьму. Впрочем, почти сразу вновь замелькал свет, беспокойно мечущийся из стороны в сторону.

Точно, вспомнил Ларион, ведь рейдеры заявили к нему с мощным переносным фонарем. И сейчас ищут причину поломки. Ни про-

бок, ни счетчика в доме нет — зачем при собственном генераторе? Значит, скоро они выйдут на улицу и увидят, что происходит.

Дождь продолжал хлестать, глина плыла вниз, новорожденный овраг подбирался к самому дому. Серебристый джип, оставленный на берегу, накренился и тоже поплыл под откос. По-милицейски завывала сигнализация.

Луч света, шаривший по террасе, немедля переместился на лужайку перед домом.

— Ну, если это мудро чего натворило, — донесся рев Отрадьева, — он у меня ответит! На запчасти пушу недоноска!

Темные фигуры заметались по двору, и в эту минуту качнулась и начала крениться стена холодного флигеля.

Ничего не скажешь, отрадьевские охранники показали себя настоящими профессионалами. Прежде всего они кинулись спасать хозяйна. Если бы Ларион в свое время поддался на уговоры двурушника Каштуна и построил дом не из кругляка, а из бруса, телохранителям удалось бы выдернуть шефа из-под удара, но круглое бревно, подпрыгнув, ударило одного из мордоротов по ногам, и он не сумел отшвырнуть Отрадьева достаточно далеко. Косая четырехвершковая стропилина упруго сыграла о груди бревен, в которую превратилась рухнувшая стена, и уже на излете приложила к лысому черепу самозваного сиятельства.

Далее Ларион не смотрел. Оскальзываясь в мокрой траве, он бежал на выручку гибнущим людям.

Странно устроен интеллигентный человек. Только что мечтал об убийстве и на полном серьезе был готов взяться за ружье, а как сбылась кровожадная мечта, тут же помчал спасать мерзавца, которого минуту назад вполне обоснованно хотел убить.

Впрочем, спасать пришлось не Отрадьева, а самоотверженного телохранителя, ноги которого остались под завалом бревен.

Второй охранник в критической ситуации проявил себя изрядным психологом. Ни на мгновение он не заподозрил Лариона в желании добить пострадавших и с ходу принял помощь.

— Лом у вас есть? — закричал он. — Лом нужен!

Лом и прочий инструмент, запретный для тонких пальцев художника, хранился в гараже, оформленном под конюшню. В две минуты часть бревен была растащена, под остальные подведена вага, приспособленная из того самого бревна, что огрело по темени Отрадьева. Хрипя от натуги, охранник приподнял завал, а Ларион, ухватив под мышки, вытащил пострадавшего.

Все это время Борис Яковлевич метался из стороны в сторону, нечленораздельно кудахтал и пытался нажимать кнопки мобильного телефона, бесполезного в этой глуши. Спутниковая мобила Отрадьева оказалась разбита в кашу и тоже бездействовала.

Освободив раненого, занялись машиной. Ларионовский жигуленок оставался в деревне, так что пришлось ставить на колеса увязший в грязи «порш-кайен». Положение усугублялось тем, что еще одна стропилина с крыши рассыпавшегося флигеля вмазала торцом в серебристый борт.

В пустом гараже нашелся буксировочный трос и ручная лебедка. Трос зачалили вокруг ствола старой березы и постепенно выволокли джип на твердую землю. Затем при помощи все той же ваги двухтонная машина была варварски перевернута и встала на колеса. Удар о землю разнесся далеко окрест, как если бы очень большой медведь сорвался с осины, на которую вздумал сдуру залезть.

Удивительный образом мотор покалеченного «порша» заработал как ни в чем не бывало, доказав себе и остальному миру, что крутая тачка, это не хухры-мухры.

Лишь затем Ларион повернулся к сидящему на земле Валерию Отрадьеву.

Есть люди со столь грубой душевной организацией, что поневоле задумаешься, а умеют ли они чувствовать вообще? Но даже в самой тупой башке многое проясняется, если как следует приложить по ней четырехвершковым бревном. Впервые сиятельный нувориш видел то, чего прежде не мог разглядеть ни за какие деньги. Из дождливой тьмы один за другим выходили люди. Они останавливались и разглядывали его, словно отвратительное, полураздавленное насекомое. Бывшие владельцы усадьбы «Отрадное» — пехотные офицеры и коллежские асессоры, горные инженеры, экстраординарные профессора, — служилые дворяне, они не могли и не хотели жуировать жизнью за крестьянским хребтом. Как и следует из их звания, они исполняли государственную службу и в новгородское имение возвращались лишь на время вакансий или выслужив полный пенсион. Среди них не было прославленных деятелей, но титул свой они оплатили не мощной, а кровью.

Их взгляды жгли, презрение убивало.

— Выскочка!.. Парвеню!.. Самозванец!

Чернявый мужчина в старинном стрелецком кафтане встал рядом с Ларионом, медленно потянул из ножен источенную в ратных делах саблю.

— Что с ним делать будем?

— Пусть уплзает, — ответил Ларион. Он наклонился к Отрадьеву и, глядя в белые глаза, спросил: — Ты понял, что с тобой случится, если ты еще раз появишься на моем пути?

— Б-б... ва... — согласно икнул несостоявшийся граф.

Ларион рывком поднял безвольное отрадьевское тело. Вдвоем с охранником они усадили Отрадьева на переднее сиденье джипа, сзади уложили второго охранника, у которого, кажется, были сломаны ноги. Оставшийся целым телохранитель действовал быстро, четко и целеустремленно. Никаких призраков он не видел, и те тоже не обращали на него внимания. Обустроив шефа и товарища, телохранитель уселся за баранку, прощально кивнул Лариону, и джип, вихляя поврежденным колесом, двинулся к броду.

— Эй, а меня?! — закричал забытый Борис Яковлевич.

— Там нет места, — пояснил Ларион. — У человека сломаны ноги, он не может сидеть.

— А как же я?

— А ты — сзади. Петушком, петушком...

Машина, взревывая и подсвечивая себе единственной фарой, взбиралась на косогор по ту сторону ручья.

— Уехали! — плачущим голосом проблеял адвокат. — Меня кинули!

— Документы на дом где? — потребовал Ларион.

— Там, всё там! — Борис Яковлевич замахал ручонками в сторону усадьбы, всем видом показывая, что согласен скорее умереть, нежели хоть на минуту вернуться под готовую обрушиться кровлю.

— Значит, так, — сказал Ларион. — Через ручей перейдешь по камушкам, смотри не оскользнься, а дальше дорога плотная, не собьешься. До деревни пять километров. Оттуда автобус до райцентра ходит, два раза в неделю. Захочешь, доберешься.

Адвокат нерешительно направился в сторону брода. Ларион нагнал его, протянул зонтик.

— На вот, возьми. А то вымокнешь дорóгой.

Теперь, окончательно разобравшись с рейдерами, Ларион смог взглянуть на своих спасителей.

Отрадины уходили в ночь, в то небытие, что на недолгие минуты отпустило их. Хотя почему в небытие? Ведь они явились из прошлого, которое реально было, и потому непременно существует и днесь.

Допетровский стрелец задержался на шаг, остро улыбнулся сквозь клочковатую татарскую бороду:

— Что, тезка, крутенько пришлось? Смотри, теперь твоя очередь дом ставить и род. Ну да ты справишься, Ларионы народ упорный.

Они ушли, оставив Лариона оценивать ущерб и приводить в порядок чувства.

Полуразваленная усадьба производила удручающее впечатление. Придется укреплять берег, разбирать завалы на месте рухнувших флигеля и сарая. Генератор почти наверняка погиб. Весь дом накренился, врубленные в пазы бревна, составлявшие боковые стены холодного флигеля, опасно висят, угрожая довершить разрушение. Все это надо будет аккуратно снимать, и не когда-нибудь, а сейчас; зиму руина не простоит. Двухэтажную часть придется поддомкрачивать, подводить в фундамент новые камни, заливать бетоном... А на какие шиши? Денег на счету не осталось, и серьезных доходов впереди не предвидится.

Что творится внутри, лучше не представлять. Наборный паркет наверняка покоробился, фирменная паутинка изломалась или осыпалась, резные панно не держатся на покривившихся стенах. На второй этаж подниматься попросту опасно. Камин и печи растрескались, все требует ремонта, срочного и дорогостоящего. По-настоящему уцелели только баня, гараж и кухонный флигель. Но если обрушится центральная часть, то и флигель не устоит.

В голове против воли мелькнула догадливая мысль — позвонить иудушке Каштуну и попенять: «Как же так, приехал наемни господин Отрадьев родовым именем полюбоваться, а ваше строение ему прямо на голову рухнуло. Нехорошо получается...»

Каштун, конечно, примчится, и кое-что с него удастся сорвать. Скажем, работы по укреплению фундамента и разборку рухнувшего крыла. Конечно, он будет ныть: мол, гидрографию вы не заказывали, а без нее кто мог знать, что под берегом родники?.. Да, не заказывали, а ты предлагал? Кто из нас специалист — бедный художник или владелец фирмы «Русский лес»? Так что вполне можно кое-что исправить за счет мироеда. Вот только противно это, аж мочи нет. Уж лучше как-нибудь самому.

Из темноты подошла Ольга Юрьевна. На ней по-прежнему был костюм курсистки, только шляпка и перчатки пропали, должно быть, забыты на каминной полке.

— Вы замечательно поступили, Ларион Сергеевич, когда побежали спасать этих людей. Нет, тут не было никакого испытания, один только ваш выбор. Останься вы на месте, эти четверо погибли бы. Но и дом тогда рухнул бы полностью, его было бы уже не восстановить. От вас зависело, наказать обидчиков такую ценой или простить.

— Вот уж прощать я их не собираюсь, — проворчал Ларион.

— Тем не менее они уехали, а дом, хоть и пострадал, но остался цел. И не надо смотреть так безнадежно. Конечно, на починку потребуется время и силы, но вы справитесь. А с деньгами и вовсе проблемы не будет. Идите за мной, я должна вам кое-что показать.

Они спустились к ручью, обойдя оползень, и вышли туда, где освобожденный источник размывал себе дорогу среди старых и новых обломков. Вода уже очистилась от мути, было видно, как кипит дно криницы. Вечный танец песчинок в родниковых струях... Несколько плоских камней лежало неглубоко под водой, должно быть, прежде они обрамляли берег, но потом сползли вниз, либо же, напротив, вода поднялась высоко.

— Ну вот, — виновато произнесла Ольга Юрьевна, — не подумала. Как говорил сегодняшний лакей: тут нужен лом.

Ларион притащил лом, забытый возле бревенчатого завала. Ольга Юрьевна ждала внизу, в руке горела вечная свеча. Дождь уже кончился, и хотя ветер никак не мог успокоиться, язычок пламени на фитиле стоял неподвижно. Да и что может задуть такую свечу?

— Вот этот камень, — указала Ольга Юрьевна.

По виду камень казался здоровенным валуном, какой трактором двигать впору, но когда Ларион, ступив кроссовками в ледяную воду, поддел ломом край гранитного великана, тот оказался неожиданно тонким, и после некоторых усилий его удалось перевернуть. Течение быстро унесло взвихрившуюся муть, и через минуту в воде обнаружилось что-то покуда непонятное, затянутое илом и песком.

Ларион присел на корточки, опустил в воду сразу озябшие руки, стараясь промыть и разглядеть, что лежит под камнем. Кажется, это была полностью истлевшая укладка, сундучок, в каких прежде девушки копили приданое. Такие укладки и посейчас порой встречаются в старых деревенских домах. Крышка сундучка провалилась, внутрь натянуло песка, и что там лежит, было не разобрать.

— Это клад? — спросил Ларион.

Полночь, редкие звезды в просветах рваных туч, полуразрушенный дом, истлевший сундук с неведомыми сокровищами и призрак, стоящий рядом со свечой в руке. О, сколько восклицательных знаков поставил бы, описывая эту сцену, автор готических романов! А Ларион спросил просто и буднично, словно каждый день добывал из земли нечто подобное.

— Можно сказать и так, — Ольга Юрьевна кивнула. — Отрадины были не слишком богаты, фамильных драгоценностей у нас не важна-

лось, но столовое серебро в те поры было в каждой приличной семье. Его успели спрятать дня за два до того, как пришли... экспроприаторы. Они забрали все, что только можно, рылись в подвале, искали, нет ли свежих копанок в саду. Но серебро не нашли, течение загладило следы. Так оно и пролежало в воде девяносто лет. Теперь я отдаю его вам. Не бог весть какая ценность, но на починку дома должно хватить.

В течение полчаса Ларион вытаскивал из жидкой грязи серебряную утварь, тут же споласкивал ее в ручье и укладывал в корзину, принесенную из дома. Наконец Ольга Юрьевна сказала, что больше в кринице нет ничего. Дрожа от холода, Ларион поволок тяжеленную корзину к дому. Ольга Юрьевна проводила его до входа во флигель, но когда Ларион распахнул перед ней двери, сказала:

— Простите, Ларион Сергеевич, но я пойду к себе. Я очень устала сегодня.

— Но завтра вы придете? — испуганно спросил Ларион.

— Да, конечно, завтра я приду непременно. А за дом не беспокойтесь, он не рухнет. Хотя чинить надо не мешкая.

Оказавшись под крышей, иззябший Ларион первым делом затопил печь. Выгреб старую золу, сложил дрова большой клеткой, запалил бересту. Русские печи бывают такими же разными, как и русские люди. У новгородки колпак и труба выложены впереди чела, ровно над шестком. Считается, что такая печь капризна, без присмотра ее не оставишь, того гляди, вылетит уголек и подпалит весь дом. Зато нет в мире более завораживающего зрелища, чем топящаяся новгородка. Дым и языки пламени бьют, кажется, в самую избу, но совсем немного не достигая лица сидящего, круто изгибаются и уходят под колпак. Ни в каком самом изысканном камине нет такого эффекта. Перед новгородкой можно греться, как перед камином, а в то время, когда топится безопасная псковка, в избе становится только холоднее.

В книгах, написанных незнающими людьми, сплошь и рядом можно прочесть, как в русскую печь подбрасывают дров. Чушь, бессмысленное и глупое занятие! Сколько ни кидай в печку поленьев, все тепло уйдет через широкую прямую трубу, а снаружи натянет стылого воздуха. В русской печи делают одну закладку, а когда дрова прогорят, разгребают угли по загнеткам и кладут на дымоход стальной кружок выюшки. И тут же вся изба наполняется ленивым сонным теплом.

Но хозяйке дремать некогда. Пока печь разогрета, начинается самая стряпня. Чугунок со шами для завтрашнего обеда ставится поближе к угольям, горшок с кашей — к дальней стенке, а на середку на

двух кирпичинах устанавливают противень с пирогом, который будут есть вечером. Раньше и хлеб пекли в русской печи — искусство ныне почти забытое.

Когда в доме нет хозяйки, стряпней занимается бобыль. И неважно, что всего пару часов назад пришлось сцепляться с рейдерами, а потом выкапывать клад. Кушать хочется каждый день, и в этом есть непреложная правда жизни. Вот только пироги бобыли не пекут, обходятся щами и кашей. Так спорей получается.

Ларион сидел, ожидая, пока прогорит угар, и чистил золой фамильное серебро графов Отрадиных. Ложки, ножи — столовые и с зубчиками по краю для рыбы, — половник с изогнутой ручкой, солонку, литую супницу. Дюжину чеканных стопок для водки, шесть кубков... Серебро было тяжелым, на вилках и ложках — вензели, на половнике и супнице — графские короны и дата: 1818. Трудно сказать, сколько можно выручить за подобный столовый прибор в антикварном магазине. Всяко дело, много... на ремонт хватит с избытком.

Забавно, Ольга Юрьевна говорила: «починка». Для нее ремонт — термин кавалерийский.

Впрочем, ремонт или починка — денег хватит на все. Вот только купит семейную реликвию какой-нибудь нувориш, граф Отродьев. От этой мысли становится мертво на душе.

И еще одна убийственная мысль... Когда-то он спросил Ольгу Юрьевну: «Ведь из-за чего-то вы бродите здесь...» Полученный ответ полностью удовлетворил его, но теперь из родника вынырнул клад, и в сердце поселилось сомнение. Не окажется ли это серебро вещественным воплощением семейной памяти? Ольга Юрьевна сказала, что непременно придет завтра... то есть уже сегодня. А послезавтра — кто гарантирует, что она не уйдет навсегда, если продать эту посуду? В таком деле рисковать нельзя, лучше сразу пойти и закопать начищенное серебро в песчаном дне родника... и Ольга Юрьевна не исчезнет, она по-прежнему будет неприкаянно бродить округ, охраняя полпуда столовых ложек. Как ни поверни, все получается худо.

Оставить старинное серебро у себя, создать нечто вроде музея помещичьего быта? Оно, конечно, звучит красиво: музей-усадьба «Отрадное». Но чем вещи, похороненные в витрине, отличаются от похороненных в земле? Есть в экономической науке такое понятие: «сокровище». Это мертвые, лежащие без движения ценности. И не важно, где они лежат: в земле, сундуке или витрине. Важно, что они мертвы.

Ларион горько рассмеялся. Экие страсти — и из-за чего? Добро бы нашлись драгоценности древних царей, зачатые языческие святыни,

бриллиант с кровавой историей, тянущейся сквозь века!.. Но ложки, супница, солонка — они-то какое отношение имеют к судьбам людей? Ложкой надо есть суп, на роль жупела она не годится.

Ларион протер полотенцем надраенную солонку, всыпал в нее пол-пригоршни крупной серой соли. Покачал головой, поставил солонку на стол и повернулся к печи. Дрова прогорели, пора закрывать трубу.

* * *

Ольгу Юрьевну Ларион нашел на лужайке перед домом. На этот раз видение было одето в шелковую амазонку, переливающуюся на солнце всеми оттенками бирюзового. В руках, как напоминание о ночной грозе, красовался почти игрушечный кружевной зонтик.

— Доброе утро, — сказал Ларион, подходя. — Вы знаете, я долго думал, как поступить с вашим подарком, и, кажется, нашел выход. Идемте, я хотел бы вам показать...

Они прошли в столовую, и Ольга Юрьевна замерла в недоумении. Струганый стол был застелен скатертью, посредине возвышалась серебряная супница, над которой поднимался густой сытный пар. Рядом ожидали две глубокие фаянсовые тарелки, принесенные когда-то из бабушкиного дома, и ложки с вензелями графов Отрадиных.

— Что это? — прошептала Ольга Юрьевна.

— Серые щи. Кушанье самое простонародное, но у меня не было других продуктов. Солонина, крошево из капустного листа, немножко крупы. Все-таки это лучше, чем ничего. Прошу к столу!

— Но я не умею есть! — испуганно воскликнула Ольга Юрьевна.

— А вы пробовали?

— Нет. Мне просто в голову не приходило. И потом, где я могла попробовать? Меня никто никогда не угощал.

— Ну так попробуйте. Ваше серебро должно быть при деле, а для ложек другого дела не придумано.

Ларион влил в старую тарелку половник наваристых, так что не продуешь, шей, придвинул Ольге Юрьевне. Та села, осторожно взялась за ложку.

— Боже, как вкусно! Вы уверены, что дворяне этого не ели?

— Не знаю. Говорят, Александр Третий любил зеленые щи с крапивою. Тоже мужицкая еда. Впрочем, не все ли равно? Вы ешьте... — Он осторожно коснулся теплой женской руки и добавил: — А дом мы с вами вместе все равно восстановим.

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ЗЕМЛЯ

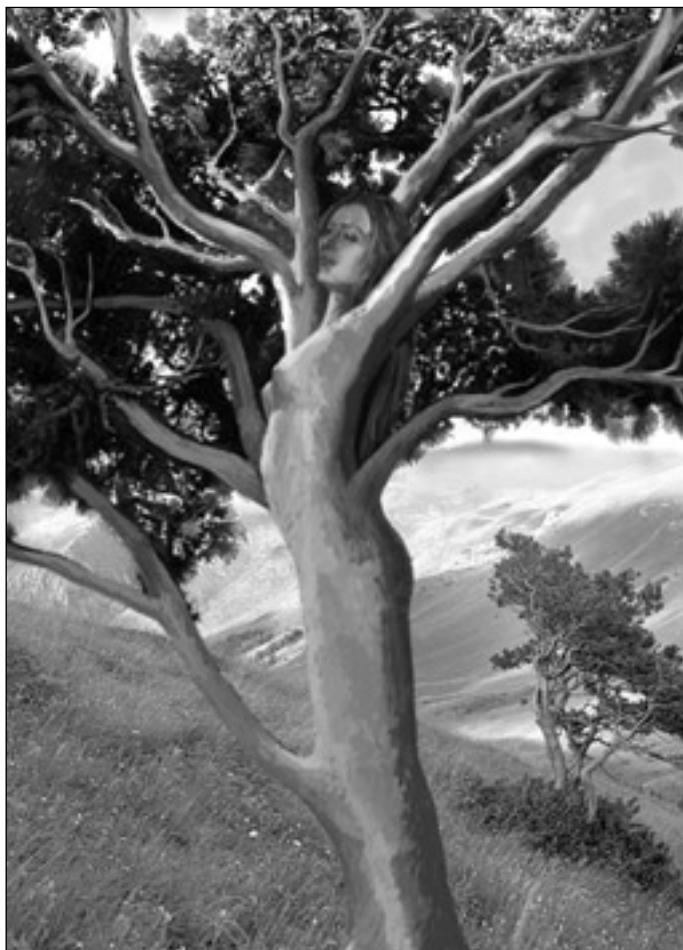

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ВЕСНАРОВ

К полудню ветер опять посвежел, и дальше поезд шел на всех парусах и почти без остановок. Земледелец, мой сосед, дремал на скамейке напротив. Я смотрел в окно — не отрываясь, час за часом.

Солнце склонялось. На вывесках полустанков мелькали знакомые названия, я смотрел — и ничего не узнавал. Передо мной расстилалась моя страна, моя Цветущая, равнины сменялись холмами, леса — открытыми пространствами, но ни один пейзаж, ни одна живописная балка или холм, поросший колючим кустарником, не заставляли мое сердце забиться сильнее. За те двадцать с лишним лет, что прошли со дня моего отъезда, все изменилось. Совсем. Безвозвратно.

Кое-где в траве паслись стада нелюдей. Четвероногие, крупные, покрытые черной и рыжей шерстью, эти твари срывали зубами траву, жевали и смотрели вслед поезду круглыми, ничего не выражающими глазами. Все изменилось в Цветущей. Все изменилось...

Прошел кондуктор, объявляя, что Светлые Холмы — через полчаса. Я снял с багажной полки свой заплечный мешок, попрощался с фермером и поднялся на крышу.

Дорога впереди поворачивала по широкой дуге, команда готовилась выполнить маневр. Я смотрел, как убирают паруса по правому борту, как складывают главное несущее полотно; мне не так часто доводилось путешествовать на поезде. А столь далеко — вообще никогда.

Поезд повернул. Через несколько минут я увидел впереди станцию — Светлые Холмы, в этом не было сомнений. Замедляя движение, поезд миновал впадину между двумя пригорками. Оглушительно свистнул кондуктор. Я дождался, пока подножка поравняется с дощатым перроном, и прыгнул.

Я был единственным пассажиром, который сошел в Холмах. Мое место на поезде тут же было занято: пробежав с десятков шагов вдоль платформы, на верхнюю палубу вскочил мальчишка лет пятнадцати. Он был одет по-крестьянски, на плече у него болталась котомка, и способ, каким он забрался на поезд, выдавал привычного и умелого путешественника.

Кондуктор подал знак капитану. Тот свистнул матросам, и через минуту несущее полотно развернулось опять. Я смотрел, как парус наполняется ветром; мальчишка, замерев на верхней палубе, смотрел тоже. Потом обернулся ко мне и вдруг, скорчив рожу, выбросил, как флаг, непомерно длинный язык: видимо, его приводило в восторг, что догнать и надрать уши я уже не сумею...

Я улыбнулся.

Поезд катился, все ускоряясь, по направлению к Дальним Углам и наконец скрылся за холмами. Я стоял на перроне, маленьком, безлюдном. На вывеске крупными черными буквами значилось йолльское название: «Фатинмер». И ниже на языке Цветущей: «Светлые Холмы».

Двадцать три года назад здесь не было никакой станции. Не было железной дороги. Был тракт. Был обоз — череда двуколок на огромных колесах, каждую из которых катили по четыре человека. Были путники, молча идущие рядом. Мне, семилетнему, иногда разрешали держаться за чей-то пояс... И я шагал, едва переступая ногами, спасаясь от смерти.

Сегодня я вернулся. И — руку готов положить на рельсы — меня теперь невозможно узнать.

Вниз с перрона вела хлипкая лестница, скрипевшая при каждом шаге. Я спустился; человек, сидевший в будочке смотрителя, был мне совершенно незнаком.

— В Холмы, добрый путешественник? Надолго? Ищете хорошую гостиницу и недорогую?

Он не спросил, бывал ли я раньше в Холмах, решил, что не бывал. Мне даже играть не приходилось — я *чувствовал* себя чужаком. «Добрый путешественником».

— Вы меня очень обяжете, — сказал я смотрителю.

Он с готовностью вытащил из конторки стопку темных бумажных квадратов.

— Гостиница «Фатинмер», в центре... Отдадите вот это хозяйке — получите скидку.

Я принял бумажку у него из рук. Меня неприятно поразило название гостиницы. Что, наши уже и между собой называют предметы йолльскими кличками?

Смотритель ничего не заметил. То ли я так хорошо научился владеть собой за годы городской жизни. То ли он, обалдевший от станционной скуки, потерял остатки наблюдательности.

— Прямо по дороге, добрый господин, на распутье налево. До темноты, глядишь, и дойдете...

Я поблагодарил его.

Вечерело. Трава переливалась, освещенная низким солнцем, и это была не та трава. Не такая, не ее я помнил с детства. А может быть, мне казалось, что помню.

Я шел по Холмистому Тракту. Вокруг не было ни души. В дорожной пыли кое-где явственно виднелись отпечатки подков. Нелюдей

обувают железом, говорил когда-то мой дед. Тогда и слова-то такого не было — «подковы»...

По-йолльски — олф.

Дорога поднялась на пригорок. Сделались видны поля на много верст вокруг. На северо-востоке показался Холмовый лес — тоже неузнаваемый. Еще бы: его и жгли, и рубили, и прореживали. Мы с дедом почти полгода жили в Холмовом, оттуда нас не могли ни выбить, ни выкурить... Теперь на пепелище появился молодой подлесок, издали лес казался светлым и зеленым. А на опушке, на склоне холма, маячил тяжелый каменный дом. Я присмотрелся.

Йолльское строение. Три или четыре этажа. Дом замер на опушке у самого леса, как грузный путник, идущий в гору. Над крышей дымок. И еще один толстый дым — над приземистым строением, едва заметным из-за каменного забора. У мясоедов считается, что чем дальше от жилых помещений расположена кухня — тем богаче хозяин дома. На родине у них, говорят, ужасная теснотища...

Я тряхнул головой и ускорил шаг. Время дорого. Я путешественник, прибыл в Холмы исключительно по делу и уеду сразу же, как только управлюсь. Что мне ждать, столичной штучке, в этой Богом забытой глуши?

Дорога опустилась в низину. На склонах холмов зеленели, розовели, золотились поля, засаженные разными злаками. Цепью, как тушителю на пожаре, стояли молодые березы, удерживали корнями нарождающийся овраг. Я вздохнул: раньше надо было высаживать, теперь сползающую почву не удержишь...

Когда дорога снова поднялась на холм, я увидел впереди двух всадников. Дед называл таких «нелюдь под нелюдь». Громоздко получалось. По-йолльски — офорл.

Помню, при виде этих существ я бросался бежать как ошпаренный; дед хватал меня за шиворот, уговаривал, хлестал по щекам, убеждал, что бояться нечего, все равно мы сильнее...

Теперь я даже с шага не сбился. Двадцать три года прошло.

Я ждал, что они проедут мимо, не обратив на меня внимания, но всадники заинтересовались. Первому было лет сорок: судя по одежде и осанке — владетельный вельможа. Второй...

Второй был маг. У меня подобрался живот: йолльские маги легко распознают ложь и убивают без раздумий.

Всадники придержали четвероногих нелюдей. Прямо перед моим лицом оказались две огромные, длинные, покрытые шерстью морды. Я тоже остановился.

— Кто таков? — спросил вельможа по-йолльски.

— Путешественник. Иду в Холмы по своим делам, — ответил я на языке Цветушей.

— Говори по-человечески, растение, — тихо проговорил маг.

Он недавно прибыл на остров. Я видывал таких в городе: у них очень бледные лица и нутряная ненависть ко всему, что осталось в Цветушей не-йолльского.

— Что за дела у тебя в Фатинмере? — продолжал вельможа, не обращая на спутника внимания. — И почему не кланяешься барону?

Я поклонился. Если этот мясоед в самом деле барон, мне не стоило раздражать его. Он в своем праве.

Четвероногая нелюдь под магом косилась на меня огромным глазом. Я отступил на несколько шагов.

— У меня, господин барон, торговое дело. Мне поручили купить здесь, в Холмах, дом. — Я по-прежнему говорил на родном языке. Не лгал напрямую, но утаивал правду. Скажи я то же самое на языке йолльцев — маг почти наверняка заметил бы подвох.

— Кто поручил? — спросил барон по-йолльски.

— Торговая контора «Фолс», у меня при себе верительные грамоты...

Я сделал движение, собираясь раскрыть свой мешок и вытащить бумагу. Маг вскинул правую руку. Я замер.

— Оставь его в покое, — сказал барон спутнику. — Он в самом деле идет по своим делам... Оставь!

Маг опустил руку, не сводя с меня глаз. На указательном пальце его правой руки мерцало стальное кольцо с перламутровыми пластинами.

Барон сдавил свою нелюдь коленями, давая приказ двигаться дальше. Маг смерил меня взглядом с ног до головы и последовал за вельможей. Мне предстояло продолжать путь по дороге, загаженной дерьмом нелюдей.

Цветущая моя, Цветущая, что с тобой случилось?!

* * *

Я решил не останавливаться в гостинице «Фатинмер». Прошел еще два квартала и отыскал постоялый двор без названия, зато с йолльской лицензией, приколоченной к двери огромным ржавым гвоздем. Лицензия белела в полумраке, то приподнимая, то опуская уголок в согласии с налетавшим ветерком. В жесте трактирщика, приколотившего йолльский документ к дверям, было столько великолепного пренебрежения, что я не удержался и вошел.

Мне были предложены комната, маленькая и чистая, и ужин. Гля-

дя, как поднимается пар над семикрупкой — традиционной кашей, кулинарной гордостью Семи Холмов, — я слушал осторожные рассказы жены трактирщика о новостях в округе. «Но если по совести, — говорила женщина, — новостей нет. Работают люди с утра до ночи в поле — разве это новость? Торгуют опять же, трактир хоть и не процветает, но и с голоду умереть не дает. Один завелся, из города приехал, мясную лавку открыл. Да прогорел: нет покупателей. У барона поставщики свои, он к мужику торговаться не пойдет. Вот тот покрутился здесь неделю-другую, мясо нелюдей стухло, он и уехал. Лавка до сих пор пустая стоит — провоняла так, что никто туда идти не хочет. А удобная лавка, на перекрестке... Месяц назад толстого Крутика, которого поле с краю, ограбили: вломились в дом, нашли под полом сундучок со сбережениями и унесли средь бела дня. Оказалось, какой-то бродяга из Заводи — на другой же день его и поймали... Вот и все новости, добрый путешественник, а вы в Холмы с чем?»

Она была круглолицая, как подсолнух. Букет свежих «солнечных цветов» стоял, как полагается, в парадном углу, и орнамент на потолке, если присмотреться, был тоже из подсолнухов. Старый орнамент, нанесенный еще до нашествия.

Я подумал, что вполне мог ее знать когда-то. Но, как не узнавал родного селения, так и эту женщину не мог вспомнить. Она была мне чужая.

— Я торговец из самого Некрая, — сказал я. — Буду покупать — не для себя, для клиента — дом Осотов.

— Дом Осотов, — повторила она, как эхо. Ее взгляд стал отстраненным. — Да. Старуха Осот помирает... да.

И она отошла, оставив меня наедине с кашей. Я погрузил деревянную ложку в густую, отлично выдержанную, политую маслом семикрупку — вкус моего детства; я понял, что волнуюсь. Что мое спокойствие, отстраненное, как эта трактирщица, готово разлететься шелухой.

Вошел хозяин, крупный, круглый, поросший изжелта-русой бородой, и с ним слуга, носатый парень лет пятнадцати. Сразу стало шумно. Хозяин громко давал указания жене и мальчишке, и непонятно было, доволен он или зол, хвалит или распекает. Накричавшись, он вдруг обернулся и спросил, уставившись мне в глаза безмятежно-голубыми гляделками:

— А вы, добрый путник, торговать к нам? Или еще по какой надобности?

— Не так чтобы торговать, — признался я. — Но что дела торговые, это точно.

— Господин дом Осотов покупает, — тихо сказала жена трактирщика.

— Дом Осотов?

Трактирщик мигнул. Перевел взгляд с моего лица на руки и обратно. Отвернулся. Покачал головой, будто отвечая сам себе на только что заданный вопрос.

— Да, — сказал я, глядя, как он расчесывает бороду длинными цепкими пальцами. — Не для себя. Для клиента. Контора «Фолс», если вы слышали.

— Где уж нам, — пробормотал хозяин. — Некрай... Городская контора... Я и в городе-то не бывал, не доводилось. А вы, господин, бывали в Холмах?

— Никогда, — я зачерпнул кашу ложкой.

— Дом Осотов, — еще раз повторил трактирщик. — Вот же, прошли те времена... Самая богатая и уважаемая семья во всех Холмах — до нашествия, разумеется.

— Мне говорили.

Хозяин снова заглянул мне в глаза — на этот раз почти заискивающе.

— Простите за нескромный вопрос... Мы здесь, знаете, люди без предрассудков, не дикари какие-нибудь, горожан тоже принимали... Может быть, вы мясо едите? Так у нас есть йолльский мясник в Холмах. Для самого барона поставки, а не просто так!

— Нет, — я взялся за душистую ковригу хлеба. — Мяса я не ем.

— Ох, извините, — трактирщик смутился, — у нас тут разные люди бывают... А вы, если в первый раз, так и поживите подольше. Места прекрасные, сердце Цветущей... В Холмовый лес только не ходите, там мясоеды развели своих нелюдей. Не тех, что траву жуют, а других, тоже мясоедов. Барон туда ездит охотиться — стрелять этих тварей то есть. А нам и не сунься — ни за ягодой, ни за грибами... Так не ходите в Холмовый лес, ладно?

Я пожал плечами:

— Мне-то что... Я уеду послезавтра. Самое позднее — через три дня.

Хозяин покивал и вышел. Семикрупка на столе остывала.

Я нервничал. Мне все труднее было сохранять внешнюю невозмутимость.

* * *

Всю ночь я провел, наблюдая за лунным лучом, ползущим по гладкому деревянному потолку. Иногда луч двигался рывками: я проваливался в сон и просыпался опять.

С рассветом луч погас. Я встал и умылся. Мне не хотелось есть, я не чувствовал усталости после почти бессонной ночи. Я знал, что сегодня — через час, через два — попаду домой и увижу бабушку. И мне было страшно.

Я запомнил ее крепкой женщиной с едва поседевшими висками. Теперь — я знал это точно — она старуха, настолько дряхлая, чтобы умереть. Поэтому я здесь, поэтому я вернулся в Холмы, хотя когда-то с меня брали клятву никогда не возвращаться.

Ей же, бабушке, я и клялся.

Я спустился вниз. Хозяин, уже полностью одетый и бодрый, вел какие-то подсчеты на желтоватом свитке древесной коры. Я поздоровался; в какой-то момент мне показалось, что уж его-то, бородатого и грузного, я точно когда-то знал. Еще мгновение — и вспомню его имя...

Наваждение прошло. Хозяин водил по коре отточенной спицей, не обращая на меня внимания. Я спросил его, как найти дом Осотов.

— Идите вдоль по улице, потом через площадь, у старого цветка поверните направо и дальше все прямо. Там увидите. Приметный дом.

Я поблагодарил.

Было все еще очень рано, но на улицах с каждой минутой прибавлялось народу. Я бродил без цели, разглядывая новостройки, поднявшиеся на месте сожженных, разрушенных или просто снесенных старых домов. В Холмах жили небедно: кое-где даже строили, на манер йолльцев, из камня. Фоона — по-йолльски дом, каменный дом, деревянных они не признают.

На площади, конечно, и следа не осталось тех ветхих прилавков, перед которыми я когда-то тянулся на цыпочках. Торговые ряды стояли, сложенные из каменных плит, и были в этот час почти пусты. В центре базара восседал на огромном мешке баронский надзиратель, он же сборщик налогов: мешок был опоясан цепью с кованым гербом, такой же герб, только поменьше, помещался на круглом животе надзирателя. Сам он был из местных; прохожие здоровались с ним без теплоты, но и без откровенного презрения. Я остановился возле пивных бочек, взял себе кружечку светлого и завел неторопливый разговор с пивоваром.

Да, с бароном поселку повезло. Сам живет и другим жить позволяет. Отдали ему луг заливной — нелюдей выпасать, дом сложили, ну, налог со сделки, ну, оброк раз в год. Зато за службу барон платит денежкой: вот, даже присматривать за нелюдьми кое-кто пошел, кто посмелее. К мясоедским своим привычкам не принуждает, а что

все бумаги надо писать по-йолльски — так на то писарь есть. Хороший барон, грех жаловаться, одна у него слабость — по женской части очень уж ловок. Правда, и девки наши тоже хороши: лишь бы в каменный дом, да на мягком поспать, да подарочек получить такой, чтобы подружки обзавидовались. А корни — что корням? Человеческие корни невидимы: с гнильцой они или чистые, по лицу ведь не скажешь... Нет, не такие нынче девки, как раньше. Зато барон хороший в Холмах, а в других землях куда как хуже бароны: мясоеды те еще и кровопийцы.

Пивовара отвлекли: хозяйка гостиницы «Фатинмер» прислала слугу за пятью бочонками темного. Я отошел, чтобы не мешать погрузке, и почти сразу увидел, как через площадь — от противоположного ее края к центру — движется, плывя над головами, офорл... то есть всадник. Йолльский маг.

Люди перед ним расступались, вокруг ширилось свободное пространство. Маг ехал, опустив поводья, поглядывая по сторонам с показным равнодушием. Остановился рядом с надзирателем, что-то сказал ему, не сходя с лошади. Надзиратель ответил — по-йолльски, судя по тому, как двигались его губы.

Я решил, что мне пора идти. Допил пиво, по широкой дуге обогнул площадь и от цветка — старинного каменного изваяния в виде большого подсолнуха — повернул направо.

* * *

Дом стоял по-прежнему. Как будто Цветущая никогда не горела, ее не топтали нелюди. Как будто семья Осотов, самая уважаемая, богатая, многочисленная семья во всех Светлых Холмах, не исчезла с лица земли, оставив два последних ростка: старуху, застывшую на полпути к небесным корням, и чужака, не узнающего родного дома.

А я его не узнавал.

Краеугольный столб, увенчанный изображением солнца (деревянный круг и крест на нем), стоял так же прямо, и тень от его верхушки падала на отметку «восемь» — было восемь часов утра. Над частоколом поднимался дом: каждое бревно в стене — в два обхвата. Темная крыша, резные украшения, балкон третьего этажа — полукруглый, ажурный. Сколько раз мне снился этот балкон...

Я остановился перед столбом, и моя собственная тень упала на поросший травой циферблат. Забыли мясоеды развалить этот дом, или боялись тронуть, или не знали всего, или, наоборот, слишком много знали, — теперь не важно. Вот он, дом Осотов.

Я отступил. Снова подошел. Потом, будто по наитию, опустился на одно колено. Прямо перед моим лицом оказались прожилки на дереве: кольцо, похожее на рожицу, и две светлые ленточки, ведущие вверх. В детстве именно так мне представлялись человек и его невидимые корни...

Я поднял голову.

Угол зрения. Чтобы вспомнить, как все было, мне следовало встать на колени. Посмотреть с высоты своего прежнего роста. Дом. Часток. Ворота. Улица, по которой мы с дедом уходили, бывало, и на расвете, и поздно вечером, и...

— Добрый господин! Вы что-то уронили?

Служанка смотрела на меня, как на сумасшедшего. Я поднялся, отряхивая брюки. Досадно. Мне нельзя привлекать внимания.

— Я потерял монету... Передайте, пожалуйста, хозяйке, что прибыл коммерсант из Некрая — по поводу продажи.

— Ах да! Ах да! — служанка засуетилась. — Проходите, любезный господин коммерсант.

* * *

Через несколько минут я вошел в ее комнату.

Бабушка лежала на огромной дубовой кровати, на льняных простынях, под балдахин из грубого льна, и льняные же волосы сливались с постелью. Ее лицо, темное, ссохшееся, неприятно напоминало лица всех, умерших от дряхлости на моих глазах.

Я сделал несколько шагов и остановился посреди комнаты.

Что-то говорила служанка. Бабушка, в отличие от меня, слушала ее — и слышала; повинувшись ее приказу, служанка принесла табурет, стопку белой бумаги и чернильницу с пером. Потом вышла и плотно приотворила за собой дверь.

Бабушка лежала, откинувшись на высоких подушках, и смотрела на меня.

Ее голос, когда-то звучный и даже мощный, все еще служил ей. Она могла бы сказать, что не рассчитывала увидеть меня в этой жизни — только там, в небесном лесу, где сплетаются корни всех людей. Она могла бы признаться, что в ее памяти я навсегда останусь семилетним ребенком. Она могла бы рассказать, как одиноко и тоскливо было ей в старом доме Осотов, доме-замке, доме-крепости — без малого двадцать три года.

Все это не имело значения. А значит, не стоило нарушать тишину.

Я стоял перед бабушкой, посреди старой спальни Осотов, в кото-

рой был, наверное, зачат, и смотрел в ее зеленые, чуть поблекшие, но все еще ясные, полные мысли глаза.

Прошел, наверное, час, а может быть, больше, прежде чем бабушка опустила веки, указывая взглядом на табурет и стопку бумаги.

Я сел на пол. Придвинул к себе бумаги и, используя табурет вместо стола, принялся писать по-йолльски длинные, не имеющие силы, только для отвода глаз необходимые бумаги: контора «Фолс»... договор купли-продажи... по согласованию сторон...

Бабушка смотрела, как я пишу. Я отводил со лба упавшие волосы, поглядывая на нее исподлобья: кровать была низкая, даже с пола я мог видеть ее темное лицо, будто плывущее в воздухе над льняными подушками.

Как над облаками.

Я закончил. Поставил последнюю точку. Отобрал бумаги, предназначенные бабушке, свернул их трубочкой и с поклоном положил к ее изножью.

Тогда она впервые разомкнула губы, обращаясь ко мне.

— Спасибо, Осот, — сказала она.

* * *

Мне кажется, она благодарила меня не за то, что я приехал. И даже не за то, что молчал. Я выжил; некоторые и этого не смогли. Другие предпочли умереть. А я, почти не имевший шансов, живу на земле, корнями в небо: я — преуспевающий столичный коммерсант. Я — внук моего деда, говорящий по-йолльски без тени акцента.

Бабушка поблагодарила меня, и я ушел. Ей необходимо было побыть одной. Я вышел со двора и долго стоял, делая вид, что заинтересован устройством солнечных часов; мне тоже требовалось время, чтобы взять себя в руки. Дела мои в Холмах отнюдь не были закончены: если сделка, которую я фиктивно заключил в пользу несуществующего лица, служила ширмой для моего рискованного визита в Холмы, то баронский налог с продажи играл в этой ширме роль несущей конструкции.

Итак, я вернулся на площадь. Надзиратель все так же сидел на своем мешке, но верхового мага поблизости не было. Я подошел, назвал себя, предъявил бумаги и мешочек с деньгами. Надзиратель все тщательно прочитал, пересчитал и наконец выдал мне документ об уплате налога — написанный по-йолльски с ужасными ошибками, но зато скрепленный баронской печатью.

Выйдя из поселка, я двинулся по тракту — но не к станции, а в

противоположном направлении. На лугу вдоль ручья паслись нелюди. Я хотел пить, однако к воде из ручья не притронулся. Из брезгливости.

Солнце стояло в зените. Я поднялся на пригорок, отошел от дороги и уселся среди колосьев, на меже двух полей. Молчаливая встреча с бабушкой отняла у меня больше сил, чем я ожидал. И мне страшно было представить, чего эта встреча стоила ей. Одну длинную минуту я был почти уверен, что бабушка умерла сразу же после моего ухода, и, вернувшись к дому Осотов, я обязательно увижу желтые ленты на полукруглом балконе — знак траура.

Но колосья шелестели, вцепившись корнями в пригорок, а небо — вместилище всех человеческих корней — безмолвствовало. И я мало-помалу справился и с отчаянием, и с тоской.

Я лег, вытянувшись, и заснул, как в детстве — слушая звон колосьев.

* * *

Был поздний вечер, когда я вернулся в гостиницу. Ветер все так же покачивал лицензию на двери. В сенях пахло дымом, чуть подгоревшей кашей и еще чем-то — я никак не мог понять, что это за запах.

В обеденном зале было темно и тихо. Похоже, я по-прежнему оставался единственным постояльцем.

На столе горела свеча, в круге света лежали три коротких огарка. Я шагнул, протягивая руку, намереваясь взять один из них и осветить себе путь наверх...

— Стоять, веснар!

Я еще успел подумать, что слово «веснар» звучит одинаково и по-йолльски, и на языке Цветущей. Потом медленно, очень медленно повернул не голову даже — глазные яблоки.

Его кольцо, стальное с перламутром, мерцало, казалось, прямо перед моим носом, хоть нас разделяли шагов пять, не меньше. Йолльский маг стоял в углу обеденного зала, готовый убивать, но почему-то медлил с ударом.

— Не вздумай, веснар. Стоять.

Он был новичком, этот маг. Ни один из тех, кто воевал с нами во время нашествия, не стал бы брать меня живьем. И уж конечно, не стал бы со мной разговаривать.

Я ждал. Моя жизнь подошла к концу — почти одновременно с жизнью бабушки. Судьбе было угодно, чтобы род Осотов прекратился сегодня — и навсегда.

— Руки за спину, — пролаял маг.

Я выполнил приказ. Мои руки тут же принялись вязать сзади — очень крепко и очень грубо. Маг подошел ближе, не опуская кольца. Я смотрел, как скачут по чеканке и перламутру синие злые искры.

— Убийца! — его голос дрогнул.

Тут мне на голову накинули мешок, и я больше ничего не видел.

* * *

Меня выследили? Слуга подслушал, как бабушка назвала меня настоящим именем? Или йолльские маги теперь обладают могуществом, о котором прежде никто не подозревал?

Стук колес по тракту сменился хрустом гравия. Скрипнули, открываясь, ворота и лязгнули, закрываясь. С головы моей наконец-то сняли мешок, я мигнул и огляделся.

Посреди двора горела бочка со смолой. В ее свете я разглядел дом барона, сложенный из серого и черного камня. Дом стоял на крутом пригорке, с одной стороны у него было три этажа, с другой, вероятно, два. Лес подступал совсем близко, я чувствовал его запах и видел сплошную черноту там, где начинались стволы.

Ограда вокруг дома была тоже из камня, и даже землю укрывали каменные плиты: на стыках между ними кое-где пробивалась трава. Оконца узкие и очень высокие. Сейчас, среди ночи, почти все они светились, будто накануне большого праздника. Я поднял голову: в окне второго этажа мелькнула тень...

И почти сразу оттуда вырвалась арбалетная стрела, целя мне в лоб.

Не поворачивая головы, почти не глядя, йолльский маг выбросил руку в сторону, и стрела разлетелась на куски. Звякнул о камни наконецник. Острая щепка клюнула меня в щеку. А кольцо, стальное с перламутром, опять смотрело мне в глаза, и сине-фиолетовые отблески только на миг потускнели.

— Что ты сделал! — глухо кричали в доме. — Притащил веснара живым... Прочь, все прочь! Кто хочет жить — уходим!

Лошадь, запряженная в повозку, нервно заржала, ударила подковой о камень, вышибая искры. Слуги, сопровождавшие меня от гостиницы к баронскому дому, жались друг к другу за спиной мага.

Я ждал.

— Вперед, — сказал маг. — В дом, растение.

Я вошел.

В йолльских строениях почти не бывает внутренних перегородок, только колонны, на которые опираются балки, да винтовые лестницы

без перил. Сводчатый потолок баронской гостиной был очень высок, в три человеческих роста. Вдоль стен горели факелы. В дальнем углу стоял мальчишка лет десяти, смотрел на меня круглыми глазами, обомлевший, будто в столбняке.

По внешней лестнице, пристроенной к дому снаружи, бухали сапоги: слуги и стражники отступали. Их начальник служил в Цветущей давно, еще со времен нашествия, и не желал участвовать в смертельной затее глупого мага.

Или он не так уж глуп?

Я присмотрелся. Дальше, за каменной спиралью винтовой лестницы, угадывались странные очертания — что-то грузное нависало, почти касаясь пола, в тяжелых складках не то сети, не то ткани.

— Подойди, веснар, — голос мага звенел, как будто он сдерживал смех. — Подойди и посмотри, убийца!

Я обогнул лестницу.

Это был старый гамак, привешенный к балкам на лохматых веревках. В гамаке лежал труп дряхлого старика. Желтоватая прозрачная кожа, обтянувшая череп и собравшаяся складками на щеках, редкие седые волосы, ввалившиеся черные губы — я вдруг вспомнил бабушку, мне сделалось горько и страшно.

И только потом, несколько мгновений спустя, я узнал лежащего. Вчера на закате я встретил его: тогда ему было лет сорок, он сидел в седле, гордо выпрямив спину, и велел магу оставить меня в покое, раз уж я иду в Холмы по своим делам.

Барон. Йолльский наместник в Светлых Холмах. Теперь ему было больше ста лет — по крайней мере с виду.

Маг молчал. Его кольцо касалось моей шеи. Я чувствовал то жар его, то холод. Перед глазами металась огненная язычки: я медленно осознавал, что произошло. Что это значит. Небесные корни, за миг до смерти я не знал, радоваться своему открытию или пугаться...

Я повернул голову. У мага были совершенно безумные глаза. Мне снова показалось, что он вот-вот рассмеется. Или разрыдается. Или даст наконец волю своему кольцу. Я снова подумал о бабушке. Хорошо, если она уже умерла и не узнает, как я распорядился этим несчастным сокровищем — жизнью последнего Осота.

Горели факелы. В их неровном свете мы с магом глядели друг на друга; я был уверен, что мой взгляд ничего не выражает, но йолльские маги пронизательны.

Он дернул кадыком:

— Барона убил веснар!

Я не спорил.

— Ты!

Я промолчал.

— Ты его убил? — спросил он отрывисто.

Могущество йолльских магов заключается прежде всего в том, что им невозможно врать.

— Нет.

Он был потрясен. Я заметил это по глазам. Но, даже сбитый с толку, соображал он быстро.

— Ты хочешь сказать, что здесь рядом... еще один... такой же?

— Это Цветущая, мясоед, — сказал я со скрытым торжеством. — Что ты хотел здесь найти?

Он захлебнулся яростью. Нашей с ним жизни оставалось несколько мгновений.

— Я убью тебя.

— Я знаю, — я мельком взглянул на дряхлое, мертвое лицо барона. В детстве такие лица преследовали меня в кошмарах. — Знай и ты: ни один веснар не умирает мгновенно. И связывать меня бесполезно. Для моего дела мне не нужны ни руки, ни глаза.

Его зрачки расширились. Кольцо на пальце вспыхнуло ослепительно-фиолетовым светом. Йолльский маг чувствовал западню, но все еще не верил.

— Я думал, ты выследил меня, — проговорил я медленно. — Я думал, ты знаешь мое имя. Но тебе просто повезло, мясоед. Вернее, тебе ужасно не повезло. Посмотри на барона — это и твоя судьба тоже.

Мальчишка, стоявший у стены, наконец-то вышел из столбняка и кинулся бежать, поскользываясь на покрытом соломой полу. Маг смотрел на меня — в его глазах отражался свет факелов.

— У тебя был шанс напасть внезапно, мясоед, — сказал я. — Оглушить. Или убить во сне. Ты этого не сделал.

Он молчал. Мы были связаны, как веревкой, смертью о двух концах: если ударит один, тут же ответит и второй; йолльские маги тоже не умирают мгновенно. Во всем доме, в огромном каменном доме, сейчас не было ни души: слуги и стража разбежались. Только где-то под самой крышей тяжело дышал, забившись в укрытие, мальчик.

Мы смотрели друг на друга. Сейчас, именно в эту минуту, маг во всей полноте осознал свою ошибку — и увидел будущую судьбу.

«...Они не люди, — говорил тогда дед. — Запомни, Осот, они все — нелюди».

* * *

— Вставай, Осот. Вставай.

— Деда, но ведь ночь... Совсем темно... Завтра у меня уроки...

— Не завтра, а сегодня. И не уроки, а война. Вставай, Осот!

Мальчик тер глаза кулаками, сутулился и судорожно зевал. Ему было семь лет, светло-русые волосы торчали, как колючки репейника. Двух зубов недоставало.

— Деда... Их будет много?

— Очень много, — жестко сказал мужчина лет пятидесяти, протягивая мальчику полотняную куртку со шнурками-завязками. — Сколько бы ни было — они наши, Осот. Мы будем ждать их под лесом... Подойдут еще Усач и Ягода, если успеют.

— Как это — если успеют?!

Мужчина не ответил.

Над Холмовым лесом висела луна. Каждый дом, каждый куст отбрасывал длинную черную тень. Поселок не спал: в каждом доме, за закрытыми ставнями, что-то происходило. Мальчику слышались приглушенные голоса и плач. Держась за руку мужчины, он шел, почти бежал в гору, деревянные подошвы скользили по росистой траве, штаны вымокли до колен.

— Стой...

Мальчик огляделся.

За спиной лежал поселок — тихий, без единого огонька. Слева темнел лес, уходил все выше и сливался с небом. Справа внизу тянулся тракт, залитый луной, а впереди в полном безветрии стояли под лунным светом поля с высоченной, почти созревшей рожью.

Мужчина лег и приложил ухо к земле. Мальчик дрожал, шелкая зубами, смотрел вперед, но видел только рожь на вершинах ближайших холмов.

— Они близко, — мужчина резко поднялся. — Я возьму слева, от леса, а ты справа, от тракта... Усач!

Мальчик обернулся. По склону холма бежал, пригибаясь, человек. Через минуту он уже стоял рядом, тяжело дыша, вытирая молодое безусое лицо.

— Ягода не придет, — сказал он вместо приветствия. — Я сам еле успел...

Задрожала земля. Даже сквозь толстые деревянные подошвы мальчик слышал, как она содрогается.

— Я возьму от леса, — сказал его дед. — Малой от дороги, ты, Усач, будь в центре.

— С чего ты взял, что они пойдут здесь? — безусый Усач все еще задыхался. — Что не перевалят холмы южнее?

— Нелюдь под нелюдью, — тихо сказал мужчина. — Там, на юге, слишком крутые холмы... для этих тварей.

Мальчик смотрел на далекие поля. Вся его кожа сделалась колючей и жесткой, как эта рожь, светлые волосы встали дыбом. Ухо различало глухой топот, порождавший сотрясение земли.

Над темным горизонтом медленно поднимались головы, тысячи голов. Выше, намного выше роста обычного человека. А под ними — мальчик на миг зажмурился — второй ряд голов. Нечеловеческих, огромных, длинных. На таком расстоянии, да еще в темноте невозможно было различить глаз и лиц. Но мальчик видел их раньше — и стоял, оцепенев, широко открыв глаза и рот.

Тяжелая рука деда опустилась на плечи, заставила лечь. Рядом лежал в помятой ржи Усач, бормотал себе под нос и ругался, но мальчик его не слышал. Земля Цветущей, к которой он прижимался теперь всем телом, дрожала под ним, будто от страха.

Он обхватил ее обеими руками.

— Идите, — говорил дед, в голосе его звякала смерть. — Идите... Ближе. Ближе.

Мальчик прижался к своей земле щекой.

— Осот! Ты слышишь? Они нелюди, все. И те, что внизу, и те, что сверху. У них нет корней — ни земных, ни небесных, они не растут, они носятся по свету, как сброшенные листья, как пойманный ветром мусор. Преврати их в мусор!

— Да, деда, — беззвучно ответил мальчик.

— Встаем, — сказал мужчина. И они поднялись одновременно — все трое.

Всадники, ехавшие впереди, заметили их и вскинули луки. Двое или трое успели выпустить стрелы; они пролетели высоко над головами стоящих на холме мужчины, юноши и мальчика.

Никто из троих даже не шевельнулся.

Первыми упали кони, повалились, увлекая за собой всадников. Кто-то успел подняться, кто-то нет. Кто-то закричал — прошло мгновение, может быть, два; по рядам поверженной армии прокатился не то хрип, не то сдавленный стон. Заколебался под лунной воздух, ставший вдруг очень жарким.

И снова сделалось тихо и неподвижно.

Под лунной, устлая вытоптанная поля, мешками лежали пришельцы. Их дряблая кожа складками стекала к подбородкам, к огромным

хрящеватым ушам. Ветер срывал с черепов седые волосы, подбрасывал к небу, и издали казалось, что на поле боя отцветают одуванчики. Бесконечно дряхлые, седые лошади лежали вперемешку с людьми, одновременно умершими от старости. И странно выглядели рядом с этими немощными трупами их блестящие мечи, копья, их натянутые луки. Кольчуги своим весом проламывали истончившиеся грудные клетки, то там, то здесь слышался хруст...

— Уходим, — сказал мужчина. — И помни: тебя здесь не было, Осот.

* * *

Мы молчали. Покойник в провисшем гамаке отбрасывал множественную тень — по числу факелов.

Я мог оборвать это молчание прямо сейчас — вместе с нашими жизнями. Я медлил не потому, что боялся; дряхлый барон, жертва веснара, напомнил мне кошмары моего детства. Я не хотел отягощать свои небесные корни еще и этой смертью. Поэтому ждал, чтобы маг ударил первым.

Он был примерно моих лет. Поджарый. Черноволосый. Вероятно, очень могущественный — никогда раньше я не видел, чтобы на магическом йолльском кольце так горел и светился перламутр. Говорят, стальные кольца куют на далеком острове, а цветные пластинки для них поставляют морские нелюди, у которых нет ни глаз, ни рта...

— Зачем ты явился на мою землю? Что ты забыл в Цветущей, мясоед?

— Моя земля там, где я утверждаю свой закон. Даже если ты убьешь меня, закон здесь останется йолльский, и ты ничего не можешь с этим сделать.

— На небесном поле, где прорастут мои корни, не действуют земные законы. А тебя — тебя не будет нигде, мясоед. Твоя дряхлая плоть удобрит поля Цветущей. Чем тебе поможет йолльский закон?

Маг ухмыльнулся. Он тоже не боялся смерти.

— Вспомни, — сказал я. — Здесь поблизости ходит еще один веснар, и ни ты, ни я не знаем, кто это.

Его ухмылка застыла на губах.

— Это он убил барона, — продолжал я. — И, вполне возможно, станет убивать еще. Что ему йолльский закон?

— Растения, — он облизнул губы. — Хищные твари, напоказ — смирение, внутри — подлость. Убийцы невинных людей...

— Мясоеды не люди. Как и те, кто вам служит, ваши рабы и пища.

— Это животные! Не рабы и не пища, это лошади, коровы, кролики, овцы, свиньи, ослы, собаки!

Я вдруг понял, что говорю с ним по-йолльски. На языке Цветущей до сих пор нет слов, чтобы обозначить все многообразие йолльской нелюди. И еще я понял — с удивлением, — что он тоже не хочет убивать первым. И что он вовсе не так спокоен, как полагается магу.

* * *

Те, кто впервые сошел на Цветущей с огромных кораблей под синими парусами, поначалу благодумствовали. Их мир был устроен по-другому: там сильный подминал слабого и, добившись покорности, делал его частью этого мира. Без излишней жестокости, без напрасных смертей: йолльцам нужны были не трупы, а подданные. Они любили своих лошадей и собак, берегли их и хлестали кнутом только в крайнем случае — понуждая к покорности. Они кормили своих кроликов, овец и коров, а потом, когда приходило время, резали их и съедали. Они занимались науками и искусствами, строили огромные корабли и отправлялись в плаванье, и на каждом новом острове заново воссоздавали свой Йолль — таким, каким хотели его видеть.

Явившись на Цветущую, они поступили, как всегда. Им казалось естественным, что жители острова, не знающие оружия, немедленно покорятся людям со стальными мечами и дальнобойными луками в руках.

Так оно поначалу и было.

Все живое на Цветущей имеет корни в земле. Все, кроме человека. Человек волен выбирать себе место, жену и дом, может выбирать себе ремесло и жизнь — корни не привязывают его к земле, но привязывают к небу. После смерти мы все прорастем на небесном поле: тот, чьи корни целы и здоровы, раскинется от звезды до звезды. Чьи корни подточены ложью, завистью, ненавистью, зачахнет. А того, чьи корни сгнили еще при жизни, не будет нигде, он исчезнет из мира, распадется прахом...

Когда новые люди высадились на берег, ведя в поводу огромных четвероногих людей с продолговатыми головами, выпуская на траву мелких людей, покрытых шерстью, и рогатых людей, издающих странные мычащие звуки, жители Цветущей были потрясены. Давние легенды говорили, что далеко-далеко за морем живут люди иной породы, совершенно не похожие на обитателей Цветущей. Тем не менее они остаются людьми: ведь у них нет видимых корней, а значит, есть невидимые, соединяющие с небом. И жители Цветущей встретили *всех* пришельцев, как подобает встречать людей.

Это потом выяснилось, что чужие двуногие люди убивают четвероногих — себе в пищу. Запрягают в повозки, седлают их и ездят верхом. Заставляют пахать землю с утра до ночи, привязывают и бьют. Для жителей Цветущей это было немыслимо — ведь и те, и другие связаны с небом невидимыми корнями!

Йолльцы потешались над жителями Цветущей, когда те пытались заговорить с лошадей или коровой, когда приглашали в дом собаку, как дорогого гостя. Это не люди, объясняли йолльцы (к тому времени в прибрежных районах почти каждый житель знал десяток йолльских слов, а некоторые — по целой сотне). Так в обиход вошло — на языке Цветущей — слово «нелюди»...

Тем временем пришельцы вели себя все более вольготно. Захватывали земли, постройки, сами назначали цены на хлеб, не желая слушать ни местных купцов, ни земледельцев. Община прибрежного города Заводь собралась и постановила: отказать пришельцам в гостеприимстве. Но йолльцы посмеялись над посольством горожан, а депутатов побили кнутом — несильно, в назидание — и отпустили.

В прибрежных городах начались волнения, с йолльцами отказывались торговать, в их лодках пробивали днища. Тогда командор йолльского флота отдал приказ, многократно опробованный на многих других островах — велел схватить нескольких смутьянов и повесить их на рыночной площади в Заводи.

И это было сделано.

Целые сутки город молчал. Никто, даже дети, не произносил ни слова. Смотрели на тела казненных. Глядели друг на друга. В эти часы жителям Цветущей открылась чудовищная правда: не только четвероногие твари, привезенные из-за моря, не были людьми. Сами йолльцы, хоть и обладали даром связной речи, тоже людьми не были. У них не было корней — ни зримых, земных, ни небесных. Они — прах, случайно (и временно) наделенный подобием жизни.

Увидев ужас островитян, пришельцы больше не церемонились. Новую и страшную страницу в истории этого противостояния открыл маленький прибрежный поселок под названием Сухой Камень. Местные жители выращивали трепс, съедобные водоросли, называемые также «морским хлебом». Было время жатвы, мужчины все дни проводили в море, женщины хозяйничали на маленьких огородах, полосками вытянувшихся на склоне холма. Случилось так, что экипаж йолльского судна «Овффа», «Морская птица», недавно прибывшего на Цветущую, стосковался по женскому обществу и решил высадиться на берег.

Пытался ли капитан удержать их или не видел в этой затее ничего плохого — никто так и не узнал. Двадцать молодых парней, опьяненных собственной властью, ворвались в поселок, почти не встречая сопротивления, и начали охоту за девицами и молодыми женщинами.

Без веснарского искусства трудно выращивать водоросли на мелководье — их уносит штормом, прежде чем созреет «морской хлеб». В поселке был свой веснар — вернее, *была* веснар, девушка из Заводи, которую пригласили послужить в Сухом Камне сезон или два, как она захочет; искусство веснара ничего общего не имеет со смертью. Это искусство весны, солнца, обновления и жизни. Так было до того дня, до случая в поселке Сухой Камень.

...Через несколько дней йолльский наряд раскопал наспех вырытую могилу. В тот день завоеватели — впервые после высадки на Цветущую — узнали, что такое страх: яма была заполнена телами дряхлых стариков. На них была одежда экипажа «Овффа», знаки различия, здесь же лежало и оружие, не успевшее потускнеть. Потрясение было таким сильным, что йолльцы ни о чем не стали спрашивать жителей поселка и без единого слова убралась в Заводь, оставив мертвых в могиле.

С того дня слово «веснар» перешло в йолльский язык. Единственное слово, которое звучит одинаково на их языке и на языке Цветущей.

* * *

— Как ты меня узнал? Как догадался?

У нас обоих слезились глаза — от напряжения. Мы оба старались не мигать.

— Ты был единственный чужой, прибывший в Фатинмер. Я заподозрил тебя сразу, когда увидел на тракте. Если бы барон тогда меня не удержал...

— ...он бы все равно умер! Я приехал в Холмы не затем, чтобы кого-то убивать. Я ненавижу убивать. Я маленьким мальчиком убил сотни людей.

— Ты Осот?! — он не выдержал и мигнул. — Черт возьми... Нэф... то есть барон, он говорил... он был уверен, что ты мертв... Это не везение, это закономерность. Ты ведь ждал, что тебя узнают, все время ждал и боялся, поэтому даже отговариваться не стал! Ты *ждал*, что в тебе угадают веснара!

У него, наверное, затекла рука, но он все равно не опускал кольца — держал перед моими глазами. Я вдруг понял, что он прав. С того са-

мого момента, как нога моя коснулась платформы под вывеской «Фатинмер», я ждал, не отдавая себе отчета, окрика в спину: «Веснар!».

— Я давно ничего не боюсь, — сказал я магу, и это тоже была правда. — Мы оба умрем сегодня. А убийца барона останется на свободе.

— Нет!

— Да. Ни ты, ни я никогда не узнаем его имени.

Он зашипел сквозь зубы.

— Нэф был добр. Слишком добр. Он был сентиментален. Он возился с этими растениями, как...

Он осекся. Его кольцо потускнело. Я стоял и смотрел, как он думает. В его красных слезящихся глазах поблескивал отсвет факелов.

— Если ты опустишь руку, — сказал я медленно, — я могу поклясться тебе небесными корнями, что не нападу на тебя первым... ну, скажем, тридцать минут.

— Я не верю твоим клятвам.

Он был по-своему прав: такую клятву может принять только тот, у кого есть небесные корни. Время шло, я не чувствовал связанных за спиной рук. Факел в дальнем углу затрещал и погас. На дряхлое лицо барона легла тень.

— Почему ты не убил меня сразу? — спросил я не то врага своего, не то сам себя. — Ведь должна быть какая-то причина...

— Я приехал на остров не как убийца. Я должен расследовать дело, убедиться в твоей вине, судить тебя и казнить. По законам Вечно-го Йолля.

— Что?!

Такой самонадеянности, прямо детской наивности, трудно было ожидать от человека, наделенного магической властью. Но мой враг верил своим словам. Когда он говорил, его ноздри раздувались и воспаленные глаза сверкали.

— Ты глупец, — сказал я тихо. — Извини, но ты просто болван, идиот, понятия не имеющий о том, что говоришь. Ты знаешь, сколько мясоедов заплатили жизнью за эти... бредни?

Перламутр на его кольце засветился ярче, и целый миг я думал, что это конец: сейчас он ударит.

Но он удержался. Факелы дымили. В помещении вся тяжелее становилось дышать.

— Где ты был сегодня после полудня? — тихо спросил маг. — Вернее, уже вчера... После полудня — и вечером?

— Ты все-таки решил «расследовать дело»?

— Отвечай.

— Я был за Холмами, шагов на сто правее тракта, на меже двух полей.

— Что ты там делал?

— Жил. Смотрел в небо. Спал.

— Кто-нибудь тебя видел?

— Не знаю. Мне не было дела ни до кого. И сам я никого не заметил, если ты об этом хочешь спросить... Барона убили в доме?

Он помолчал.

— Барона нашли... я нашел... в лесу. Недалеко отсюда. Он был один. Лежал лицом вниз. Я перевернул его... — маг задержал дыхание, заново переживая эту сцену. — Это было уже вечером, на закате. Он ушел в лес сразу после обеда, якобы охотиться, но не взял с собой оружия.

— Барон часто так делал?

— Нет, никогда.

Задумавшись, мой враг почти опустил руку с кольцом. Это, впрочем, ничего не значило: я же видел, как он сбил на лету арбалетную стрелу...

— Можешь показать мне это место?

— Зачем?

Я не сразу отозвался. Мне следовало верно сформулировать ответ — без лжи. Но и правды мой собеседник не был достоин, он просто не смог бы ее понять.

— У нас обоих мало времени, — сказал я медленно. — Но мне хотелось бы знать, кто и почему убил барона.

Его глаза сверкнули. В этот момент я читал его мысли: маг рассчитывал, изблотив моего собрата-веснара, подвергнуть его так называемому «йолльскому правосудию». Тогда я решил про себя: как только догадаюсь, кто убийца — нанесу удар первым. Похороню себя вместе с магом — и с этим знанием.

* * *

Я не был в Холмовом двадцать три года. После большого пожара лес изменился до неузнаваемости. Я взбирался первым по крутому склону — по-прежнему со связанными за спиной руками. Слушал незнакомый, не внушающий доверия шорох, ловил ноздрями пропахший опасностью ветер. Позади меня шагал маг; я чувствовал, как его кольцо смотрит мне в затылок.

Ночь сменялась рассветом.

Мои ноздри дернулись. Не успев сообразить, откуда вонь, я замер,

всматриваясь в предутреннюю муть. Источник запаха обнаружился почти под ногами: это были останки некогда живого и теплокровного существа. Обглоданные кости, клочья меха, запекшаяся кровь.

— Это заяц, — сказал маг за моей спиной. — Его съели.

— Кто? — я боролся с тошнотой.

— Хищник, — маг говорил теперь сквозь зубы. — Вперед.

Я ничего не ответил. Обошел останки и двинулся дальше, вверх и вверх по склону. Все йолльцы, с которыми мне доводилось общаться в Некрае — а в их числе были и университетские профессора, — искренне не понимали, как природа Цветущей могла существовать без «фаа», «мерф» и «манфи»...

Я улыбнулся: все-таки я побывал в Холмовом. Иду по лесу и думаю на родном языке; сейчас, перед смертью, каждая мелочь имеет значение.

Сделалось светлее: впереди открылась поляна. Слой рыжей хвои уступил место траве. Я замедлил шаг.

— Здесь, — сказал маг. — Он лежал вот здесь.

Трава на поляне, высокая и жесткая, во многих местах была прижата: после смерти барона на опушке толпились стражники, растерянно оглядывались, хмурили брови, месили траву сапожищами. Расстлали полотно, укладывали на него дряхлое тело... Я присмотрелся: среди полегших стеблей подрагивали на ветру две пряди длинных седых волос. Даже в утреннем полумраке я отлично их различал.

— Трава не распрямилась, — тихо сказал маг.

— Что?

— Когда я нашел его тело, трава стояла ровно, не было ничьих следов. Даже следов барона. Я подумал, она распрямилась сама по себе... Всего за несколько часов...

В лесу кто-то тонко вскрикнул — как ребенок. Я содрогнулся.

— Птица, — сказал маг.

— Вы и «мерф» сюда завезли...

— Это лес! Да, в нем должны жить птицы и животные, это нормально. Это жизнь! Хищники и жертвы, норы и гнезда, рождение, смерть...

Я не слушал его. Смотрел на поляну: с двух сторон она была огорожена, как забором, густым ельником. Несколько огромных сосен, когда-то уцелевших в огне, колоннами тянулись в небо. Между их темными, поросшими мхом стволами теснились маленькие березы: я готов был поклясться, что их высаживали здесь специально, помогая лесу опомниться после пожара. Десять лет назад, пятнадцать...

— Хорошее место для встречи, — сказал я вслух.

Маг промолчал.

— Ты не знаешь, с кем барон собирался здесь говорить? У тебя нет даже предположения?

Он снова промолчал. Утренний ветер дергал березы, заставляя их нервно, зябко перебирать листвою. Среди истоптанной травы лежал увядший василек.

Я наклонился и поднял его.

Цветок погиб не под каблуком стражника. Его сорвали раньше, возможно, далеко отсюда. Скорее всего, в поле. И это мог сделать кто угодно — сам барон. Или тот, с кем он встречался. Василек цвета неба уродился слишком красивым, чтобы умереть своей смертью; сейчас он обмяк, лепестки потускнели, стебель переломился пополам.

Не выпуская из рук мертвый цветок, я поднял с земли шишку. Сунул в карман. В детстве у меня была привычка собирать семена, которые попадутся под ноги. Бабушка бранилась, вытряхивая мою куртку — полные карманы крошек, семян, сосновых иголок...

— Ты слышишь? — напряженно спросил маг.

Я поднял голову. Он был прав: в лесу что-то неуловимо изменилось и продолжало меняться прямо сейчас. Лес жил по чужим, йольским законам, и я, который прежде знал Холмовый и любил, не мог теперь понять, что происходит.

Там, в глубине. В серых сумерках. За стволами. Все ближе и ближе.

Маг искоса глянул на меня и обернулся в сторону ельника. Он тоже ничего не понимал.

Я вспомнил что-то из детства. Из тех кошмарных снов. Не оформлены... нелюдь под нелюдью в чистом поле... что-то другое, не менее отвратительное, но куда более опасное...

— Берегись! — зачем-то крикнул маг.

Прошла половинка мгновения.

Я успел увидеть, как взлетает из-под низких еловых веток вожак. Беззвучно выпрыгивает вверх почти на полный человеческий рост, целит когтями в грудь магу и клыками ему же в горло. Как маг вскидывает руку, и кольцо разражается белым огнем. Как все тело нападающей твари освещается изнутри, на мгновение становится прозрачным, видны кости, позвоночник, череп... очень похожие на человеческие, но уродливые, страшные... а потом тварь распадается на части, и одновременно из-под елок взвиваются, нападая на мага, еще три таких же.

Четверо кинулись на меня. Один навалился со спины. Я не устоял — у меня были связаны руки — и упал лицом в росу.

* * *

Это накатывает волной. Волосы встают дыбом. Все живое бросается в рост, в развитие, в старение, в осень и опять в весну... Ветер подхватывает листья... Вихрь, водоворот, зима и лето сменяют друг друга, лопаются оболочки и снова нарастает, бегут соки, бежит кровь по жилам, скорее, скорее...

...Преврати их в мусор.

* * *

Я упал, а тварь навалилась сзади — мертвым грузом. Уже мертвым. Я закрыл глаза.

Каждая жилка дрожала. Как тогда, на вершине горы, когда дед сказал: «Тебя здесь не было». Я давно, очень давно не был веснаром.

И уж тем более — не убивал.

Я пошевелился, сбрасывая с себя тощую, роняющую шерсть, дряхлую тушу. Передернулся от отвращения. Подтянул колени, с трудом поднялся. Мага тоже сбили, он встал одновременно со мной — бледный, как жемчужина с далеких островов. Кольцо на его пальце горело синим и фиолетовым.

— Погоди, — выговорил я, пытаюсь плечом стереть с мокрого лица прилипшие клочья шерсти. — Не нападай. Мы не договорили.

Он огляделся. Поляна была завалена дохлыми тварями: все они умерли на лету, в прыжке, от старости. Мутные глаза затянуты бельмами, клыки рассыпались прахом. Я с трудом узнал в них «манфи» — волканов. Йолльцы привезли их на остров, йолльцы когда-то, давным-давно, натаскивали этих тварей для охоты на людей.

На счету мага был только один враг, тот, первый. От волкана мало что осталось: кучка пепла, понемногу уносимого ветром.

— Восемь, — сказал маг и сглотнул.

— Там еще двое... За елками. Дохлые.

— Откуда ты знаешь?

— Пойди посмотри. Может, ты привык убивать без счета, а я — нет.

(«Сколько их было?» — спросила тогда бабушка, встречая нас на пороге, и я был благодарен деду, что тот не стал ей отвечать...)

Маг стоял среди этого побоища, среди горы дряхлых тел — и смотрел на меня. Это был странный взгляд. И ужаса в нем было все-таки больше, чем отвращения.

— Давай уйдем отсюда, — сказал я. Повернулся и пошел, не оглядываясь.

Он догнал меня и зашагал сзади, молча. Я слышал, как похрустывают веточки у него под ногами. Так, не говоря ни слова, мы спустились с пригорка и вышли на опушку как раз тогда, когда из-за холмов на востоке показалось солнце.

Возможно, это мой последний рассвет, поэтому я замедлил шаг. Подставил свету лицо. Дом барона лежал ниже, и солнечные лучи до него пока не добрались.

Маг остановился рядом, по-прежнему очень бледный.

— Я же говорил тебе, — сказал я негромко. — Веснару для дела ни руки, ни глаза ни к чему. Зато теперь ты знаешь, как это будет с тобой. А я знаю, как это будет со мной.

— Это мерзко, — отозвался он тоже вполголоса. — Веснарство — самый отвратительный из волшебных даров.

— Неправда. Веснарство — прекрасный дар. Дар жизни, а не смерти. Мы не виноваты, что вы явились сюда с йолльским законом. Что вы даже лес, мирный лес, превратили в бойню, где нелюди жрут друг друга.

Он не ответил. Пошел к дому, а я за ним.

Со стороны пригорка баронский дом казался двухэтажным. Дикий виноград оплел его стены сплошной плетенкой. Усики торчали в разные стороны — искали, требовали, шарили в поисках новой опоры. Каменная ограда здесь была совсем невысокой, волкану не составило бы труда перемахнуть ее с разбегу. Мы с магом одновременно подумали об одном и том же.

— Он говорил, что это не опасно, — пробормотал маг. — Если не ходить в лес по ночам... Слишком уж расплодилось зайцы. Грызли кору...

Меня передернуло от омерзения.

Солнце коснулось верхушек травы у самой ограды. Покачивались метелочки. Безмятежно тянулись к небу белые соцветия. Цветущая, моя Цветущая, что с тобой случилось?!

— Развяжи мне руки, — сказал я глухо.

* * *

Во дворе баронского дома стояла пустая телега: лошадь из нее благоразумно выпрягли и увели. Бочка со смолой догорела и дымилась теперь, расточая смрад. Залитая солнцем дорога вела к тракту, и только там, на благоразумном отдалении, маячили черные фигурки.

— Ты можешь убивать на расстоянии, веснар? Дотянуться до *тех*, к примеру?

Я прищурился.

— Могу. Но я не знаю, кто там. Может быть, это свои... И они ведь не нападают.

— А если нападут свои, ты убьешь?

Он так и не стал развязывать мне руки. Воткнул в щель между камнями баронский меч и отошел в сторону, предоставив мне возможность самому, вслепую, перепиливать веревку.

Меч был хороший. Я рассек веревку в двух или трех местах, она ослабла и потихоньку стала соскальзывать с онемевших рук, виток за витком. В свете дня мертвый барон в гамаке казался ссохшимся, как черная груша.

— Нам обязательно оставаться здесь?

Маг подумал.

— Иди наверх... Только не пытайся завернуть за угол! Оставайся на виду, если хочешь прожить подольше!

Я хмыкнул.

На втором этаже помещалась «комната для бесед», по-йолльски «фрадуф». Комната была в том же виде, в каком ее оставил барон — если не считать опрокинутого кресла с отпечатком башмака на мягкой спинке. Кресло валялось у того окна, из которого в меня стреляли.

Солнце освещало комнату, не оставляя ни краешка тени. Йолльцы любят свет; удобная деревянная мебель делила пространство на несколько уровней — можно было сидеть у самого пола, или выше, или еще выше, под потолок. Согласно йолльскому кодексу гостеприимства «фаон», то есть собеседник в общей комнате, волен выбирать себе место потеплее или посвежее. С положением в обществе или старшинством этот выбор никак не связан.

Если бы не мохнатые шкуры нелюдей, устилавшие пол, я сказал бы, что комната мне нравится.

— Подведем итог, — сказал маг. — Я убью тебя, как только ты попытаешься до меня дотянуться. Знаю, ты убиваешь быстро, но у меня хорошая реакция.

— Хорошая, — согласился я. — В бою у меня преимущество: я могу поразить сразу многих. Но в нашем с тобой случае это не имеет значения.

— Не имеет, — повторил он отрешенно.

Я растирал затекшие руки и пытался понять: если бы там, в лесу, я накрыл своей веснарской волей не только волканов, но и человека тоже... успел бы он убить меня? Хищники, появившись внезапно, пол-

ностью занимали его внимание. Возможно, это был единственный мой шанс...

Маг тоже об этом подумал.

— Я не выпущу тебя живым, — сказал я, обрывая его так и не начатую фразу. — Ты знаешь о втором веснаре. Ты будешь его искать.

Он вскинул подбородок:

— Неужели ты решил, что я оставлю в живых тебя?

Я кивнул. Каким бы ни был мой шанс — он ускользнул, закончился, и вспоминать о нем не было смысла.

— Ты догадываешься, с кем встречался барон? — я прошелся по комнате, стараясь не наступать на шкуры.

Маг сел на низкую полированную скамью. Потер лоб, будто вспоминая. Блики на его кольце при свете дня чуть потускнели.

— Скажи... полукровка может быть веснаром?

— Полукровка?

— У барона двое сыновей. Со старшим он поссорился три дня назад: щенок надерзил отцу и ушел.

Я невольно посмотрел в потолок: мальчишка, которого я первым увидел в этом доме, все еще прятался где-то на чердаке. Мы с магом в третий раз одновременно подумали об одном и том же; такая солидарность начинала внушать мне опасения.

— В любом случае, — медленно сказал я, — его нужно отправить к людям. У него, наверное, есть мать... другие родственники...

— Иди наверх, — сказал маг. — И не делай резких движений.

Наверх вели две лестницы: внешняя, пологая, увитая виноградом, и внутренняя, закрученная винтом. Я снова поднимался первым. Крышка деревянного люка, прикрывавшая вход на третий этаж, была чуть сдвинута.

Маг выбрался из люка, чуть не хватая меня за щиколотки. Вполглаза приглядывая друг за другом, мы осмотрелись: я изучал незнакомое йолльское жилище. Маг искал мальчишку.

Все те же высокие окна, увитые виноградом, свободно впускали солнце и сквозняки. В центре большой комнаты помещалась «оре» — теплая йолльская постель, больше похожая на дом в доме. Полог-палатка, притулившаяся к каминной трубе, закрытая со всех сторон одеялами и шкурами нелюдей.

Вдоль стен висели, открытые всем ветрам, пустые гамаки.

— Комната барона, — сказал я вслух. — Где они жили все? Дети, стража, слуги?

— Внизу. На земляном этаже.

Я вспомнил о бароне, который так и коротает вечность — провиснув в гамаке почти до пола. Некстати пришла на ум еще одна йолльская традиция: хоронить особо знатных покойников в гамаках.

— А... ты? — я запнулся. — Ты где жил? И кто ты, собственно, такой? Что делаешь в доме барона?

Будто не слыша меня, он откинул край тяжелого полога. Заглянув через его плечо, я увидел — сквозь тучу пылинок в солнечном луче — мальчишку, свернувшегося на матрасе, как корешок в слишком тесном горшке.

— Реф! — негромко позвал маг.

Мальчишка вскочил. Встрепанный, круглоглазый, бледный, он вдруг напомнил мне — меня.

— Выходи, — сухо велел маг.

Мальчишка выбрался из «оре». Сердце в нем колотилось так, что вздрагивала льняная рубаша на груди и на спине.

— Твой отец умер, — сухо сказал маг.

Мальчишка хлопнул светлыми ресницами. В нем не было ни капли скорби — только страх.

— Это ты его убил?

Я поперхнулся от такого вопроса. Мальчишка долгое мгновение глядел на мага, а потом затряс головой так, что чуть глаза не расплескал.

— Где Кноф? Где твой брат?

Мальчишка икнул.

— Отвечай!

— Осторожнее, — сказал я. — Все-таки ребенок...

Маг мельком глянул на меня через плечо.

— Где твой брат? — повторил тоном ниже.

— Он ушел, — выдавил мальчишка еле слышно. — Сказал... что уйдет... в море... на корабле.

— Когда? Когда ты видел его в последний раз?

Мальчишка, казалось, не понимал вопроса.

— Вчера? Видел его вчера?

— Нет.

— А позавчера?

— Нет. Он ушел.

— Куда?

— На корабль... матросом.

Мальчишка говорил по-йолльски. В языке Цветущей слова «матрос» до сих пор нет.

Маг помолчал, играя желваками. Мальчишка снова икнул.

— Слушай внимательно, — сказал маг сквозь зубы. — После смерти твоего отца здесь распоряжаюсь я. Беги в Фатинмер. Скажи матери: я велел явиться сей же час. Скажи госпоже Розе: я велел явиться ей тоже! Передай: я приказал слугам и страже вернуться на службу — немедленно, иначе я сочту это бунтом. Повтори!

— Матери... Госпоже Розе... немедленно... слугам... страже... бунтом, — мальчишка повторял слова механически, как заводная игрушка.

— И не бойся, все образуется, — зачем-то добавил я.

Он посмотрел сквозь меня и шагнул к выходу на внешнюю лестницу. Минутой спустя мы увидели, как он бежит по дороге к тракту — что было сил, во все лопатки. А вдали, за невысокими холмами, проплывали цветные паруса — поезд набирал скорость, уходя от станции «Светлые Холмы», следуя из Дальних Углов в сторону побережья.

Мне никуда уже отсюда не уехать.

— Спорим, что стража не послушается. Тот, что в меня стрелял, наверняка был здесь во время нашествия. Много повидал.

— Я тоже кое-что видел, — все так же сухо отозвался маг. — Пусть попробуют не явиться.

Я подумал, что не завидую этому начальнику стражи. Если выбирать между веснаром и обвинением в бунте...

— Кто такая эта госпожа Роза?

— Мать старшего мальчишки, того, который сбежал.

— Женщина барона?

— Была женщиной барона почти шестнадцать лет назад. С тех пор ее муж, всю жизнь долбивший канавы, пошел на повышение. Теперь он сборщик налогов и надзиратель в поселке.

Я смотрел, как удаляются паруса. Тогда, в начале нашествия, женщины Цветущей были горды и непреклонны и смерть предпочитали позору. Тогда все были уверены, что йолльцы уйдут с острова — или умрут все до единого, превратившись в удобрение для наших полей. И никому в голову не могло прийти, что спустя всего несколько месяцев, ну ладно, год с небольшим, первый веснар станет жертвой предательства.

Я на мгновение прикрыл глаза: веки горели. Хотелось спать, но я понимал, что не засну уже до самой смерти.

Вдалеке на тракте все так же маячили люди: не решались убраться, не отваживались подойти. Я бездумно взялся рукой за виноградную лозу — корень ее был далеко внизу, в земле, в плодородной земле моей Цветущей...

Я чуть сжал ладонь.

В рост. В развитие, в старение, в осень и опять в весну. Ветер унесет листья, зола вернется в землю, и будет пища корням.

* * *

Поле чернело золой. Вчера ночью йоллыцы подождли его с четырех сторон. С тех пор прошли день и еще одна ночь. Прошел дождь, превратил золу в жидкую грязь.

— Они хотят, чтобы мы передохли с голоду, — сказала полная женщина с родинкой на кончике носа.

Высокий светловолосый парень сплюнул сквозь зубы:

— Как же... Не дождутся.

Над верхней губой у него едва пробивались тонкие, прозрачные усы.

Поодаль толпились люди. Переговаривались. Жались друг к другу.

— Эй, дармоеды! — весело крикнул мужчина лет пятидесяти (его рука лежала на плече небольшого щуплого мальчишки). — Сеять будем или плакать будем? Тащите все всхожее, что есть!

Дождь то утихал, то снова начинал моросить. Расходились тучи. Одна за другой вставали на небе радуги.

— Радуга — к веснарству, — бормотал мужчина. — Ну, где вы там, дармоеды?

Увязая в земле, катились тяжелые тачки. Люди сгружали мешки и корзины, торопливо шли, разбрасывая зерно — каждый по своей полосе, не ошибаясь и не сталкиваясь, хотя в горелой грязи не было видно межей.

— Не перерастаи, Осот, — строго сказал мужчина. — Осыплется — как его потом жать... Усач, Ягода, вместе, что ли?

Женщина с родинкой улыбнулась, двумя руками отбросила с лица тяжелые темные пряди. Парень с невидимыми усами высморкался в грязь, вытер руки о штаны.

— Ну... Поехали. Вместе!

Мальчик побежал.

Лучше бы, конечно, замереть, как солидному веснару, глядя в сторону с равнодушным лицом. Слушать охи да ахи крестьян, не смотреть, как поднимается рожь — только *чувствовать*, как бегут по стеблю соки... как наливаются колос...

Но он не мог удержаться. Не мог устоять. Таким восторгом, такой силой и радостью наполняла его работа.

Он бежал, раскинув руки. Он подпрыгивал, и под его босыми ступнями, и далеко вокруг лопались зерна. Выстреливали белые ростки —

корни. Укреплялись. Тянули вверх зеленые побеги. Яркая зелень пробивалась поверх черного, грязного, безнадежного — поверх сгоревшего урожая. Все выше тянулись стебли. Солнце, вырвавшись из-за туч, засветилось на каплях росы.

— Цвети! — кричал мальчик на бегу. — Цвети!

Среди колосьев проглядывали красные и синие цветы. Дед много раз велел ему не растить сорняков, а он все равно растил. И они вырастали, открывали лепестки, снова сбрасывали и вырастали вновь, а колосья поднимались, меняли цвет, из зеленых становились желтыми, тяжелели, клонились к земле...

— ...то-ой, — кричал дед, и ветер носил над полем обрывки его слов, — ...ерасти-ишь!

Мальчик остановился.

Еще миг — и они в самом деле начали бы осыпаться. Вот какие они тяжелые. Вот как гнутся к земле...

— Жните! — кричал дед. — Жните, пока есть время!

Мальчик побежал обратно — по меже, между колосьями, стараясь как можно меньше их тревожить. Все поле покрылось жнецами; взлетали косы. В лихорадочной спешке вязались снопы. Мальчику тоже сунули в руки серп, и он торопливо срезал колосья, и сквозь их желтый лес на него смотрели, смотрели разноцветные глаза васильков и маков. Синее небо... Красная кровь из случайной царапины — обрезаемая серпом, дуралей...

Разошлись тучи, и выкатилось, всех благословляя, солнце.

* * *

Маг зачарованно смотрел, как движется по комнате лоза. Выбрасывая в стороны зацепки-крючки, она потянулась по стене к потолку, обвилась вокруг балки — жуткое, прекрасное, завораживающее зрелище. Вот зеленая плеть ухватила за свисающую веревку, поползла по сетке гамака — все дальше и дальше... Я разжал пальцы. Лоза успокоилась и замерла.

Маг смотрел на меня. Это был странный взгляд.

— Здесь такая земля, — сказал я. — Только надо ее как следует удобрить. Тогда из семечка вырастет дерево — в три обхвата, в шесть обхватов, и его будет тяжелее спилить, чем вырастить.

Маг отвел взгляд. Отошел к стене, выбрал гамак, не тронутый лозой, подтянул веревки и лег, закинув руки за голову, не снимая пыльных сапог.

— Меня зовут Аррф, — сказал будто нехотя.

* * *

Он происходил из богатой и знатной семьи потомственных магов. Образование получил в Храме Науки Эо — старейшем учебном заведении йолльской столицы, факультет юриспруденции. Через несколько лет оставил место судьи в одном из пещерных городов (многоярусные дебри, вырубленные в скале, ни травинки, ни листика), погрузился на корабль под синим парусом и вышел в море — нести йолльский закон в те края, где о справедливости прежде не слышали.

Он сошел на землю Цветущей в порту Заводь и поразился красоте и богатству этой земли.

Он остановился в гостинице на берегу, и в первый же вечер его отравили, сдобрив тушеное мясо могучим растительным ядом. Не будь он магом, умер бы в мучениях. А так — помучился и выжил.

Хозяин гостиницы ударился в бег. Йолльскому патрулю удалось перехватить его возле самого города. На допросе отравитель признался, что спутал Аррфа с другим йолльским магом, который несколько лет назад якобы убил его сына.

Злодея повесили согласно йолльскому закону.

Едва оправившись после отравления, Аррф поехал к барону Фатинмера — передать письмо с родины. Путь был долгим, через весь остров. Маг не спешил, приглядываясь к местному укладу, но видел везде одно и то же: обитатели Цветущей, внешне доброжелательные и смиренные, в любой момент готовы были нанести удар в спину. Их лицемерные слова о «небесных корнях», которые якобы соединяют их с небом и определяют все их слова и поступки, звучали издевательством: само собой подразумевалось, что у «мясоедов», как у животных, никаких корней быть не может.

Он почти перестал общаться с местными. Все они сносно владели йолльским, но, говоря между собой, то и дело переходили на непонятный стрекочущий язык. Казалось, в его присутствии они обмениваются анекдотами о нем самом, насмеваются и злословят.

Когда он ел мясо — как правило, скверно приготовленное, — они кривили лица за его спиной: казалось, их сейчас вырвет. Когда он, искренне заинтересовавшись, расспрашивал о старинных обычаях и нравах, с ним говорили, как с умалишенным.

Они были медлительны, долгие дни проводили, лежа на земле и глядя в небо. Они были ленивы — чего еще ждать от народа, без особых трудов снимающего по три урожая в год? Ни одно строительство не обходилось без йолльских рабочих: всякий подрядчик знал, что если поставить на работу одних только местных, стройка умрет, не начавшись.

Йолльцы, чиновники и торговцы, общались только друг с другом и откровенно презирали местных, называя их «растениями». Стоило ли лезть из кожи вон, строя школы, куда дети Цветущей ходили из-под палки, строя больницы, когда местные от всех своих хворей умирали дома под присмотром какой-нибудь травницы? Стоило ли добывать руду, прокладывать новые торговые пути, ставить мосты, стоило ли превращать это сонное растительное царство в островок человеческой жизни?

По какой-то прихоти природы на Цветущей водились только растения — и человек. Отсюда все эти варварские представления о небесных корнях, отсюда полное неприятие борьбы, движения, творчества. Растительная жизнь — пассивная, вялая; местные были коварны, как безобидный с виду, но смертельно ядовитый цветок.

Еще долго после отравления Аррф чувствовал слабость. Бредовый мир Цветущей поглощал его, как огромный желудок.

Только в Некрае, самом большом городе Цветущей, теплилась жизнь. Там йолльцы и местные жили тесно, бок о бок, и ритм ежедневной работы заставлял «растения» отвлечься от ежедневного созерцания небес. Аррф провел в городе неделю и совсем уже решил остаться — но письмо жгло ему карман. Он обещал дяде, что передаст послание старому другу из рук в руки. А значит, надо было ехать в Фатинмер.

Барон встретил его радушно, будто родственника. За шестнадцать долгих лет дом его порос мхом и виноградом, а барон поскущел, поглупел и почти превратился в растение — так он сам говорил. Появление Аррфа заставило барона встряхнуться: хозяин и гость много путешествовали по окрестностям, вместе закусывали (баронский повар готовил мясо великолепно) и проводили долгие часы за беседой.

Среди прочего барон рассказал Аррфу историю битвы за Фатинмер, кровавую историю противостояния военной силы и дикой мощи местных колдунов. Сам барон ни разу в жизни не видел веснара, он приехал на остров, когда тех уже выжили, выжгли, извели на всей Цветущей. Однако страшный рассказ о полях, засеянных дряхлой человеческой плотью, произвел на мага тяжелейшее впечатление и еще более укрепил его неприязнь к островитянам.

Между магом и бароном завязалась не то чтобы дружба — йолльцы очень осторожны в привязанностях, — но спокойная симпатия. Единственным серьезным неудобством было такое устройство быта, при котором Аррф, лежа в мягком гамаке баронской спальни, слышал сопение крестьянской девушки, уединившейся с хозяином в палатке-

«оре». Толстый полог, покрывала и шкуры приглушали звуки, но в тишине ночного дома Аррфу казалось, что он там, в «оре», третий.

В такие минуты он горько жалел, что покинул Йолль. Простота, с которой барон сходил с «растениями», поражала и угнетала Аррфа. Сам он никогда не мог бы переступить незримую черту, отделявшую островитянок от йолльского мага.

— Они нас презирают! — твердил он барону. — Они, тупые растения, не считают нас людьми!

— Два-три красивых подарка, — мудро отвечал барон, — и они будут считать нас не то что людьми — богами!

Примерно так они разговаривали, направляясь верхом к станции «Фатинмер» и дальше, на пастбища, где подрастали жеребята, где гуляли в сочной траве коровы и овцы. Они видели, как прошел за холмами парусный поезд, а спустя полчаса встретили одинокого путника. Тот отлично понимал йолльский, но говорил с бароном на своем стрекочущем языке.

Фатинмерцы нередко ездили куда-то на поезде или уходили пешком, но чужаки в поселке появлялись, как правило, только во время ярмарок. Сейчас ярмарки не было, и каждый путешественник оказывался на виду — как горошина на тарелке. Упрямый приезжий и был такой «горошиной». Аррфу, пребывавшему в раздраженном состоянии духа, очень хотелось ударить наглеца. Не насмерть. В воспитательных целях — чтобы знал свое место. Но барон был хозяином в своих владениях, и Аррф не решился нарушить его прямой приказ оставить путника в покое.

На другой день после обеда барон собрался в лес на охоту. Но оружия с собой не взял. Аррф, решивший, что здесь опять замешана крестьянская девчонка, ничего не сказал.

Кольцо мага не дарит ясновидения, но обостряет пронизательность. Предчувствие было похоже на смутную тень, но Аррф знал цену таким теням. На закате барон не вернулся. Маг, прежде избегавший лесных прогулок, отправился на поиски... и нашел.

В первый момент он решил, что перед ним труп незнакомого, невыразимо дряхлого старика. Но сразу после этого вспомнил рассказы о веснарах — и осознал весь ужас случившегося.

* * *

Я смотрел вдаль, на дорогу, и первым увидел, как приближаются осторожные фигурки. Две женщины и с ними начальник стражи; то ли он устыдился перед лицом бабьей храбрости, то ли решил, что раз

ночь прошла и маг все еще жив, невыполнение приказа обойдется дороже, чем повинование.

— Они идут, — сказал я Аррфу.

Тяжело ворочаясь, тот выбрался из своего гамака и нервно потер кольцо на пальце. По-прежнему не выпуская друг друга из виду, мы выбрались на широкую внешнюю лестницу.

Трое остановились у приоткрытых ворот. Внутри входить не стали. Две женщины были разительно не похожи друг на друга: высокая, полная, тяжелая красавица с черными косами вокруг головы и щуплая, как подросток, бледно-рыжая бабенка самого обыкновенного вида. Я про себя отметил, что вкусы барона отличались разнообразием.

Начальник стражи — тот, что вчера стрелял в меня — держал марку из последних сил, но даже на расстоянии было видно, как он бледен. Взведенный арбалет у ноги — он пристрелил бы меня немедленно, если бы не присутствие мага.

— Входите, — громко и раздраженно предложил Аррф.

Черноволосая шагнула в ворота первой, за ней рыжая и только потом начальник стражи. Все трое обогнули повозку, брошенную посреди двора, и остановились, глядя на нас снизу вверх.

— Роза, где твой сын? — отрывисто спросил Аррф, обращаясь к черноволосой.

— Я думала, вы мне это расскажете, добрый господин маг, — отозвалась женщина на неплохом йольском. — В Холмах он не показывался.

Начальник стражи смотрел на меня, словно стрелок на мишень. В его глазах ситуация выглядела совсем уж невероятной: веснар, убивший барона, до сих пор не наказан и стоит, как ни в чем не бывало, рядом с магом. А тот ведет странные и, с точки зрения стражника, лишние расспросы.

Я подумал, что о другом, затаившемся веснаре ни один из них не знает. А если знает, то молчит. И не успел я об этом подумать, как рыжая женщина открыла рот: или она была очень глупа, или полностью лишена воображения, а с ним и чувства страха.

— Господин маг, — сказала рыжая. — Этот чужак рядом с вами... вы его нам отдайте. Если это он убил Нэфа ни за что ни про что, так нам его и судить. И начальству вашему скажите: веснара мы сами казнили, пусть солдат к нам не присылает. Хватит и того, что новый барон будет хуже Нэфа, потому что лучше Нэфа быть не может.

— Храбрые какие — веснара казнить, — сквозь зубы сказал начальник стражи.

— А что нам веснар? — бестрепетно отозвалась рыжая. — Наше это

дело, внутреннее. Свои же их когда-то и перебили, а вам, йолльцам, они не по зубам.

Говоря, она посмотрела мне в глаза. Я вздрогнул.

— В «Фатинмере» тебе надо было останавливаться, — сказала рыжая, не сводя с меня странного взгляда. — Я там хозяйка. Уж в моей-то гостинице тебя не захватили бы врасплох.

— Хватит, — оборвал ее маг. — Роза, когда ты в последний раз видела своего сына?

— На прошлой неделе, — бестрепетно отозвалась черноволосая. — Кноф глядел волчком, но что там и как, рассказывать не стал.

— Когда ты в последний раз видела барона?

— О-о, — она игриво вскинула черные брови. — Нэф не желал меня замечать вот уж полгода, не меньше... Разве что на прошлой ярмарке, на торгах... месяца три будет.

— Горчица, — маг обернулся к рыжей. — А ты когда в последний раз виделась с бароном?

Зависла пауза. Женщина смотрела на мага, как сквозь толстое стекло, и меня вдруг обсыпало мурашками: *веснар!*

Мы не можем узнавать друг друга. Мы не можем чують друг друга, но в эту минуту, глядя на нее, я готов был поклясться: она веснар. Годы и годы проведенная в тайне. Прижившая ребенка с йолльским бароном. И вот теперь...

— Мы виделись вчера, — просто сказала рыжая Горчица. — Я собирала травы в лесу, возвращалась после обеда и встретила его на опушке. Мы поговорили. И я ушла. А он остался в лесу. Сказал, что у него встреча. Это правда, чистая правда, ты не можешь этого не чують, Аррф.

— Ты собирала травы в лесу, где полно волканов?!

— Нэф говорил, эти твари не охотятся днем. А я пришла в лес, когда солнце стояло высоко... Почему ты спрашиваешь, господин маг? Какая разница, кто и когда видел Нэфа? Если теперь он мертв, *если* его убил вот этот веснар, — она опять кивнула на меня, — какая разница, с кем он встречался?

Я разжал пальцы. Увядший василек, невесть как оказавшийся у меня в руках, упал на каменный пол балкона. Вот оно как... Я испытал и облегчение, и разочарование. Я ведь ждал, оказывается, что она первой нападет на обоих йолльцев — и мага, и стражника. И настанет наконец развязка.

Она почувствовала мой взгляд. Снова посмотрела мне в глаза, без тени страха, без намека на стыд.

— Зря ты убил его, — сказала на языке Цветущей. — Те времена прошли... Теперь всем будет только хуже.

Я прикусил язык — до того мне хотелось ответить.

— Говори по-человечески! — рявкнул Аррф.

Женщина приподняла уголки губ:

— Я и говорю по-человечески, мясоед.

Он вскинул руку с кольцом — и тут же опустил. Рыжая даже не моргнула.

— О чем вы беседовали с бароном? — глухо спросил Аррф.

И опять Горчица помолчала, прежде чем ответить. Эти маленькие паузы, как ледяные гвозди, делали каждое ее слово значительным и острым.

— Нэф хотел отправить сыновей в Некрай на учебу. Реф согласился. А Кноф... — она мельком взглянула на черноволосую. — Сын Розы хотел остаться в Холмах и жениться. Академии ему ни к чему — так он сказал. И еще он сказал, что ненавидит отца и хочет его убить.

— Врешь! — выкрикнула Роза.

Горчица ухмыльнулась:

— Может, и вру... Это он не мне говорил. Это он Рефу, дурачку, говорил. А Реф, бедняга, врать не умеет.

Начальник стражи, позабыв обо мне, переводил взгляд с черноволосой на рыжую и обратно.

— Капитан, — голос Аррфа звучал теперь устало. — Верни слуг. Пусть позаботятся о лошадях. Собери людей с лопатами: до захода солнца барон должен быть похоронен. Поспешите! Я, возможно, прошу вам всем вчерашнее бегство. А может, и нет. Постарайтесь меня задобрить.

Начальник стражи щелкнул каблуками и исчез. Остались женщины: Роза уперла кулаки в крутые бока. Горчица стояла неподвижно, ветер теребил длинный и легкий подол ее ситцевого платья.

— Роза, — медленно начал Аррф. — Ты когда-нибудь думала о том, что твой сын может оказаться... веснаром?

Черноволосая мигнула. Ответила через силу:

— Мы все об этом думаем. Спросите хоть Горчицу. Она тоже.

— Мы думаем, — подтвердила рыжая со странной улыбкой. — В старину они часто рождались, веснары-то... Мать мне рассказывала — всегда устраивали праздник, когда малыш впервые травку подрастит. Никто, — она впилась взглядом в воспаленные глаза мага, — никто их не боялся. И не боится. И веснар, — она кивнула на меня, — никогда и ни за что не убьет человека. Только нелюдь.

Она была сумасшедшая. Безумие влажно поблескивало в ее глазах.

— Ты все сказала? — хрипло спросил Аррф.

— Выходит, Нэфа другой веснар убил? — она рассуждала, не слушая мага. — Не этот? Иначе ты не расспрашивал бы... Ага! Веснар в Холмах, и ты не знаешь, кто это... Пойди по домам, Аррф, пойди по всему поселку и каждого спрашивай. Сколько там у нас местных в поселке? А на выселках? Ничего, за неделю справишься... Если спать не будешь. И если веснар тебя дождется.

— Допрыгаешься, — вполголоса сказала ей Роза.

Горчица улыбнулась шире:

— А начинать надо с девок. Каждая девка в поселке — бери любую, хоть хромую, хоть горбатую. Он со всеми переспал. Не веришь? Пойди поспрашивай.

— Бред, — выплюнул Аррф. — Замолчи!

Горчица послушалась и молчала целых три мгновения. Коротенькая, холодная пауза.

— Мальчишку-то мне можно забрать? — спросила совсем другим голосом, тихо. — Рефа. Насовсем.

Маг не ответил. Обернулся к Розе:

— Скажи... Кто из девчонок в последнее время... с кем он... ты знаешь?

Женщина чопорно поджала губы:

— Я ему не сторож, господин маг. Горчица, хоть и дура, дело говорит: бери в поселке любую.

— Это ложь, — сказал Аррф, но как-то неуверенно.

— Правда, — сказала Роза, будто камень бросила. — Испортил многих. А такой девки, чтобы ему долго у сердца держать, такой в последний год не знаю.

Маг перевел взгляд на Горчицу. Рыжая стояла, не разжимая губ, как будто рот у нее склеился.

Тогда Аррф повернулся к женщинам спиной и кивнул мне, приглашая обратно в дом. Уходя, я в последний раз глянул на них через плечо, на Горчицу и Розу. Они стояли, одинаково подбоченясь, и обе смотрели мне вслед.

* * *

Слуги, доставившие из поселка завтрак, накрыли стол на зеленой лужайке в тени ограды. И стол, и скамейки были врыты в землю.

Горчица, оказавшаяся хозяйкой гостиницы «Фатинмер», приготовила этот завтрак с полным знанием дела: мне полагалась бобовая ка-

ша, Аррфу — котлеты в луковой чешуе. Наверное, у нее был запасен готовый фарш, думал я, глядя, как маг сидит над своей тарелкой. Мясное блюдо не приготовишь так быстро...

Интересно: гостиницу Горчице подарил барон? Как и пост сборщика налогов Розинуому мужу?

Цветущая моя, Цветущая...

С детства приученный уважать еду, я съел все, что было в миске. Маг вяло поковырял котлеты и выпил две кружки пива.

— Почему ты не ешь мяса? — спросил он, глядя в упор.

— А почему ты не ешь человечину?

Мы смотрели друг на друга. Нас объединяла смерть о двух концах. За домом, в дальних пределах ограды, притихшие крестьяне рыли четырехугольную яму. Скрежетали лопаты, вонзаясь в плодородную землю Цветущей. И пахло весной, обновлением — пахло сырой землей.

— По-твоему, барона убил мальчишка? — маг отхлебнул еще пива.

— Старший сын, байстриук? Кноф?

Яма под лопатами землекопов становилась все глубже.

— Когда, ты говоришь, он сбежал? — я подтянул к себе свою кружку.

— Три дня назад. Уже, считай, четыре.

— И не пришел к матери, — я размышлял вслух. — У него есть друзья в поселке?

— Я почем знаю... Мальчишки жили тихо, как мыши, спали внизу, в одной комнате со слугами, вставали рано. Никаких особенных развлечений им не полагалось. Конечно, Нэф учил их арифметике и йольскому, но эти уроки вряд ли доставляли им удовольствие.

— Думаю, — медленно начал я, — то есть если бы я был на месте этого Кнофа... Погоди, сколько ему лет?

— Пятнадцать.

— Тощий, довольно высокий, волосы длинные, темные, нос курносый, веснушки, одет по-крестьянски?

— Да. Откуда ты?..

— Я его видел. Он уехал на поезде в Дальние Углы позавчера вечером, на закате.

И я рассказал Аррфу о мальчишке, вскочившем на тот самый поезд, с которого я сошел. Теперь мне понятен был восторг юного беглеца: рожа с высунутым языком, которую он скорчил мне, предназначалась на самом деле его отцу-барону. И, возможно, магу.

— Получается, мы ехали за ним по пятам, — помолчав, сказал Аррф. — Еще несколько минут — и заметили бы.

— Ничего подобного. Он мог весь день просидеть на станции, прятаться под платформой, например. Для него очень важно было не попадаться вам на глаза и успеть на поезд... Зато теперь мы точно знаем, что барона он не убивал.

— Почему? Он мог вернуться.

— Из Дальних Углов? Оттуда пять дней пешего пути! А обратный поезд — я видел — прошел только сегодня утром!

Аррф отодвинул тарелку. Я поморщился: запах его недоеденных котлет смущал меня больше, чем тяжелый дух смерти, воцарившийся в доме.

— А я был уверен, что это он, — тихо сказал маг. — Он ненавидел отца. Хуже — презирал.

— За что? — я понимал, что вопрос идиотский, но придержать язык не успел.

Маг прищурился:

— А за что его презирали женщины, с которыми он спал? За что все вы ненавидите нас?

— Может быть, за то, что вы явились на нашу землю, чтобы убивать и насиловать? — предположил я. — И нести йолльский закон туда, где его не хотят знать?

— Мы?! — он поперхнулся. — Мы принесли избавление от эпидемий, которые убивали без разбора и когда-нибудь прикончили бы весь остров! Мы возвели больницы и школы! Мы построили дороги и пустили по ним поезда! Ты уже не помнишь, что до йолльского вмешательства здесь умирал каждый второй младенец? Ты не помнишь нищеты, в которой вы все поголовно жили?!

— Я получил хорошее образование, мясоед, — отозвался я холодно. — Все эти «аргументы» я пересказывал у доски наизусть.

— А как тебе удалось получить образование? Как ты вообще выжил в Некрае? Что, не йолльцы подобрали тебя и отмыли? Не йолльцы отравили в школу? Университет, где ты учился, не был построен на йолльские деньги? Или стипендия, которую ты получал...

— Ты забыл сказать, что предварительно йолльцы убили моего деда.

— Ты забыл сказать, что перед этим Осоты убили несколько тысяч человек!

— Ты забыл, что эти люди пришли на мою землю с оружием.

— С оружием, с металлургией, с лекарствами... Сказок не бывает: мы победили, потому что сильнее. Умнее. Подвижнее. Мы пришли к вам, а не вы к нам — мы успели первые. А значит, строим мир по собственному разумению — так, как считаем нужным.

— Йолльский закон — самый человечный и справедливый, — я ухмыльнулся.

— Йолльский закон — результат опыта многих поколений, — тихо сказал Аррф. — Плод работы лучших умов и великих душ. Большое счастье для острова — то, что он получил закон Йолля. И если ты этого не понимаешь, растение, поймут твои дети!

— У меня никогда не будет детей, — отозвался я шепотом. — Твоей милостью, мясоед.

* * *

Расспросы стражников и слуг ничего не дали. Все они были йолльцами, не считавшими нужным запоминать имена и лица крестьянских девушек, даже если этих девушек достаивал вниманием хозяин. Какой-нибудь особой, запавшей в сердце барона прелестницы никто из слуг не вспомнил, не выделил из общей вереницы. В поведении барона накануне смерти не обнаружилось ничего странного, он не упоминал никаких имен, к исчезновению старшего сына относился спокойно: погуляет, мол, и вернется.

Миновал полдень. Барона похоронили наскоро, без каких-то особенных ритуалов, без надгробных речей. Только слуги, желающие поскорее справиться с печальным и неприятным делом. Только мы с Аррфом — последний друг барона и (так получилось) его последний враг.

— Кто бы мог подумать, что у йолльского наместника будут подобные похороны, — грустно сказал маг.

Я промолчал. Мы стояли над свежей могилой, сами почти мертвцы. Я вдыхал запах сырой земли: в нем не было трагедии. Только память о лучших днях.

* * *

— Ты бы не путался под ногами, Осот! Иди к деду!

По всей опушке горели костры, превращая в пепел кору и сучья, превращая хмурое утро в яркий весенний день. Десятки вил выбрасывали из ям подгнившее сено, десятки тяпок рыхлили землю, перемешивая ее с пеплом. Дед сидел в стороне, на белой и твердой его ладони лежали два десятка желудей.

— Погнали тебя? Садись... Они торопятся. Припозднились мы с новым домом для молодого Вячки.

Мальчик сел рядом на свежеспиленную колоду. Дед перекатывал на ладони желуды, любуясь блестящими боками и крепкими круглыми шляпками.

— Глубокие корни, — бормотал дед. — Всю бы Цветущую зарастить дубами, да ведь и землю надо побережь. Она всем корням дает силу, и если много тянуть — истощится и высохнет. Вот мы дом здесь вырастим — потом долго, долго опушку надо будет сдобривать... Этот мне не нравится, — он уронил под ноги самый маленький и тусклый желудь. — Выпил я сегодня, Осот. Выпил, ты меня прости. Нелюди, говорят, уплыли на своих кораблях, только ветер свистел. А не уплыли, так уплывут... Нехорошо трупом землю удобрять. Кто знает, что на тех полях вырастет... Нелюди ушли, веснаров им не одолеть. Вот так.

Мужчина поднялся, непривычно тяжело, неуклюже.

— Выпил я... Ну да ничего, ты поможешь, если что. Тут стеречься не надо, пусть растет себе и растет, главное, чтобы ногу корнем не прищемило. Идем, Осот.

И побрел, сопровождаемый мальчиком, вдоль опушки. Наклонялся, клал каждый желудь в приготовленную для него удобренную лунку, бормотал что-то, будто давая напутствие. Мальчик не отставал ни на шаг.

— Деда... дай мне хоть один.

— Возьми.

Желудь лег в ладонь. Блестящий. С круглой серенькой шляпкой. Мальчик, встав на колени, сам положил его в землю. И вспомнил, как хоронили отца и мать: их тоже положили в землю, чтобы земные корни умерших соприкоснулись с небесными.

Мальчику было тогда четыре года. Поселок накрыло красной чумой, вымерла треть взрослых и половина детей. Осот помнил те дни: все плакали, и все говорили, что небесные корни тех, кто умер, теперь прорастут. И посадили людей в землю, засеяли целое поле, и над ними выросла роща...

Он завалил землей желудь, как засыпали могилы. Поднялся. Огляделся. Вокруг толпилась, в основном, ребятня — ровесники, с которыми он в последнее время ни во что не играл. Не до того было.

— Отходи! — крикнул низким солидным голосом. — Корнем прищемит!

Ребята отбежали подальше, а мальчик, встав перед похороненным желудем, набрал полную грудь воздуха...

И улыбнулся.

В рост. В жизнь. В смерть — и снова в жизнь.

Разлетелась земля, будто взорванная изнутри. Вырвался, как пружинка, зеленый росток, оброс листьями, и уронил их, и снова оброс, и снова уронил, и так, утопая в гряде пожухлой листвы, ринулся ввысь.

Зашевелились корни, расплзаясь под землей. Мальчик отскочил и раскинул руки, удерживая равновесие. Содрогнулась земля — пустились в рост все желуди деда; мальчик не удержался и упал на четвереньки, не переставая улыбаться.

Его дуб закрыл хмурое небо. Раскинул ветки, касаясь дедовых деревьев, будто здороваясь с ними за руку. И дальше, выше, только сыпались на голову листья, только потрескивала кора да ухала земля, раздвигаемая корнями.

— Насосы! — крикнул дед.

Заскрипели шестерни. Мужчины впряглись в деревянный ворот, вода из озера побежала по желобам и хлынула на землю, увлажняя палые листья, моментально исчезая в разверзшихся трещинах.

— Еще! — кричал дед.

Осот стоял, по пояс заваленный листьями, которые пахли лесом и жизнью. Иногда желуди, падая, били его по макушке, приходилось закрываться полами куртки. Десятки и сотни, рожденные тем единственным желудом, который мальчик своими руками похоронил — посадил? — в мягкую землю. В этот момент он впервые задумался, почему в его родном языке слова «посадить» и «похоронить» имеют единый корень...

— Хватит! — крикнул дед. — Осот, стой!

Ему не хотелось останавливаться. Ничего не было прекраснее этой могучей, быстрой и щедрой жизни, которая выростала здесь из земли по его, Осота, воле.

Осот отступил на шаг. Обернулся — опушки не было. Огромные дубы закрыли небо, вокруг носились, вздымая тучи листьев, ошалевшие дети — и взрослые, похожие в своей радости на детей. Мерили обхватами стволы: где два с половиной, где три обхвата. Осот подумал, как жалко будет все это пилить, зато какой у Вячки будет замечательный, большой и прочный дом, и светлый, как чистая древесина...

Он с трудом выбрался из груды листьев. Травы здесь больше не было: земля под листьями устала, посерела и растрескалась. Осот вдруг вспомнил, будто бы безо всякой связи, дряхлые лица мертвых нелюдей, и его радость улетучилась.

— Деда...

— Чего тебе?

Их никто не слышал: все были слишком заняты дубовой рощей, и кучами листьев, и горами желудей.

— А если сделать... *это*... с человеком, я имею в виду, с настоящим человеком, у которого корни?

Рука мужчины сдавила его плечо. Мальчик вскрикнул от неожиданности.

— Не думай, — прошептал дед, приблизив внезапно покрасневшее лицо к лицу мальчика. — Даже не думай об этом. Наши корни в небе. Что будет с небом, если... ты ведь видел, что бывает с землей!

* * *

— Наше расследование в тупике, мясоед. Ты ведь не можешь, в самом деле, идти по Светлым Холмам, из дома в дом, и спрашивать у каждого: не веснар ли он? Не убил ли он барона?

— Почему не могу? Кто или что мне помешает?

— Во-первых, тебе могу помешать я. Во-вторых, барон умер сутки назад, так что убийца давно ушел из поселка по торговым делам. Или уехал на сегодняшнем поезде к Побережью, да хоть и в Некрай, где ты его не найдешь ни за что на свете. Ты упустил время, мясоед.

Он презрительно поморщился, открыл рот, собираясь что-то сказать — и вдруг замер с открытым ртом.

Вспомнил важное. Или понял нечто, недоступное мне.

— Что с тобой?

— Осот... — он впервые назвал меня по имени. — А ведь тот, второй, веснар сделал это не из ненависти к барону. Он метил в тебя. Он хотел, чтобы тебя убили.

— Что?! — я поперхнулся.

— Фатинмер большой... очень большой, это правда. Но все на виду. Местные друг за другом присматривают, и подозрение падает на чужого. В тот день ты приехал один-единственный, как горошина на большой тарелке...

Маг смотрел на меня, будто чего-то ожидая. Я тупо молчал.

— Ты никогда не видел мухоловку? — продолжал он после паузы. — Такая трава, толстый гибкий стебель с лопаткой на конце. Отзывается на движение. На мух, на пчел. Если мимо корова пройдет, ударит и корову. Подозрение — удар. И ничего не спрашивает.

— У нас такое не растет, — сказал я с отвращением.

— Тот человек рассчитывал, что я убью тебя, как мухоловка. Подозрение — удар.

Я помотал головой. Он был прав, но его правота с трудом до меня доходила. В самом деле, любой другой июльский маг убил бы меня, не вступая в разговоры, и если бы мой теперешний собеседник не был одержим «законностью»...

— Конечно, конечно, — бормотал Арфф, полностью захваченный этой новой идеей. — Разумеется... Первое: он всегда жил в Фатинмере, все эти годы. Второе: ему зачем-то нужна твоя смерть. Сам он убить тебя не мог... Небесные корни и все такое... А вот подставить тебя под удар — запросто. Барона вызвали в лес, веснар знаком с бароном, бедный Нэф был слишком добр и недостаточно высокомерен... Чисто сделано. Скорее всего, твой убийца заранее знал, что ты придешь. Кто знал заранее?

— Ни одна душа. Кроме...

Я запнулся.

Я подумал о бабушке. «Спасибо, Осот»...

Нет. Быть такого не может.

— Нет, — сказал я вслух.

— Да! Если бы я тебя прикончил из-за угла, веснар добился бы своей цели: мертвый, ты бы не оправдался... Выходит, не так уж я сгнул.

— Ты считаешь, отдать жизнь за одно расследование — очень умно?

Он осекся.

— Есть такая штука — справедливость, — сказал он другим, холодным и тяжелым голосом. — И закон. Да, за них отдают жизнь. Иначе они мертвы.

* * *

Полукруглый балкон дома Осотов был увит желтыми лентами — знак траура.

Я закрыл глаза. Открыл их снова; нет, лент не было. Это тень давнего кошмара. Это мне показалось.

— Ты можешь подождать во дворе? — спросил я мага.

— Нет, — отозвался он сухо. — Я должен видеть тебя постоянно. Иди вперед.

Навстречу вышла служанка. Перевела недоуменный взгляд с меня на мага и обратно. Похоже, в уединение дома Осотов слухи пока не добрались.

— Мне нужно немедленно увидаться с госпожой, — сказал я официальным тоном.

Служанка скорбно поджала губы:

— Она спит.

Я вздохнул:

— Мы подождем.

— Вы неверно меня поняли... Я не умею хорошо по-йолльски... Она в забытьи. Боюсь, больше никогда не проснется.

— Где лекарь? — я обернулся к дверям бабушкиной спальни.

— Она велела никого не звать. Никого не пускать. Еще со вчерашнего дня.

— Я ее внук, — сказал я на языке Цветущей, потому что притворяться больше не было смысла. — Я Осот и хозяин этого дома. Веди меня к ней!

* * *

Бабушка лежала на огромной дубовой кровати, на льняных простынях, под балдахинном из грубого льна. Льняные волосы сливались с постелью. Казалось, она не дышала; только подойдя вплотную, я увидел, как подрагивают веки. И расслышал шелестящий звук угасающего дыхания.

— Что теперь? — спросил маг за моей спиной. Я и забыл о нем.

Я хотел спросить его, умеет ли он врачевать. Но одна мысль о том, что мясоед станет лечить бабушку, отгонять от нее смерть затем только, чтобы допросить... Чтобы выспросить, не она ли велела затаившемуся веснару навести смерть на ее внука... Эта мысль заставила мои губы срастись.

Служанка клялась, что со вчерашнего дня никто не приходил в дом и никто не выходил из дома. Я глядел в лицо умирающей бабушке, а маг за моей спиной никак не желал умолкнуть:

— Она одна знала, что ты прибудешь в Фатинмер, ведь так?

Я не собирался ему отвечать. Собственно, мне было все равно, что говорит этот ходячий покойник.

Краеугольный столб, увенчанный деревянным кругом и крестом, отбрасывал тень на отметку «три с четвертью». Эта отметка помещалась совсем близко к основанию столба. Солнце то выглядывало из-за туч, то пряталось снова. Казалось, что тень от столба то расплзается, захватывая весь мир, то снова сжимается в пятнышко. Дом Осотов высился над частоколом: каждое бревно в стене — в два обхвата. Темная крыша, резные украшения, ажурный балкон третьего этажа. Дом устоял, в то время как род Осотов погиб.

— Подожди, — сказал маг, поймав мой взгляд. — Да погоди ты!

Его кольцо, переливаясь лиловым, зависло перед моими глазами.

— Повремени, Осот. Два слова. Не нападай! Я хочу тебе кое-что сказать!

В его голосе было отчаяние.

* * *

Гостиница «Фатинмер», не чета безымянному постоялому двору, выстроена была на городской манер, по-йолльски: на первом этаже — просторное помещение для гостей попроще, две лестницы ведут наверх, внешняя и внутренняя, и на втором этаже — «фрадуф», комната для бесед. Я уселся в низкое деревянное кресло. Маг вскарабкался на длинноногий стул и тут же принялся раскачиваться взад-вперед, рискуя упасть.

Принесли закуску. Хозяйка гостиницы не показывалась, хотя раз или два я слышал с первого этажа ее властный голос.

— Что ты хотел сказать мне, мясоед? — я грыз дольку чеснока. Последний вкус жизни.

— Кто в этом поселке мог желать тебе смерти так сильно, что пошел ради этого на страшный риск? На двойное убийство?

— Раньше я сказал бы — никто. А теперь не знаю.

Хлопнул, открываясь, люк, и по внутренней лестнице поднялась Горчица. В руках у нее исходило паром блюдо, деревянное, искусно вырезанное в виде подсолнуха, со множеством отделений. Семечки, орехи, белые и желтые каши, ломтики хлеба, горка соли — традиционный «хлебосол», которым встречали в Цветущей дорогих гостей.

Горчица молча поставила блюдо на столик между нами. Мы оба смотрели на нее — я снизу, Аррф сверху.

— Слуга прибежал от Крикуна, — сказала Горчица, ни к кому в особенности не обращаясь. — Интересуется Крикун, жив его постоялец или уже помер, и кто заплатит, и что с вещичками делать.

Я с запозданием понял, о ком она говорит. Хозяин безымянного постоялого двора с йолльской лицензией, приколоченной гвоздем к двери, прозывался Крикуном.

— Пусть возьмет деньги в кошельке, — сказал я равнодушно. — А с вещичками... как знает. Может забрать себе.

— И пальцем не трогать! — резко бросил маг. — До конца следствия даже в комнату постояльца не входить!

— Мне-то что, — Горчица пожала плечами. И, выходя, снова посмотрела на меня — искоса.

Маг наклонился со своего стула, двумя пальцами, средним и указательным, подцепил орех с блюда. Положил на язык. Разжевал, не сводя с меня хмурого взгляда. Глаза у него были красные, как закат в ветреную погоду.

— Тебя совсем нельзя одолеть, да, веснар?

— Только если напасть внезапно. Сзади. Или во сне.

Он сцепил пальцы — кольцо слабо мерцало.

— Просто удивительно, как же Великий Йолль взял верх, — в его голосе звучала издевка.

— Каша стынет, — сказал я холодно. — Ешь, коли не хочешь умирать на голодный желудок.

* * *

— Ягода! — позвал мужчина.

В темном доме было пусто. Тяжелая дубовая мебель стояла на своих местах, в печке тлели угли. На столе остыла семикрупка — когда-то пышная каша на тарелке осела, подернулась пленкой, превратившись в неаппетитный блин.

— Ягода! — в голосе мужчины была тревога. — Что же такое...

Он отодвинул тяжелый стул — и вдруг остановился, глядя куда-то на пол. Лицо его сделалось белым и засветилось в полумраке, как цветок акации.

— Осот, — голос его звучал совсем глухо. — Ступай за порог, там стой. Сторожи. Скажи Усачу, пусть сюда идет.

Мальчик бывал в этом доме не раз. Они с сыном Ягоды, десятилетним Хвостей, играли за поленницей в камушки, и Хвостя, старший, почти всегда выигрывал. Теперь во дворе было пусто и страшно, хотя, на первый взгляд, ничего не изменилось — поленница, колодец, сарай с покатою крышей, три пышные клумбы с россыпью разноцветных кустов, грядки со спелой клубникой...

На деревянных воротах — низких, в рост мальчика — виднелись свежие порезы. Кто-то высек ножом две косых линии, сложившихся не то в лепесток, не то в язычок огня. Знак был вырезан совсем недавно.

Мальчик коснулся насечки дрожащими пальцами.

— Что там? — спросил Усач, подтирая мутную каплю под большим розовым носом. — Есть она?

Голубые глаза Усача поблескивали в темноте, воспаленно и нервно.

— Деда сказал, чтобы ты к нему шел, — прошептал мальчик. — Там... беда, Усач.

* * *

— Человеческие корни истончаются преступлением. Мелкая подлость оставляет на корнях гнильцу, но настоящее преступление подтачивает их, как резец. Говорят, убийцам никогда больше не зацепиться корнями за небо. Поэтому люди не должны убивать.

— Только поэтому? — маг сощурился, не то выражая презрение, не то тайком смаргивая слезу. — А как же любовь и сочувствие? А как же справедливость? Вы не убиваете встречного-поперечного только потому, что печетесь о силе корней?

Мои глаза тоже горели и тоже слезились. Я не спал уже почти трое суток.

— Что такое «любовь и сочувствие» для того, кто катится по миру без корней, будто комок дерьма? — спросил я, обращаясь к тарелке с остывшим «хлебосолом». — Корни и есть любовь. Корни и есть справедливость.

— Неправда. У меня нет корней. Нет! А что такое любовь и справедливость, я знаю лучше тебя!

Я усмехнулся.

— О «любви без корней» следовало бы спросить экипаж «Овффа»...

— А что экипаж «Овффа»? — его глаза открылись шире, мутный взгляд вернул былую яркость. — Что — экипаж «Овффа»? А до тех пор в Цветущей никто никого не насиловал? И ведь не было настоящего расследования, не было суда, не допросили свидетелей! Может быть, несчастные матросы с «Овффа» и пальцем никого не тронули. Может, безумной девке-веснару только показалось, что ее хотят изнасиловать... И она убила двадцать человек, уморила страшной смертью два десятка мальчишек, старшему из которых было девятнадцать!

Я не стал ему отвечать. Слишком устал.

Маг распался все больше. По его кольцу сновали сине-фиолетовые змейки, и я чувствовал, как моя смерть подступает ближе, шаг за шагом.

— Корни, говоришь ты?!

Смерть приблизилась сразу на несколько шагов — рывком.

— А вот расскажи мне, растение, кто продавал веснаров йолльцам, одного за другим? Кто подставлял их под дальнобойные луки? Кто подсыпал веснарам сонное зелье, а на воротах вырезал «лепесток»? Это были йолльцы? Нет, растение! Это были достойные жители Цветущей. Страшно гордые тем, что у них якобы есть корни. Что же случилось с их корнями?

Я прикрыл слезящиеся глаза.

* * *

— Их видели за Кружелью, — Усач говорил на бегу. — Большой отряд, несколько сотен... Пешие, без этих своих нелюдей.

— Если пешие, пойдут по сухому руслу.

— Да, — Усач чихнул, вытер прозрачные, невидимые усы. — Я уже ноги сбил, по этим кручам ползая... Нам надо наверх. На гребень Песчанки. Они теперь хитрые, толпой не ходят. Вот увидишь, пустят один отряд по сухому устью, а еще два или три — в обход, через валуны, а мы их сверху накроем... Малой, шевелись, ждать не будем!

Мальчик, едва поспевая, бежал за старшими. Его трясло, но не от страха и даже не от возбуждения. Он заболел: напряжение последних месяцев, когда после праздника избавления наступил опять крошечный ужас, подкосило его и отобрало волю. Когда веснары в ближних и дальних поселках стали умирать один за другим. Когда обоим Осотам пришлось уйти из дома и жить в лесу.

Вчера бабушка плакала, обнимая его на опушке. Она, даже на похоронах родителей не пролившая ни слезинки!

— Живее, Осот, — отрывисто сказал дед. — Они думают, что одолели нас... Как же!.. По команде, разом, слышите? Усач, за мной!

Мужчина первым вылетел на гребень высокого холма над каменистым руслом речки, давно сменившей направление. Остановился и замер, прислонившись к валуну, став одной с ним тенью. Над сухим руслом висела ущербная луна. Сухо шелестели колючие кусты на дне, да тяжело дышал Усач за плечом у мальчика.

— За Кружелью, — проговорил дед раздумчиво. — Нет, как ни верти, не будет им другой дороги. Через валуны... — он бросил взгляд в сторону, где в мутном лунном свете едва виднелась тропинка среди каменных джунглей. — Нет, через валуны, да еще ночью, они не рискнут. Ну-ка, ложитесь оба... Осот, на землю!

Мальчик лег, стараясь поудобнее устроиться среди базальтовых осколков. В ладони вонзились мелкие острые камушки. Серая трава, проросшая в трещинах валунов, шевелилась на ветру, как волосы.

Рядом упал на живот Усач. Замер, часто моргая. Дед стоял над ними, пригнувшись, сам неподвижный, как камень, смотрел вдаль, ожидая, откуда появятся враги.

Мальчик поднял голову.

Глухой и страшный звук — он никогда такого не слышал.

Дед раскинул руки, будто желая обнять весь мир, и упал на спину. У него в груди торчали короткие пенечки, поросшие светлым, легким пушком. Оперение играло и переливалось при свете ущербной луны, похожее на нежные водоросли.

Три пенечка.

Осот посмотрел деду в лицо. Бледное, с огромными удивленными глазами. Губы шевельнулись. Дед хотел что-то сказать.

— Беги! — взвизгнул Усач. Мальчик не двинулся с места. Смотрел деду в глаза и видел, как они стекленеют.

— Беги, Осот! Спасайся!

Еще одна стрела взвизгнула над головой мальчика, и тогда только он сорвался с места и побежал.

Он несся по тропинке, по гребню Песчанки, а вокруг было тесно от летящих стрел. Они визжали, бились о камни, звенели наконечниками и раскалывались — а мальчик бежал, неуязвимый, и к утру, задыхаясь, со страшной вестью добрался до дома.

Через день он уже шагал в караване, все дальше и дальше, держась за пояс молчаливого купца.

* * *

— Что с тобой? — спросил Аррф.

Я сам не понимал. Смутная тень возникла из бессмысленного разговора с мясоедом — о корнях. Родившаяся из воспоминания о гибели деда. Звук стрел, впивающихся в плоть... Звук стрел, летящих над головой...

Я был уверен, что сейчас пойму что-то очень важное, но в этот момент снова вошла Горчица. Поставила перед Аррфом тарелку с горячим мясом, а передо мной — миску густого бобового супа. Подала Аррфу вилку с ножом, а мне круглую деревянную ложку.

Ложка встала посреди суповой жижи, не торопясь падать. Вот это варево, может, и вправду надо было с самого начала останавливаться в «Фатинмере»...

— Мальчишка-то, Реф, сам не свой, — негромко сказала мне Горчица, игнорируя мага.

— Напугался, понятно, — я коснулся губами края ложки, но суп был еще очень горячий. Обжигающий.

— Горюет он, — в голосе Горчицы скользнул упрек. — Отца убили. Брат пропал невесть где.

— Брат отыщется, — сказал я без особой уверенности.

— Ты бы поспал, веснар, — проговорила Горчица, по обыкновению чуть помолчав.

Я покосился на мага. Тот ответил мне кислой ухмылкой.

— Вы бы поспали оба, — сказала Горчица. — Я прослежу, чтобы никто не беспокоил.

— Спасибо, но мы не будем спать, — ответил Аррф. — Я не хочу во сне умереть от дряхлости.

Пришла моя очередь ухмыляться. Горчица, не дожидаясь приглашения, села рядом на ступенчатую деревянную скамью.

— Значит, это ты Осот? — спросила, глядя мне в глаза. — Тот самый младший Осот? Последний?

— Да.

— Вот оно как, — она отвела взгляд. — Говорили, что тебя застрелили. То говорили, что ты жив... Много лет тобой йолльцы друг друга пугали, — она улыбнулась.

— А ты сама? — я чувствовал неловкость. — Я тебя... помню?

— Нет, — она равнодушно покачала головой. — Я не из ваших мест, я с Побережья. Родители у меня померли от красной чумы, вот и моталась по свету... Пока не осела, — добавила она со странным выражением.

Я хотел упрекнуть ее бароном, но не смог.

— Об Осотах слышала, и немало, — Горчица продолжала рассказывать, будто ее кто-то об этом просил. — Старуха, правда, из дома почти не показывалась. Военный комендант, тот, что в Холмах тогда правил, семь раз повелевал своим людям дом Осотов спалить вместе со старухой.

Я содрогнулся.

— И что?

— Семь раз ему докладывали, что дом спалили и пепел развеяли. В те времена горела половина Холмов. Дым стоял до неба. Бывало, что и сосед соседа поджигал да на йолльцев списывал.

— А дом Осотов? — спросил я, подавляя дрожь.

Горчица прикрыла глаза.

— Где же найдется такой сумасшедший. Дом веснаров в пяти поколениях. Каждое бревнышко хозяина помнит. Не горит он, сколько ни поджигай. А вот кто такой дом пальцем тронет — стареть начнет и через год помрет от дряхлости.

— Сказки все это, — вырвалось у меня. Горчица выдержала свою обычную крохотную паузу.

— Может, и сказки... Только в те времена не было слова страшнее, чем «веснар». Для йолльцев. Да и наши... сам ведь знаешь, Осот, завидовали вам, завидовали до белых костяшек, — она сжала загорелый кулак, будто подтверждая свои слова проступившей сквозь кожу белизной мослов. — Кто в поселке самый богатый? Веснар. Куда на поклон с подарком идти? К веснару... А йолльцы давали хорошие деньги. Трудно удержаться, понимаешь.

Она говорила, чуть улыбаясь, посверкивая глазами, и от этого ее слова исполнялись еще большей жутью. Маг сидел над своей тарелкой, сгорбившись. Глаза его запали, подбородок и щеки покрылись серой неопрятной щетиной. Я, наверное, выглядел не лучше.

— А бывало такое, чтобы веснар предавал веснара? — спросил я хрипло. Перед глазами у меня стояло бледное лицо Усача.

— Вряд ли, — Горчица покачала головой. — Помилования вашему брату никто не обещал, вот хоть у его милости мага спроси.

— Он сказал «беги», — пробормотал я, — а сам остался на месте. Он привел нас на гребень Песчанки, выставил, как мишени. А сам остался лежать...

— Кто?

— Усач. Ты знала его?

Она покачала головой:

— Если ты о веснаре, то выжившие имена сменили и подальше от дома перебрались. От тех мест, где их знали. Опять же, двадцать с лишним лет прошло, парнишка превратился в мужика, жизнь его покорило... Бывает, так люди меняются, что мать родная не узнает.

— Только зачем ему меня убивать? — спросил я растерянно.

— А вдруг ты узнал бы? — заговорил маг, наконец-то оторвавшись от созерцания тарелки с мясом. — Ты, может, помнишь его, этого Усача. Или он боится, что ты его помнишь.

Я напряг память: кого я видел, вернувшись в Холмы? Кто видел меня? Смотритель в будке на станции. Хозяин и хозяйка безымянной гостиницы с йольской лицензией на гвозде. Продавец пива... Сборщик налогов — муж черноволосой Розы...

Хозяин гостиницы.

«Беги, Осот! Спасайся!»

— Значит, Крикун присылал слугу узнать, что с его постояльцем? — я обернулся к Горчице.

Она подняла белесые брови.

— Ты на Крикуна подумал? Он вроде не местный. Семь лет назад приехал, гостиницу открыл, мне еще грозился, что разорит. Разорил, — она ухмыльнулась. — Какие-то приметы были у твоего Усача?

Я задумался. Не над приметами Усача. Над тем, как близко я могу подводить йольского мага к тайному веснару. Не сказал ли я слишком много. Не проговорила ли Горчица.

Мне вспомнилось лицо умирающего деда с огромными удивленными глазами. «А йольцы давали хорошие деньги. Трудно удержаться, понимаешь...»

Но Усач?!

Горчица смотрела на меня — ждала ответа. Брови ее сошлись, пролагая две глубокие морщины на переносице. Я подумал, что она старше, чем мне показалось вначале.

* * *

Перед маленькой безымянной гостиницей топтались лошади. Высился над плетнями одинокий всадник — офорл. Я почувствовал, как напрягся Аррф.

— Привет, соотечественник! — крикнул всадник по-йолльски. Нас с Горчицей он будто бы и не заметил.

— Здравствуй, — отозвался Аррф хрипловато. — С какой целью?

— Медицинская служба, плановый рейд! Есть замечания, пожелания от наместника?

— Никаких, — ответил Аррф после паузы. — Доброй работы.

Из гостиницы вышли двое в черных плащах, каждый с медицинским чемоданчиком.

— Привиты? — спросил тот, что повыше, глядя мимо меня. Я закатал рукав, показывая давний круглый рубец. Рядом, иронично хмыкнув, поддернула рукав Горчица. Двое в черных плащах равнодушно скользнули взглядом по нашим отметинам.

— Было время, — Горчица говорила, по обыкновению, улыбаясь, — взяла как-то меня, бродяжку, доблестные йолльские солдаты... Думала, убьют.

* * *

Девушка пролежала в канаве весь вечер, а в темноте попыталась вырваться из окружения. Долго ползла, задержав дыхание, прислушиваясь. Погружалась с головой в затхлую воду, пережидая шаги и голоса йолльских охранников. Она не понимала их язык: казалось, йолльцы разговаривают волшебными заклинаниями, лишёнными смысла, но полными угрозы. Вроде как над головой у нее ходили огромные жуткие птицы, позвякивающие железными перьями.

Она выждала момент, вскочила и побежала. Была опасность, что ее достанут стрелой, но ночь выдалась безлунная. Девушка рассчитывала, что стрелок, умеющий посылать смертоносное острие в полет на огромное расстояние, промахнется на этот раз и позволит ей уйти.

В нее не стали стрелять. Ее догнали, скрутили руки за спиной и повели в поселок, где на заре поднялся крик, вой и плач.

Оцепление не выпускало никого. Шелкая кнутами, солдаты, ска-

лясь, выгоняли людей из домов на площадь. Там, под навесом, стоял длинный стол, и трое людей в черном молча перебирали инструменты в железном ящике. Какой-то человек, йоллец, пытался что-то объяснить на языке Цветушей, кричал, пытаясь перекрыть гвалт, и так коверкал слова, что понять его было невозможно. В конце концов он охрип, махнул рукой и отошел в сторону.

Стремясь удержать толпу в повиновении, солдаты хлестали кнутами направо и налево. Кричали, ругались, но слов их все равно не понимал никто. Девушка, знавшая несколько слов по-йолльски, разбирала только «стоять», «растения», «ни с места»; прочие жители поселка, располагавшегося далеко от моря, не говорили на языке чужаков и ничего не могли понять. Нарастал ужас: люди не знали, что с ними будут делать.

Потом взошло солнце, и началась экзекуция. Солдаты выхватывали из толпы человека — мужчину, женщину или ребенка — и волокли к столу, и там один из черных йолльцев всаживал иголку жертве в руку повыше локтя. После этого солдаты вдруг теряли к жертве интерес, гнали с площади прочь, и многие, обезумев от испуга, не возвращались домой, а удирали подальше, в поля...

Когда девушку поволокли к столу, она вырывалась что есть силы и, извернувшись, укусила солдата. За это ее наотмашь хлестанули кнутом, а потом, повалив на стол, все-таки всадили в плечо иголку. Боль была слабее, чем страх. Солдат, которого она укусила, бранился, обливаясь кровью, и еще раз ударил ее кнутом — напоследок...

Вечером йолльцы ушли, оставив людей в недоумении и страхе: что с ними теперь будет?

То место на теле, куда входила йолльская иголка, покраснело и вздулось почти у всех. Метка была похожа на прикосновение «Багрового князя» — красной чумы, от которой тело человека сперва покрывается пятнами, а потом сохнет и распадается. Неужели йолльцы, вместо того чтобы вырезать поселок, заразили его чумой?!

Прошло два или три дня, и следы от йолльских иголок померкли, а потом и вовсе исчезли. Гораздо дольше заживали отметины от кнутов — в толчее досталось многим. Приблудная девушка, совсем обесилев, осталась в поселке на неделю.

Уходила на рассвете, по меже, разделявшей розоватое и светло-желтое, золотистое поля. Шла, сшибая росу, подняв бледное лицо навстречу солнцу. Цветущая расстилалась перед ней, спокойная и радостная, как будто никаких йолльцев не существовало на свете.

* * *

Йолльцы-медики вскочили на лошадей и двинулись дальше в поселок, по направлению к гостинице «Фатинмер»; в окне второго этажа обиженно и горько плакал ребенок, что-то успокаивающе приговаривал женский голос.

— Что же ты донесение не отправил? — Горчица с улыбкой обернулась к магу. — А вдруг кто-то из наших ляпнет, что заместника, мол, убили, а йолльский маг расследование проводит на свой страх и риск, в столицу не сообщив?

Аррф молчал. Не оглядываясь на него, я отвалил дверь (качнулась лицензия, приколоченная гвоздем) и вошел в безмянную гостиницу беззаботно, как почти сутки назад.

В парадном углу стоял букет «солнечных цветов». На пустом столе оплывала свеча; хозяйка выскочила к нам навстречу встрепанная, с льняным одеялом наперевес.

— Хозяин дома? — бросил Аррф. Одновременно с ним Горчица добродушно осведомилась:

— Крикун-то не спит еще?

— Нет его, — круглые щеки хозяйки чуть ввалились, отчего лицо ее, похожее на подсолнух, казалось увядшим. — Уехал.

— Куда?!

Мы задали вопрос одновременно — Аррф, Горчица и я. Хозяйка отступила на шаг и чуть не упала, споткнувшись о край деревянной лестницы.

— Да ведь... дела-то идут плохо, приезжих мало, «Фатинмер» всех перебивает. Вот он и решил разведать, что да как в Дальних Углах...

— На поезде уехал?

— Пешком ушел. Поезда сегодня не было, да и затратно это — на поезде. На своих двоих — надежнее.

Она говорила, глядя на меня и только на меня. Не то ждала, чтобы я расплатился за постой, не то боялась, что я здесь, прямо на ее глазах, начну веснарствовать. Аррф скрипнул зубами; искусство йолльских магов визнавать правду сразу дает сбой, когда приходится допрашивать «свидетеля второй ступени». «Он сказал», «он решил» — свидетель просто передает чужие слова, а врал ли тот, кто «сказал» и «решил», узнать не представляется возможным...

В полном молчании мы вышли во двор. Ребенок в окне второго этажа уже не плакал — тихонько поскуливал. Видно, место прививки еще болело.

— Догоним его, — отрывисто сказал Аррф. — Верхом. Пешего — галопом догоним.

— По какой дороге? — рассеянно поинтересовалась Горчица. — Холмы, вишь, на перепутье, только к Углам две дороги ведут. А Крикун мог жене сказать, что в Углы идет, а сам податься на Побережье.

Я попытался вспомнить лицо хозяина гостиницы. Светлая борода, почти полностью загоротившая лицо. Голубые глаза... длинные цепкие пальцы...

У Усача были длинные пальцы, я помню. Бороды, разумеется, не было и в помине: усы-невидимки едва пробивались.

Навалилась усталость. Я взялся за плетень, чтобы не упасть.

— Вина доказана? — скромно спросила Горчица.

— Нет, — отрывисто сказал Аррф. — Вина может считаться доказанной только тогда, когда есть неопровержимые факты. Свидетельские показания. Улики. Подозрение — это всего лишь тень... Я должен догнать его и допросить.

И, не оглядываясь на меня, он зашагал по направлению к площади, где было велено ждать начальнику стражи с лошадьми.

* * *

В бессонном мозгу мир преобразается. Звуки становятся то резкими, почти невыносимыми, то уходят в вату. Глаза превращаются в две щемящие раны на лице, их можно тереть, а можно щадить, но труднее всего заставить их оставаться открытыми.

Было уже почти совсем темно, в руках стражников горели факелы. Базарные прилавки пустовали. Четвероногие нелюди — лошади — были привязаны под навесом к поперечной перекладине в центре базара, рядом с будкой сборщика налогов. Аррф подошел к черному жеребцу, погладил его по морде — и вдруг уткнулся лицом в короткую лоснящуюся шерсть. Жеребец переступил с ноги на ногу. В огромных, обрамленных ресницами глазах промелькнуло сочувствие.

— Можно опросить заставы, — сказал Аррф будто в полусне. — Его видели... как он выходил из поселка... мне нужно догнать его и задать один-единственный вопрос. Если он ответит — «да», я его покараю.

— А я не дам тебе его покарать, — в таком же полусне отозвался я. — Как только мы узнаем наверняка, кто это, мы умрем.

— Ты считаешь, что людей можно убивать безнаказанно?

Мы с Горчицей переглянулись.

— Людей, — сказала она с едва ощутимой насмешкой.

Маг осторожно отстранился от лошади. Отошел. Перевел взгляд с меня на Горчицу и обратно, а потом вдруг резко поднял руку, и белая молния из его кольца напополам перерезала опору пустого базарного прилавка:

— Людей! Людей! Ты, сука, спала с Нэфом почти двенадцать лет! Ты терпела всех его баб! Ты жила с ним — почему?! За красивые подарки? За свою гостиницу? Считала нелюдью — и прижила от него сына! Считала нелюдью, ненавидела, презирала... и спала с ним! Шлюха!

Деревянный навес зашатался, покосился, стряхивая мусор и шепки на каменный прилавок. Забеспокоились кони. Из будки выскочил сторож. Кольцо, мерцающее синим и фиолетовым, смотрело мне в грудь.

— Да, убейте друг друга, — сказала Горчица. Лицо ее в свете факелов неуловимо изменилось — рассеянная улыбочка все так же играла на губах, но глаза сделались даже не стеклянные — хрустальные. — Убивайте, ненавидьте, презирайте друг друга. Бей, мясоед! Убей веснара, пусть он убьет тебя! А за Нэфа тебе все равно не отомстить. Тебе — за Нэфа, Осоту — за свою семью и деда. Скачите, ищите ветра в поле — его нет!

И она засмеялась.

* * *

Мне приходилось садиться на спину нелюди всего два или три раза в жизни. Сейчас не было другого выхода: Аррф желал скакать вдогонку беглецу, а я не мог выпустить мага из виду. Кроме того, мне тоже хотелось узнать, мне необходимо было знать правду. Потому что если это Крикун... то есть Усач привел к смерти моего деда, это о нем хотел предупредить меня дед в последние мгновения жизни... я должен это знать.

Я сам не понимал, зачем мне это знание. Тягостное, бесполезное, злое. Необходимое.

Внутренне содрогаясь, я взгромоздился на спину четвероногой твари. Вот шутка, я теперь тоже офорл... Не дожидаясь меня, Аррф дал команду своему жеребцу, и с тех пор я думал только о том, чтобы не упустить его из виду и не свалиться с лошади.

Три заставы на трех дорогах не видели Крикуна. Наконец на четвертой, ведущей не в Дальние Углы, а в прямо противоположную сторону, маг услышал то, что хотел: бородатый мужчина с дорожный мешком прошел здесь за час до заката, очень торопился, сказал, что идет разведывать гостиничное дело в поселке Кустюжки. Маг оглянул-

ся ко мне и вдруг оказался очень близко: бока наших коней почти соприкасались.

— Не отставай, веснар. Отстанешь — убью... Вперед!

И сжал пятками бока жеребца.

* * *

Взошла луна.

Я плохой офорл. Чудом удерживаясь в седле, вцепившись в прыгающую спину нелюди, в ее удивительно мягкую гриву, я в конце концов приноровился к движению и поднял голову, осматриваясь.

Вокруг светлели под луной холмы — те самые, что дали название поселку. Поля тянулись лентами поперек склонов, колосья застыли под луной, как жестяные. Маг скакал впереди, из-под копыт его жеребца стлалась лента пыли и в полном безветрии зависала над дорогой. Вдалеке, на гребне самого большого холма, темнели камни, сложенные пирамидой, издали похожие на человеческую фигуру. Это мы с дедом стояли на том холме, глядя, как приближаются всадники. Правда, войско йолльцев надвигалось на поселок с другой стороны...

Я подумал, что беглец, издали услышав стук копыт, запросто может залечь в поле. А если он веснар — поднимет вокруг стебли так, что среди бела дня в двух шагах не различишь. Другое дело, что дальше вдоль этой дороги начинается каменистая пустошь...

Аррф оглянулся. Что-то крикнул на полном ходу — я не услышал. Тогда он поднял руку, под луной засветилось кольцо. Маг не то угрожал мне, не то выискивал на подлунном пространстве между холмами укрывшегося человека.

Мою левую ногу свело судорогой от напряжения. Как долго я еще выдержу? Когда полечу с коня вниз головой, перестав быть офорлом и сделавшись падалью?

Перед глазами мелькала дорога. Лента пыли из-под копыт. Застывшие колосья. Лицо Усача: как он взвизгнул «Беги», а сам остался на месте. Как он дрожал, на закате ожидая нас в Холмовом лесу на условленном месте. Светлые Холмы уже сделали добычей йолльцев, мы с дедом жили в лесу, который кормил нас и защищал. Ягода к тому времени погибла, став жертвой предательства, а Усач то пропадал у себя на болотах, то появлялся снова. И вот Усач пришел... нет, прибежал, он почти всегда бегал, тяжело дышал и вытирал мокрую безусую губу... Он прибежал, чтобы сказать: за Кружелью видели большой йолльский отряд.

«Вина может считаться доказанной только тогда, когда есть неоп-

ровержимые факты. Свидетельские показания». Как упрямо этот йоллец держится за свои представления о законе. Как дотошно соблюдает кем-то установленные правила — и тратит, безжалостно тратит на них последние минуты жизни.

А я готов осудить Усача. Не Усача даже — Крикуна, на которого пала отдаленная тень подозрения. Жаль, что человеческие корни невидимы. Если бы их можно было выкопать из небесной дымки, как из душистой земли, взять на ладонь и рассмотреть: вот гнильца... Вот неизлечимая болезнь корневища... А вот чистые, белые, крепкие корни, идущие глубоко, глубоко...

Я свалился с коня.

Сам не знаю, как это получилось. Наверное, я на мгновение уснул. На одно-единственное мгновение. А когда очнулся, надо мной были звезды. Гудела голова, болела и дергала каждая жилка, в лицо заглядывала луна. А вдалеке разворачивал коня йолльский маг, в полутьме сверкали его глаза и светился перстень на пальце.

— Осот?!

Я сел. Кружился мир перед глазами; моя нелюдь отошла в сторону от дороги и ждала, переступая с ноги на ногу, нервно подергивая хвостом.

— Ты что? — маг был уже совсем близко. — Ты цел?

— Да, — я еле ворочал языком. — Поднимись на ту гору. Посмотри... Здесь дорога видна вперед на два поворота.

— Без фокусов, — сказал он сухо. — Я тебя достану и на расстоянии.

— Я тоже... Поторопись. Я хочу наконец отдохнуть.

* * *

Мы нагнали его почти через час. Услышав, как я и предполагал, издали топот копыт, он не стал прятаться в развалах камней, а рванулся через каменистый гребень — на ту сторону гряды.

— Стой!

Глядя, как он бежит, перепрыгивая с камня на камень, я окончательно узнал его. Прошло двадцать три года, он постарел, отяжелел, обзавелся усами и бородой... Но я его узнал.

— Стой! Именем Йолля!

Белая молния ударила в камень у ног беглеца. Бывший Усач, а ныне Крикун, припустил быстрее. Он бежал из последних сил, взлетел на гребень, еще миг — и он пропадет из виду, тогда магу его уже не достать!

— Стой, Усач! — крикнул я.

Он обернулся на ходу, оступился — и покатился вниз, с обрыва, по камням.

Луну заволокло тучами. Стделалось очень темно. Я видел только сине-фиолетовые искры, проскакивавшие по стальному с перламутром кольцу у мага на пальце. Аррф остановился в нескольких шагах от меня.

— Что там, на той стороне?

— Обрыв, довольно крутой.

— Ты слышишь?

Я прислушался. Шуршали, скатываясь по склону, камушки.

— Усач! — позвал я.

Ответа не было.

Кольцо на пальце мага загорелось ярче. Осветило камни на несколько шагов вокруг — тусклым, дрожащим, перламутровым светом. Осторожно ступая, выбирая, куда ставить ногу, я двинулся за Аррфом — он торопился, иногда спотыкался и бормотал сквозь зубы самые крепкие йолльские ругательства.

Мы поднялись на самый гребень. Наших лиц коснулся едва ощутимый ветер. Маг вытянул руку над головой: кольцо осветило крутой спуск, почти отвесный, мертвую сосну с кривыми, вцепившимися в склон корнями и тучу пыли над самой землей.

— Усач!

Тишина.

Не спрашивая у меня совета, маг двинулся вниз, то и дело рискуя свалиться, перебираясь с камня на камень. Я, поколебавшись, пошел за ним. Добравшись до сухой сосны, мы оба, не сговариваясь, остановились передохнуть.

— Усач!

Глухой стон.

* * *

Он лежал, придавленный камнем. Наших с Аррфом сил едва хватило, чтобы этот камень откатить. В холодном свете кольца кровь казалась черной.

Раненый схватил воздух ртом. Под носом, на неухоженной щетке усов, выступила мутная капля.

— Ос-сот... я так и знал, что ты... еще вернешься.

У него были переломаны ребра. Что-то надрывалось и булькало в груди при каждой попытке вздохнуть.

— Ты не лекарь? — растерянно спросил я у мага. Тот покачал головой. Опустился рядом с раненым на колени:

— Ты веснар?

— Д-да.

— Усач! — выкрикнул я. — Это ты...

— Да! Потому что... они... мою семью... сказали... убьют, если не приведу... старого Осота... я привел. Я привел! Не смогли... мальчишку... Я так и знал. Все время... ждал... мальчишка Осот.

— Ты убил барона Нэфа, чтобы навести меня на Осота? — почти выкрикнул Аррф. — Чтобы убить свидетеля — моими руками?

— Нет. Нет. Я не убивал... никого. Даже тогда... на холме... Вы убивали их, два Осота. Убивали йолльцев. Я только делал вид... Я не могу убивать, — его лицо исказилось. — Я привел их... на гребень Песчанки. Чтобы спасти семью. А ты бы сделал иначе?

— Ты врешь, — сказал я, отлично зная, что соврать йолльскому магу невозможно.

Усач хотел было оспаривать, но кровь у него изо рта хлынула ручьем.

— Что, веснары не умеют врачевать? — спросил Аррф.

Я мог затянуть небольшую рану. Царапину. Но не срastить переломанный позвоночник.

— Кто убил барона, если не ты? Кто тогда убил барона?!

— Я никого никогда... — повторил он еле слышно.

— Не убивал? Только подставлял под чужие стрелы, так?!

— Н-нет... Только чтобы спасти. Своих. Мать, отец, сес...тра...

— А Ягода? Кто предал Ягodu? Тоже ты?

— Ее свекровь. Мать ее мужа... Бабка ее сына... Осот!

И он умер с моим именем на устах. Не то моим, не то моего деда.

* * *

— Йолльцы взяли в заложники его семью.

— Потому что ты и твой дед продолжали убивать людей.

— Йолльцев.

— Людей!

Все, что мы смогли сделать для бывшего Усача — перенести его тело на обочину дороги. Чтобы родственники могли забрать его и отнести в поселок.

— Йолльцы взяли в заложники его семью! Невинных!

— А те, кого вы убивали, чем они были виноваты?

— Они пришли на нашу землю непрошеными.

— Они спасли тысячи жизней! Одни только эпидемии красной чумы...

— Лучше чума, чем нашествие!

Снова был рассвет. И снова я встречал его рядом с магом. И мне совсем не хотелось спать — только мир вокруг стал прозрачным и звонким, как сахарный домик на палочке.

Вокруг лежали холмы — каменистые, кое-где поросшие желтой травой. Небо к утру полностью заволокло пеленой, начинался дождь. Аррф взял под уздцы свою нелюдь. Погладил по морде, будто искал сочувствия. Жеребец ткнулся ему в щеку, едва не сбив с ног.

— Он тебя понимает?

— Да.

— А ты едешь на нем верхом и бьешь плеткой?

— Я никогда не бью его плеткой!

— А другие бьют?

— Тебе не понять, — сказал он безнадежно. Из его воспаленных глаз капали слезы. Он их даже не смахивал.

— Скажи, — начал я. — То, что он говорил... Он, мол, не убивал тогда йолльцев, а только делал вид... Неужели это правда?

Аррф кивнул. Я перевел взгляд на немолодого, грузного, мертвого человека, лежащего на голых камнях, на обочине.

— Зачем же он ходил с нами? Мог ведь отказаться...

— Мог ли?

— Его сочли бы трусом. Но его никто бы и пальцем... Зачем он это делал? Зачем бежал за нами? Еще боялся опоздать...

Дождь полил сильнее.

— Далеко ближайший поселок? — отрешенно спросил маг.

— Ближайший поселок — Холмы... Здесь место дикое, неплодородное, никто не селится.

— Крикун... то есть Усач... не убивал барона, — сказал Аррф. — Это значит, что в Холмах живет еще один тайный веснар. Сколько вас?

Я ухмыльнулся:

— Это Цветущая, мясоед. Это земля, принадлежащая веснарам.

* * *

Родник нашелся в часе пешей ходьбы от места гибели Усача. Круглое озерцо, обложено белыми камушками. Источник — ключ, обложено глины на дне и сток, размывающий склон, без следа исчезающий в глубоководных земных трещинах.

Мы напились сами и дали напиток лошадам. Они едва касались мордами прозрачной водной поверхности и фыркали почти как люди.

— А ты в самом деле работал в конторе «Фолс»? — ни с того ни с сего спросил Аррф.

— Я и сейчас там работаю... Пока жив.

— Торговец?

— Нотариус, немного архитектор. Оцениваю старые здания... Оценивал.

Дождь прекратился и снова пошел. По поверхности озерца расходились круги, пересекаясь, образуя орнамент. Ни маг, ни я не сдвинулись с места. Лошади стояли под дождем, покорно опустив головы.

Дождь хлынул, как из ведра. Озерцо захлебнулось. Сток превратился в ручей, трещины переполнились. Размывая землю и глину, вода устремилась вниз, к дороге — грязный, пенистый поток.

Я сунул руку в карман куртки. Полпригоршни разных семян и еловая шишка. Я вывернул подкладку, вытряхивая семена, песчинки и давно засохшие крошки.

Оглядел каменистую пустыню вокруг. Островки жесткой травы... Колчучие кусты...

— Что ты делаешь?!

Мне уже было все равно.

В рост. В жизнь. В смерть и снова в жизнь. В складках голой земли, в трещинах хранились семена и споры, занесенные ветром, невесть как сюда попавшие. Почва здесь была скудной, зато воды сейчас хватало.

Из разбухшей глины выстрелили первые ростки. Трава, вездесущий осот, еловые побеги. Акация. Подорожник. Рожь. Лезут и лезут, раздвигая глину, и вот в зеленых зарослях распускаются первые цветы — маки. Роняют листья, превращаясь в круглые коробочки, трескаются, вываливая новую порцию семян...

Я забыл о присутствии Аррфа.

Дождь бил по белым шапкам одуванчиков, но они все равно разлетались и проникали, шаг за шагом, все дальше и дальше, на соседние склоны. Увядали, возрождались, желтели, белели, разлетались и возрождались опять. Мелкие приземистые елочки водили корнями в поисках опоры. Рвалась к небу сосна, созревали шишки. Трава поднималась почти по колено, блеклая из-за недостатка солнца, но упругая и жесткая. Склоны вокруг то наливались алым цветом маков, то бледнели, покрываясь белыми одуванчиками, вспыхивали ярко-желтым,

переходящим в красный, и снова зеленели. А потом вступили васильки, и будто в ответ им на посветлевшем небе вспыхнули ярко-синие, чистые прогалины...

Дождь прекратился. Вышло солнце. Я сидел в траве на берегу источника-озерца, а вокруг буйно, надрывно, с невозможной яркостью цвели холмы.

Елки сплелись корнями, преграждая путь оврагу.

И стояла тишина.

Кони, отойдя в сторонку, ели траву, глубоко погрузив морды в зеленое море. Аррф сидел ко мне спиной, обеими руками вцепившись в листья подорожника.

— Извини, — сказал я. — Просто не удержался... напоследок.

Он не желал оборачиваться. Не хотел смотреть на меня.

— Поедем, — сказал я. — Ведь мы на пороге смерти, мясоед. И мы до сих пор не знаем, кто убил барона.

Маг молчал.

— Аррф?

Он помотал головой, не оборачиваясь.

* * *

Он молчал всю дорогу обратно. Мы ехали то шагом, то рысью, меня мучило. Аррф молчал.

— Я говорил тебе — это не дар смерти. Это дар жизни.

Он молчал. У него подергивался уголок века.

Я думал о Крикуне-Усаче, которого мы оставили на обочине. Которого, вольно или невольно, погубили. О веснаре, который стоял рядом с нами на тех холмах, но ни разу не убил ни одного врага. Как мы не заметили? Как мы с дедом могли не заметить, что он ничего не делает?!

Пусть мне, мальчишке, и не дано было этого понять. А дед? Впрочем, разве дед был убийцей со стажем? Мы стояли на холме, на нас шла армия, и мы думали только о том, чтобы остановить ее. Чтобы эти вооруженные люди никогда не добрались до Светлых Холмов. А Усач, выходит, тогда боялся убивать...

Боялся за свои корни?

Смотрел, как убивает семилетний мальчишка, и просто стоял рядом?

— Застава, — хрипло сказал Аррф.

— Что?

— Я вижу заставу. Мы почти приехали.

* * *

На въезде в поселок нас встретила черноволосяя Роза. Рядом с ней, понурившись, втянув голову в плечи, стоял Кноф — тот самый подросток, что показал мне язык на станции «Светлые Холмы».

Я сошел, почти свалился, с седла. Никогда в жизни больше не буду офорлом... Впрочем, жизни моей осталось совсем чуть-чуть.

— Сын вернулся, — голос Розы позвякивал от напряжения. — И хочет сказать господину магу... Что ты хочешь сказать, Кноф?

— Я не убивал отца, — проговорил мальчишка голосом крупного хриплого петуха. — Я... уехал. Потом передумал. Спрыгнул с поезда за поворотом... И я видел, с кем он встречался в лесу.

— С кем? — наши с Аррфом голоса слились в один.

— С Горицветкой, — выдавил мальчишка. — Девка тут есть такая. Он ей ожерелье подарил!

* * *

Горицветке было семнадцать лет. Длинный патлатый Кноф влюбился в нее так сильно, что даже временами ненавидел.

Она над ним смеялась. Считала сопляком. Когда он однажды подстерег ее у колодца поздно вечером, в темноте, и предложил, может быть, слишком грубо, свою любовь — она ударила его коромыслом по уху. Разозлившись, он намотал ее косу на кулак, но девчонка стала кричать, и он ушел.

Он был барон по крови. Барон и наполовину йоллец, господин. Он готов был пойти к отцу и потребовать, чтобы эту дрянь отдали за него — прямо сейчас, насильно, пусть и без приданого. Ну и что с того, что Кнофу пятнадцать лет! Он еще в тринадцать стал мужчиной, и о его мужской силе шептались девки в поселке.

Он удержался и не пошел к отцу. И, как оказалось позже, правильно сделал. Потому что не успело его распухшее ухо вернуть нормальную форму, как у Горицветки обнаружилось на шее ожерелье из морских камушков.

Кноф узнал это ожерелье. Раньше оно лежало в шкатулке отца. Горицветка — Кноф видел ее на базаре — казалась веселой и довольной жизнью. Ревнивый бастард знал, что это означает.

Вечером того же дня барон, будучи в отличном расположении духа, призвал сыновей к себе и завел речь о поездке в Некрай, об учебе в университете, об образовании, достойном йолльца. Глупому маленькому Рефу было, кажется, все равно, ехать или оставаться. Но Кноф увидел в намерении отца откровенное посягательство на свои права.

Желая единолично насладиться девушкой-цветочком, старик отсылал молодого соперника подальше.

Никогда в жизни он так не дерзил отцу. Он знал, что рискует, но в тот момент ему было наплевать. Он сказал, что никуда не поедет, останется в Фатинмере и возьмет за себя эту строптивую девку. Отца, кажется, его гнев насмешил — он не стал наказывать Кнофа, а преспокойно велел бастарду готовиться к отъезду. Вечером, когда слуги уснули в гамаках, Кноф сказал — по глупости, от отчаяния, — сказал маленькому Рефу, что ненавидит отца и убьет его рано или поздно.

А потом испугался собственных слов и удрал.

Он бродил в полях, не решаясь показаться на глаза матери. Потом принял решение и сел в поезд, идущий в Дальние Углы. Но у него не оказалось денег, поэтому капитан велел подобрать паруса, и кондуктор высадил — выбросил — мальчишку в песчаных дюнах за поворотом.

Оголодавший Кноф вернулся домой пешком. Издали увидел отца, идущего в лес без оружия, и решил проследить за ним. Сперва барону встретилась мать Рефа, Горчица, возвращавшаяся из леса с корзиной трав. Они поговорили и разошлись. А потом... Кноф чуть не лопнул от горя и досады, когда увидел, как из-за деревьев навстречу отцу выходит пунцовая от скромности Горицветка.

Отец без предисловий поцеловал ее в пухлые, как сердечко, губы. Кноф поборол желание немедленно выломать дубину: он отдавал себе отчет в том, что отец сильнее. К тому же мальчишке не хотелось еще раз позориться перед ней... Шлюхой, потаскухой, дрянью! Ругаясь и плача, он снова ушел в поля и сидел там, питаясь сухим зерном, целые сутки.

Потом не выдержал, вернулся и сдался матери. И только тогда узнал о страшной смерти отца, случившейся в тот же день и в тот же час, когда барон Нэф целовался в лесу с Горицветкой, крестьянской девушкой.

* * *

Я угодил в собственную ловушку. Расслабился. Цепляясь за жизнь, забыл о долге. Не пройдет и нескольких часов, как весь поселок узнает имя тайного веснара. И даже наше с магом взаимоистребление не изменит его будущей судьбы.

— А может, это не она? — спросил я вслух.

Аррф тяжело покачал головой.

— Ну подумай, зачем ей... — не сдавался я.

— В истории завоевания Цветущей полно рассказов о девушках-фанатичках, убивавших йолльских любовников. Иногда весьма причудливым, мучительным образом.

— То было раньше, — сказал я неуверенно.

Мы остановились перед небольшим скромным домом, из новостроев, но сооруженным по старинке. Ворота были крепко закрыты.

— Я хочу тебя кое о чем попросить, Аррф. Если девушка окажется веснаром — дай ей шанс. Даже не так: дай мне шанс понять, что там все-таки произошло.

Он болезненно сощурился — яркое солнце слепило его. Подышал на свое кольцо. Подумал. Отрывисто кивнул.

— Именем Йолля!

Мы одновременно ударили кулаками в ворота.

* * *

К счастью, Аррф слишком устал, чтобы нести закон Йолля громко и величественно. И потому через полчаса уговоров мне удалось убедить несчастную мать, что ее дочери все-таки лучше подняться из погреба, где она прячется, и предстать перед магом.

Мать ничего не знала. Ее дочь — воспитанная, скромная девушка, без разрешения глаз не поднимет. Свидание с бароном — да вы что?! Да, позавчера вечером Горицветка вернулась домой бледная, трясущаяся, ни в чем не признавалась... но при чем тут барон? Наутро хмуро молчала, наотрез отказывалась выходить на улицу, даже к колодцу за водой. Но барон — это невозможно! Услышав стук в ворота, Горицветка кинулась в погреб и там заперлась... Но она ни в чем не виновата! Горицветка — сирота, отец умер давно, она, мать, воспитала дочь в строгих традициях... Немыслимо!

Мы говорили на языке Цветущей. Аррф переводил настороженные глаза с женщины на меня.

— Из погреба есть второй выход? — спросил я ровно, без выражения.

Ее мать смотрела на меня полными ужаса глазами.

— Нет, господин.

— Не беспокойся, женщина. Пусть Горицветка поговорит со мной. Ничего ей не будет, пусть только поговорит!

— Не вздумай обмануть меня, веснар! — Аррф скалился, пытаясь уловить смысл нашего разговора.

Погреб не запирался изнутри. Я с трудом поднял тяжелую крышку — дохнуло сыростью.

— Горицветка?

Тишина.

— Послушай, я тоже веснар. Я не допущу, чтобы тебя тронули пальцем — сейчас. Но мне... нам... очень нужно знать: это ты сделала? Зачем?

Тишина. Еле слышный шорох.

— Ты сказал «веснар», — прошептал Арфф за моим плечом.

— Не мешай.

Из погреба по-прежнему не доносилось ни звука. Говорит ли Горицветка по-йолльски? Наверняка говорит: молодые говорят все.

— Горицветка, — продолжал я на языке Цветущей. — Я хочу тебе помочь. Я могу тебе помочь. Только скажи правду.

— Я его не...

Рыдания. Маг быстро посмотрел на меня, потом опустил руку с кольцом в темноту погреба. Стали видны цвелье стены, гора яблок в дальнем углу и скрюченная фигура, притаившаяся в куче тряпья за дырявым бочонком.

— Убери свет.

Маг поднял брови:

— Давай вытащим ее оттуда.

— Убери свет!

Удивительно, но он повиновался.

— Горицветка, — сказал я так мягко, как мог. — Меня зовут Осот. Даже если ты убила барона — я сумею тебя защитить, по крайней мере сейчас. Ты слышишь? Только скажи!

Она ничего не отвечала. Ревела в три ручья.

* * *

Она понимала, что делает что-то не так... но устоять не могла. Барон никогда в жизни не обижал ее. Никогда. Только смешил, дарил подарки и хвалил. Ни один парень в Холмах никогда-никогда не развлекал ее так, как взрослый чужой мясоед, которого она поначалу боялась.

Она плохо писала по-йолльски, но читать умела. Барон оставлял ей коротенькие послания в расщелине старого дуба на перекрестке — там, где от тракта отделялась дорога к каменному дому. У нее сердце замирало всякий раз, когда она запускала руку в сухую, шершавую щель.

Он назначил ей свидание в лесу. Раньше она в лес никогда не ходила — про него в поселке рассказывали недоброе. Но раз барон сам ее позвал, значит, ничего страшного случиться не может?

Она пошла.

Барон подарил ей колечко. Вот это. Он целовал ее, и все было хорошо... Потом барон велел ей идти домой, а сам остался.

Она отошла на сотню шагов. Остановилась, чтобы пособирать землянику, и через несколько минут услышала... Нет, не крик. Какой-то очень страшный звук. Хоть и негромкий.

Сперва она бросилась наутек. А потом, вот дура-то, не удержалась и вернулась. Чтобы только взглянуть...

Увидела мертвое тело, лежащее в высокой траве. Тело барона, и всюду по поляне седые волосы, как оборванные нитки.

Тогда она побежала домой и поклялась никогда-никогда никому об этом не рассказывать. Но как только она закрывает глаза — перед ней возникает труп, мешком лежащий в траве, и эти белые нитки, дрожащие на ветру.

* * *

— А теперь скажи по-йолльски: я не веснар. Я не убивала барона.

Горицветка, извлеченная из погребя, дрожала в объятиях матери. Аррф сидел, нахохлившись, глядя с подозрением.

— Я не веснар, — пролепетала Горицветка на вполне приличном, почти без акцента, йолльском. — Я не убивала барона. Честное слово! Клянусь! Даю присягу!

Все эти клятвы были ни к чему. Уже после первых ее слов Аррф отшатнулся, будто между ним и девушкой перерезали натянутую нить. Из веснара, убийцы и мстителя Горицветка превратилась в несчастную дуру. Хоть бы жители Холмов пожалели ее...

А почему нет? Ведь живут — и прекрасно живут — и Роза, и Горчица. То, что в прежние времена считалось позором, теперь превращается чуть ли не в доблесть.

— Мы оказались там, откуда начинали, — сказал я. — Даже хуже: у нас совсем не осталось времени.

* * *

— А что такое для тебя Йолль? Твоя родина?

Мы свернули с тракта. Дом покойного барона Нэфа стоял перед нами на склоне, как путник, идущий в гору и на миг замерший с занесенной ногой.

— Много камня, много людей... дым... суета, — Аррф нехотя улыбнулся. — Для меня моя родина, Осот, это то, что я могу унести с собой.

— Твой узелок с одеждой?

— Нет. То, что я могу принести... дать кому-то. Отдать миру, если хочешь. Йолльский закон. Наука Йолля. Искусство и архитектура Йолля... или вакцина, которая спасает от красной чумы, сохраняя тысячи жизней. И плевать на благодарность. Мне не надо благодарности, я ведь и сам знаю, что так — правильно.

— А корни?

— Зачем корни человеку, если он не растение? Я свободен. Я не пристегнут ни к земле, ни к небу.

— А где же ты будешь, когда умрешь?

— Я не думаю о смерти, — он помолчал. — Я думаю о жизни. Даже сейчас. Я должен написать отчет в Некрай. О гибели Нэфа...

— А расследование?

Он помолчал. Мы шли медленно, едва передвигая ноги. Дом впереди и не думал приближаться.

— Я проиграл, — сказал Аррф еле слышно. — Если бы я убил тебя сразу после смерти барона... и написал донесение о ликвидации тайного веснара...

— Тебя бы наградили? Назначили наместником?

— Ты ничего не понял, — он сжал запекшиеся губы. Мы прошли молча несколько десятков шагов. Впереди над крышей кухни поднимался дымок. Слуги желают исправить оплошность?

— Сейчас бы выскочили собаки, — сказал Аррф с тоской. — Побежали бы навстречу, кинулись вылизывать лицо... Дома, в Йолле, у меня было две собаки. А здесь... вы не понимаете животных, зовете их «нелюди». Обыкновенная дворняга стоит столько, что даже йолльский маг не может себе позволить...

— Зачем ты приехал? Сидел бы дома!

Он помотал головой:

— Для тебя родина — корень, на котором ты сидишь. Для меня — подарок, который я несу в мир.

Я хотел ему ответить, но в этот момент ворота приоткрылись. На дороге выскочил начальник стражи.

— Ваша милость... там... эта женщина. Хотели гнать, но она... ваша милость, погодите!

* * *

Она ждала нас, стоя босыми ногами на свежей могиле барона. Увидев ее, мы оба остановились, будто налетев на стену.

— Что? Вы оба еще живы?

Растрепанные волосы Горчицы лежали на плечах. Где-то в холмах набирал силу ветер, надувал паруса утреннего поезда; струйки воздуха подхватывали и бессильно роняли спутанные бледно-рыжие пряди.

— Я думала, вы перебьете друг друга еще до рассвета. Мясоед и растение. Веснар и йолльский маг. Ходите парочкой, чуть не в обнимку, небось еще беседуете о жизни после смерти. Скоро вы все узнаете сами. Скоро вы увидите корни... Ты, Осот, увидишь. Ты, Аррф — нет.

— Горчица...

— Помолчи, веснар! У Нэфа тоже не было небесных корней. Ни корней, ни души, ни совести. Я знала, что будет с ним после смерти... никто не может изменить его судьбу, только я. Только я. Дам ему корни. Пусть он будет человеком.

Аррф дернулся. Я схватил его за рукав. Горчица скользнула по нашим лицам зеленым безумным взглядом. В ладонях ее лежали желуди, большая пригоршня, она роняла их себе под ноги, один за другим.

— Правильно, веснар. Держи его. Потому что... Вы не знаете! Нэф будет человеком. Мертвым человеком. Потому что я всю жизнь любила нелюдь... думаете, сдуру родила, нечаянно? Дураки, подходящее зелье теперь любая баба умеет варить. А я родила Нэфу сына. Потому что так хотела. А эти безмозглые подстилки... ожерелье на шею! Я видела, она собирала в лесу мать-нематку. Нерожалую траву... Нелюдь. Мясо.

Глаза ее вдруг загорелись ненавистью. Аррф отшатнулся. Я попятился.

— Я скажу вам обоим, — глухо, с угрозой заговорила Горчица. — Слушайте правду. Смотрите, это я, я, я убила экипаж «Овффа»! Я та самая женщина! Та девчонка... И я скажу теперь, слушайте, повторять не буду: они-то просто заигрались. Шенки в поисках любви... Заигрались. В чужой стране... Кто-то хотел бабу покрепче. Кого-то веселил мой страх. Но все они искали любви, да, как они ее понимали... Я убила их, да. Всех, всех. И они стали чудовищами в человеческой памяти. Они, а не я. Это я — первый веснар-убийца! Смотрите и знайте! Они мне снятся. Они — и Нэф.

Она замолчала, глядя мимо нас, высматривая что-то, видимое ей одной. Я быстро посмотрел на Аррфа — он стоял, покачиваясь, сжав руку в кулак, готовый вскинуть кольцо.

— Я все вижу, — сказала Горчица другим, трезвым и насмешливым голосом. — Я все вижу, Аррф, только попробуй. Я накрою тебя, ты состаришься и умрешь, и никто не подарит тебе корней после смерти. Нэф... в поисках любви, — она сухо хохотнула. — Заигрался. Шенок... У меня нет корней, Осот, нет, все сгнили. О сыне позаботится Роза,

он ей не чужой. А вы делайте, что должно. Продолжайте ненавидеть друг друга. Презирайте. Убивайте. Не считайте друг друга людьми. Учите своих детей: пусть тоже ненавидят и презирают. Да будет между вами омерзение навеки, пусть каждый предьявляет другому счет, который никогда не будет оплачен. Никогда!

Она засмеялась. Мы с Аррфом стояли, утратив дар речи. Я чувствовал, как вздрагивает плечо мага, замершее в пальце от моего плеча.

Горчица резко оборвала смех. Уставилась на нас с подозрением, будто услышав неожиданный вопрос.

— А-а... Хотите знать, что сказал мне Нэф и что я ему ответила? Хотите узнать, почему я к нему вернулась тогда, в лесу? Хотите знать, почему я его убила?

Она замолчала, переводя взгляд с меня на Аррфа и обратно. Резко и непривычно пропела птица на крыше каменного дома — «мерф». Птица... я вдруг понял, что Горчица говорит по-йолльски.

— Не узнаете, — сказала она шепотом. — Никогда. Он достался мне. Я хотела дать ему корни... от земли до неба. Нэф! Любовь моя.

Могила под ней зашевелилась.

На один долгий момент я поверил, что это Нэф, умерший от дряхлости старик, поднимается навстречу обезумевшей женщине.

Но это были корни.

Никогда прежде я не видел — и уже не увижу — такого бешеного, коротечного, обвального веснарства. Дубы не выросли — выстрелили из могилы. Потянулись трещины во все стороны. Загрохотал, обваливаясь, каменный забор, покосился стол, врытый в землю. Листья, не успевшие как следует пожелтеть, кинулись нам в лицо. Я схватил мага за рукав и потащил прочь, не осознавая, что делаю.

Там, под землей, мертвеца обвили и сплющили корни. Проросли сквозь него. Выбросили то, что было Нэфом, в небо, под солнце — каплей воды, древесного сока, листком, блестящим желудем.

Там, над могилой, стволы сошлись вплотную, не оставив по Горчице ни следа, ни памяти. Дом затрещал, но выстоял. Страшными трещинами пошла стена. Где-то лопнуло перекрытие.

Все это длилось несколько минут. Всего лишь. Плодородная почва Цветушей, удобренная телом чужеземного пришельца, выдержала и это. Когда я поднялся с земли, моим глазам открылся памятник, который никогда больше не встанет ни на чьей могиле.

Покореженное сплетение дубовых стволов. Сплошная глыба дерева, темная и мрачная, увенчанная лесом светло-зеленых листьев. Крона, уходящая в небо.

* * *

Два дня спустя, на закате, бабушка открыла глаза. Обвела комнату осмысленным взглядом. Остановилась на моем лице.

— Спасибо, Осот.

И тень улыбки — слабая, но совершенно явственная.

* * *

На улице стояли бок о бок верховые нелюди. Арфф держал поводья, разглядывая солнечные часы.

Я подошел поближе. Лошадь, чьим офорлом я был так недолго, вдруг узнала меня. Потянулась. Сам не сознавая, что делаю, я поднял руку, и в ладонь мою ткнулась влажная морда.

— Я еду с тобой, — сказал Арфф скучным голосом. — Мой долг исполнен. Расследование завершено. А находиться здесь дольше нет никакого желания... Верховом мы успеем к вечернему поезду.

— Я никуда не еду, Арфф.

Он смотрел на меня минуты две. Все ждал, что я заговорю снова, но я молчал.

— То есть как?

— Я остаюсь. Это мой дом. Дом Осотов. Больше я его не оставлю. Арфф сглотнул.

— Сюда пришлют нового наместника...

— Пусть присылают.

— Тебя убьют.

— Не думаю.

— Осот, не валяй дурака! Уходи отсюда. Исчезни. Пожалуйста!

— Нет.

Арфф провел рукой по взлохмаченным темным волосам. Нервно потер щеку. Накануне он принял решение, которое далось ему нелегко; теперь все шло кувырком, маг никак не мог собраться с мыслями.

— Но... ты же веснар! И все об этом знают!

Его рука нервно сжимала повод. Мгновения бежали. Арфф опаздывал на станцию.

— Ты веснар, — повторил он беспомощно.

— Это Цветущая, — я улыбнулся. — Земля веснаров.

Далеко над холмами показались паруса вечернего поезда, идущего в Дальние Углы.

Д М И Т Р И Й К О Л О Д А Н ,
К А Р И Н А Ш А И Н Я Н

ЗАТМЕНИЕ

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

Мюль слоновьей тушей навалился на город, дыша в лицо зно-ем. На боках переполненных трамваев, завязших у светофора, вскипало солнце. Перекресток взрывался гудками и руганью, металлический скрежет больно отзывался в ушах; над улицей плыл запах горелой резины.

Теодор шел прогулочным шагом, и поток прохожих болтал его, как морская зыбь буюк. Лысина побагровела, горячие подтяжки врезались в плечи, раскаленный костюм, казалось, весил целую тонну. От едких капель пота щипало глаза и запотевали очки, но Теодор упрямо продолжал ежедневную прогулку к порту.

У входа в Морской Банк, из которого в одуряющую жару улицы волнами вырывалась прохлада, Теодор прислонился к блестящим перилам и отер лоб. Ожидая, когда дыхание уймется, он рассеянно поглядывал на людей, проходящих в стеклянные двери. Помахал рукой швейцару — тот вежливо поклонился в ответ, но в его кивке Теодору почудилось неодобрение. Без всяких приемов чтения мыслей он знал, о чем думает этот усач в галунах: вот человек, который мог бы сделаться даже помощником директора, если бы постарался, да вот несчастье со сбежавшей невестой подкосило. Ни должности, ни семьи, лишь казенная квартира да сварливая домработница. Швейцары всё знают, с досадой подумал Теодор. Тридцать лет безупречной службы и слабое здоровье — достаточный повод выйти на пенсию. Зачем при-мешивать Алису? Он потер вспотевшую грудь, прислушиваясь к суматошным ударам сердца, и покосился на швейцара.

Что-то однообразно и беспокойно зудело в ухе — в грохот улицы вплеталось тихое бормотание. Теодор заворочал головой и расплылся в изумленной улыбке. Под каменной стеной банка, у лужицы, натекашей из кондиционера, сидела белая собака в колпаке с обтрепанным помпоном. Теодор не мог взять в толк, как не заметил ее раньше. На собачьей шее болтался замусоленный гофрированный воротник, бок перепачкан мазутом и тиной. Капли конденсата оставили темные дорожки в густой шерсти, пожелтевшей от пыли. Рядом стояла коробка, оклеенная обрывками афиш.

— Дайте монетку, дайте монетку! — бубнила собака, уставившись в асфальт и мерно раскачиваясь.

Теодор сделал пару шагов в сторону и застыл посреди людского потока, склонив голову и рассматривая собаку с видом знатока. Его тут же сильно толкнули в плечо.

— Извините! — воскликнул Теодор, прижимая пухлую ладонь к груди и пытаясь увернуться от нового столкновения.

— А, ч-черт... Ничего-ничего, — пробормотал прохожий на бегу. Проходя мимо собаки, не глядя швырнул монету. Собака не отреагировала — лишь колыхнулся помпон на колпаке. Теодор поддернул брюки и грузно нагнулся, оперев руки в колени. Он разглядывал пса, пытаясь сообразить: кукла перед ним или настоящее, идеально выдрессированное животное. «Дайте монетку, дайте монетку», — бормотала собака: глаза прикрыты белесыми ресницами, голова качается, как у китайского болванчика. Теодор выпрямился, растирая поясницу, и огляделся в поисках хозяина.

На всей улице нашелся один-единственный человек, спокойно стоящий на месте, — швейцар, ни капли не похожий на владельца циркового пса. Теодор прошелся по тротуару, высматривая афиши, и вернулся ко входу в банк. Стараясь выглядеть праздно, поднялся по широкой лестнице и остановился у дверей.

— Ох, и духота сегодня, — сказал он, — весь взмок.

Швейцар солидно кивнул:

— Говорят, это какие-то пятна на Солнце. Затмение скоро, вот и жарит.

— Хотя из кожи выскакивай, — заметил Теодор. — Нам еще хорошо, а как собакам, например?

— А, заинтересовались собачкой? — усмехнулся швейцар. — Давно сидит, гнал — не уходит... Хотел полицию вызвать, да все-таки Божья тварь, пусть себе...

— А хозяин где? — с напускной безразличностью спросил Теодор.

— Не видел. Сама пришла, с коробкой в зубах. Так и торчит здесь — не кормлена, не поена. Таких хозяев в кутузку! — сплюнул швейцар. — Хотя, может, там и сидит, за бродяжничество...

Теодор покачал головой. Он не сомневался, что имеет дело с ловким и скрытным чревовещателем. Представив, как фокусник хихикает в кулак, глядя на суету вокруг собаки, Теодор покраснел и улыбнулся. В душе мешались стыд, восторг и восхитительное чувство причастности — в конце концов, он хотя бы знал принципы, на которых строился трюк.

Изнывая от любопытства, Теодор вернулся к собаке в надежде разобрать, что написано на обрывках афиш на коробке. Осторожно протянул руку.

— Хорошая собачка, хорошая собачка, — приговаривал он. Аккуратно потрепал горячие уши — собака продолжала бубнить, будто не замечала его. Теодор потянулся к коробке. Собака замолкла, черные губы приподнялись, обнажив клыки — чистые и белые, как на рекламе зубной пасты. В зверином горле зарокотало, и Теодор отступил.

В полном расстройстве он вытащил из кармана часы и решительно устался на циферблат. Бесплодная возня с собакой отняла слишком много времени. В порт уже не успеть: Агата не простит опоздания на обед.

* * *

Вентилятор сухо клацал в пыльной духоте гостиной. Пластиковые лопасти потрескались, грязь глубоко въелась в решетку. Теодор поймал себя на том, что считает обороты: шестьдесят, и прошла еще одна минута. В лучах солнца стайки пылинок сплетались в причудливые спирали. Легкий бриз топтался на пороге, как неумелый коммивояжер, не решаясь предложить свой скромный товар — запахи бензина, лета и морской соли. Щелк, щелк...

Теодор с тоской обозревал бледные обои в цветочек. На кипящих жизнью улицах творятся чудеса, а он по-прежнему сидит и ждет, сам не зная чего. Просто трусит, как много лет назад, когда ему не хватило смелости догнать Алису.

Воспоминание отозвалось щемящей болью. За десять лет Теодор так и не смог смириться с потерей. Не помогла даже добросовестная работа в Морском Банке — наивная попытка задавить тоску бумажным однообразием. Аргентина, Австралия, Китай — он убеждал себя, что это лишь слова. Но, читая на бланке «Гонконг», он видел Алису на крошечных, переполненных людьми площадях, бесстрашно входящую в клетку с хищниками. Лима, Пуэрто-Рико... Нет ничего глупее, чем сбежать с бродячим цирком и стать ассистенткой дрессировщика; но в глубине души Теодор восхищался Алисой. Что осталось ему? Квартира в центре города да индивидуальная пенсия за отличную работу; на мемуары хватит и тетрадного листка. Но, похоже, судьба дала еще один шанс. Теодор ждал его всю жизнь — сделать шаг и, может, он снова встретит Алису?

Теодор ковырялся в овощном супе. Агата, его домработница, всегда готовила одно и то же: суп, овсянка, слабый чай. Теодор уже смотреть не мог на рыхлую цветную капусту и бледные звезды моркови. Он гонял по тарелке разварившуюся луковицу, похожую на дряхлую медузу. По бульону расплзались белесые кружочки остывающего жира.

Перед Теодором, подпертая солонкой, стояла «Всемирная история чудес» Гибсона и Кара — настольная книга любого иллюзиониста. Теодор раз пять прочел ее от корки до корки, избранные главы мог пересказать дословно, но постоянно возвращался к засаленным страницам.

Книга была раскрыта на главе «Чревовещатели». Египетские жрецы, говорящие камни и статуи, веселый король Эдуард Седьмой и нерадивые придворные — Теодор медленно погружался в историю древнего и невероятного искусства. На арену чревовещание вышло в конце восемнадцатого века, вместе с Чарлзом Эльворти и его знаменитой куклой Мистером Боксом. Животных использовали редко: научить зверей сложной артикуляции почти невозможно. С той собакой работал настоящий профессионал. Теодор не мог придраться: пасть она открывала вовремя, слова явно звучали из собачьей глотки, а то, что не было видно самого чревовещателя, говорило о высочайшем мастерстве. Такие не работают в одиночку — Теодор не сомневался: в город приехал цирк.

Из кухни выплыла Агата с дымящейся тарелкой овсянки.

— Вы ведь знаете, что читать за столом вредно, — на остром лице застыло осуждение.

Теодор попытался ответить, не раскрывая рта, — вдруг у него тоже есть задатки чревовещателя? Способности, может, и были, но отсутствие тренировок сделало свое дело. За хрипами, гудением и кряхтением он и сам не понял, что сказал, смутился и замолчал.

— Простите? — переспросила Агата. Поставила перед Теодором кашу и поморщилась, забирая суп. — Пожалуйста, не надо говорить с набитым ртом, не дай бог, подавитесь.

— Нет-нет, — поспешил успокоить ее Теодор. — Я... это дыхательная гимнастика, знаете, очень полезно для сердца.

Агата покосилась на раскрытую книгу: полполосы занимала фотография знаменитого Элиаса Шангале.

— Когда я была маленькой, ходила на его выступление. Дыхательная гимнастика, ну-ну...

— Давайте я покажу вам фокус? — поспешил сменить тему Теодор. — Это быстро... Я много тренировался, и мне хотелось бы услышать ваше мнение.

Агата вздохнула и с показным смирением присела за стол. Теодор торопливо, пока она не передумала, открыл книгу. Загнутый уголок страницы отмечал номер, над которым он сейчас работал. Теодор проделывал фокус десятки раз и отлично помнил порядок действий, но решил подстраховаться. Как любой артист, он нуждался в зрителе и в тоже время боялся его — боялся, что собьется и опростоволосится. Под суровым взглядом Агаты это было легче легкого.

— Номер называется «Исчезающие предметы». Суть его в том, что предметы... э... исчезают. Для примера возьмем вот эту ложку, — Те-

одор протянул ее домработнице. — Можете осмотреть и убедиться: это самая обыкновенная ложка, из тех, что вы используете на кухне.

— Знаю, — сказала Агата. — Эту ложку я мою три раза в день уже восемь лет.

— Ну да, — смутился Теодор. — Понимаете, так положено говорить, всегда находятся люди, которые сомневаются. Сейчас эта давно известная вам ложка таинственным образом испарится. Смотрите внимательно...

Теодор сжал ложку двумя пальцами и принялся выводить вокруг нее пассы. Главное — отвлечь зрителя, ослабить внимание. Теодор не сводил глаз с лица женщины, высматривая малейшие признаки рассеянности. Сквозь вежливый интерес явно читалось: «Ну и долго это будет продолжаться?». Ничего, если он собирается достичь успеха, надо уметь работать с любой публикой.

— Ой! Что...

Как только взгляд Агаты метнулся в сторону, Теодор разжал пальцы. Сталь скользнула по ладони. Ложка зацепилась за манжету, на миг замерла и, вместо того чтобы провалиться в рукав, грохнулась в тарелку. Теодор попытался поймать ложку-предательницу и вместо этого с размаху хлопнул по краю тарелки — та подскочила и сорвалась со стола. Овсянка шмякнулась на ковер. Теодор замер с раскрытым ртом, не находя слов от стыда и досады.

— Это все? — уточнила Агата. Дождаться ответа она не стала. — Как я погляжу, исчезла ваша каша. Суп вы не доели... Прикажете снова готовить?

Теодор сглотнул и виновато улыбнулся.

— Простите... Не надо готовить, я не голоден, спасибо. Я сам все уберу, и...

Агата покачала головой. Лицо ее смягчилось.

— Ничего страшного, я сварю кашу еще раз. Пропускать обед нельзя — для вашего желудка это вредно. И, мой вам совет: бросайте вы эти фокусы, всю эту мумбу-юмбу. В вашем возрасте как-то не солидно. Придумайте более спокойное хобби. Вы никогда не думали коллекционировать марки?

Щелк, щелк... Еще одна минута вентиляторного времени. Теодор побарабанил пальцами по столу.

— Знаете, в город приехал цирк, — заговорил он. — Настоящий бродячий цирк-шапито. С тиграми и слонами, цветными шатрами и акробатами...

— Ничего подобного, — Агата мотнула головой, словно пыталась отбросить саму мысль о цирке. — С чего вы взяли? Я читаю все ут-

ренные газеты, и разговоры там только о грядущем затмении да о том, как оно повлияет на здоровье. Про слонов ни строчки. Афиш по городу я не видела, а без рекламы они как без рук. Вам надо прекращать утренние прогулки — жара и солнце плохо на вас влияют. Похоже, вы просто перегрелись. Может, вызвать врача?

К счастью для Агаты, тарелка с кашей лежала на полу, иначе бы Теодор не сдержался и запустил ее прямо в тошную физиономию. Как иллюзионист, аристократ арены, он с предубеждением относился к клоунаде, но сейчас можно было пойти на смешение жанров.

— Спасибо, я прекрасно себя чувствую, — сухо ответил он.

Агата покачала головой.

— Все-таки вам лучше полежать, прийти в себя. Все проклятое затмение — в газетах так и пишут, что для метеочувствительных людей эти дни опасны. Протуберанцы и солнечный ветер; говорят, там какая-то буря и нужно быть очень осторожным. Я добавлю вам в чай успокоительных капель.

* * *

На следующий день Теодор вышел из дома пораньше, сбежав от Агаты сразу после завтрака. Надо было найти цирк хотя бы ради того, чтобы уговорить домработницу: ее заботливость приняла угрожающие размеры. Собаке необязательно сидеть под афишами — место, где их расклеили, могло оказаться неудобным или их сорвали хулиганы, а газеты... Всем известно, как дороги нынче объявления в газетах!

Теодор выкатился из трамвая у Морского Банка и разочарованно вздохнул: собаки не было. Сгорая от нетерпения, он прошелся по улице, снова оглядывая стены и афишные тумбы, вернулся по другой стороне и поднялся ко входу.

— Вчера не дошли до порта? — первым заговорил швейцар.

— Не успел, — ответил Теодор. — А что, собака сегодня не появлялась?

— Какая собака?

Теодор сердито взглянул на швейцара, но усатое лицо выражало искреннее недоумение. Не помнит ни загадочного пса, ни вчерашних эволюций Теодора, за которыми следил с такой насмешкой! Неужели чревовещатель — еще и гипнотизер? Но оба искусства требуют долгих тренировок, вряд ли можно достичь мастерства в обоих разом. Наверное, швейцар вчера перегрелся, да и жуткая пробка действовала на нервы... Куда теперь? В парк?

— А вы бы сходили, прогулялись по набережной, — продолжал

швейцар. — В такую погоду морской ветерок — милое дело. Я бы сам с удовольствием...

Теодор уже не слушал его. Как он не догадался! В порту найдется если не цирк, то хотя бы люди, видевшие его прибытие. Не попросившись, Теодор бросился к остановке, и вскоре маршрутка везла его в порт.

* * *

По набережной прогуливались люди принаряженно-официального вида, и Теодор вспомнил, что сегодня отмечают юбилей Морского вокзала. Огибая закованных в пиджаки менеджеров, он зашагал вдоль причалов, сосредоточенно оглядывая мощные обводы пассажирских лайнеров.

Один корабль пришвартовался совсем недавно — по трапу спускалась стайка пассажиров. Теодор скользнул по ним взглядом, даже не надеясь, что меж кисей и зонтиков мелькнет лицо Алисы. Она должна вернуться на том корабле, что и сбежала; Теодор ждал, когда на рейде бросит якорь «Великолепный», на котором проклятый Просперо увез все его мечты и надежды. Давным-давно он прочел в газетках, что пароход пропал без вести во время шторма, однако окутанная блестящей дымкой полоска горизонта и бередящие душу гудки были убедительнее газетных строчек.

На краю причала курил пожилой моряк. Его красная физиономия располагала к доверию, и Теодор подвинулся ближе.

— Извините, не могли бы вы сказать... — Моряк вынул изо рта сигарету и выжидающе посмотрел на Теодора. Тот помялся и, собравшись с духом, выпалил: — Вы не знаете, в порт не прибывал цирк?

— Цирк? — задумался моряк. — Нет, не видал. Да вы не там ищите. Вам вон куда надо, — он кивнул туда, где городская набережная упиралась в причалы для грузовых судов и склады.

Но среди барж, ржавых каботажных посудин и остро пахнущих рыбой сейнеров не нашлось ни «Великолепного», ни другого корабля, на котором мог бы прийти цирк. Отчаявшись, Теодор попытался проникнуть в доки, где звенел металл и орала озверевшие от жары механики, но его выгнали, не пожелав и слушать.

Теодор доковылял до набережной и присел на чугунную скамью. Тоскливо взглянул на гавань, куда входила баржа, груженная блестящими цистернами, и хлопнул себя по лбу: можно попытаться найти груз, принадлежащий цирку! На контейнерах наверняка есть маркировка — Теодору отчетливо представилось схематичное изображение слона. Не отдышавшись толком, он заспешил к складам.

Застоявшийся воздух в узких проходах между контейнерами походил на воду в нечищеном аквариуме. Под ногами хлюпали тухлые лужи, покрытые радужной пленкой, грязные обрывки пеньки и шпагата цеплялись за ботинки. Меж пышущих жаром стен стояла вязкая тишина, изредка нарушаемая приглушенным говором порта. Похоже, поиск циркового багажа оказался пустой затеей: Теодор и не думал, что портовые склады так огромны. Он остановился, не представляя, как выбираться из этого лабиринта.

Над головой нависал гигантский дощатый ящик; дерево посерело и обросло понизу зеленоватыми ракушками, но еще пахло опилками. Теодор с удовольствием вдохнул смолистый аромат и услышал тихие, мягкие шаги. Доски показались вдруг совсем тонкими. В ноздри ударил острый звериный запах, и низкий гул отозвался дрожью в диафрагме. Гудение перешло в грохочущий рокот, эхом прокатившийся по лабиринту. Со всех сторон разом донеслось громовое фырканье, и наступила тишина — лишь тонко звенела полоска жести.

Теодор задохнулся. Рядом — клетка с тигром! Он снял очки и приник к узкой щели между досками, но увидел темноту. В досаде Теодор хлопнул ладошью по дереву, и в ответ снова зарокотало — но тихо-тихо, издалека. Теодор опрометью бросился на звук, под ногами зачавкала грязь, заглушая рычание. Он застыл и прислушался.

Снова отчетливый рык — теперь справа. Теодор ринулся в боковой проход и тут же услышал, что рычат уже впереди. Слабый ветерок завонял кошачьей мочой. Издали неслось гроыхание кранов, крики портовых рабочих, но для Теодора существовал только лабиринт контейнеров, по которому катился, дразня и убегая, тигриный рев. Сердце трепетало в горле. Дневной свет померк и стал синевато-холодным, будто в небе вместо солнца подвесили тусклый прожектор. Потеряв голову, Теодор кидался во все стороны, на секунду уверяясь, что звери совсем близко, но рычание затихало; вдруг вновь появлялся сильный дух зоопарка и развеивался, сменяясь запахом машинного масла или шекоющим ароматом специй. Рычание доносилось все реже и вскоре стало совсем тихим, заглушенное чьими-то криками. Очки запотели, и Теодор метался вслепую, оскальзываясь и задыхаясь в погоне за призрачным звуком.

Голоса становились все ближе, и Теодор счастливо всхлипнул: между контейнерами сверкнуло яркое и блестящее. Хватая ртом воздух, он вывалился на площадку перед причалами. Ноги не держали. Он прислонился к горячей стенке контейнера. Руки тряслись от нетерпения, пока Теодор протирал очки. Заранее улыбаясь, он водрузил их на нос и не смог удержать разочарованного крика. Среди луж и куч

мусора стоял алый лимузин. Теодор знал эту машину: она принадлежала начальнику порта. Из салона в открытое окно вилась струйка сигарного дыма.

Рядом разгружали баржу. Портовый кран полз по ржавым рельсам. На талях раскачивался оранжевый контейнер; он кренился, готовый выскользнуть из толстых цепей. Порывы ветра раскачивали его, как огромный маятник. Снизу смотрели несколько угрюмых грузчиков. Они передавали по кругу сигарету и то и дело начинали кричать, размахивая руками. Теодор сомневался, что крановщик слышит их указания, скорее, грузчики красовались перед начальником порта.

Рельсы заканчивались рядом с лимузином. Вздрогнув тоннами железа, кран остановился. Контейнер качнулся, надрывно взвыли блоки, опуская груз. Он с грохотом ударился о крышу такого же железного ящика и на секунду замер. Раздался предупреждающий крик. Контейнер с диким скрипом начал сползать в сторону. Одно из звеньев не выдержало, цепь лопнула. Стальной хлыст звонко ударил по железным бортам: так дрессировщик подстегивает тигра к прыжку. Контейнер сорвался и обрушился на автомобиль.

«Кранты начальничку», — прошептал кто-то в наступившей тишине. Очнувшиеся грузчики бросились к машине, но из-за груды железа появился директор порта. Его щеки побелели, обтянутое потной рубашкой брюхо ходило ходуном, — но он был цел и невредим. Директор слабо улыбался столпившимся вокруг рабочим. По лицу пробегали остатки пережитого страха, глаза походили на кружочки застывшего жира. Они постепенно оттаивали; растерянная улыбка сползла с губ, и в голосе зарокотал начальственный гнев.

Теодор в полубомороке смотрел на дверцу контейнера: ее украшал затертый рисунок улыбчивого слона, стоящего на шаре. Крякнули грузчики, сдвигая контейнер с крыши машины, железо застонало и ударилось об асфальт. Стенки не выдержали, и через щели в лопнувшем железе на землю посыпались блестящие пачки чая. Теодор поднял одну. Чай как чай, такой можно купить в любом супермаркете. Теодор подбросил пачку, поймал и тихо рассмеялся.

— Ваш груз? — раздался за спиной суровый голос.

Рядом, оперев руки в бока, стоял начальник порта. Его подбородки тряслись, в глазах сверкали молнии. Не дожидаясь ответа, он продолжал:

— Это грубейшее нарушение техники безопасности! Ваш контейнер не был закреплен надлежащим образом! Вы знаете, сколько стоит эта машина? Я буду требовать возмещения морального и материального ущерба в трехкратном размере.

— Извините, это не мой, — залепетал Теодор. — Я совершенно случайно оказался рядом.

Начальник порта пристально посмотрел на Теодора.

— Случайно? — переспросил он. — Тогда что вы здесь делаете? А, ясно! Шли на юбилей вокзала и решили сократить дорогу через склады? Зря, здесь нечего делать посторонним, — он отвернулся к искаленной машине.

— Я не... — начал Теодор и смолк. Почему бы и нет? После бессмысленных блужданий, страхов и поисков официозная скука будет лучшим лекарством. — Да, хотел побыстрее и немного заплутал, — угодливо улыбнулся он.

— Вам надо идти прямо, — буркнул толстяк и покосился на часы. — Церемония начинается через полчаса.

* * *

Солнце плясало в стеклянных стенах Морского вокзала. Яркие блики резали глаза, под веками щипало от слез. Сквозь стену открывался вид на главный причал. Мраморная набережная выгибалась широкой дугой, обнимая залив. Вдалеке над зелеными волнами словно парил утес с башенкой маяка. Этот пейзаж, растиражированный на открытках, был визитной карточкой города. Танкеры и сухогрузы никогда не подходили сюда, здесь было место для белоснежных круизных лайнеров. Плавные обводы причудливо преломлялись в стекле, и корабли казались нереальными, будто прибыли прямо из Зазеркалья.

— И что их сюда тянет? — бормотал Теодор, пока протискивался сквозь толпу оживленных клерков. — Прошу прощения... Скучнейшее же мероприятие. Извините... Заранее заготовленные речи по бумажкам. Вы не позволите?

Вокзал украсили воздушными шарами и цветными лентами. Чуть в стороне, на драпированном красной тканью помосте сидел духовой оркестр. Над залом гремел гимн города. Бравурная мелодия взмывала к ажурным перекрытиям и металась в стекле и металле, словно птица в силках.

Начальник порта вышел к микрофону, и толпа взорвалась аплодисментами и одобрительными выкриками. Рыхлое лицо начальника светилось уверенностью и силой; а ведь полчаса назад он чуть не погиб. Он широко улыбался, дожидаясь, пока стихнет шум. Постучал по микрофону, и оркестр замолчал.

— Здравствуйте, дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас на торжественном праздновании юбилея Морского вокзала! В этот день

десять лет назад впервые открылись двери, не побоюсь этого слова, шедевра архитектурной мысли. И я горжусь тем, что...

Начальник порта говорил вдохновенно, но в какой-то момент Теодор обнаружил, что совершенно не понимает, о чем идет речь. Слова кружились, не давая ухватиться. Уже мерещилось, что он видит их — маленьких разноцветных рыбок, скользящих в густом воздухе. Теодор тряхнул головой, гоня наваждение.

— Нельзя недооценивать тот грандиозный вклад, который внес Морской вокзал в развитие структуры...

Теодор огляделся. Толпа замерла, боясь пропустить хоть слово. Клерки, их жены и дети с обожанием смотрели на толстяка. У некоторых на глазах блестели слезы. Похоже, они даже дышали в такт голосу начальника.

— Но не будем забывать и о тех людях, без которых мы никогда бы не увидели...

Кто-то едко хихикнул. Теодор обернулся на звук, но лица, обращенные к толстяку, были абсолютно серьезны. Смех зазвучал снова — колючий и звонкий, он просыпался на толпу, как горсть ракушечных осколков. Толстяк сбился, проглотив конец фразы, и откашлялся.

— Может, кому-то это и кажется смешным, но этот грандиозный проект...

Теодор вытянул шею, высматривая шутника. На краю помоста с оркестром сидел клоун. На набеленной щеке чернела клякса слезы. Колпак сползал на глаза. Клоун корчился, держась за живот и тыча пальцем в начальника порта. Музыканты его не замечали. Клоун то и дело вцеплялся то в одного, то в другого клерка и шептал ему на ухо. Люди расплывались в улыбках, но спустя мгновение на лица вновь напал серьезность.

Теодор дернул за рукав соседа.

— Прошу прощения, — спросил он. — Вы тоже видите...

В водянистых глазах сверкнуло раздражение.

— Что? — зло спросил клерк, и Теодор отпрянул.

— Нет, извините, я не хотел...

Клерк отвернулся. Теодор взглянул на клоуна. Тому, похоже, наскучили бесплодные попытки расшевелить публику. Он так сокрушался, что Теодору стало искренне жаль его. Заметив взгляд, клоун печально развел руками, и Теодор едва не рассмеялся от нахлынувшего счастья. Он не заметил, как в руках клоуна появились черные мячи — они взмывали над головой, кружились невероятными петлями. Один в воздухе, два, все три... Клоун вскочил на ноги.

— Уважаемая публика! Мы страшно рады, что вы почтили вниманием наше представление! Самый невероятный номер за всю историю цирка! Ему рукоплескали зрители пяти континентов!

Клерки оборачивались, и недоумение сменялось улыбками. В задних рядах рассмеялся ребенок и захолопал в ладоши. Толстяк замолчал и беззвучно шевелил губами, как рыба. Его лицо побагровело. Дрожащей рукой он указал на клоуна:

— Что за фиглярство, черт возьми? Вызовите охрану...

— Почтенная публика, капельку терпения! Сейчас на ваших глазах произойдет чудо! Номер называется «Возмездие!» Оркестр, туш!

Музыканты вскочили, грянули трубы. В воздухе вспыхнуло, запахло жженой серой. Над клоуном закружились яркие огоньки, и три бомбы тускло блеснули вороненой сталью. Короткие фитили брызгали искрами. Клоун перехватил первую бомбу и швырнул ее в президиум. Вторая и третья полетели следом. Толстяк рефлекторно выставил руки, пытаясь поймать брошенный предмет, и в это мгновение ухнул взрыв.

Горячая волна ударила в Теодора. Его отбросило на какого-то клерка, и они вместе рухнули на пол. Уши заложило; он не слышал новых взрывов — только два оранжевых сполоха мелькнули в клубах едкого дыма. Не понимая, что делает, Теодор рванулся, но на него упали, и по лицу хлестнуло теплым и липким. Теодор истерично забился, пытаясь сбросить навалившееся тело. Ему удалось выбраться, а клерк так и остался лежать. От резкого запаха горелого дерева и мяса к горлу подступила тошнота. Едва сдерживая спазмы, Теодор на карачках пополз вперед.

На полу сидела женщина с окровавленным лицом; у ее ног валялся искореженный микрофон. Кто-то плакал.

— Почтенная публика застыла в восхищении! Но я не слышу аплодисментов! Пролейте же бальзам на сердце артиста...

Клоун раскланивался. К ужасу Теодора, раздались хлопки — один, другой, и зал разразился овациями, заглушившими стоны. Оркестр заиграл марш.

— На этом позвольте попрощаться!

— Держите его, — прохрипел Теодор, но никто не услышал. Клоун смотрел прямо на него.

— Хватайте...

Клоун подмигнул, еще раз поклонился, сорвал с помоста гирлянду воздушных шаров и вприпрыжку направился к выходу. Теодор побегал за ним и врезался во все еще аплодирующих людей. Клоун, казалось, тек сквозь толпу: перед ним расступались, никто не пытался

его остановить, Теодора же все толкали и пихали. Клоун задержался лишь на мгновение: перед маленькой девочкой он достал из рукава бумажный цветок, вручил, потрепал ребенка по белокурой головке и вышел на улицу.

— Уйдет ведь! — выдохнул Теодор.

Он оттолкнул вставшего на пути долговогого клерка. За спиной завизжали. Теодор ударил в дверь плечом и выскочил наружу.

Клоун стоял на площади перед вокзалом, словно ждал Теодора. Легкий бриз колыхал воздушные шары. Теодор шагнул к клоуну, сжав кулаки.

— Вы чудовище! Как можно... — Теодор зарычал, не находя слов.

Нарисованные брови клоуна взметнулись вверх. Он попятился, всем видом показывая, как испугался.

— Стой! — заорал Теодор.

Клоун хихикнул и, семеня, отступил еще на несколько метров. Порыв ветра дернул шары вверх, и огромные ботинки оторвались от мостовой. Покачиваясь, клоун взмыл над площадью, и Теодор задрал голову, не веря своим глазам. Клоун приставил к носу руку с растопыренными пальцами и показал Теодору язык.

Злость придавала сил. Теодор ринулся следом, не обращая внимания на предательские колесики в боку. Ветер нес клоуна над центральной улицей. Казалось, шары летят медленно, однако Теодору с трудом удавалось просто не отставать. Но рано или поздно клоуну придется спуститься, и тогда...

Навстречу мчались кареты «скорой помощи» и пожарные машины. Вой сирен, яркие огни мигалок, крики и гудки для Теодора уже не существовали. Он видел только болтающиеся в воздухе красные ботинки и гнусную ухмылку на белом лице. Слеза на щеке! Грубая насмешка над всеми, кто остался лежать в зале, истекая кровью. Надругательство над воспоминаниями об Алисе — ведь она ушла не ради убийц и террористов.

Из-за угла вынырнул трамвай и затормозил, пропуская стаю полицейских машин, черных и поджарых, как пантеры. Клоун завис над выпуклой крышей и неспешно опустился. Выругавшись, Теодор прибавил скорости. Клоун уселся, по-турецки сложив ноги, и выжидающе смотрел на Теодора. В глазах застыл вежливый интерес. Взгляд показался Теодору до боли знакомым. Он хорошо помнил это выражение — именно так банковские клерки смотрят на клиентов. Неужели клоун на самом деле — обыкновенный служащий, вымазавший лицо гримом и напяливший костюм? Теодор вдруг понял, что они несколько лет проработали в одном отделе.

Трамвай зазвонил. Теодор рванулся из последних сил и успел схватиться за поручень. Ботинки заскребли по асфальту. Он подтянулся, протиснулся в узкий проход и рухнул животом на горячую резину. Пассажиры выпучили глаза и отступили. Теодор немного прополз вперед, чтобы ноги не торчали из вагона — наверное, со стороны это выглядело забавно, но ему было не до смеха. Грудь разрывало на части, каждый удар сердца болью отдавался во всем теле — скорей бы уж выпрыгнуло. Как же его звали? Тибальт? Или Гораций?

— Мне нужно на крышу! — прохрипел Теодор, приподнимаясь на руках. — Остановите немедленно трамвай!

Волоча ноги, подошел кондуктор в темно-синей униформе. Его щеки исполосовали дорожки грязного пота.

— Оплатите проезд, — выдал он.

Теодор оперся о деревянное сиденье и встал на колени. Трамвай дернулся, поворачивая, и Теодор снова упал.

— Вы что, не видите? — запричитала какая-то старушка. — Человеку плохо! Ему нужен свежий воздух. Остановите трамвай!

— Не имеем права, — буркнул кондуктор. — Скоро остановка у парка, там свежий воздух... Оплатите проезд.

Теодор вытащил из кармана горсть мелочи и протянул кондуктору. Тот старательно отсчитал монетки и вернул остаток вместе с шершавым розовым билетиком. Цепляясь за поручень, Теодор поднялся. За окном плыла чугунная ограда, кусты шиповника и барбариса.

— Городской парк! — крикнул кондуктор.

Теодор, пошатываясь, вывалился из трамвая. Клоун сидел на прежнем месте. Увидев Теодора, он соскочил с крыши. Налетевший ветер понес его к воротам в парк. Теодор прыгнул следом и чудом умудрился схватить клоуна за ботинок.

— Попался!

Клоун дернул ногой, освобождаясь от обуви. Теодор остался стоять, сжимая в руках нелепую добычу. Клоун-Гораций перелетел ограду и на мгновение замер. Теодор заковылял к воротам, размахивая ботинком. Клоун захихикал и снова показал язык. Не в силах больше терпеть издевательства, Теодор запустил башмак в белую физиономию. Клоун дернулся, задрыгал ногами и погрозил Теодору пальцем. Новый порыв ветра поднял шары над кронами и понес в глубь парка.

— Гораций! — крикнул Теодор вслед улетающему клоуну.

В ответ тот помахал рукой, и шары исчезли за каштанами. Теодор в сердцах топнул и побрел к ближайшей скамейке.

* * *

Он отдувался и утирал пот, бездумно прислушиваясь к крикам детей. «Теперь моя очередь дрессировщиком!» — донеслось с площадки. Теодор приоткрыл глаза и скривился: яркие ребячьи одежды напоминали воздушные шары. Он надел очки и обмер: по дорожке неторопливо бежала собака в клоунском колпаке. Она взглянула на Теодора и быстро отвернулась. Уголки черных губ оттянулись — будто животное еле сдерживало издевательскую ухмылку. Протрусив мимо, собака приостановилась и оглянулась через плечо. На морде была написана столь явная насмешка, что Теодор вскочил. В глазах собаки мелькнуло одобрение, и она зарысила дальше. Теодор двинулся за ней, даже не думая угнаться, — он еле ковылял на подгибающихся, стертых до волдырей ногах, — но надеясь хотя бы не упустить ее из виду.

На развилках собака садилась, высунув язык и часто дыша, — казалось, она трясется от сдавленного смеха. Все реже встречались коляски, детские крики затихли, приглушенные деревьями, и только изредка навстречу проносился велосипедист или проходил собачник с намотанным на руку поводком. Красноватый гравий сменился асфальтом, а потом покрытие и вовсе исчезло. Теодор шел по тропинке, усыпанной листьями и обломками сухих ветвей. Собака вдруг заторопилась и теперь мелькала далеко впереди, то и дело исчезая за орешником.

Тропинка нырнула в бурно разросшуюся сирень. Теодор протиснулся сквозь кусты и замер в изумлении. На огороженной зеленью поляне стоял шатер — мрачная клякса на цветной бумаге летнего дня. Бурый бархат, еще сохранивший в складках глубокую синеву, был расшит потускневшим золотом. Изнутри доносился надтреснутый голос — бессмысленное жужжание постепенно складывалось в заунывную мелодию со сбивчивым ритмом. Теодор огляделся в поисках звонка или колокольчика, ничего не нашел и громко откашлялся.

— Прощу прощения, — проговорил он, — вы не позволите войти?

Мелодия стала отчетливей и оплетала дремотой, на дне которой колыхалось предчувствие кошмара. Собравшись с духом, Теодор отдвинул засаленный полог и на мгновение ослеп — переход между солнечным светом и полумраком шатра оказался слишком резким. В нос ударил запах кофейной гуши и пудры, Теодор чихнул, и песня оборвалась.

— Кто здесь? — раздался тревожный старческий голос. Теодор шагнул вперед, растопырив руки. Пальцы въехали в мягкое и мохнатое, и он вскрикнул.

— Кто здесь? — снова спросили его.

— Я хотел узнать... — выдавил он, но договорить не успел.

— Ви-ижу... — завyli из глубины шатра. Глаза постепенно привыкали к темноте, из сумрака проступали отдельные предметы. Россыпь лоснящихся подушек на полу. Хлам на почерневшем столике: карточные колоды, перья, чашки тончайшего фарфора, изуродованного черными потеками; камешки, грязные стопки бумаг. В углу на груди древних попон лежала собака. Хозяйку Теодор увидел последней — иссохшая старуха, закутанная в цветные лохмотья, тонула в резном кресле. Прозрачный венчик волос окружал раскрашенное лицо. На запястьях позвякивали медные браслеты. Казалось, старуха сейчас рассыплется зеленоватым прахом.

Наверху что-то качнулось, задев лысину Теодора. Он шарахнулся, пригибаясь, и поднял глаза. С потолка свисали связки замызганных помпонов, какими украшают костюмы клоунов. Они неуловимо напоминали трофеи охотников за головами — особенно страшными казались темные пятна, от которых слиплись пушистые нити. Теодора передернуло.

— Я ишу... — заговорил он, стараясь, чтобы голос звучал грозно. Старуха вскинула когтистую руку, будто приказывая замолчать. Она всматривалась в мутный стеклянный шар, неподвижная, словно ящерица на горячем камне. Тишина засасывала, как трясына, и в голове зудела диковинная мелодия. Пауза затягивалась; казалось, гадалка заснула. Теодор кашлянул, напоминая о себе, — звук вышел приглушенный, почти робкий.

— Давно мы здесь не были, истосковались вы по нам, — сказала старуха, не поднимая глаз. — Но слышишь? — она ткнула в потолок костлявым пальцем и склонила голову к плечу. Будто принесенные ветром, налетели обрывок бравурного марша и шелест аплодисментов. «Самое грандиозное представление в мире!», — прокричал сорванный голос.

— Господину шпрыхсталмейстеру тяжело, тяжело, — шептала гадалка, — устал, бедный. Но ничего, скоро, скоро уже на покой, сме-на идет...

Изнывая от смутной тревоги, Теодор на цыпочках шагнул к стене — на ней поблескивала свежей краской афиша. Сверху свисали яркие платки, будто извлеченные из цилиндра фокусника. Теодор прищурился, разбирая строчки:

«...акробаты, жонглеры, клоуны!

Просперо и его дрессированные тигры!

Впервые на арене — Великолепный Теодор и полет на солнце!

Только один сеанс! Все зрители сидят в первом ряду!»

Теодор почувствовал мимолетную зависть к своему тезке, и тут же испуганно застучало сердце.

— Все зрители сидят в первом ряду, — прошептал Теодор. Косясь на старуху, отодвинул платки, чтобы прочитать верхнюю часть афиши, — волосы на запястье встали дыбом, тонкий шелк жадно облепил руку и громко зашуршал. Теодор повернулся к гадалке, инстинктивно прижимаясь спиной к стене. Бархат предательски прогнулся, Теодор взмахнул руками, выдираясь из душных складок, и чуть не рухнул на столик, в последний миг сохранив равновесие. Старуха вышла из транса, сморщенные веки поднялись, и Теодор облился холодным потом: в его лицо уставились мертвенные бельма.

— Вижу, — снова провела старуха. — Дайте монетку, дайте монетку, — забубнила она. — Всю правду расскажу, всю правду покажу, будущее, прошлое, тайное и скрытое! — она провела ладонью по шару, такому же безжизненному, как ее глаза. Мгла заклубилась, собираясь к центру. Теодор разглядел человека в красном фраке и блестящем цилиндре — тот стоял посреди арены, вскинув руку. Вместо лица циркача дымился клочок тумана.

Предсказательница снова провела по шару. Сквозь мутную пелену проступил девичий силуэт. Очертания ловкой фигуры были томи-тельно знакомы, и Теодор почти уткнулся носом в стекло, боясь и желая поверить сам себе. Девушка, затянутая в белое трико, стояла к нему спиной. Она чуть подалась вперед, будто готовясь сделать сальто. Теодор присмотрелся и еле сдержал подкатившую к горлу тошноту: в каштановых волосах, скрученных в узел, копошился белесый краб-паук — он все дергал, дергал ломкой ногой, сиюсь освободиться из шелковой ловушки. Теодор отшатнулся, давая крик брезгливого ужаса, и девушка исчезла, на прощание улыбнувшись через плечо.

— Алиса! — закричал Теодор, хватая шар. Стекло выскользнуло из рук и с тяжелым грохотом покатилося по ковру. Взметнулся багровый рукав, холодные когти предсказательницы впелись в руку.

— Дайте монетку, дайте монетку, — снова забормотала она. Не помня себя, Теодор выхватил деньги и швырнул их гадалке. Старуха зашарила по столу и вцепилась в покрытый пятнами листок бумаги — от него несло соленой сыростью. В одном углу еще сохранились виньетки — это была истлевшая цирковая программа.

— Всю правду скажу, никак не обману, — прошелестела гадалка, слепо глядя в расплывшиеся строчки. — О чем мечтаешь, то и сбудется, а выступать тебе в третьем отделении...

— Я вас не понимаю, — Теодор еле шевелил онемевшими губами.

— Господин шпрыхсталмейстер устал. Час близок...

Веки снова поднялись, но теперь вместо белесых белым на Теодора смотрели пустые провалы глазниц. Из черноты черепа высунулся сердитый рак-отшельник, похожий на пожилого усатого униформиста. Стены шатра покачнулись и приблизились, над бархатом взлетели клубы ядовитого праха, забивая глаза и легкие. Теодор рванулся, запутался в тяжелых складках и закричал. Заложило уши, под веками поплыли огненные кольца. Сквозь них пронеслись гибкие молнии, оседали где-то в уголках глаз и превращались там в тигров.

Ноги Теодора подогнулись, и он осел на ковер. За спиной, шипя и булькая, захихикала старуха, что-то скользнуло по лодыжке. Теодор замычал от ужаса и пополз, руша на себя груды пыльной ткани. Мимо прокатилась тумба — виден был только торец, блестящий золотистый ободок вокруг черной пустоты. Из нее вынырнула тигриная морда. Сверкнули оскаленные клыки, Теодор вдохнул густой запах сырого мяса и потерял сознание.

* * *

Он очнулся на скамейке. Голова гудела, как после многих часов в душевной конторе. Полумрак шатра казался дурным сном. Чего только не случится из-за жары! Теодор улыбнулся, захваченный утешительной мыслью. Сверху донесся тихий смех. Теодор поднял голову и почувствовал отвратительную слабость в коленях. К океану летели грозди разноцветных шаров, и на фоне побелевшего от жара неба четко виднелись силуэты циркачей.

* * *

Добравшись до дома, Теодор несколько минут сидел, бессильно вытянув измученные ноги, и наконец заворочался в кресле, пытая и постанывая.

— Агата, будь добра, завари мне чаю!

Ответом была непривычная тишина.

— Агата! — снова позвал Теодор, добавив жалобных ноток, и прислушался. Ни звона тарелок, ни запаха супа — мертвое безмолвие царило в квартире.

— Агата! — уже испуганно крикнул Теодор. Заглянул в кухню, обошел комнаты — Агаты не было. Теодор бросился к телефону. Выслушав серию тоскливых гудков в квартире домработницы, собрался с духом и позвонил ее племяннику — развязному молодому человеку, который однажды в случайно подслушанном разговоре назвал Теодора

«наш шарик». Племянник ничего не знал; в его голосе сквозило веселое недоумение. Теодор с досадой повесил трубку. Необъяснимо и возмутительно, но Агата исчезла — без предупреждения, без договоренности... Мелькнула мысль, что надо обзвонить больницы, и пропала, задавленная наконец проснувшимся голодом.

До ближайшего кафе всего полквартала, но, представив, каково будет натягивать ботинки на стертые до крови ноги, Теодор застонал. Волдыри и свинцовая усталость — достаточные причины; признаваться в том, что выйти на улицу попросту страшно, Теодор не собирался. Он даже немного радовался, что Агаты нет: необходимость готовить ужин отвлекала от переживаний.

На кухне нашлись свежий хлеб и кусок вареного мяса. Соорудив гигантский бутерброд, Теодор щедро намазал его горчицей, налил в большую кружку крепчайшего чаю с лимоном и машинально потянулся за «Всемирной историей чудес». Спohватившись, посмотрел на книгу с мрачным подозрением. Чудес на его долю сегодня выпало более чем достаточно. Но потертый бордовый переплет выглядел так уютно, и золотые буквы на обложке подмигивали так заманчиво, обещающая привычное, спокойное удовольствие. «Подобное подобным», — пробормотал Теодор. В пустой квартире голос звучал странно, и он, смутившись, поспешно откусил от бутерброда.

«Всемирная история» сама собой раскрылась на статье об Элиасе Шангале, и Теодор удивленно заметил, что на страницах нет ни пометок, ни жирных пятен от супа, — как будто он, годами перечитывая книгу, избегал этой главы. Пожав плечами, Теодор с головой погрузился в восхитительно обстоятельные попытки Гиббсона и Кара раскрыть секреты гениального чревовещателя. Описания номеров, история карьеры — от ученичества до собственной трупы. Дрессированные животные, создающие полное впечатление говорящих... Аншлаги, гастролы и вершина — личный цирк. Постаревший, но все еще бодрый Элиас берет на себя роль шпрыхсталмейстера: номера объявляют то слон, то собака. И катастрофический закат — всего пара сухих строчек: «Из-за конфликта с властями был вынужден покинуть город под предлогом мировых гастролей. Спустя год судно, на котором Элиас Шангале и его труппа пересекали Атлантику, попало в шторм. Гениальный чревовещатель пропал без вести». Теодор нахмурился и захлопнул книгу.

Алиса тогда от корки до корки прочитывала газеты — история задела ее за живое. Гигантский шатер, окруженный россыпью подсобных построек, стоял там, где буквально через месяц после закрытия цирка принялись строить Морской вокзал. Земля понадобилась под

новое здание, Элиас переезжать отказался. «Как они не понимают, — всплескивала руками Алиса, — он же гений!» Теодор посмеивался над ее горячностью. На цирк обрушились проверки, Шангале обвинили в уклонении от налогов, Морской Банк, напуганный перспективой закрытия цирка, потребовал срочного возврата старого кредита.

Поклонники Элиаса сбились в комитет защиты цирка, и Алиса стала его секретарем. Тогда она и познакомилась с Просперо. Теодор видел его лишь мельком, и дрессировщик показался ему грубым и самодовольным типом. Его неожиданная дружба с Алисой представлялась Теодору немного странной, но несущественной. Если бы он знал...

Алиса обращалась во все газеты, собирала подписи под петицией мэру. Пыталась подсунуть бумагу Теодору, но он ответил: «Что изменится от одной подписи? Малышка, я вот-вот жду повышения, а шеф и так рвет и мечет от этой возни. Ты же не хочешь мыкаться по съемным квартирам, когда мы поженимся?». А потом Шангале объявил, что цирк уезжает в гастрольное турне по всему миру, и Алиса поднялась на борт «Великолепного» рука об руку с Просперо.

В комнате сгустились сумерки, но Теодор, погруженный в воспоминания, не спешил включить лампу. «Алиса, Алиса», — пробормотал он, но перед мысленным взором появилась не скромная девушка в элегантном платье, а гибкая циркачка в трико.

Теодор дернулся, как ужаленный. Строчки афиши, предсказание гадалки... Зажмурившись, Теодор помотал головой и отхлебнул из остывшей кружки. Мечтал выступить хотя бы на любительском представлении и вдруг получает ангажемент у самого Элиаса Шангале! Это преступники, напомнил он себе. Старуха морочила ему голову, чтобы дать уйти убийцам. Теодор вдруг обнаружил, что стрижет и без того короткие ногти, чтобы сделать руки чувствительнее — прием, вычитанный в главе о Гудини.

Отшвырнув ножницы, он заходил по комнате. Порывшись в шкафу, извлек старый, потрепанный цилиндр в потеках желтка — как-то Теодор попытался повторить знаменитый фокус с сырыми яйцами, а потом засунул шляпу подальше, надеясь, что мерзкие яичные разводы станут не так заметны, когда засохнут. Следом на столе оказался остальной реквизит — мешочек с крючком, чтобы привешивать его под рукав, зеркальца, плотный черный платок...

Теодор сделал круг перед воображаемыми зрителями, показывая, что внутри цилиндра пусто. Взмахнул рукой и принялся вытаскивать целые каскады разноцветных шелковых платков. «Браво!» — крикнул чей-то бас в голове, щекам стало горячо, и Теодор раскланялся, расте-

рянно улыбаясь. Среди его реквизита таких платков никогда не было. С неприятной тяжестью под ложечкой он затолкал платки обратно и хлопнул шляпой о стол. Перевернул — платки исчезли. Теодор отодвинул цилиндр и застыл, нервно потирая грудь. Потом, усмехнувшись, сходил на кухню и вернулся с ложкой. Встал лицом к невидимой публике и принялся выделять пассы. Он немного отвлекся, вспоминая порядок действий, и вздрогнул, почувствовав между пальцами холодящую пустоту. Ложка исчезла. На лбу Теодора выступил пот.

Нежный девичий голос пропел: «У него прекрасно получается, правда? Попробуй еще, милый!». По комнате пробежали отсветы цирковых прожекторов. Чувствуя, что сходит с ума, Теодор накрыл цилиндр платком, напустил на себя загадочно-мрачный вид и щелкнул пальцами. Откашлялся — в горле стоял ком.

— А теперь, уважаемая публика... — прокаркал он в пустую комнату, замялся, не зная, что сказать дальше, и просто выкрикнул: — Алле!

Платок упал с цилиндра. Теодор с опаской заглянул внутрь. На дне сидел белый кролик и смотрел на Теодора красными глазами. Он потрогал зверька пальцем — кролик был живой, теплый и пушистый; к круглому задку прилипла веточка кружевных водорослей. Держа цилиндр на вытянутых руках и стараясь не дышать, Теодор подкрался к шкафу, сунул шляпу в самый дальний угол и захлопнул дверь. Со скрежетом провернулся большой медный ключ. Теодор метнулся к выключателю, и комнату залил электрический свет.

На столе грудой лежал хлам, совсем не похожий на цирковой реквизит. Теодор был уверен, что цилиндр, запертый в шкаф, абсолютно пуст, — настолько уверен, что даже не стал проверять. На полу валялась ложка. Теодор представил, как качает головой Агата, и, озабоченно хмурясь, отправился в постель.

Выключать свет он не стал.

* * *

Тревога за Агату всю ночь не давала сомкнуть глаз. Вдруг домработница пошла на юбилей Морского вокзала, а теперь лежит в муниципальной больнице и умирает от потери крови? Теодор ворочался, мучаясь от духоты, простыни насквозь пропитались потом.

Солнце едва тронуло крыши розовой акварелью, а Теодор уже вышел из дома. Придется начинать с худшего: списки погибших и пострадавших от взрывов наверняка уже опубликовали. Если же имени домработницы там не будет... Что ж, он проверит все больницы и морги, но найдет ее. Теодор направился в сторону порта.

Часы над входом в банк показывали без четверти семь. В распахнутые двери втекали сонные клерки. Теодор печально улыбнулся, вспомнив, как сам тридцать лет подряд так же спешил занять свое место. Сейчас это показалось смешным и глупым и захотелось крикнуть офисным теньям: давно пора бросить ерунду и заняться чем-нибудь стоящим. Жаль, шляпа осталась дома — вот бы показать им фокус с кроликом! Теодор запнулся: прежде он не замечал за собой таких желаний. Мысль была такой неуместной, будто кто-то шепнул ее на ухо.

Вместо швейцара у дверей банка стоял невысокий толстяк. Монокль в левом глазу поблескивал на солнце, словно передавал зашифрованное послание. Теодор узнал этого человека сразу: старший комиссар службы безопасности Морского Банка, бывший начальник полиции города. Он механически кивал проходящим мимо людям, на губах застыла официальная улыбка. За спиной неподвижно, как манекены, стояли два охранника в темных очках.

«Какая смешная игрушка, — снова услышал Теодор чужие мысли, — будто заводная кукла. Ну разве не смешно?»

Теодор усмехнулся: «А комиссар действительно похож на куклу!» — и потряс головой. До сих пор Теодор с уважением относился к начальнику полиции. Тот навел в городе порядок, полностью избавил от бродяг. А сейчас вышел лично поддержать сотрудников банка, чтобы они чувствовали себя в безопасности. Мельком взглянув на лица клерков, Теодор насторожился: в уголках тонких губ разгорались злые улыбки.

— Хо-хо-хо! — полетело над толпой. — Замечательная публика собралась сегодня! Я так рад всех вас видеть!

Теодор метнулся к лестнице и укрылся за перилами. Серый камень еще хранил прохладу ночи. Теодор прижался к нему щекой и осторожно посмотрел меж балясин. Неужели снова Горащий?

Клерки оглядывались, не понимая, что происходит. Растерянность появилась и на лице комиссара.

— Хо-хо-хо! Сейчас мы повеселимся! Вы готовы хохотать до упаду?

Из проулка появился клоун. Толстенький и невысокий, он с лихвой компенсировал свой рост ходулями. В петлице клетчатого пиджака полыхал алый цветок. Крошечный котелок съехал на затылок и чудом не падал.

Комиссар шепнул одному из охранников. Тот кивнул и зашагал к клоуну, на ходу вытаскивая из-за пояса пистолет. Второй загородил начальника широкой спиной и тоже потянулся к оружию.

— Здравствуйте, все здравствуйте! — хохотал клоун. — Чудесно работать перед столь отзывчивой публикой! Вы рады видеть меня?

Ответом ему было смущенное: «Да!». Охранник, грубо расталкивая служащих, пробирался вперед. Клоун наклонился на ходулях, и его лицо оказалось на одном уровне с темными очками.

— Какой серьезный молодой человек! Вы хотите автограф? Как же я могу вам отказать? Хотите, подарю вам цветок?

Охранник ткнул пистолетом в размалеванную физиономию.

— Покиньте территорию.

— Какой образованный юноша! — изумился клоун. — Ваша ма-тушка наверняка гордится тем, что ее сыночек знает такие умные слова! Ой! А что это у вас?

В дуле пистолета с громким хлопком появился бумажный цветок.

— Ух ты! — обрадовался клоун. — И как он здесь очутился?

На лице громилы застыла счастливая улыбка. Он взмахнул пистолетом-цветком, и клерки вокруг одобрительно зашумели.

— Вы тоже хотите цветы? — спросил клоун.

— Да! — на этот раз в хоре не было ни капли нерешительности. Второй охранник подпрыгивал от нетерпения, размахивая оружием.

— Будет, будет! — заверил их клоун. — А теперь нечто совершенно иное!

В руках у него появился пистолет — огромный, ярко-желтый, с дулом-раструбом.

— Сейчас прямо на ваших глазах я попаду в самую сложную цель этого города! Лучшие стрелки пытались поразить эту мишень, но до сих пор это никому не удавалось! Поговаривают, что она заговорена от пуль... Но ведь мы не боимся рискнуть! Как вы думаете, попадем?

— ДА!!!

— Бегите! — заорал Теодор, вскочив. Комиссар дернулся, обернулся на крик, но было поздно.

— Пиф-паф!

Выстрел прозвучал, как хлопок петарды. Клоуна окутало облако дыма, закружилось конфетти. Публика заплодировала.

Комиссар лежал лицом вниз. Сколько покушений он пережил? Наверное, не один десяток. И все нелепо оборвалось ранним утром выстрелом сумасшедшего клоуна. Комиссар приподнялся на руках и пополз, цепляясь ногтями за скользкий мрамор. Перевернулся на спину. По белоснежной рубашке размазалось багровое пятно. Вытянув руку, комиссар указал на кривляющегося клоуна.

— Он убил меня, — хихикнул он. — Вы только посмотрите, он убил меня!

Комиссар сбился на кашель и, харкая кровью, откинулся назад. Тело изогнулось, ноги дрожали, но он продолжал выдавливать смех перемешку с мокротой и кровью.

— Я нечаянно! — плаксиво крикнул клоун. — Ой! Ой! Ой! Какое горе!

Из глаз струями хлынули слезы. Дружно расхохотались клерки. Клоун раскланивался, раздавая бумажные цветы. Теодор перелез через перила и подбежал к комиссару. Оба охранника веселились вместе с остальными служащими, и никому не было дела до умирающего у них на глазах человека.

Теодор рухнул на колени перед комиссаром. Лицо полицейского стало бледнее зимней луны, пухлые щеки обвисли, как лопнувший воздушный шарик. Рот был вымазан кровью и выглядел страшной пародией на улыбку клоуна.

— Все будет хорошо, — сказал Теодор, кладя руку на плечо комиссара. Тот едва повернул голову. — Скоро приедет врач, и все будет хорошо. Потерпите немного...

— Какой смешной, правда? — комиссар вцепился в рукав Теодора.

— Вам нельзя говорить, — сказал Теодор. — «Скорая» уже едет. Не двигайтесь.

— Я тоже хочу цветок! Почему мне не дают? — голос переполняла детская обида. Комиссар снова закашлялся и обмяк.

Теодор зажмурился. Руки заскользили в воздухе, выписывая сложные пазы. Пальцы задели жесткую проволочку, торчащую из рукава. Не думая, Теодор резко потянул ее вверх. Тонкая бумага зашуршала, и в руке распустилась белая лилия.

— Вот...

Комиссар пустыми глазами смотрел на бесполезный цветок. Теодор положил лилию ему на грудь. Бумажные лепестки медленно краснели, впитывая кровь.

— Bravo!

Теодор поднял голову. Клоун смотрел прямо на него и аплодировал.

— Господин шпрыхсталмейстер будет в восхищении!

— За что? — спросил Теодор, поднимаясь.

— Не догадался? — ухмыльнулся клоун.

— Закон о бродяжничестве?

— За все приходится платить, а в море было холодно, — клоун отсалютовал ему пистолетом. — До скорой встречи, фокусник.

Теодор молча смотрел, как он пробирается сквозь толпу «белых воротничков», похожий на нелепую длинноногую птицу. Клоун нырнул в проулок, и оттуда донесся пронзительный смех.

Держась за перила, Теодор спустился. Его мутило. Вокруг пересказывали друг другу шутки клоуна, надрываясь от хохота. Кто-то попытался изобразить умирающего комиссара, — это вызвало такой взрыв смеха, что Теодор не выдержал. Грубо оттолкнув вставшего на пути клерка, он побежал вниз по улице.

Через два квартала Теодор остановился. Прижавшись спиной к стене, он озирался, готовый к тому, что из-за угла в любой момент появятся акробаты или жонглеры, карлики или силачи, а может, и сам таинственный шпрыхстальмейстер Элиас Шангале. Значит, «Великолепный» все-таки не утонул? Наверное, шторм выбросил корабль на пустынное побережье где-нибудь в Африке или Южной Америке. Сколько лет циркачи прожили там, выступая перед мартышками и попугаями?

Мимо, громяхая тележкой с горячей едой, проковылял торговец-китаец в широкой тростниковой шляпе. Из распахнутых лючков валил густой пар, и до Теодора долетел резкий запах жареной рыбы и специй. Голод до боли сжал живот. Теодор поспешил за торговцем и догнал его у поворота в узкий проулок. Купил два сэндвича с тунцом и стаканчик растворимого кофе и набросился на еду с таким наслаждением, словно голодал месяц.

— Не хотите сахарной ваты? — предложил китаец.

— Простите? — удивился Теодор.

— Сахарная вата, — повторил торговец. — Помните? Выходишь из шатра на солнце и чувствуешь аромат...

— Из какого шатра? — Теодор попятился.

Китаец мечтательно закатил глаза.

— Нет, вы не можете отказаться! — он достал из тележки розовое облако на палочке. — Держите!

Китаец вложил вату в руку Теодора и, улыбаясь чему-то своему, поковылял дальше. Теодор с раскрытым ртом смотрел вслед. Цирк пропитывал город — даже уличные торговцы начали сходить с ума. Может, и Агата решила податься в гимнастки? Образ домработницы в блестящем трико, раскачивающейся на трапедии под куполом цирка, подействовал как холодный душ. Теодор чуть не забыл, ради чего вышел из дома!

В утренней газете не нашлось ни строчки об убийстве начальника порта, не говоря уж о списках погибших и пострадавших. Первую полосу занимала статья о слоне в городском парке. Автор совсем не удивлялся появлению животного, зато взалхб рассказывал, сколько радости слон принес детворе. Теодор швырнул в газету в урну и направился к Морскому вокзалу.

На площади акробаты строили живую пирамиду. Вокруг стояли служащие порта и грузчики со складов. Теодор подошел к стеклянным дверям, но они оказались заперты. Внутри виднелись раскуроченные остатки президиума, по полу катались цветные шары, но тел не было. Теодор повернулся к одному из «белых воротничков».

— Где я могу найти списки?

— Списки? — переспросил служащий. — Какие списки?

— Погибших и пострадавших от взрывов.

— Каких взрывов? — удивился клерк. — Надо же, как ловко! Bravo! Бис!

На вершине пирамиды, опираясь на голову усатого крепыша, на одной руке стояла девушка-акробатка. Рыжие волосы развевались на ветру, словно знамя. Понуро опустив голову, Теодор пошел прочь.

До позднего вечера он метался между больницами и клиниками, но не нашел ни следа своей домработницы. Дважды заходил к ее племяннику: в первый раз тот сказал, что понятия не имеет, где Агата; во второй — вышел в клоунском колпаке и захохотал. Теодор убежал.

Солнце спряталось за крышами. Теодор сидел за столиком уличного кафе и изо всех сил старался не смотреть на выступление карликов-мимов. В кафе было почти пусто, лишь за дальним столиком высокая блондинка потягивала текилу. На красивом лице нелепо торчал фиолетовый нос на резинке.

Теодор спрятался за газетой; ему удалось найти выпуск двухдневной давности, где не было ни строчки о цирке. Он читал сухие банковские сводки, постановления, отчеты о проделанной работе — скука цифр и эвфемизмов казалась единственной защитой от безумия мира. Карлики и не думали уходить. Теодор дочитал газету до конца; остался только список прибывших в порт кораблей. Раньше он никогда не читал этот раздел, но сейчас? Теодор впился в газету.

Первым номером значился «Великолепный». Теодор моргнул, еще раз перечитал короткую строчку. Побарабанил пальцами по столу, нервно улыбаясь. Вскочил и направился к порту.

Карлики, перешептываясь, смотрели ему в спину.

* * *

Ночь пахла ржавчиной и нефтью. Над портом катилась луна, похожая на огромный желтый глаз. Он хищно выглядывал из-за клочковатых облаков, высматривая жертву. Хотелось бегом броситься домой, забиться под одеяло и не высовывать носа, пока не рассветет.

Маслянистый свет едва проникал в проходы между контейнерами, и Теодор шел практически на ощупь. Под ногами чавкало. Стены же-

лезного лабиринта наваливались, сжимали невидимыми тисками. Теодору казалось, что он топчется на месте, а вокруг все движется и меняется, словно в центре огромной китайской головоломки, которую как раз начали собирать. Прямо сейчас кто-то огромный и страшный переставляет контейнеры, будто игрушечные кубики, выстраивает их рядами, подчиняясь сложным правилам неведомой игры. Теодор боялся обернуться и увидеть за спиной сплошную железную стену.

Он шел, ориентируясь на бормотание океана. Лабиринт искажал звуки — берег казался то ближе, то дальше, и определить истинное расстояние было невозможно. Теодор даже не был уверен, что выбрал правильное направление, но убеждал себя, что если пойдет, не сворачивая, рано или поздно выберется к пирсам. Все должно кончиться там, где началось — где он Алису потерял, там и найдет.

Расчет оказался верен. Теодор не заметил, как вышел на причал. Океан встретил порывом ветра и горстью соленых капель в лицо, приводя в чувство. Луна плясала на мелких волнах; от воды поднимался едва заметный пар. Узкий луч маяка пробежал по облакам, расплылся в тумане и погас.

Стоящие на рейде корабли походили на призраков. Ни на одном не горел свет. Теодор пошел вдоль причалов, всматриваясь в изломанные ночью силуэты. Из-под ног метнулось светлое пятно и скрылось, пахнув псиной. Невдалеке мелькнул огонек. Теодор прижал очки к переносице, пытаясь разглядеть, что скрывается за густой темнотой. Снова вспышка — холодный флуоресцентный отблеск. По позвоночнику скользнули мурашки, но Теодор все же шагнул на свет, как рыбка на огонек удильщика.

Корабль стоял у развалившегося причала, у которого, наверное, лет двадцать не швартовалось ни одно судно. Это был «Великолепный». За годы он ничуть не изменился — пузатый пароходик с низкой осадкой и трубой, похожей на бочонок. Выходить на таком в открытый океан было чистым самоубийством.

Трап оказался спущен. Теодор заколебался — вдруг стоит ступить на борт, и корабль погрузится в пучину вод? Может, он и вернулся для того, чтобы забрать его с собой? Теодор потрогал ногой гнилые доски. Сырое дерево отозвалось всхлипом — того и гляди, развалится на части. С фальшборта свисала плеть бурых водорослей. От парохода тянуло сыростью и гниением.

Собрав все мужество, Теодор шагнул на трап. Доски угрожающе стонали, но вскоре он, опираясь на ржавый леер, выбрался на палубу и нерешительно огляделся. Корабль был пуст, лишь в лужице под

ногами копошилась пучеглазая каракатица. Дряблое тельце вспыхнуло голубым и тут же погасло. Всего лишь светящийся глубоководный моллюск.

Хотя... Теодор невольно отпрянул. Как каракатица попала на борт? Ведь они живут в океанических впадинах, в царстве вечного холода и мрака. Теодору стало жутко — из каких глубин вернулся «Великолепный», раз привез такого пассажира? И какие чудища скрываются в темных трюмах?

Луна выползла из-за облаков, заливая «Великолепный» серым светом. Теодор быстрым шагом направился к корме. Прошел мимо покосившейся рубки, в которой за задраенными иллюминаторами плескалась вода и шевелились тени. На стене висел разбухший от влаги спасательный круг, обросший гроздьями морских уточек.

Теодор вскарабкался по маленькой лесенке и вышел на бак. Посреди широкой площадки птичьей лапой торчали остатки пляжного зонта, под которыми стоял шезлонг. Сидящая в нем сгорбленная фигура в высоком цилиндре не шевелилась, и Теодор решил, что незнакомец спит.

— Прошу прощения, — окликнул Теодор. Набежавшая волна качнула корабль. Голова человека дернулась, и на Теодора уставились пустые глазницы. Вечная улыбка скелета сверкнула в лунном свете. От неожиданности Теодор взвизгнул.

Человек в кресле был мертв, и мертв давно. Плоть истлела, кости покрывала зеленоватая плесень, и они слабо светились. В руке скелет держал бокал с темной жидкостью.

— Доброй ночи, господин фокусник! — скелет приветственно взмахнул бокалом. — Пришли обсудить гонорар за завтрашнее представление? Смеею заверить: вы останетесь довольны. В моем цирке все по высшему разряду.

Теодор попятился, задыхаясь от ужаса. Спустя мгновение он несся прочь с проклятого корабля. Он не оборачивался, но был уверен, что слышит за спиной пощелкивание костей, мерное и сухое, как щелчки вентилятора.

Теодор промчался по пирсу и устремился в спасительную темноту лабиринта контейнеров. Оставалось пробежать совсем чуть-чуть, когда он споткнулся о железную балку, замахал руками и упал в лужу. В ноздри ударил запах гнилой воды и мазута.

— Свет!

Фонарь на маяке вспыхнул с невероятной силой. Луч прожектора осветил Теодора, барахтающегося на земле, как упавший на спинку жук. Он поднялся, шурясь от яркого света. Казалось, из темноты на

него глядят сотни жаждущих глаз. Несмотря на дрожь в коленях, Теодор невольно поклонился. Он ждал, что сейчас к нему выйдет скелет, но секунды тянулись, а никто не появлялся. Теодор попятился к контейнерам. Луч прожектора пополз следом. Не выдержав, Теодор рванулся и едва успел остановиться, увидев, что ждет его впереди.

В узком проходе возвышалась тумба, и с нее скалил клыки белый тигр. Утробный рык громовым раскатом заметался в железных стенах. Тигр потянулся, выгнув спину, и шагнул к Теодору.

— Рад снова встретиться! — раздалось над головой.

На крыше контейнера стоял Просперо. Лицо дрессировщика тонуло в полумраке, мускулистые руки масляно блестели. Он поигрывал длинным хлыстом.

— Здравствуйте, — прохрипел Теодор.

Тигр обошел его по кругу. Теодор чуть не вывихнул шею, стараясь не упустить животное из вида. У тигра были синие глаза.

— Зигфрид! — Просперо щелкнул кнутом, и зверь, глухо ворча, отступил. — Не бойтесь, он совершенно ручной и своих не трогает. Ведь вы с нами, господин фокусник?

— Простите? — обмяк Теодор.

— Мы слышаны о вашем невероятном номере. Правда, Зигфрид?

Тигр зарычал, соглашаясь.

— Конечно, я с вами! — заискивающе улыбнулся Теодор хищнику.

— Вам будет нужна ассистентка. Могу предложить свою бывшую. Вы знакомы и прекрасно работаетесь. Себе я нашел новую. Госпожа Агата!

Из темноты выступила еще одна фигура. Вечно недовольное лицо Агаты сейчас лучилось таинственностью. Красный костюм сверкал блестками. В руках она держала обруч. Домработница кокетливо улыбнулась Теодору.

— Госпожа Агата, покажите господину фокуснику, чему вы научились.

— С превеликим удовольствием! — томно произнесла Агата.

Она подняла над головой обруч, и на ободке заплясали оранжевые язычки пламени. В центре огненного кольца желтым бельмом висела луна. Агата улыбалась.

— Алле-оп!

Удар хлыста. Зигфрид прыгнул, устремившись к луне, как к мишени. Белая молния прочертила небо. Тигр взмахнул лапой, ударил по светилу, и — Теодор был готов поклясться — на луне появились

четыре темные полосы. В ту же секунду Зигфрид приземлился по ту сторону обруча.

— Завтра мы собираемся повторить этот трюк на новом уровне, — Просперо хохотнул. — Но он ни в какое сравнение не идет с вашим номером! А теперь позвольте раскланяться, нас ждут репетиции. Желаем удачи!

Свет погас.

Когда глаза вновь привыкли к темноте, рядом никого не было. Теодор побрел по причалу. Возвращаться домой не хотелось. Что его там ждет? Шляпы, полные кроликов, да порхающие по квартире голуби? Вскоре он нашел вытасченную на берег рыбацкую лодку и забрался под брезент. Лежа на жестких мотках сетей, Теодор думал о завтрашнем затмении.

* * *

Его разбудило солнце — время шло к полудню; отвесные лучи проникли под брезент и затанцевали на веках. Теодор потянулся и дернулся, ощутив вместо мягкой постели жесткие борта. Затекшее тело ныло, в спину врезалось что-то угловатое, и голова казалась тяжелой, словно пушечное ядро. Он сел, и вчерашний день навалился на него вместе с отсыревшим за ночь брезентом. Теодор испуганно посмотрел на солнце — оно ровно сияло в прозрачном небе. Как Теодор ни старался, он не мог разглядеть признаков затмения. Мелькнула надежда, что все обойдется, и тут же исчезла: порыв ветра принес с набережной карнавальнй гул. Город по-прежнему сходил с ума. Теодор выдернул из-под себя что-то жесткое и жалобно вздохнул: в руке оказался старый цилиндр, и не нужно было искать потек желтка, чтобы узнать его. Теодор оглядел себя и обомлел: вместо привычного коричневого костюма на нем оказался невообразимый фрак — алая ткань металлически блестела, пуская веселые зайчики.

Захрустела галька под ногами идущего вдоль берега клоуна. Фигура и походка показали Теодору знакомыми.

— Гораций! — крикнул он.

Клоун оглянулся и расплылся в радостной улыбке. Остановился, поджидая Теодора.

— Гораций... ты... зачем?! — только и смог пропыхтеть тот.

— Ай-ай, — ответил клоун, и жирно намалеванные брови взлетели вверх. — Какая жалость! Вы меня с кем-то спутали, молодой человек.

— Тебе не поможет грим, Гораций, — сердито ответил Теодор. — Перестань валять дурака.

— Грим? Не понимаю, о чем вы, — хихикнул клоун.

Рассвирепев, Теодор схватил его за грудки. Тело Горация неожиданно подалось, как тряпичная кукла. Бессвязно вскрикивая, Теодор подтащил его к воде. Повалил на гальку, сунул лицом в мелкие волны и принялся оттирать краску. Клоун хихикал и подергивался, слабо дрыгая ногами.

— Ай-я-яй, какой сердитый юноша, — пробулькал он.

Теодор оттолкнул его и уселся на землю, обхватив голову руками. Клоун так и остался лежать — он вывернул шею, обратив лицо к Теодору, и посмеивался. Половина рта и один глаз скрывались под водой, щеки по-прежнему покрывали белила, и весело кривился огромный рот — море не смыло грим. Теодор взглянул на промокший рукав — ткань испачкалась краской. Забыв о клоуне, он поднялся и побрел к набережной.

* * *

Цирковая толпа несла Теодора в центр города. Под ногами шуршало — асфальт почти скрылся под слоем растоптанных бумажных цветов и опилок. Пахло карамелью и потом, ванилью и порохом. Машины исчезли с улиц, и все шло, как заблагорассудится, не шарахаясь от ревушего и гудящего железа. На перекрестке жонглировали гантелями силачи в полосатых трико. В небо взлетали гроздья разноцветных воздушных шаров. Люди стекались отовсюду, и было невозможно разобрать, где зрители, а где артисты — каждый готов был выкинуть коленце. Теодор затерялся среди этой оравы. Ради маскировки он иногда взмахивал цилиндром — из него то бил цветочный фонтан, то, потешно подсакивая, выбегал кролик. Теодора хлопали по плечу. Из-под ног вывернулась маленькая девочка и писклявым голосом попросила автограф — Теодор, улыбаясь, извлек из воздуха полосатую ручку, открытку со слоном на шаре и вывел размашистую подпись. Шевельнулась робкая гордость — Элиас не зря пригласил, публика узнает.

Озабоченный униформист с охапкой булав в руках пребольно ткнул Теодора в бок, и он очнулся. Единственный нормальный человек в этом безумии, он должен сохранить здравый смысл. Пожилой матрос с медным кольцом в ухе вдруг подпрыгнул и повис на трапеции вниз головой. Теодор посмотрел вверх и обмер: на солнце быстро напознала тень. Затмение началось.

По толпе прокатился восторженный гул. Люди доставали припасенные заранее закопченные стекла и тут же отбрасывали, смотрели на солнце незащищенными глазами, даже не шурясь. Серебристый

серпик мигнул и погас, проглоченный тенью. На город опустились призрачные сумерки; с моря налетел порыв холодного ветра, и пахнуло гнилыми водорослями. По небу покатилося колесо солнечной короны. Тяжко толкнулось сердце, будто придавленное огромной ногой, и сквозь гомон толпы и визгливый смех клоунов Теодор расслышал глухие удары, словно швыряли на асфальт мешки с опилками. Задрембезжали окна. От мягкой и тяжелой поступи заложило уши, и из сумрачного переуллка выдвинулся слон.

Крутой лоб, прикрытый мишурой и бархатом, плыл вровень с третьими этажами. На спине покачивался красно-зеленый паланкин. Шторы отдернулись, и на макушку слона выпрыгнул Элиас Шангале. Долговязая фигура ни капли не походила на скелет, лишь в движениях шпрыхсталмейстера проскальзывала угловатая разболтанность. Слон пронзительно затрубил, и улицу захлестнули аплодисменты. Элиас вскинул руки.

— Вот и мы, уважаемая публика, вот и мы! — в руках Элиаса не было мегафона, но его звучный голос легко заглушил шум. — Наш цирк вернулся, чтобы дать самое грандиозное представление в мире — для вас, дорогие зрители!

Ему ответили вопли восторга и свист. Теодор вдруг понял, что кричит и хлопает вместе со всеми, орет во все горло, размахивая шляпой. Он испуганно замолчал. Цирк вцепился в него, как гигантский спрут: Теодор отсекал щупальца наваждения, но взамен появлялись новые, затягивая во всеобщее безумие. А может, не надо сопротивляться? За что он держится? За пустую квартиру, мерзкую овсянку да остывший суп? А здесь его все любят, здесь кипит настоящая жизнь, полная чудес и волшебства...

Теодор встретился взглядом с шпрыхсталмейстером. Элиас улыбался — широко и чуть снисходительно. Он поклонился Теодору и обвел рукой веселящуюся толпу, приглашая присоединиться. Вспыхнула римская свеча. Лицо Элиаса исчезло за веером цветных искр, но в последний момент Теодор успел увидеть оскаленную ухмылку скелета.

Неслышно подошел Просперо, поигрывая хлыстом. За его спиной стояла Агата с обручами.

— Вот она, наша цель! — дрессировщик вскинул хлыст, указывая на солнце. — Мои тигры будут первыми, кто прыгнет сквозь этот обруч!

Теодор посмотрел на пылающее в небе огненное кольцо. Просперо выбрал лучшую мишень; это действительно величайшее представление в мире. Безумие прервется лишь с первыми лучами — но солн-

це не спешило выходить из тени, и Теодор с ужасом понял: затмение будет длиться столько, сколько нужно для шоу.

Сверху грянул хриплый рев. Над входом в Морской Банк сидел белый тигр. Просперо щелкнул бичом, снова прокатился рык — еще два хищника жалась в пружины на козырьке подъезда в доме напротив. В воздухе вспыхнули огненные круги, тигры прыгнули навстречу друг другу, и над толпой поплыл запах паленой шерсти. Громадные звери метались над улицей в диком танце; Агата швыряла все новые и новые обручи, пока тигры и огонь не слились в единое целое.

Новый щелчок бича — обручи рухнули на асфальт и погасли. В небе остался лишь серебристый солнечный ободок. Пробежали лучи прожекторов, в охватившей улицу тишине раздалась барабанная дробь — и прервалась выкриком Просперо. Три тигра молниями взмыли в небо. Теодор явственно, словно в замедленной киносъемке, увидел, как тигриные морды впиваются в лунную тень. Дрогнули ставшие отчетливыми протуберанцы, по толпе пронесся протяжный вздох, и тигры пронзили солнечную корону насквозь.

— А теперь наш главный номер! — разнесся над улицей голос Элиаса. Теодор вдруг понял, что должно произойти дальше. Сердце ушло в пятки; он пригнулся и, пихаясь локтями, начал пробиваться сквозь толпу в подворотню.

— Позвольте, — бормотал он, — извините... я страшно спешу.

Хлопнула петарда, и взмокшее лицо облепили кружочки конфетти. Перед глазами заплясала раскрашенная физиономия клоуна и с хохотом провалилась в темноту. Теодор лез вперед, не обращая внимания на оттоптаные ноги. Спасительный проулок был совсем близко, но толпа отхлынула, и Теодор оказался в центре пустого, ярко освещенного круга. Толстый слой опилок пружинил под ногами, и от этого тоскливо тянуло в коленях. Теодор понял, что стоит на арене — одинокий и беспомощный под взглядами нетерпеливой публики. А ведь он так толком и не репетировал, да еще и растерял в давке весь реквизит. От ужаса засосало под ложечкой — перед мысленным взором встало укоризненное лицо Элиаса, слезы Алисы... Он, Великолепный Теодор, не может провалиться! Лучшие иллюзионисты мира обходились без всяких инструментов, чем он хуже? Горячая щекотка куража овладела Теодором.

Он взмахнул цилиндром, и из раструба вырвался шлейф ярких бабочек. Они закружились над головой; Теодор щелкнул пальцами, и бабочки осыпались облачком конфетти. Толпа взревела от восторга. Теодор поклонился. Между пальцев вспыхивали крошечные искорки, словно его окутало мощнейшее электрическое поле. Теодор достал

изо рта яйцо, показал его зрителям и раздавил в кулаке. Когда он разжал ладонь, на палец прыгнула желтая канарейка.

— А сейчас номер, которого мы все так ждем! Великолепный Теодор и полет на Солнце! — загремел шпрыхстальмейстер.

В центре манежа возникла пузатая пушка, сверкающая медью. Короткий ствол целился в застывший обруч солнца. Из дула торчал плотно обмотанный корабельным канатом толстяк в колпаке с помпоном — виднелись только голова и плечи. Багровая лысина потно блестела. Толстяк замычал, и на Теодора повеяло бумажной пылью — будто он вновь оказался в офисе, погребенный под квитанциями и счетами. Он рефлекторно сорвал с головы цилиндр и поклонился.

— Извините, господин директор, — прошептал он, — что вы здесь делаете?

Банкир снова застонал. Его рот был заткнут жонглерским мячиком. Теодор бочком подскочил к пушке, торопясь вытащить кляп, и остановился, счастливо улыбаясь: на арену гимнастическим шагом вылетела Алиса. В ее руке шипел и трещал огромный бенгальский огонь. Алиса изящно раскланялась и протянула его Теодору. Тот недоуменно принял свечу. Присмотрелся к пушке — из нее торчал бикфордов шнур. Банкир закричал сквозь кляп; щеки стали сизыми от напряжения, глаза безумно ворочались. В глазах Алисы мелькнуло непение.

— Ты же всегда мечтал это сделать, — шепнула она.

— Я... — замялся Теодор. Разве этого он хотел?

— Чего ты ждешь? Твои мечты перед тобой — протяни руку и возьми. В моем цирке все по высшему разряду!

— Но это же живой человек!

— Такая маленькая цена! Посмотри на эту жирную рожу — кто он такой? Мешок, набитый деньгами. Пустышка. Тень.

Алиса обняла Теодора за шею.

— Теперь все будет хорошо! — зашептала она ему на ухо. — Навсегда! Целый мир лежит перед нами...

Из толпы вышла белая собака в гофрированном воротнике.

— Дайте монетку, монетку для глаз!

Алиса подтолкнула Теодора к пушке.

— Твой ход! Сделай же это! Ради меня...

Теодор шагнул вперед. Рука застыла над фитилем. Бенгальский огонь разгорелся ярче, колючие искры шипали кожу. Теодор взглянул на дрожащее лицо банкира. По щекам толстяка катились слезы. Он умоляюще затряс головой.

— Монетку для глаз...

Нет, не тень, не пустышка?

Теодор повернулся к публике. Копперфилд как-то заставил исчезнуть товарный поезд — а кто такой Копперфилд по сравнению с ним?

— Номер называется «Исчезающие предметы», — голос не дрожал. — Сейчас на ваших глазах исчезнет...

Он выдержал драматическую паузу.

— Мешок с деньгами! — ухнула толпа.

— Цирк!

Слон угрожающе затрубил. Элиас вскочил на ноги. От элегантно-го шпрыхсталмейстера не осталось и следа — на спине слона дергался скелет.

— Не смей! — завизжала Алиса.

— Дайте монетку...

Теодор печально улыбнулся и взмахнул плащом. Мир исчез за всплеском красной ткани. Теодор поднял цилиндр, накрыл его полкой, и стало тихо. Ни криков, ни аплодисментов, ни рева животных... Слыша лишь глухие удары собственного сердца, Теодор сдернул с цилиндра покрывало плаща. Шляпа была пуста.

Теодор огляделся. Не осталось ни чудовищного шпрыхсталмейстера, ни Просперо с его тиграми, ни говорящей собаки, ни Алисы. Вокруг стояли растерянные люди. Обычные клерки, зачем-то вырядившиеся в карнавальные костюмы.

Луна дернулась, и небо перечертил тонкий серп солнца.

— Смотрите, затмение! — крикнул кто-то, и ему ответили возгласы удивления.

Теодор повертел в руках цилиндр, грустно усмехнулся и надел на голову. Повернулся к хлопающему носом директору банка, присел на корточки и принялся снимать тугие веревки.

— Господин Теодор! — раздалось за спиной. — Господин Теодор!

Он обернулся. К нему, шатаясь, шла Агата — красное трико болталось нелепыми складками. Теодор освободил руки банкира, поднялся и шагнул навстречу. Агата остановилась и неодобрительно оглядела Теодора с ног до головы.

— Вам не кажется, что красный фрак — это немного эксцентрично? — спросила она и разрыдалась. Теодор обнял ее за острые плечи.

— Пойдемте домой, Агата, — устало сказал он. — Пойдемте домой. Вам надо выпить успокоительных капель.

Он взял ее под руку и поправил цилиндр.

П И Т Е Р Б И Г Л

ДВА СЕРДЦА

Иллюстрация Владимира БОНДАря

Мой брат Уилфрид постоянно твердит — дескать, несправедливо, что все это случилось со мной. Я, мол, девчонка и вообще моложе. По его мнению, я еще слишком глупа, чтобы самой завязывать ремни на сандалиях. Но я-то считаю, что все было по-честному. Я считаю — все случилось именно так, как должно было случиться. За исключением, быть может, самой грустной части, но без нее, наверное, тоже нельзя было обойтись.

Меня зовут Суз, и мне девять лет. В будущем месяце, как раз в годовщину появления грифона, мне исполнится десять. Уилфрид говорит — грифон появился в наших краях из-за меня. Он, мол, прослышал, что в нашей деревне родился самый безобразный на свете ребенок, и прилетел, чтобы меня сожрать, но я оказалась *слишком* уродливой. Вот грифон и поселился в Черном лесу (это мы его так прозвали; на самом деле он называется Полуночной дубравой, потому что там всегда темно, словно самой глухой полночью — до того могучи там деревья) и начал таскать наших овец и коз. Грифоны часто так поступают, если им понравится какое-то место.

Но никогда, никогда он не ел детей. Во всяком случае до нынешнего года.

Сама я видела его только один раз в жизни. Я имею в виду — до тех событий, о которых собираюсь рассказать. Это было поздно вечером, и грифон поднимался над верхушками деревьев, словно вторая луна. Только в ту ночь не было луны. Казалось, в целом мире не осталось ничего, кроме сверкающих бронзовых перьев, гибкого львиного тела, широких орлиных крыльев, огромных когтей, похожих на изогнутые клыки, и чудовищного клюва, который казался слишком большим для крошечной приплюснутой головы. Уилфрид говорит — после этого я три дня проплакала, но это неправда. И, разумеется, я не пряталась в погребе, как он тоже говорит. На самом деле две следующие ночи я спала на сеновале с нашей собакой Малкой, потому что знала, уж она-то не допустит, чтобы меня украла какая-то летучая дрянь.

Конечно, мои мама и папа тоже не допустили бы ничего подобного. Никогда, если бы только это было в их силах. А Малка очень сильная. Она самая большая и злая собака во всей деревне, и она ничего не боится. Когда грифон утащил Джихейн, маленькую дочку кузнеца, мой папа до того испугался, что даже я это заметила. Посмотрели бы вы, как он вместе с другими мужчинами бегал по всей деревне и пытался организовать ежедневные дежурства, чтобы предупреждать жителей, когда грифон снова вылетит на охоту. Я знаю, он боялся за маму

и за меня и делал все возможное, чтобы нас защитить, но мне почему-то не становилось спокойнее. А с Малкой я чувствовала себя в безопасности.

Впрочем, не только папа, но и вообще никто не знал, что теперь делать. Было и так очень скверно, что грифон таскает овец, потому что большинство наших соседей зарабатывали на жизнь, продавая шерсть, сыр и одежду из овчины. Но когда в начале прошлой весны он украл и съел маленькую Джихейн, стало еще хуже. Мы даже отправили к королю гонца — и не одного, а целых трех, и каждый раз король присылал кого-то к нам на помощь. В первый раз он прислал только одного рыцаря; его звали Дурос, и он подарил мне яблоко. С веселой песней Дурос поскакал в Черный лес, и больше мы его не видели.

В следующий раз — после того, как грифон утащил Лули, мальчишку, который помогал мельнику — король прислал сразу пять рыцарей. Все они тоже отправились в Черный лес на поиски грифона, а вернулся только один — правда, он сразу умер от ран и не успел ничего толком рассказать.

В третий раз к нам в деревню прискакал целый эскадрон. Во всяком случае, мой папа сказал, что это был эскадрон. Я не знаю, сколько солдат должно быть в эскадроне — знаю только, что их было много. Они оставались в нашей деревне два дня. Солдаты натянули за околицей палатки, поставили лошадей в наши конюшни и каждый день хвастались в таверне, как они победят грифона и освободят нас, бедных крестьян.

Там было и несколько музыкантов. Я помню, что когда солдаты двинулись в лес, музыканты играли какой-то марш. Потом музыка оборвалась, и мы все услышали доносящиеся из леса ужасные звуки.

После этого мы больше не посылали гонцов к королю. Нам не хотелось, чтобы его отважные воины гибли в нашем Черном лесу, к тому же никто не верил, что от этого будет какая-нибудь польза. Теперь родители загоняли детей домой незадолго до захода солнца, когда грифон просыпался после дневного сна и вылетал за добычей. Я и мои друзья больше не могли играть вместе, пасти овец и выполнять мелкие поручения наших родителей. Нам не разрешали даже спать у открытого окна, чтобы грифон не утащил еще кого-нибудь. Мне оставалось только читать книжки, которые я давно знала наизусть, да теревить маму и папу, но они слишком уставали, присматривая за мной и Уилфридом днем, чтобы развлекать нас еще и по вечерам. Они охраняли не только нас, но и по очереди с другими родителями остальных детей, а ведь им приходилось еще стеречь наших овец и коз, поэтому они сов-

сем не отдыхали и все время боялись. Немудрено, что родители сердились на нас, а мы — на них. И так почти в каждом доме.

А потом грифон украл Фелиситу.

Фелисита глухонемая, но она была моей давней и самой близкой подругой. Я всегда понимала, что она хочет сказать, а Фелисита понимала меня. Она понимала меня лучше, чем кто бы то ни было, и мы часто играли вместе. С ней мне было даже интереснее, чем с другими детьми. Родители Фелиситы считали, что она только даром ест хлеб: ведь ни один парень, думали они, не захочет жениться на дурочке, поэтому они охотно позволяли ей ужинать у нас. Правда, Уилфрид частенько передразнивал Фелиситу, негромко квакая в кулак (это был единственный звук, который она могла издавать), но однажды я как следует стукнула его камнем, и он больше так не делал.

Я, конечно, не видела, как все случилось, но очень хорошо это представляла. Фелисита знала, что после наступления темноты детям нельзя выходить на улицу, но ей очень нравилось бывать у нас по вечерам — вот она и нарушила запрет. А дома ее, конечно, не хватились. Отец и мать вообще ее не замечали.

Узнав о гибели Фелиситы, я в тот же день отправилась к королю.

Вернее, я отправилась к нему той же ночью, потому что незаметно выбраться из дома или из деревни днем было, конечно, немыслимо. Да и ночью сделать это не намного проще. Честно говоря, я и сама не знаю, как бы это у меня получилось, но, на счастье, мой дядя Амброуз как раз собирался в Хэгсгейт с возом овечьих кож, а чтобы поспеть в город к открытию рынка, нужно выехать задолго до рассвета. Я очень любила дядю Амброуза, а он любил меня, но просить его отвезти меня к королю было, конечно, бесполезно: вместо этого он пошел бы прямо к маме и посоветовал дать мне серы и патоки и уложить в постель с горчичиком. Он даже своих лошадей лечит серой и патокой, когда они болеют, вот!

Короче говоря, вечером я легла пораньше и стала ждать, пока все заснут. Сначала я хотела оставить на подушке записку, но все, что писала, я рвала и бросала в камин, потому что боялась: вдруг кто-нибудь проснется или дядя Амброуз уедет без меня. В конце концов я написала просто: «Скоро вернусь». Никакой одежды я брать не стала, а из еды захватила только кусочек сыру, потому что думала: король наверняка живет где-нибудь рядом с Хэгсгейтом (это был единственный большой город, который я когда-либо видела). Мама и папа храпели в своей спальне, но Уилфрид заснул в кухне перед большим очагом. Он часто засыпал именно там, и родители никогда его не трогали, потому что

знали: если разбудить Уилфрида и отправить в постель, он начнет брыкаться и плакать. Почему — этого я не знаю.

Довольно долго я стояла и смотрела на брата. Когда Уилфрид спит, он почти не кажется противным. Мама сгребла уголья в очаге в кучу, чтобы утром они еще тлели и можно было развести огонь и печь хлеб. На решетке сохли папины молескиновые брюки, которые он намочил, когда полез в пруд, чтобы вытащить увязшего в иле ягненка, и я отодвинула их в сторону, чтобы они не сгорели. Еще я завела часы. Вообще-то, заводить их — обязанность Уилфрида, но он часто забывает это делать. Глядя на часы, я вдруг подумала, что родители будут слышать их тиканье завтра, когда станут повсюду меня искать. Наверное, они даже не смогут поесть как следует, так сильно встревожатся!..

При мысли об этом мне стало так скверно, что я чуть было не передумала. Я даже повернулась, чтобы идти к себе в комнату, но остановилась. А как же Фелисита? И другие дети?.. Это последнее соображение решило дело, и я осторожно вылезла из кухонного окна, потому что наша входная дверь очень скрипит. Я немного боялась, что Малка, которая обычно спала в сенном сарае, проснется и сразу поймет, что я что-то затеяла (мне еще ни разу не удавалось ее провести), но все обошлось. И все равно я старалась даже не дышать, пока бежала к дому дяди Амброуза и залезала в телегу под ворох овечьих шкур. Ночь выдалась холодная, но под шкурами было даже жарко, хотя пахло там не очень-то... Кроме того, мне совершенно нечего было делать — только лежать и ждать, когда дядя проснется, запряжет лошадь и тронется в путь. Чтобы в голову не лезли всякие мысли о том, как я без спроса убежала из дома, я снова стала думать о Фелисите, но и это оказалось не весело. Я еще никогда не теряла никого из близких — не теряла навсегда, я хочу сказать.

Я не знаю, когда пришел дядя Амброуз, потому что в конце концов я все-таки задремала и проснулась, только когда телега вдруг дернулась, заскрипела и раздалось громкое фырканье, какое издает лошадь, когда ее разбудят, а ей это не нравится. Похоже, мы все-таки тронулись в путь, и я осторожно выглянула из-под шкур. Ущербная луна уже опустилась к самому горизонту, но я хорошо видела, как мимо меня, подпрыгивая, катится моя деревня. В лунном свете она казалась вовсе не серебристой, а какой-то маленькой, пыльной, утратившей все краски, но я все равно чуть не заплакала, потому что деревня уже представлялась мне бесконечно далекой, хотя мы еще не проехали пруд. Почему-то я подумала, что никогда больше ее не увижу. Мне даже захо-

телось потихоньку выбраться из телеги и отправиться домой. Я бы и выбралась, но передумала.

Грифон... Он все еще парил где-то вверх, продолжая свою ночную охоту. Я, конечно, не могла видеть его из-под шкур (кроме того, я все равно очень крепко зажмурилась), но я его слышала, и этого было достаточно. Его огромные крылья скрипели и скрежетали как тысяча ножей, которые точат одновременно, а иногда он издавал крики, которые казались особенно ужасными, потому что звучали негромко и почти печально: я бы даже сказала — они были немного испуганными, словно грифон подражал крику Фелиситы в тот момент, когда он ее схватил. Вот почему я не стала никуда вылезать, а напротив — зарылась как можно глубже в шкуры и попыталась снова заснуть.

Заснуть я так и не смогла, но это не имело особенного значения, потому что я все равно не собиралась ехать до самого Хэгсгейта. Я знала, что дядя Амброуз непременно найдет меня, когда станет разгружать шкуры, поэтому, как только перестала слышать крики грифона (эти чудовища никогда не улетают далеко от своих гнезд без крайней необходимости), я снова выпростала голову из-под шкур и, опершись подбородком на задок телеги, стала смотреть, как светлеет небо и одна за одной гаснут в вышине звезды. Луна наконец закатилась, и в лицо мне пахнул свежий утренний ветерок.

Когда телега перестала гремять и подскакивать, я поняла, что мы свернули на Королевский тракт. Вскоре я услышала, как на лугах жуют жвачку и негромко переговариваются между собой коровы, и незаметно спрыгнула на дорогу. Некоторое время я просто стояла и, стяхивая с себя пух и шерстинки, провожала взглядом телегу дяди Амброуза. Еще никогда в жизни я не забиралась так далеко; еще никогда я не чувствовала себя такой одинокой. Сухая трава, раскачиваясь под ветром, щекотала мне лодыжки, а я все стояла, не зная, в какую сторону мне теперь шагать...

Я даже не знала, как зовут короля. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-то упоминал его имя — в нашей деревне все называли его просто «король». Мне было известно только, что он живет не в самом Хэгсгейте, а в большом замке поблизости, но «поблизости» — понятие относительное, потому что одно дело, когда ты едешь в телеге, и совсем другое, когда идешь пешком. Еще я думала о своих домашних — о том, как они проснутся, а меня нет. Коровы все хрустели травой, и я почувствовала, что проголодалась, но сыр я съела пока ехала, а больше у меня ничего не было. Как жаль, подумала я, что у меня нет с собой пенни — не для того, чтобы что-то купить, а чтобы подбросить

и узнать, куда же мне повернуть — налево или направо. Вместо монетки я пробовала было бросать плоские камешки, но потом никак не могла найти их среди других камней. В конце концов я пошла налево — не то чтобы у меня была какая-то причина, просто на левой руке у меня было маленькое серебряное колечко, которое подарила мне мама. Налево вела какая-то тропинка, и я решила, что для начала обойду Хэгсгейт кругом, а там видно будет. Ходить пешком я умела. Дайте мне время, и я дойду куда хотите — была бы только дорога под ногами.

Увы, как раз дороги-то у меня и не было. Не успела я пройти и двадцати шагов, как тропа вильнула и исчезла, и дальше мне пришлось продирааться сквозь заросли каких-то растений — близких родственников шиповника и ежевики. Довольно скоро я нахватала полную голову колючек и расцарапала кожу на руках, к тому же каждый раз, когда я присаживалась отдохнуть, по мне сразу же принимались ползать муравьи и другие насекомые. Я устала, вспотела и готова была заплакать (но на самом деле я не плакала, так что это не считается), когда вдруг услышала, как где-то в зарослях журчит ручей. Мне уже давно хотелось пить, и я торопливо пошла на звук. Большую часть пути мне пришлось двигаться едва ли не ползком, так что я рассадила не только локти, но и колени.

Ручей оказался совсем не велик — в некоторых местах вода не доходила мне и до щиколоток, но все равно я так обрадовалась, что готова была обнимать и целовать его, как если бы он был живым. Честно говоря, я его почти поцеловала: упав на берегу на живот, я погрузила лицо в чистую, прохладную воду, как иногда зарывалась носом в густую, духовитую шерсть Малки. Я пила и пила, пока не почувствовала, что больше в меня не влезет. Тогда я села на камень и опустила ноги в воду. Солнце грело мне плечи, крошечные рыбки щекотали губами мою кожу, и несколько минут я не думала ни о грифонах, ни о королях, ни даже о доме.

Я подняла голову, только когда услышала негромкий плеск и ржание выше по ручью. Я сразу поняла, что это играют лошади — на водопое они часто фыркают в воду и, как дети, любят пускать пузыри. Выглядели они самыми обычными старыми клячами из платной конюшни: одна гнедая, а другая серая. Рядом я увидела двух людей. Всадник, приехавший на серой лошади, как раз соскочил на траву и осматривал ее левое переднее копыто. Разглядеть незнакомцев как следует я не смогла: оба были одеты в простые темно-зеленые плащи и одинаковые узкие штаны — такие поношенные, что их цвет было совершенно невозможно определить; и я поняла, что один из всадников — женщина,

только когда она заговорила. У нее был очень красивый низкий голос — почти как у Джоан Шелковинки (той самой леди, о которой мама не разрешает мне даже спрашивать), с той лишь разницей, что в голосе незнакомки изредка проскальзывали чуть визгливые нотки, словно она могла закричать, как ястреб, если бы захотела.

— Никакого камня я не вижу, — говорила женщина. — Может, колючка попала?..

— Наверное, просто засечка, — ответил второй всадник, который приехал на гнедой. — Дай-ка я посмотрю...

Его голос звучал выше и моложе, чем у женщины, но я догадалась, что это мужчина, потому что он был очень высок. Он тоже соскочил с седла, и женщина отступила в сторону, чтобы дать ему взглянуть на копыто серой лошади. Но прежде чем дотронуться до копыта, мужчина обнял серую за шею и шепнул ей на ухо несколько слов, которые я не расслышала. А лошадь ему *ответила!*.. Нет, она не зафыркала и не заржала, как делают все лошади, а ответила как человек, который разговаривает с другим человеком. Я была совершенно в этом уверена, хотя и не слышала, что она сказала.

Потом высокий мужчина наклонился, взял в руки копыто и долго его рассматривал, а серая стояла как вкопанная: она не только не шевелилась, но даже хвостом ни разу не махнула.

— Так я и знал! — проговорил мужчина. — Смотри, острый осколок кремня... Он совсем маленький, но вошел довольно глубоко, так что в подошве образовалась язвочка. Ума не приложу, как я сразу его не разглядел!

— Не можешь же ты замечать все, — возразила женщина, опустив руку ему на плечо.

Мне показалось, высокий мужчина все равно разозлился на себя за невнимательность. Так сердится мой папа, когда забывает как следует закрыть ворота на выгоне, а соседский черный баран пробирается внутрь и нападает на нашего старого Гримстоуна.

— Могу, — сказал мужчина. — Во всяком случае, должен.

С этими словами он снова повернулся к лошади и, совсем как наш деревенский кузнец, склонился над копытом. Он что-то с ним делал, но я не видела что. У него не было ни клещей, ни расчистки, как у нашего кузнеца. Единственное, в чем я уверена, так это в том, что он пел лошади. Во всяком случае, я так думаю. Впрочем, это была не совсем песня. Он просто мурлыкал себе под нос какие-то нескладные стишки, которые сочинял на ходу — совсем как малыши, которые напевают что-то, когда играют в песке одни. Никакой особой мелодии я тоже не

уловила — просто «дам-ди-дам, дам-ди-дам», то выше, то ниже, то выше, то ниже... Ничего особенного, как мне казалось; даже лошади, наверное, стало скучно. Так он напевал довольно долго и все склонялся и склонялся над большим копытом, которое держал в руках. И внезапно все закончилось: мужчина выпустил копыто и выпрямился, но в пальцах у него что-то поблескивало — совсем как вода в ручье. И первой он показал эту штуку серой кобыле.

— Вот он, — сказал мужчина. — Это тебе мешало, но теперь все в порядке.

Он отшвырнул блестящий осколок подальше и снова взял копыто в руки, но на этот раз не пел, а только очень осторожно гладил копыто одним пальцем, снова и снова, снова и снова... Когда мужчина выпустил копыто, лошадь топнула ногой — довольно сильно, между прочим — и звонко заржала, а мужчина обернулся к женщине и сказал:

— Все равно нам придется где-то остановиться на ночлег, так почему не здесь? Лошади устали, да и у меня спина ноет.

Женщина рассмеялась. Это был неторопливый, сердечный, очень приятный звук. Я еще никогда не слышала, чтобы люди смеялись так хорошо.

— Величайший в мире маг жалуется, что у него болит спина, — раздельно произнесла она. — Так вылечи ее, как ты лечил меня, когда меня придавило деревом. Насколько я помню, тогда тебе понадобилось не более пяти минут.

— Больше, — ответил мужчина. — У тебя был бред, ты просто не помнишь... — С этими словами он ласково коснулся ее волос, которые были густыми и очень красивыми, хотя почти совсем седыми. — И вообще... ты знаешь, как я к этому отношусь, — добавил он. — Мне все еще слишком нравится быть простым смертным, чтобы пробовать волшебство на самом себе. Магия каким-то образом притупляет это восхитительное ощущение... Впрочем, я, кажется, уже говорил тебе об этом.

— Гм-м... — сказала женщина. Так часто говорит моя мама. Это «гм-м...» я слышала, наверное, уже тысячу раз. — Гм-м, я-то была смертной всю свою жизнь, но иногда...

Она не договорила, и высокий мужчина лукаво улыбнулся — сразу было видно, что он немного поддразнивает свою спутницу.

— Что — иногда? — спросил он и прищурился.

— Ничего, — ответила женщина. — Абсолютно ничего...

В ее голосе мне почудились раздраженные нотки, но женщина тут же опустила руки на плечи мужчине и добавила совсем другим тоном:

— Бывают дни, — сказала она, — когда утренний ветерок пахнет невидимыми цветами, когда в туманных садах резвятся фавны, а ты зеваешь спросонок, чешешь в затылке и ворчишь, что к вечеру непременно пойдет дождь, и град, наверное, тоже... В такие дни мне очень хочется, чтобы и ты, и я — чтобы мы оба могли жить вечно. Я даже думаю: ты здорово сглупил, когда отказался от бессмертия.

Тут она снова рассмеялась, но на этот раз ее смех прозвучал немного неискренне.

— ...И тогда, — продолжала женщина, — я начинаю вспоминать вещи, которые предпочла бы не помнить. А от этого у меня начинает колоть в желудке, ныть здесь и постреливать там... И не важно, что болит и где — кости, голова или даже сердце; главное, что болит, и тогда я думаю: нет, наверное, жить вечно не стоит. Скорее всего, не стоит...

Тут высокий мужчина обнял женщину, а она опустила голову ему на грудь. Если она и говорила что-то еще, я этого не слышала.

Так прошло несколько минут. Я сидела тихо, как мышка. Не думаю, чтобы я зашумела, но мужчина вдруг сказал, не поворачивая головы и даже не глядя в мою сторону:

— Ступай к нам, девочка, пообедай с нами...

Сначала я так испугалась, что не могла пошевелиться. Он просто не мог видеть меня за кустами и густой ольхой. Потом я вспомнила, что действительно очень голодна, и — сама того не сознавая — встала с камня и стала пробираться сквозь кусты. Я помню: в какой-то момент я опустила взгляд и посмотрела на свои ноги, которые вышагивали так, словно принадлежали кому-то другому. Они сами несли меня туда, где была еда; можно было подумать — это они ужасно проголодались и захватили меня с собой только потому, что без меня им не обойтись.

Пока я шла, мужчина и женщина стояли неподвижно и ждали.

Вблизи женщина выглядела намного моложе, чем мне показалось по голосу, а высокий мужчина — старше. То есть не совсем так... Я все не хочу сказать, что она была молодой, но эти ее седые волосы каким-то образом делали ее лицо моложе, к тому же держалась она очень прямо — совсем как та леди, которая приезжает в нашу деревню, когда у кого-нибудь рождается ребеночек. Правда, у нее — у этой леди, я имею в виду — лицо точно каменное, поэтому она мне не очень нравится. Что же до незнакомки, то ее лицо, наверное, тоже нельзя было назвать красивым, но... В общем, у нее было именно такое лицо, на какое хочется смотреть холодной зимней ночью. Сказать лучше я все равно не умею.

Мужчина... Я даже не могу сказать, какой он. То он выглядел моложе моего папы, а то вдруг казался старше всех людей, которых я когда-либо видела — старше, чем вообще полагается людям. При этом седых волос у него не было вовсе, а вот морщины — да, но дело даже не в них. Все — в глазах. Глаза у него были зелеными-презелеными, но не как трава и не как изумруды (однажды я видела изумруд, мне показывала одна цыганка) и даже не как яблоки или лаймы. Быть может, они были как океан, но я точно не знаю, потому что океана я ни разу в жизни не видела. Пожалуй, если зайти достаточно далеко в лес (конечно, не в наш Черный лес, а в другой, нормальный лес), рано или поздно окажешься в месте, где даже тени кажутся зелеными. Вот такие у него и были глаза. Поначалу я даже немного испугалась.

Женщина дала мне персик и смотрела, как я ем, а я была слишком голодна, чтобы ее поблагодарить. Потом она спросила:

— Что ты здесь делаешь, девочка? Ты заблудилась?

— Нет, не заблудилась, — пробормотала я с набитым ртом. — Просто я не знаю, где нахожусь, а это совсем другое...

Тут они оба рассмеялись, но это был добродушный и совсем не обидный смех. Они смеялись не надо мной, и я осмелела.

— Меня зовут Суз, — сказала я, — и мне обязательно нужно увидеться с королем. Он ведь живет где-то рядом, правда?..

Тут мужчина и женщина переглянулись. Я не могла понять, о чем они думают, но видела, как мужчина приподнял брови, а женщина чуть заметно покачала головой. Они смотрели друг на друга довольно долгое время, потом женщина сказала:

— Не сказать чтобы рядом, но и не очень далеко. Мы как раз собирались с ним повидаться.

— Вот хорошо! — воскликнула я, но тут же поправилась: — Это хорошо, — сказала я. Мне очень хотелось говорить спокойно, по-взрослому, но это было нелегко — уж очень я обрадовалась, когда узнала, что они могут проводить меня к королю. — Тогда я, пожалуй, пойду с вами, — прибавила я.

Но женщина стала возражать еще до того, как я успела закончить фразу.

— Мы не можем взять ее с собой, — сказала она, поворачиваясь к мужчине. — Ведь мы не знаем, как теперь обстоят дела...

Последние слова женщина произнесла довольно грустным голосом, но и твердым тоже. Должно быть, у меня вытянулось лицо, потому что она посмотрела на меня и, покачав головой, сказала:

— Нет, детка, дело не в тебе. Король — хороший человек и наш старый друг, но... Понимаешь, мы не виделись с ним довольно давно, а королям свойственно меняться. Они меняются даже сильнее, чем обычные люди.

— Но я обязательно должна увидеться с ним, — возразила я. — Вы можете идти куда хотите, но я не вернусь домой, пока не поговорю с королем. — Я как раз успела доесть персик (он был замечательно вкусный), и мужчина протянул мне хлеб и большой кусок вяленой рыбы. Я немедленно вгрызлась в него, и мужчина, улыбнувшись, посмотрел на женщину.

— Мне кажется, — негромко сказал он, — и ты, и я хорошо помним, как нам пришлось просить, чтобы нас взяли в далекое путешествие. Впрочем, за тебя я говорить не могу, но сам я буквально умолял об этом как о величайшей милости.

Но женщина не сдавалась.

— Если мы возьмем девочку с собой, она может подвергнуться большой опасности. Мы не должны рисковать, это будет неправильно.

Мужчина хотел что-то ответить, но я перебила его (случись это дома, мама отвесила бы мне такую затрещину, что я полетела бы через всю кухню). И не просто перебила — я буквально закричала на них:

— Вы говорите о большой опасности? А вы хотя бы знаете, что дома у нас самая настоящая *опасность*?! У нас в Черном лесу завелся злой грифон, который уже украл Джихейн, Лули и Фелиситу, и я... я... — Тут я не выдержала и расплакалась по-правдашнему, но мне было все равно. Я рыдала в три ручья и даже уронила рыбу. Правда, я сразу попыталась ее поднять, но из-за слез я ее даже не видела, а женщина сказала, чтобы я оставила рыбу в покое и дала мне свой платок — вытереть глаза и высморкаться. От платка очень приятно пахло, и я немного успокоилась.

— Девочка, девочка, не плачь!.. Ведь мы действительно ничего не знали про грифона. Правда, не знали... — бормотал мужчина, а женщина прижимала меня к себе и бросала на него такие взгляды, словно это он был виноват, что я разревелась.

— Конечно, мы возьмем тебя с собой, детка, — сказала она. — Обязательно возьмем, ты даже не думай! Грифон, конечно, очень неприятная штука, но наш король наверняка знает, что делать. Насколько я слышала, он ест грифонов на завтрак — просто намазывает их на хлебцы и ест с апельсиновым вареньем. Честное слово!

Она наговорила еще немало подобных глупостей, и они, как ни странно, подействовали: мало-помалу я стала всхлипывать реже. Муж-

чина все уговаривал меня не плакать, потом вынул из кармана большой красный носовой платок, свернул в несколько раз, завязал узлом, так что платок сделался похож на птицу, дунул — и птица расправила крылья и упорхнула. Я так удивилась, что сразу перестала плакать. Дядя Амброуз, конечно, тоже умеет показывать разные фокусы с монетами и ракушками, но ничего такого никогда не делал.

Мужчину звали Шмендрик, и я до сих пор думаю, что это самое смешное имя, какое я только слышала в жизни. Женщину звали Молли, Молли Гру. В тот день мы, конечно, не поехали к королю, потому что их лошади действительно очень устали, и разбили лагерь на берегу ручья. Честно говоря, я ждала, что мужчина — Шмендрик — сделает это с помощью магии, но он развел огонь, постелил на траве одеяла и набрал воды из ручья как самый обыкновенный человек. Пока он занимался этими делами, Молли стреножила обеих лошадей и отправила пастись на лужайку, а я собирала хворост для костра.

Молли рассказала мне, что нашего короля зовут Лир и что она и Шмендрик познакомились с ним очень давно, когда он был еще совсем молодым человеком и никаким не королем.

— Ты, наверное, не знаешь, — говорила она, — что наш Лир — самый настоящий герой. Он победил множество драконов, собственноручно прикончил нескольких великанов и спас немало прекрасных дев. Кроме того, он хорошо умеет разгадывать разные головоломные загадки. Возможно даже, что из всех героев он самый великий, так как помимо всего прочего Лир — хороший, добрый человек. Герои, знаешь ли, не всегда бывают хорошими людьми...

— Но вы же не хотели брать меня с собой, — возразила я. — Почему?

Молли вздохнула. Мы с ней сидели под деревом, смотрели, как садится солнце, и Молли выбирала у меня из волос колочки и листья.

— Теперь Лир уже стар, — сказала она. — Шмендрик не в ладах со временем, он его просто не замечает — как-нибудь я расскажу тебе, в чем тут дело; это довольно долгая история. Именно поэтому он не понимает, что за прошедшие годы Лир мог стать другим, не таким, как раньше. И наша встреча после стольких лет может обернуться глубоким разочарованием... — Она заплела мне волосы в косы и уложила вокруг головы, чтобы они не болтались. — С самого начала нашего путешествия меня не оставляют недобрые предчувствия, — добавила Молли доверительным тоном. — Но он почувствовал, что мы нужны Лиру, и мы сразу отправились в путь. — Она вздохнула. — Когда Шмендрик что-то чувствует, с ним уже не поспоришь.

— Хорошая жена не должна спорить с мужем, — сказала я и нахмурилась. — Моя мама говорит: нужно дождаться, пока он куда-нибудь уйдет или ляжет спать, и уж тогда поступать так, как тебе хочется.

Молли рассмеялась своим красивым грудным смехом.

— Я знаю тебя всего несколько часов, Суз, но готова биться об заклад не только на свои последние несколько пенсов, но даже на те несколько пенсов, которые остались у Шмендрика, что ты будешь спорить со своим мужем даже в первую брачную ночь! Кроме того, мы со Шмендриком не женаты. Нам просто хорошо вместе... И надо сказать, что вместе мы уже довольно давно.

— Ох... — сказала я. Молли произнесла эти слова как-то по особенному, и я подумала, что еще никогда не видела людей, которые были бы *вместе* так, как эти двое.

— Но выглядите вы словно муж и жена, — растерянно проговорила я. — Ну, может быть, не совсем, но вроде того...

Выражение лица Молли не изменилось, однако она обняла меня за плечи и прижала к себе.

— Я бы не вышла за него, даже если бы он был единственным в мире мужчиной, — прошептала она мне на ухо. — Он обожает редьку и ест ее даже в постели, представляешь?.. «Хруп, хруп, хруп» — всю ночь напролет только «хруп» да «хруп»! Ужасно!

Я хихикнула, и Шмендрик посмотрел на нас от ручья, где он чистил песком сковороду. На него как раз упали последние лучи солнца, и его странные зеленые глаза казались светлыми, как молодые личинки. Поймав мой взгляд, Шмендрик подмигнул мне одним глазом, и я не столько увидела это, сколько почувствовала — так в жаркий день чувствуешь легчайшее дуновение прохладного ветерка. Не успела я удивиться, как он уже отвернулся и снова принялся скрести сковороду.

— А сколько нам ехать? — спросила я Молли. — Ты говорила, король живет не очень далеко, но я боюсь, что пока меня нет, грифон съест еще кого-нибудь. Я должна быть дома, понимаешь?

Молли закончила укладывать мои волосы и, слегка потянув меня сзади за косичку, заставила поднять голову, так что я посмотрела ей прямо в глаза. Они у нее были такими же необыкновенными, как у Шмендрика, только не зелеными, а серыми, и я уже знала, что в зависимости от настроения они то темнеют, то начинают блестеть.

— Как ты думаешь, Суз, что будет, когда ты встретишься с королем Лиром? — спросила она. — И что, собственно, ты собиралась просить у него, когда отправлялась в путь?

Признаться, этот вопрос меня удивил. Неужели Молли не понимает?

— Я собиралась попросить его поехать со мной в нашу деревню. От всех рыцарей, которых он нам присылал, не было никакой пользы, так что теперь ему самому придется что-то сделать с этим грифоном. В конце концов, он наш король, и это его работа.

— Да, — сказала Молли, но сказала так тихо, что я едва ее расслышала. Потом она потрепала меня по руке и, поднявшись, отошла в сторону и опустилась на колени у костра. Она, конечно, делала вид, будто сгребает угли, но я отлично видела, что это не так. Просто Молли захотелось побыть одной.

На следующий день мы отправились в путь рано утром. Сначала Молли посадила меня на седло впереди себя, но потом Шмендрик пересадил меня к себе, чтобы сберець ногу серой кобылки. Оказалось, что ехать с ним на одной лошади гораздо удобнее, чем мне представлялось — Шмендрик был костлявым только в отдельных местах, в основном же он оказался довольно мягким и упругим. Пока мы ехали, он почти не разговаривал со мной, зато много пел. Время от времени Шмендрик заводил песню на каком-то незнакомом языке, и я не понимала ни слова, но чаще он распевал глупые смешные песенки собственного сочинения, заставляя меня хохотать во все горло. Например, Шмендрик пел:

*Сузли, Сузли, тра-ля-ля,
Между нами говоря,
Егоза и непоседа хочет видеть короля.
Сузли, Сузли, непоседа,
Что тут долго говорить?
Отвечай-ка поскорее,
Будешь ты со мной дружить?..**

Я все ждала, когда же он сотворит какое-нибудь волшебство, но Шмендрик ничего такого не делал, если не считать одного раза. Мы ехали по лесной прогалине, когда какая-то растрепанная ворона вдруг стала ни с того ни с сего бросаться на нашу лошадь (я думаю, она делала это просто от злости, потому что поблизости не видно было никакого гнезда), заставляя бедняжку то пятиться, то приплясывать на месте, то шархаться из стороны в сторону, так что я едва не свалилась. В конце концов Шмендрик повернулся в седле и просто посмотрел на нахальную птицу. В следующий миг откуда-то с небес на нас

* Здесь и далее стихи в переводе В.Гришечкина.

буквально свалился ястреб. Он напал на ворону и гнался за ней, пока та, испуганно каркая, не забила в терновый куст, где ястреб уже не мог ее достать. Я думаю, это и было единственное его волшебство за все время.

Край, по которому мы ехали, был очень красив, но я заметила это только тогда, когда мы выбрались из леса и двинулись по хорошей дороге. Вокруг расстилались луга, перелески, уютные долины и отлогие холмы, сплошь заросшие цветами, названий которых я не знала. Сразу было видно, что в этих местах дожди выпадают часто — намного чаще, чем над нашей деревней. Нам еще повезло, что овцы — не коровы, и им не нужно никакой особой травы: они идут и пасутся там же, где козы, а козы могут пастись везде... Но здесь мне нравилось больше, гораздо больше.

Шмендрик, однако, рассказал мне, что так было не всегда.

— До короля Лира, — сказал он, — здесь была голая пустыня, где не росло ничего — буквально ничего, Суз, представляешь?.. Люди говорили, что эти земли прокляты, и в каком-то смысле так и было, но я лучше расскажу тебе об этом в другой раз. — (Взрослые часто обещают рассказать что-то в другой раз и не рассказывают, а я этого терпеть не могу!) — Но Лир сумел все изменить, и земля была до того рада его появлению, что начала зеленеть и цвести чуть ли не в тот же день, когда он стал королем, и это продолжается до сих пор. Увы, чудесная перемона не коснулась Хэгсгейта, но это тоже отдельная история...

Каждый раз когда Шмендрик заговаривал о Хэгсгейте, его голос становился каким-то особенным — более глубоким и задумчивым, словно он обращался не ко мне, а к кому-то еще. Это меня удивило, и я обернулась, чтобы взглянуть на него.

— Как ты думаешь, — спросила я, — король Лир поедет со мной, чтобы убить этого противного грифона? Мне кажется, Молли не очень-то в это верит... Она говорит — король уже слишком стар.

Я и не знала, что меня так сильно это беспокоит, пока не задала свой вопрос вслух.

— Конечно, он поедет, детка. — Шмендрик подмигнул. — Он никогда не мог отказать деве, которая попала в беду, и чем труднее и опаснее была задача, тем с бóльшим рвением Лир брался за дело. Я, например, совершенно уверен, что король не поспешил к вам на помощь по первому зову только потому, что, когда вы к нему обратились, он как раз совершал героический подвиг в другом месте. Но ты не сомневайся: как только Лир услышит твою просьбу (не забудь, кстати, правильно сделать реверанс, обращаясь к королю), он снимет со стены

свой славный меч и огромное копьё, посадит тебя к себе на седельную луку и так быстро поскачет навстречу этому вашему грифону, что только искры полетят из-под копыт!.. Нет, Суз, старый он или молодой, но Лир не станет колебаться и мешкать — так уж он устроен, — и Шмендрик ласковым жестом взьерошил мне волосы на затылке. — Молли просто слишком волнуется, так уж устроена она. Понятно?

— Понятно. А что такое «реверанс»? — спросила я.

Теперь-то я знаю, что это за штука, потому что Молли показала мне, как она делается, но тогда я, конечно, этого не знала. Шмендрик, надо сказать, не засмеялся (разве только глаза его как-то странно блеснули). Вместо ответа он махнул рукой, чтобы я повернулась и смотрела вперед, а сам снова запел:

*Сузли, Сузли, тра-ля-ля,
Встретил я тебя не зря.
Ты мне нравишься, красотка, откровенно говоря...
Сузли, Сузли, непоседа,
Я хочу тебе сказать:
Мы поженимся во вторник,
Чтобы до среды не ждать...*

Еще я узнала, что король, когда был еще совсем молодым, жил в замке, который стоял на вершине утеса на морском берегу в одном дне пути от Хэгсгейта. Но замок рухнул (почему — Шмендрик так и не объяснил), поэтому Лир решил выстроить новый замок в другом месте. Услышав об этом, я немного расстроилась, потому что давно хотела увидеть море. Теперь мне стало ясно, что и в этот раз моим надеждам не суждено сбыться; с другой стороны, я и замков никогда не видела, так что хоть в этом мне повезло. Подумав об этом, я совсем успокоилась и, откинувшись назад, приникла к груди Шмендрика и задремала.

Шмендрик и Молли ехали не торопясь, давая серой кобыле время поправиться, но вскоре ее копыто совсем зажило, и остаток пути мы проделали галопом. Я уже говорила, что серая и гнедая не выглядели ни волшебными, ни даже какими-нибудь особенными, но они могли скакать буквально часами и при этом ни капли не уставать. Они даже почти не потели — я знала это, потому что по вечерам помогала Шмендрику и Молли чистить их и купать. И спали они на боку, как люди, а не стоя, как обычные лошади.

И все же, чтобы добраться до королевской резиденции, нам потребовалось целых три дня. Молли сказала — с тем, первым замком, который стоял на морском берегу и рухнул, у Лира были связаны непри-

ятные воспоминания, поэтому новый замок он выстроил как можно дальше от моря, постаравшись сделать его совершенно непохожим на прежний. Строго говоря, он и на за́мок-то был не особенно похож. Правда, он стоял на холме, чтобы король издалека мог видеть, кто приближается к нему по дороге, но и только. Вокруг не было рва с водой, у ворот не дежурила стража в сверкающих доспехах, а на стенах был поднят только один флаг — синий с изображением белого единорога. Больше ничего примечательного в этом замке не было.

Я была разочарована, и хотя изо всех сил старалась этого не показывать, Молли все равно заметила, как я расстроилась.

— Ты думала, король живет в крепости, правда? — спросила она мягко. — И конечно, ты ожидала увидеть мрачные сторожевые башни из серого камня, реющие на ветру разноцветные стяги, ошетилившиеся пушками стены, закованных в броню рыцарей и сигнальщиков, которые начинают трубить как только на горизонте покажется враг... Извини, детка, но здесь все по-другому. Я понимаю — это твой первый замок, но...

— Ничего страшного, — выдавила я, с трудом справившись с собой. — Я все равно думаю, что он очень красивый...

И королевский замок действительно был очень красив. Отлогий, залитый солнцем холм, на котором он был выстроен, сплошь зарос яркими полевыми цветами. Снаружи к стенам лепились маленькие нарядные домики посада, так что в случае опасности его жители могли укрыться в замке, а перед воротами раскинулась просторная и чистая рыночная площадь. Я сказала:

— Достаточно взглянуть на за́мок, чтобы понять, что король — хороший человек.

Молли долго смотрела на меня, слегка склонив голову набок, потом сказала:

— Он герой. Не забывай об этом, что бы ни видели твои глаза и что бы тебе ни казалось. Настоящий герой, Суз.

— Это я знаю, — ответила я. — И я абсолютно уверена, что король мне поможет.

Но на самом деле моя уверенность пропала, как только я увидела этот миленький, уютный замок. Теперь я просто не знала, что и думать.

Войти в замок оказалось проще простого. Шмендрик просто постучал в ворота, они открылись, и мы вошли. На рыночной площади перед воротами шла бойкая торговля самыми разными фруктами, овощами, горшками, сковородками, одеждой и прочим — совсем как в

нашей деревне, и хотя все торговцы окликали нас, наперебой предлагая свои товары, никто не попытался помешать нам войти в замок. Правда, ворота были высокими и крепкими, к тому же за ними нас остановили двое мужчин, которые спросили, как нас зовут и зачем мы хотим видеть короля. Однако стоило Шмендрику назвать свое имя, как они тут же отступили в сторону и дали нам пройти. Я даже подумала, что он, наверное, и вправду знаменитый маг, хотя за три прошедших дня он не совершил никакого волшебства — только пел свои песенки да показывал фокусы. Впрочем, мужчины не предложили Шмендрику немедленно проводить его к королю; с другой стороны, он и не просил их.

Молли была права — я действительно представляла королевский замок совсем другим. Я думала — там, в сырых, холодных, полных теней коридорах прохаживаются надменные придворные дамы и, бряцая оружием, маршируют молчаливые стражники, но все оказалось совсем не так. Коридоры, по которым я и Молли шагали за Шмендриком, были ярко освещены солнцем, врывающимся в высокие, стрельчатые окна, а люди, попадавшиеся на нашем пути, в большинстве своем кивали нам или приветливо улыбались, хотя наверняка видели нас впервые в жизни. Потом мы прошли витую каменную лестницу, которая была такой огромной, что я, как ни старалась, не смогла разглядеть верхнюю площадку. Я была уверена, что король живет в самой высокой башне, но Шмендрик не обратил на лестницу ни малейшего внимания. Он вел нас куда-то в глубь замка, мимо просторного зала с таким большим очагом, что в нем можно было зажарить трех быков сразу, мимо кухни, буфетной и прачечной, и наконец остановился перед дверью небольшой комнатки, располагавшейся под еще одной гигантской лестницей. Вот здесь-то было по-настоящему темно и мрачно. Пожалуй, если не знать, где искать, эту комнатку можно было и вовсе не заметить. Стучать Шмендрик не стал, не стал он и произносить никаких магических команд; он просто стоял перед дверью и молчал, и вскоре дверь дрогнула, отворилась — и мы вошли.

Король был в этой комнатке, и он был совершенно один.

Он сидел в самом обыкновенном деревянном кресле, а вовсе не на троне, и эта его комната под лестницей действительно оказалась небольшой, — даже меньше, чем та, где стоит мамин ткацкий станок. Может быть, поэтому король выглядел в ней таким большим. Он был таким же высоким, как Шмендрик, но гораздо, гораздо крупнее. Я думала, у него будет окладистая, длинная борода, закрывающая всю грудь, но борода у него была короткая, как у моего папы, и совсем се-

дая. И волосы у него тоже были седыми. На короле была красная с золотом мантия, а на голове настоящая золотая корона — правда, очень маленькая, не больше венка из цветов, какой у нас в деревне надевают в конце года на лучшего барана. Лицо короля показалось мне добрым; у него был большой нос и большие, как у маленького мальчика, голубые глаза, но глаза эти выглядели такими усталыми и сонными, что казалось удивительным, как ему удается держать их открытыми. Иногда, впрочем, ему не удавалось. Больше в комнате никого не было, и король смотрел на нас с таким видом, словно он знает, кто мы такие, но не совсем понимает, зачем мы пришли.

Наконец лицо его дрогнуло, король попытался улыбнуться.

— Ваше Величество, — сказал Шмендрик очень спокойно и внятно, — это мы: Шмендрик и Молли. Молли Гру.

Король несколько раз моргнул, но продолжал молчать.

— Молли с котенком, — шепотом добавила Молли. — Ты ведь помнишь котенка, Лир?

— Да, — сказал король. Казалось, ему потребовалась целая вечность, чтобы произнести одно-единственное слово. — Да, конечно, я помню котенка...

Но ничего больше он не прибавил, и мы стояли и молчали, а король продолжал улыбаться, глядя на что-то такое, что видел он один.

— Она тоже иногда забывала, кто Она такая... — негромко сказал Шмендрик Молли, и я заметила, как изменился его голос. Теперь он был почти таким же, как в тот раз, когда маг рассказывал, каким был этот край до Лира. — И тогда нам приходилось напоминать Ей, что Она — единорог, — закончил он.

Король тоже изменился. Его глаза прояснились, заблестели, наполнились мыслью, и он наконец увидел нас.

— О, мои дорогие друзья!.. — негромко проговорил Лир и, поднявшись, шагнул вперед и обнял сначала Шмендрика, потом Молли. Теперь я ясно видела, что он не только был героем, но и остался им; я даже подумала, что все еще может кончиться хорошо. Да, конечно, все будет хорошо...

— А кто эта юная принцесса? — осведомился король, глядя на меня с высоты своего гигантского роста. У него был подходящий голос для короля: сильный, звучный, но не страшный и не злой. Я попыталась назвать свое имя, но не смогла издать ни звука, и тогда король опустился передо мной на одно колено и взял меня за руку.

— Когда-то, — сказал он, — мне не раз удавалось помочь принцессам, попавшим в беду. Вам стоит только приказать, и я...

— Я никакая не принцесса, я Суз, — сказала я. — И приехала из деревни, про которую вы, наверное, никогда не слышали, но дело в том, что рядом с нами поселился грифон, который крадет детей!

Я выпалила все это единым духом, но король не стал смеяться и по-прежнему смотрел на меня серьезно и внимательно. Он спросил у меня, как называется моя деревня, а когда я ответила, сказал:

— Я знаю вашу деревню, сударыня. Мне уже приходилось там бывать, и я с удовольствием навещу ее снова.

Поверх его плеча я видела, как Шмендрик и Молли таращатся друг на друга. Маг уже собирался что-то сказать, но тут дверь отворилась, и в комнату вошла маленькая смуглая женщина, одетая, как и Молли, в тунику, узкие брюки и башмаки. На вид она была не старше моей матери. Глядя на нас, она произнесла негромким, но несколько напряженным голосом:

— К сожалению, меня только что известили о вашем приезде, и я искренне сожалею, что не смогла оказать старым друзьям Его Величества подобающий прием. Нет, нет, не трудитесь называть ваши славные имена, я знаю, кто вы! Мое имя — Лисон, и я секретарь, переводчик и компаньонка Его королевского Величества...

С этими словами она очень почтительно и осторожно взяла Лира за руку и повела обратно к креслу.

Шмендрику, похоже, понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Наконец он сказал:

— Я и представить себе не мог, что моему старому другу Лиру могут понадобиться секретарь и переводчик, не говоря уже о компаньонке!

Лисон как раз пыталась усадить Его Величество на прежнее место, поэтому она отвечала Шмендрику, не глядя на него:

— Как давно вы видели своего старого друга в последний раз, милорд?

Шмендрик не ответил. Голос Лисон звучал все так же тихо, но волновалась она значительно меньше.

— Рано или поздно, — добавила она, — время доберется до каждого из нас. Оно не знает жалости, милорд, и все мы уже не те, что прежде...

Король Лир послушно опустил в кресло и закрыл глаза. Я чувствовала, что Шмендрик не на шутку рассердился и что с каждой минутой гнев его вскипает все жарче, хотя он никак этого не выказывал. Точно так же сердится мой папа — вот почему я знала.

— Его Величество, — сказал Шмендрик, — только что согласился поехать вместе с этой юной особой в ее деревню, чтобы избавить тамошних жителей от сеющего смерть и опустошение грифона.

Лисон так быстро обернулась, что я была почти уверена — сейчас она начнет кричать на нас и прикажет нам убираться, но ничего такого она не сделала. По ней вообще не было видно, что она чем-то расстроена, огорчена или взволнована.

— Боюсь, милорд, это невозможно, — сказала Лисон спокойно. — В настоящее время Его Величеству не по силам подобное путешествие, не говоря уже об остальном.

— Его Величество, похоже, придерживается на сей счет иной точки зрения, — возразил Шмендрик сквозь стиснутые зубы.

— Вы уверены, милорд? — Лисон показала на кресло, и я увидела, что Лир заснул.

Его голова свесилась на грудь (я даже испугалась, что корона может упасть на пол), а рот приоткрылся. Лисон сказала:

— Вы искали великого воина, каким вы его помните, а нашли дряхлого, слабоумного старика. Поверьте, я понимаю, как вы огорчены, но вы сами должны видеть, что...

Однако Шмендрик ее перебил. Раньше я не понимала, что значит, когда говорят, будто чьи-то глаза метали молнии, но теперь!.. Во всяком случае, зеленые глаза на это способны. В эти несколько секунд Шмендрик казался мне еще выше, чем был на самом деле, а когда он вытянул в сторону Лисон указательный палец, я была совершенно уверена, что сейчас она превратится в пепел или растает. Но больше всего напугал меня его голос, потому что он был спокойным и тихим. Шмендрик сказал:

— А теперь послушай меня, женщина. Я великий маг Шмендрик и отлично вижу, что мой старый друг Лир как всегда мудр, могуч и в добром здравии, потому что только такого человека могла полюбить Единорог!

И при этом последнем слове король снова проснулся. Он моргнул, потом взялся за подлокотники кресла и поднялся на ноги. На нас он не смотрел. Глядя на Лисон, Лир сказал:

— Я поеду с ними. Это мой долг и мой дар. Проследи, чтобы все было готово как можно скорее.

— Нет, Ваше Величество! — воскликнула Лисон. — Умоляю вас!

Король Лир заключил ее лицо между своими огромными ладонями, и я увидела, что эти двое любят друг друга.

— Это мой долг, — повторил он. — Для этого и нужен король, и ты знаешь это так же хорошо, как и маг. Не печалься, душа моя, лучше помоги мне собраться в дорогу да позаботься, чтобы в замке все оставалось в порядке, пока меня не будет.

Лисон выглядела такой печальной, такой потерянной, что я просто не знала, что и думать — о ней ли, о короле, обо всем... Сама того не замечая, я попяtilась и остановилась, только когда Молли положила мне руку на голову. Она ничего не сказала, но было приятно чувствовать ее уютный запах и знать, что Молли рядом.

— Я обо всем позабочусь, Ваше Величество, — тихо сказала Лисон.

Потом она повернулась и, низко опустив голову, двинулась к выходу. Я думаю, ей не хотелось на нас смотреть, но она не сдержалась. Уже у самых дверей Лисон вскинула голову и посмотрела на Шмендрика с такой неприкрытой ненавистью, что я от страха готова была зарыться лицом в плащ Молли, лишь бы не видеть ее глаз. Когда Лисон заговорила, казалось, что каждое слово дается ей с огромным трудом.

— Его смерть будет на твоей совести, волшебник, — проговорила она негромко. Мне кажется, она плакала, но совсем не так, как плачут взрослые люди.

А потом я услышала ответ Шмендрика. Его голос был таким холодным и чужим, что я бы, наверное, вовсе не узнала его, если бы не видела, как движутся его губы.

— Он уже умер, — сказал маг. — И поэтому смерть для него — благо. Любая смерть лучше, чем та, которую ты зовешь жизнью и которая медленно убивает тебя в кресле. И если грифон его прикончит, тем самым он спасет его жизнь... и честь.

— Что он имел в виду, когда сказал, что король уже умер? — спросила я Молли, стараясь говорить как можно тише, но она не ответила. Отодвинув меня в сторону, она подошла к королю и, опустившись перед ним на колени, взяла его руку в свои.

— Милорд... Ваше Величество! — проговорила Молли. — Друг мой, вспомни. Прошу тебя: пожалуйста, вспомни!

Король Лир слегка покачивался из стороны в сторону, однако он все же положил свободную руку на голову Молли и пробормотал:

— Суз, дитя мое... Тебя ведь зовут Суз, верно?... Конечно, я поеду с тобой в твою деревню, как обещал. Еще не родился... — (Он сказал: «вылупился». Грифоны появляются из яиц, хотя они птицы только наполовину.) — ...тот грифон, который посмел бы безнаказанно совершать злодеяния на моей земле!

С этими словами король снова сел в кресло, но на этот раз его движения были четкими и осмысленными. По-прежнему держа руку на голове Молли, он долго смотрел на нее своими голубыми глазами, и губы его чуть дрожали. Наконец он сказал:

— Только ты должна напоминать мне, дитя мое. Иногда я забываю... забываю себя, забываю даже Ее... И ты должна напоминать мне, что я все еще ищу, все еще жду... Что я всегда помнил о Ней и никогда не отступал от того, чему Она меня научила. Я сижу здесь... сижу, потому что короли должны сидеть на троне, но в мыслях я всегда, всегда с Ней!

Тогда я ровным счетом ничего не поняла, но теперь-то я знаю...

Потом король снова заснул, но и во сне он не выпустил руку Молли, и она, положив голову к нему на колени, сидела с ним довольно долго. Шмендрик пошел посмотреть, действительно ли Лисон занимается тем, что велел ей Лир — готовит все к отъезду короля. Из-за двери доносился лязг железа и громкие крики: можно было подумать, что началась небольшая война, но никто не пришел, чтобы повидаться с королем, поговорить с ним, пожелать удачи, наконец...

Мне было совершенно нечем заняться, и я решила написать письмо родителям. Я хотела рассказать им про короля и про замок, но в конце концов заснула, как Лир, и проспала не только остаток дня, но и всю ночь. Проснулась я в постели (как в нее попала, я совершенно не помнила). Надо мной стоял Шмендрик.

— Проснись, детка, — сказал он. — Вставай! Ты заварила эту кашу и теперь должна довести дело до конца. Король едет сражаться с твоим грифоном.

Он не успел еще закончить, как я уже выскочила из постели и спросила:

— Сейчас? Мы отправляемся прямо сейчас?!

Шмендрик пожал плечами.

— До полудня мы, пожалуй, отправимся, если только мне удастся убедить Лисон и остальных, что они не едут... Эта сумасшедшая женщина хочет взять с собой пятьдесят вооруженных всадников, с десяток фургонов с имуществом и провизией, целую ораву скороходов, чтобы доставлять сообщения в замок и обратно, а также всех врачей, какие только отыщутся в королевстве. — Он вздохнул и развел руками. — Боюсь, если мы непременно хотим тронуться в путь сегодня, мне придется превратить всех этих людей в бессловесные камни.

Я решила, что он шутит, хотя к этому моменту уже знала, что со Шмендриком никогда нельзя быть уверенным в чем-то до конца.

— Если Лир отправится в поход с целым штатом слуг, курьеров и секретарем, это будет уже не Лир. Ты понимаешь меня, Суз?

Я покачала головой, и волшебник снова вздохнул.

— Самое обидное, что это моя вина, — сказал он. — Ах, если бы только я бывал здесь почаще! Думаю, я бы сумел что-то сделать, что-

бы вернуть того Лира, которого мы с Молли знали когда-то. Да, это я виноват. Я просто не подумал...

Тут я вспомнила, как Молли говорила мне, будто Шмендрик не в ладах со временем, но тогда я не поняла, что она имеет в виду. Впрочем, я не понимала этого и сейчас, и все, что говорил мне Шмендрик, казалось совершенной белибердой.

— Со стариками такое бывает, — сказала я самым авторитетным тоном. — У нас в деревне есть несколько древних стариков, которые разговаривают точь-в-точь как он. И одна старуха тоже... Ее зовут мамаша Дженнет, и она всегда плачет, когда идет дождь.

Шмендрик сжал кулак и несколько раз ударил себя по колену.

— Король не спятил, девчонка! — воскликнул он. — И никакой он не слабоумный, хотя кое-кто, похоже, считает иначе! Нет, Суз, он — Лир! Все еще Лир, можешь мне поверить... Увы, в этом замке, в окружении добрых и верных слуг и друзей, которые его любят и которые, если им позволить, способны свести его своей любовью в могилу, Лир превращается... ну, ты сама видела, что с ним творится. — Шмендрик немного помолчал, потом наклонился и пристально посмотрел на меня.

— Ты заметила, как он переменялся, когда я заговорил о единорогах? — спросил он.

— О единороге, — поправила я. — О единороге, которая его любила... Да, я заметила.

Шмендрик продолжал смотреть на меня так, будто увидел впервые. Наконец он сказал:

— Прости меня, Суз, я считал тебя ребенком... Да, ты права. Я говорил об одном единороге. Точнее, об одной... Лир не видел Ее с тех пор, как стал королем, но всем, что у него есть, он обязан Ей. И каждый раз, когда я произношу это слово — «единорог», или когда Молли и я упоминаем Ее имя, Лир приходит в себя. — Он снова помолчал и добавил негромко: — А ведь я помню времена, когда нам приходилось напоминать Ей, кто Она такая и как Ее зовут.

— Вот не знала, что у единорогов тоже есть имена, — сказала я. — И я никогда не слышала, что они могут любить людей.

— Они и не могут. Она была особенной. — Шмендрик покачал головой, потом повернулся и быстро пошел прочь. На ходу он обернулся через плечо и сказал: — Ее звали Амальтея. А теперь вставай скорее, лежебока. Найди Молли — она распорядится, чтобы тебя покормили.

Комната, в которой я спала, оказалась совсем небольшой, словно и не в замке, а где-нибудь в обычном доме. У Катании, старосты нашей

деревни, была почти такая же спальня: я знала это, потому что часто играла с ее дочерью Софией. Зато простыни и покрывала на кровати были расшиты золотыми коронами, а на деревянном изголовье помещалось раскрашенное резное изображение синего флага с белым единорогом на нем. Получалось — я провела ночь на королевском ложе, а сам Лир дремал в своем неудобном деревянном кресле!

Я не стала разыскивать Молли, чтобы позавтракать, хотя есть хотелось ужасно. Вместо этого я побежала в ту маленькую комнатку, где я вчера видела короля. Он был там, но так переменялся, что от удивления у меня перехватило дыхание и я застыла на пороге. Вокруг Лира суетились трое мужчин; они были похожи на портных, только надевали на него не камзол, а доспехи: сначала они помогли королю натянуть стеганую куртку-бригантину, потом стали прилаживать и застегивать отдельные детали (до сих пор не знаю, как они называются), защищавшие плечи, грудь, руки и ноги. Шлем король еще не надел, поэтому его голова — седая, с большим носом и голубыми глазами — торчала над массивным панцирем, как у черепахи, но он вовсе не казался смешным. Напротив, Лир выглядел настоящим гигантом.

Увидев меня, король улыбнулся теплой, дружеской улыбкой. Он был рад видеть меня, но я все равно почувствовала, как по коже побежали мурашки: нечто подобное я испытала, когда впервые увидела, как горит в черном ночном небе золотое оперение грифона. Это была улыбка героя, поэтому неудивительно, что я оробела — настоящих героев мне еще никогда встречать не приходилось.

— Доброе утро, малышка, — приветствовал меня король. — Будь добра, помоги мне пристегнуть меч. Для меня это будет большой честью.

Оруженосцам пришлось показать мне, как это делается. Оружейный пояс даже с пустыми ножнами был таким тяжелым, что все время выскальзывал из рук, и я с трудом могла его удержать. С пряжкой я тоже справилась только после того, как один из мужчин помог мне, зато меч в ножны я вложила сама, хотя мне и понадобились обе руки, чтобы поднять его. Когда клинок скользнул в ножны, раздался такой звук, будто захлопнулась тяжелая дверь.

Когда я закончила, король Лир осторожно коснулся моей щеки холодной железной перчаткой и сказал:

— Благодарю тебя, малышка. В следующий раз этот меч покинет ножны для того, чтобы освободить твою деревню от грифона. Это мое королевское слово.

В этот момент в комнату вошел Шмендрик. Окинув нас взглядом, он только головой покачал.

— Это же просто смешно, — сказал он. — Дорога займет четыре, может быть, пять дней, а солнце шпарит так, что омары рискуют заживо свариться в своих панцирях, если только не научатся рыть норы в айсбергах. Его Величеству не нужны доспехи, пока он не встретится с грифоном.

По его лицу было видно, какими глупыми он нас считает, но Лир только улынулся в ответ, как он улыбался мне, и Шмендрик сразу замолчал.

— Мой старый друг, — сказал король. — Я отправляюсь в путь в том, в чем мне хотелось бы вернуться. Не мешай мне. Я так решил.

На мгновение Шмендрик сам стал похож на маленького мальчика, который только что получил нагоняй. Он сумел выдать:

— Что ж, как вам будет угодно, только потом не вините меня... — и все же добавил: — Не надевайте хотя бы шлем!

Он повернулся, чтобы покинуть нас, но дверь комнаты открылась, и вошла Молли. Увидев Лира, она воскликнула:

— О, Ваше Величество, вы великолепны!

Она произнесла это таким тоном, каким моя тетя Зерельда обычно говорит о моем брате Уилфриде. Он может порвать штаны, может залезть в свинарник и изгваздаться с ног до головы, и все равно тетя Зерельда будет твердить, что он самый умный и самый красивый мальчик на свете. Но Молли была не такая. Нетерпеливым жестом она отослала оруженосцев и, встав на цыпочки, пригладила седые волосы короля. Я услышала, как Молли прошептала:

— Как бы мне хотелось, чтобы Она видела тебя сейчас!

Король Лир долго смотрел на нее и молчал. Шмендрик, стоя в стороне, тоже не произнес ни слова, но они были вместе. Все трое. Они были — одно. И глядя на них, я захотела, чтобы и мы с Фелиситой тоже могли стать столь же близки, когда состаримся.

Потом король Лир посмотрел на меня и сказал:

— Девочка ждет.

И мы отправились в путь: король, Шмендрик, Молли и я.

Бедняжка Лисон до последней минуты пыталась уговорить короля взять с собой хотя бы нескольких рыцарей. Мы уже отъехали, а она все шла за нами и причитала:

— Коли не хотите брать рыцарей, возьмите хотя бы меня! Возьмите, Ваше Величество! Пожалуйста!

В конце концов король остановился и, развернув коня, подъехал к ней. Спешившись, он обнял Лисон и что-то сказал ей, а она что-то произнесла в ответ.

О чем они говорили, я не слышала, но после этого Лисон вернулась в замок.

Больше всего я ехала с королем, сидя перед ним на спине его нервной вороной кобылы. Я все боялась, что кобыла укусит меня за коленку или попытается лягнуть, как только я отвернусь, но король меня успокоил:

— Она волнуется, только когда вокруг мирно и безопасно, — сказал он. — Но ты увидишь, на что она способна, если на нас ринется изрыгающий смерть дракон — в буквальном смысле, изрыгающий; отрыжка дракона, как известно, опаснее пламени — или когда на нас упадет этот твой грифон...

И все равно вороная кобыла не внушала мне доверия, а вот сам король с каждым часом нравился мне все больше и больше. Он не пел веселых песенок, как Шмендрик, зато он знал множество удивительнейших историй. И это не были какие-нибудь легенды или сказки для малышей! Это были самые настоящие, взаврадашные истории, потому что все, о чем Лир рассказывал, случилось с ним самим. Ничего подобного я не слышала и уже не услышу. Никогда, я знаю...

Сначала король перечислил все, о чем необходимо помнить, когда сражаешься с драконом. Потом он рассказал, что огры вовсе не так глупы, как кажется; объяснил, почему нельзя плавать в горных озерах, когда тает снег, и растолковал, как иногда — очень редко! — человек может подружиться с троллем. Еще он поведал о замке своего отца, в котором вырос; о том, как он встретил Шмендрика и Молли, и даже о Моллином котенке — маленьком, смешном котенке с поврежденным ушком. Но когда я спросила, почему этот замок разрушился, король — совсем как Шмендрик — не захотел или просто не смог ответить. Глядя куда-то вдаль, он проговорил тихо и задумчиво:

— Я многое забыл, малышка. Я очень, очень старался не забывать, но все равно забываю...

Ну, это я знала... Король, к примеру, то и дело называл Молли «Суз», а меня величал только «малышкой»; кроме того, Шмендрику частенько приходилось напоминать ему, куда и зачем мы едем. Впрочем, это случалось с Лиром только по вечерам; днем он чувствовал себя нормально и все помнил. К счастью, каждый раз когда король уходил мыслями вдаль (и не только мыслями: однажды ночью он ушел в лес и стоял там, разговаривая с каким-то деревом, как будто это его отец, пока я его не нашла), достаточно было только упомянуть имя Единорога — Амальтея, и Лир тотчас возвращался к нам. Обычно имя называл Шмендрик, но в тот раз я тоже воспользовалась его способом, и

помогло: король сам привел меня назад к костру, при этом он держал меня за руку и рассказывал, по каким признакам можно своевременно распознать пикси и почему это так важно.

Но ни разу мне не удалось заставить короля рассказать что-то о Динороге.

Там, где я живу, осень наступает рано. Дни, однако, стояли довольно жаркие, и все же король не снимал своих доспехов — разве только на ночь, когда ложился спать. Даже шлем — блестящий железный шлем с красивым голубым плюмажем — он носил постоянно. Зато по ночам бывало холодно, и чтобы не замерзнуть, я ложилась между Шмендриком и Молли. Была пора оленьих свадеб, и я часто слышала, как в чаше трубят самцы, вызывая друг друга на поединок. Один из них даже напал на нас с королем (вернее, пожелал его вороную кобылу), и Шмендрик уже готов был применить против него какую-нибудь магию — совсем как в тот раз, когда он вызвал ястреба, чтобы прогнать ворону, — но король только рассмеялся и направил лошадь прямо на оленя, на его огромные, ветвистые рога. Я даже взвизгнула, но ворона не дрогнула, и олень струсил. В последний момент он отпрянул в сторону, в самые заросли, и сразу пропал из вида, однако я успела заметить: он быстро крутил своим коротеньким хвостиком, как делают козы, а вид у него был такой же удивленный и растерянный, как прежде у самого Лира.

Едва справившись с испугом, я ужасно возгордилась, что мы с королем такие храбрые, но Шмендрик и Молли довольно сурово отчитали Лира за его мальчишество, и король до самого вечера извинялся передо мной: мол, подверг мою жизнь опасности. (Это Молли сказала, что ему не мешало бы извиниться, и он послушался!) «Понимаешь, малышка, — говорил он, — я совершенно забыл, что в мое попечительство вверена девочка, и уже за одно это я готов просить у тебя прощения до конца своих дней». Потом он улыбнулся мне своей геройской улыбкой, которую я уже видела в замке, и добавил: «Но, малышка, зато я вспомнил кое-что другое!». И в тот вечер он никуда не ушел и не заблудился, а напротив — сидел с довольным видом у лагерного костра и пел нам длинную-предлинную песню о приключениях какого-то разбойника, которого звали капитан Калли. Я о таком никогда не слышала, но песня мне понравилась.

К моей деревне мы подъехали вечером четвертого дня пути. Прежде чем мы прибыли, Шмендрик велел нам остановиться и обратился ко мне с такими словами:

— Ты не должна никому говорить, что перед ними король, потому что из этого ничего хорошего не выйдет. Будет шум и суета, и все ста-

нут праздновать, и никто из нас не отдохнет как следует. Будет гораздо лучше, если ты скажешь своим односельчанам, что с нами приехал самый знаменитый королевский рыцарь. И ему нужно провести ночь в бдении и молитве, чтобы очистить сердце и душу перед схваткой с грифоном... Ты поняла?

Тут Шмендрик взял меня за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. И пока я смотрела в эти странные зеленые глаза, он добавил раздельно и твердо:

— Ты должна верить мне, девочка. Я знаю, что делаю — *всегда* знаю, и в этом моя беда. Ты должна сказать всем жителям деревни то, что я сейчас сказал тебе.

А Молли погладила меня по руке, и хотя она ничего не добавила, я поняла, что все в порядке и Шмендрик прав.

Потом они расположились лагерем на окраине деревни, а я отправилась к своему дому пешком.

Первой встретила меня Малка. Она почуяла меня еще до того, как я миновала таверну Саймона и Элси, и бросилась мне навстречу. Малка налетела на меня с разбега, сбила с ног и, прижав лапами к земле, принялась так неистово лизать мое лицо, что в конце концов мне пришлось ущипнуть ее за нос. Потом я побежала к дому, а Малка — за мной.

Папа ушел со стадом, но мама и Уилфрид были дома. Они схватили меня и едва не задушили в объятиях; при этом они плакали (глупый, противный Уилфрид тоже плакал!), потому что были уверены, что меня утащил и съел грифон. Наплакавшись, мама как следует отшлепала меня за то, что я без спроса убежала из дома. И папа тоже меня отшлепал, когда вернулся, но я не особенно возражала.

Потом я рассказала, что видела самого короля Лира, побывала в его замке и — как велел Шмендрик — добавила: король прислал со мной своего самого лучшего рыцаря, которому под силу убить грифона. Но никого это известие почему-то не обрадовало. Папа, во всяком случае, сел на лавку и насмешливо фыркнул:

— Еще один великий воин — нам на утешение, грифону на десерт! — сказал он. — Этот дурацкий король только и знает, что посылать к нам бесполезных рыцарей: сам он ни за что сюда не приедет, можешь не сомневаться!

Мама, конечно, сказала, что он не должен говорить так о короле при мне и Уилфриде, но папа только отмахнулся от нее и продолжал:

— Быть может, когда-то наш король действительно заботился о простых людях, живущих в маленьких деревушках вроде нашей, но те-

перь он уже стар, а старые короли способны думать только об одном: кто займет их место. Я знаю, что говорю, и никто меня не переубедит!

Мне ужасно хотелось сказать ему, что он не прав, что король Лир здесь, меньше чем в полумиле от нашего дома, но я промолчала, и не только потому, что Шмендрик велел мне ничего не говорить. Я боялась, что Лир — седой, нетвердо стоящий на ногах и временами теряющий память — может не понравиться моему папе, да и другим тоже. Честно говоря, я и сама не знала, что думать... Конечно, Лир был очень славным, и он рассказывал такие замечательные истории, но я с трудом представляла себе, как этот по-настоящему пожилой человек отправится один в наш Черный лес, чтобы сражаться с грифоном, который уже съел несколько молодых и сильных рыцарей. Нет, что хотите делайте, но я не могла представить себе такого! Хуже того: теперь, когда я все сделала и привезла короля в деревню, мне вдруг стало страшно, что из-за меня он может погибнуть. А я знала, что если это случится, я никогда себе не прощу. Никогда!

И мне сразу захотелось снова увидеться со Шмендриком, Молли и королем — лежать рядом с ними на холодной, твердой земле и слушать, как они разговаривают. Быть может, тогда, подумалось мне, я не буду так сильно беспокоиться о том, что случится завтра. Но об этом, конечно же, нечего было и думать. Мои родители ни за что бы не разрешили мне пойти к ним — они и так старались ни на секунду не выпускать меня из вида, словно боялись, что я снова могу исчезнуть. Уилфрид — тот и вовсе ходил за мной по пятам и выпытывал всякие подробности про короля и замок.

Ближе к вечеру папа отвел меня к Катании, и там мне пришлось рассказать всю историю снова.

Выслушав меня, Катания покачала головой. В общем-то она была согласна с отцом, сказав, что кого бы король ни прислал, результат будет тот же. Потом мы вернулись домой, и до самой ночи мама то пичкала меня лакомствами, то награждала шлепками, то бранила, то обнимала — и все это более или менее одновременно. Когда же стало совсем поздно, мы снова слышали, как кричит в ночи грифон. Этот негромкий, протяжный звук так сильно на меня подействовал, что я почти не спала, хотя устала ужасно.

Но утром, когда я помогла Уилфриду доить коз, мне наконец-то разрешили сбегать в лагерь, но только если я возьму с собой Малку. В лагере Молли помогала королю облачиться в доспехи, и Шмендрик тоже, причем все трое вели себя так, словно сегодня был просто еще один день нашего путешествия. Увидев меня, они как ни в чем не бы-

вало поздоровались, а Шмендрик поблагодарил меня: мол, я поступила правильно, и король получил возможность отдохнуть и выспаться перед...

Я не дослушала. Даже не знаю, что на меня нашло. Клянусь, я не подозревала, что способна на что-то подобное. Бросившись к королю, я обняла его обеими руками и воскликнула:

— Не ходи! Не ходи никуда, я передумала! Пожалуйста, не надо сражаться!

Король Лир посмотрел на меня сверху вниз. В эти секунды он казался очень высоким — как самое старое и могучее дерево в лесу или даже выше. Осторожно погладив меня по голове своей латной рукавицей, он сказал:

— Но я *должен* сражаться, малышка. Это моя работа.

То же самое я всегда говорила себе, но теперь мне казалось — это было ужасно давно, и от того, что король повторил мои же слова, мне сделалось нехорошо.

— Не ходи туда! — попросила я. — Я передумала. Пусть этого дурацкого грифона убьет кто-нибудь другой. Ты вовсе не обязан рисковать собой. Возвращайся к себе в замок и живи, как прежде: будь нашим королем, управляй нами... ну и все такое. — Так я лепетала и шмыгала носом — словом, вела себя как самая глупая девчонка на свете. Хорошо еще, что Уилфрид меня не видел.

Король Лир продолжал одной рукой гладить меня по голове, а другой пытался отодвинуть, но я только еще крепче вцепилась в него. Кажется, я даже пыталась вытащить из ножен его меч, чтобы ударить с ним. Не будет же король сражаться без меча, думала я в отчаянии.

— Нет, малышка, ты не понимаешь... — мягко сказал Лир. — Есть чудовища, убить которых под силу только королю. Я знал это... и все-таки послал других людей умирать вместо меня. Я не должен был этого делать и теперь сожалею. Нет, никто, кроме меня, не сможет тебе помочь и избавить твою деревню от грифона. Это моя работа и мой... долг. — Тут он наклонился и поцеловал мою руку, как, наверное, целовал руки придворным дамам. Он поцеловал мне руку — совсем как им!

Потом подошла Молли и увела меня от короля. Прижимая меня к себе, она гладила меня по голове и говорила:

— Суз, детка, поверь: ни он, ни ты уже не можете обратить историю назад. Это судьба: ты должна была явиться к нему с этой последней трудной задачей, а он должен был попытаться решить ее, и ни один из вас, будучи тем, кто он есть, не мог поступить иначе. Теперь тебе остается одно: быть такой же смелой и мужественной, как Лир, и

вместе с нами ждать, пока... — Тут Молли спохватилась, что сказала что-то не то. — И ждать, — добавила она. — Потому что ты, конечно, не пойдешь с нами в этот ужасный лес.

— Пойду! — сказала я. — И вы меня не остановите. Никто меня не остановит!

Я уже не кланчила и не хлюпала. Я сказала это совершенно нормальным тоном, и это, похоже, напугало Молли больше всего. Держа меня на расстоянии вытянутой руки, она несколько раз тряхнула меня и очень серьезно посмотрела мне в глаза. Наконец Молли сказала:

— Хорошо, Суз, ты пойдешь в лес, но только при одном условии: сейчас ты честно и откровенно скажешь мне, что родители разрешили тебе идти с нами. Ну?..

Я не ответила, и Молли еще раз встряхнула меня, но гораздо слабее. Вздохнув, она сказала:

— О, как это гадко с моей стороны! Прости меня, Суз, прости, дружок. Еще в тот день, когда мы познакомились, я поняла, что ты никогда, никогда не научишься лгать! — Она сжала мои руки в своих и добавила: — Проводи нас до Черного леса, Суз, если, конечно, хочешь. Там мы расстанемся. Сделай это для нас, Суз. Для меня... Сделаешь?

Я кивнула в ответ. Говорить я не могла — у меня перехватило горло, да так, что я едва могла дышать.

— Спасибо, — сказала Молли и еще раз пожала мне руки.

Потом к нам подошел Шмендрик. Он сделал Молли какой-то знак, потому что она сказала: «Да, я знаю», хотя маг не произнес ни слова, и они вместе отошли к королю Лиру, а я осталась одна. Меня трясло. Прошло довольно много времени, прежде чем я сумела взять себя в руки.

Черный лес находится совсем недалеко, и добраться до него они могли и без моей помощи. Его прекрасно видно с крыши бакалейной лавки Эллиса — самого высокого дома на окраине деревни. Любопытно, что и вблизи, и издалека Черный лес кажется одинаково темным и мрачным. Почему — я не знаю. Быть может, дело в том, что там растут одни дубы (а о дубовых лесах и обитающих в них тварях в нашей деревне рассказывают много сказок и легенд, и все они страшные); быть может, на лес наложено какое-то заклятие, но, может, во всем виноват грифон, а до того, как он появился, Черный лес был другим. Правда, дядя Амброуз говорит, что это всегда было плохое место, но мой папа с ним не согласен: когда-то он и его друзья там охотились, а раз или два он даже устраивал в этом лесу пикник с моей мамой, которая тогда не была его женой.

Король Лир, как всегда, ехал впереди нашего маленького отряда. Выглядел он величественно и казался совсем молодым; голову держал прямо, и голубой плюмаж из перьев покачивался и трепетал над его шлемом, как знамя. Я-то решила ехать с Молли, но когда проходила мимо вороной кобылы, король наклонился в седле и, легко подхватив меня своими могучими руками, усадил перед собой.

— Сегодня ты будешь сопровождать и направлять меня, малышка, пока мы не доберемся до лесной опушки, — сказал он, и я почувствовала, как расту до небес. Но я все равно боялась, потому что король казался каким-то уж чересчур веселым, а ведь он пытался довести до конца дело, которое не смогли исполнить все его рыцари, и шел навстречу гибели. Я знала это почти наверняка, но уже не сказала ни слова. Лир все равно бы меня не послушал — это я тоже знала. Бедная я, бедная Лисон...

Пока мы ехали, король рассказывал мне о грифонах.

— Если тебе когда-нибудь придется иметь дело с этими тварями, малышка, — говорил он, — ты должна иметь в виду, что они совсем не похожи на драконов. Дракон — он и есть дракон; когда эта тварь пикирует на тебя, постарайся сжаться в комок, но стой на месте, а когда он налетит — бей в подбрюшье. Если твой удар будет точен, считай, дело сделано. Но грифон... Грифон — это и лев, и орел: два в высшей степени несхожих существа, которых соединил в одно какой-то забытый бог, наделенный довольно-таки странным чувством юмора. Как бы там ни было, в теле чудовища бьются два сердца, поэтому, чтобы победить его, нужно пронзить оба, понимаешь? — Держа меня перед собой на седле, король легко и непринужденно говорил о страшных вещах, часто повторяясь, как делают старые люди: — У грифона два сердца — никогда не забывай об этом, малышка... Многие забывают. Орлиное и львиное, львиное и орлиное... Только не забывай, и все будет хорошо!

По пути мы встречали многих людей из моей деревни, которые гнали своих овец на пастбища. Я их хорошо знала, и они махали мне руками, окликали по имени или шутили со мной. Лира они тоже приветствовали, но никто не кланялся ему и не снимал перед ним шляпы, потому что я никому не сказала, что это король, а в лицо его никто не знал. Других королей это, наверное, очень бы расстроило, но Лир, напротив, даже развеселился. Я, впрочем, других королей не встречала, поэтому не могу сказать точно.

Черный лес, казалось, почувствовал нас задолго до того, как мы достигли опушки. Длинные, похожие на пальцы тени тянулись к нам че-

рез пустынные поля, а листья на ветвях трепетали и показывали светлую изнанку, хотя никакого ветра не было и в помине. В обычном лесу достаточно шумно: стоит только ненадолго замереть, и можно различить птичьи голоса, жужжание насекомых, журчание невидимого ручья и другие звуки, но Черный лес всегда молчалив и тих. И эта тишина, казалось, тоже тянулась к нам, обволакивая, обступая со всех сторон, отгораживая от остального мира.

Мы остановились, но доезжая до леса на расстояние брошенного камня, и король сказал:

— Здесь мы расстанемся, малышка. — И с этими словами он ссадил меня на землю так бережно, словно возвращал птенца в гнездо.

Повернувшись к Шмендрику, Лир добавил:

— Я знаю, бесполезно просить тебя и Суз не ходить за мной, — (он по-прежнему называл Молли моим именем, я уж не знаю почему), — но заклинаю вас памятью великого Никоса и нашей драгоценной дружбой...

Тут он замолчал и так долго не произносил ни слова, что я подумала — Лир снова позабыл, кто он такой и что он здесь делает, но я ошиблась. Когда он продолжил, его голос звучал внятно и звенел, как рев одного из встреченных нами оленей:

— ...Заклинаю вас Ее именем не помогать мне никаким способом, после того как мы въедем в лес! Вы не должны мешать мне исполнить то, что мое по праву. Это ясно, мои дорогие друзья?..

Шмендрику все это очень не понравилось. Не нужно было быть волшебником, чтобы понять это. Даже мне было совершенно очевидно, что он с самого начала собирался вступить в бой, как только король нападет на грифона. Но сейчас Лир в упор смотрел на него своими *молодыми* глазами и слегка улыбался, и Шмендрик растерялся. Он просто не знал, как быть! Впрочем, никакого выхода король ему не оставил, и в конце концов — очень неохотно — маг кивнул и пробормотал:

— Как будет угодно Вашему Величеству...

Он сказал это так тихо, что Лир не расслышал и заставил его повторить.

А потом все они стали прощаться со мной, потому что мне нельзя было идти в лес. Молли сказала, что совершенно уверена: мы обязательно увидимся снова. А Шмендрик добавил, что у меня есть все задатки настоящей королевы-воительницы, но он уверен — я слишком умна, чтобы стать таковой. А король... король сказал — очень тихо, чтобы никто его не услышал:

— Если бы я был женат и у меня была дочь, я желал бы только одного — чтобы она была такой же мужественной, доброй и верной, как ты, малышка. Помни об этом, как я буду помнить тебя до конца своих дней.

Все это было очень мило, и я жалела, что мама и папа не слышат, какие замечательные вещи говорят обо мне все эти мудрые люди. Но уже в следующую минуту они повернулись и поскакали в Черный лес. Из них троих только Молли обернулась, чтобы помахать мне рукой, да и то, я думаю, она хотела убедить, что я не собираюсь последовать за ними. Теперь, как мы и договорились, я должна была отправиться домой и ждать, пока мне скажут, живы мои друзья или погибли, и проклятый грифон снова будет воровать детей. Я понятия не имела, как это у меня получится — ждать, но одно я знала твердо: мое приключение закончилось.

Может, я в конце концов действительно пошла бы домой, если бы не Малка.

В общем-то, ей полагалось быть не со мной, а с овцами; это была ее работа, как работа короля Лира — сражаться с грифонами и всякими чудовищами. Но Малка, по-видимому, считает, что я тоже в каком-то смысле овца, несносная и глупая овца, которая так и норовит забрести куда-то, где ей грозит опасность, и которую нужно пасти особенно внимательно. Всю дорогу до Черного леса она спокойно бежала рядом с королевской вороной кобылой, но сейчас, когда мы остались одни, Малка подскочила ко мне и принялась с громким лаем прыгать вокруг меня, с силой толкая лапами в грудь, как она всегда поступает, если я, по ее мнению, нахожусь не там, где мне следует быть. Каждый раз, когда Малка так на меня прыгает, я стараюсь покрепче упереться ногами в землю, но это никогда не помогает. Я обязательно оказываюсь на земле, и тогда Малка хватает меня зубами за подол и начинает тащить в ту сторону, куда, как ей кажется, мне следует идти.

Но вдруг... Малка внезапно замерла, словно вспомнив о каком-то важном деле, и пристально уставилась в самую гущу Черного леса. Глаза ее выпучились так, что стали видны белки, а из пасти вырвалось низкое стенание, какого я еще никогда у нее не слышала. Думаю, и сама Малка не знала, что умеет издавать такие звуки. В следующий миг моей собаки уже не было. Сорвавшись с места, она во всю прыть помчалась в лес, прижимая к голове мохнатые уши и роняя с языка клоchy пены. Я несколько раз окликнула ее, но куда там!.. Малка и ухом не повела. На бегу она продолжала не то выть, не то рычать и, наверное, вовсе меня не слышала — в таком она была состоянии.

Что ж, никакого выбора у меня не осталось. У короля Лира, у Молли и у Шмендрика выбор был: они сами решали, с кем (или с чем) и когда им сражаться. Но Малка была моей собакой и вряд ли имела представление о том, с каким чудовищем ей предстоит столкнуться в Черном лесу, так что я просто не могла допустить, чтобы она сражалась с грифоном одна. Нет, я ее не брошу!..

И, набрав в грудь побольше воздуха, я огляделась и вошла в чащу следом за Малкой.

Собственно говоря, я не пошла, а побежала. Я пробежала, сколько смогла, потом некоторое время шагала, а отдышавшись, побежала снова. В Черном лесу нет никаких тропинок, потому что туда никто не ходит, и я хорошо видела, где пробивались через подлесок три лошади, следы которых перекрывались отпечатками собачьих лап. В лесу было совсем тихо. Не дул ветер, не пели птицы, и единственным звуком, нарушавшим зловещее молчание чащи, было мое собственное тяжелое дыхание. Даже лай Малки я больше не слышала. Мне очень хотелось верить, что мои друзья застигли грифона спящим в гнезде, и король Лир уже убил чудовище своим острым мечом, пронзив оба сердца, как он и говорил, но в глубине души я знала, что надеяться на это не стоит. Лир наверняка считал бы бесчестным напасть на спящего грифона, поэтому, прежде чем нанести удар, он наверняка разбудил чудовище. Я, правда, знала короля не особенно давно, но была уверена, что именно так он и поступит.

И словно в подтверждение моих мыслей лес впереди меня буквально взорвался целой какофонией звуков.

Шум был таким, что мне никак не удавалось в нем разобраться. Малка уже не выла, а визжала яростно и злобно; из кустов и древесных крон, хлопая крыльями и испуганно вереща, вылетали напуганные птицы; кто-то — Шмендрик или король — громко кричал, но я не могла понять ни слова. И сквозь весь этот дикий шум пробивался еще какой-то совсем негромкий звук — что-то среднее между ворчанием и протяжным всхлипыванием, похожим на плач напуганного ребенка. Потом, как раз когда я выдралась из кустов и выбежала на поляну, послышался металлический лязг и скрежет как будто тысячи ножей: это грифон прыгнул в воздух и взмахнул своими сверкающими крыльями. Его золотистые, холодные глаза на мгновение впились в меня, а клюв открылся так широко, что я различила глубокое, как пещера, жерло глотки.

Огромная тень чудовища заполнила все небо над поляной.

А король Лир верхом на вороной кобыле заполнил собой все свободное пространство внизу. Он был почти таким же большим, как гри-

фон, а его вынутый из ножен меч показался мне длинным, как медвежья рогатина. Король с легкостью потрясал им, призывая грифона спуститься вниз и сражаться, но чудовище благоразумно держалось вне его досягаемости и только кружило над поляной, с недоумением разглядывая невесть откуда взявшихся людей. Малка, напротив, неистовствовала. Не переставая визгливо лаять, она подпрыгивала высоко в воздух и свирепо лязгала зубами, целясь в львиные лапы с острыми, как иглы, когтями, но до сих пор ей удалось вырвать у грифона лишь несколько железных перьев.

Рванувшись вперед, я поймала собаку в воздухе и попыталась оттащить прочь, пока грифон до нее не добрался, но Малка сопротивлялась отчаянно. Она расцарапала мне все лицо своими тупыми когтями, и в конце концов мне пришлось ее отпустить. Малка тотчас прыгнула на грифона снова, но чудовище внезапно снизилось и с такой силой хлестнуло ее по ребрам тяжелым крылом, что бедняжка даже не смогла завизжать (как и я, впрочем). Пролетев через всю поляну, Малка ударилась о ствол дерева, рухнула на землю и больше не двигалась.

Впоследствии Молли рассказала мне, что именно в этот момент король ударил мечом в львиное сердце грифона. Сама я этого не видела. Не думая об опасности, я стремглав метнулась через поляну и, бросившись на Малку сверху, закрыла ее своим телом, боясь, как бы грифон не напал на нее лежащую. Я вообще не видела ничего, кроме широко раскрытых собачьих глаз и окровавленной шерсти на боку Малки, но я слышала, как громко зарычал раненый грифон, а когда наконец обернулась, то увидела, как кровь течет по груди чудовища, как оно поджимает задние лапы к брюху — будто человек, которому по-настоящему больно.

Король Лир завопил и заулюлюкал, как мальчишка. Подбросив меч высоко в воздух, он ловко его поймал и поскакал к грифону, который, отчаянно хлопая крыльями, опускался все ниже и ниже, потому что мертвая львиная часть тянула его к земле. Приземлился он с тупым стуком — совсем как Малка, — и на мгновение я почти поверила, что грифон мертв. Помнится, я даже подумала с какой-то отстраненностью: «Чудовище сдохло, и я рада. Да, рада...».

Потом я услышала, как Шмендрик, надрывая горло, изо всех сил кричит королю:

— Второе сердце! Второе!

Не успела я подумать, что это может значить, как вдруг почувствовала рядом с собой Молли. Она пыталась оттащить меня подальше, но я не выпускала Малку, которая вдруг стала невероятно тяжелой. Я мог-

ла видеть и думать только о своей собаке, поэтому не замечала ничего, что творилось вокруг. Единственное, что я тогда чувствовала — Малкино сердце больше не бьется.

Она охраняла мою колыбель, когда я родилась. Когда у меня резались зубы, я жевала ее многострадальные уши, а Малка даже ни разу не заворчала. Так говорит моя мама.

Король Лир не видел и не слышал нас. В эти несколько мгновений для него не существовало ничего, кроме чудовища, которое, хлопая крыльями, барахталось посреди поляны. Конечно, оно убило Малку, убило нескольких моих друзей, съело немало коз, овец, рыцарей, и я даже не знаю, кого еще, и все же я не могла его не пожалеть. Должно быть, король Лир тоже почувствовал что-то подобное, потому что слез со своей вороной лошади и, подойдя к грифону, заговорил с ним, опустив меч так, что клинок почти касался острием земли.

— Ты бился достойно, — сказал король. — Наверное, мне уже никогда не придется иметь дело с таким сильным и благородным противником. И ты, и я — мы оба исполнили то, для чего появились на свет. Сейчас ты умрешь, так позволь мне поблагодарить тебя за это.

Но не успел он договорить последнее слово, как грифон бросился в свою последнюю атаку.

Это орел — орлиная половина чудовища — ринулась на короля, волоча мертвого льва за собой, совсем как я тащила мертвую Малку. Лир сделал шаг назад и взмахнул мечом, пытаясь отсечь грифону голову. Он действовал на удивление проворно, но тварь оказалась быстрее. Ужасный клюв поразил его чуть выше пояса, пробив доспехи с такой легкостью, с какой топор дровосека рассек бы поджаристую корочку на пироге, и король, не издав ни звука (я, во всяком случае, ничего не слышала), сложился пополам, сразу напомнив мне выстиранное белье на веревке. Кровь и все остальное выплеснулись на траву. Я не могла сказать, жив король или умер, но мне показалось, что чудовище пытается перекусить его надвое.

Рванувшись, я освободилась из рук Молли, но она этого даже не заметила. Она звала Шмендрика, умоляя его сделать хоть что-нибудь, но он был бессилен (и Молли знала это), потому что обещал королю не использовать магию, что бы ни случилось. Но я-то не была волшебницей и к тому же никому ничего не обещала. Наклонившись к Малке, я шепнула ей, что сейчас вернусь, и со всех ног побежала к центру поляны.

Грифон меня не видел. Накрыв тело короля огромными крыльями, он наклонил свою страшную голову, изготовившись еще к одному уда-

ру. Львиная половина его туловища по-прежнему безвольно волочилась по траве сзади, и от этого все происходящее казалось еще ужаснее, хотя я и не знаю почему. К тому же грифон то и дело издавал не то урчание, не то сиплое бульканье, от которого меня буквально бросало в дрожь.

В левой руке у меня был большой камень, а в правой — острый обломок древесного сука. Кажется, я что-то кричала, но что — не помню. Так иногда можно отогнать от отары волков, нужно только достаточно решительно бежать прямо на них и не бояться.

Я умею одинаково сильно бросать камни обеими руками — Уилфрид, к примеру, испытал это на себе, когда я была еще совсем маленькой. И когда мой булжник угодил чудовищу в шею, оно сразу подняло голову. Ему это явно не понравилось, но оно было слишком занято королем, чтобы обратить на меня внимание. Я отлично знала, что моей деревяшкой не убьешь даже полудохлого грифона, но она была нужна мне для другого. Размахнувшись, я швырнула свою палку как можно дальше, отвлекая внимание чудовища. И действительно, грифон на секунду отвернулся, провожая ее взглядом. Этого мгновения мне хватило, чтобы сделать еще несколько шагов и прыгнуть вперед — к королевскому мечу, рукоятка которого торчала из-под распластавшегося на земле тела. Я знала, что смогу поднять меч: когда мы выезжали из замка, король Лир попросил меня застегнуть на нем оружейный пояс, и я справилась, хотя мне и понадобились обе руки.

Увы, я никак не могла вытащить клинок. Король был очень тяжелым, совсем как Малка, даже еще тяжелее, и все-таки я не сдавалась. Я тянула и тянула меч к себе, не замечая ни Молли, которая снова обхватила меня сзади и попыталась оттащить в сторону, ни грифона, который с урчанием начал перебираться через тело Лира, чтобы напасть на меня. Я, впрочем, слышала голос Шмендрика, который звучал как-то очень странно, словно издалека, и я даже подумала, что он поет одну из своих глупых песенок, которые сочинял для меня по пути сюда. Только с чего бы ему вздумалось петь сейчас?.. В конце концов я все-таки подняла голову, чтобы отбросить с лица прилипшие волосы, и тут грифон зацепил меня когтем и, легко оторвав от Молли, швырнул прямо на короля Лира. Я ударила лицом о его железный нагрудник, но почувствовала только холод, словно доспехи умерли вместе с ним.

А потом грифон заглянул мне прямо в глаза, и это было хуже всего. Хуже даже, чем боль от когтей, хуже, чем никогда больше не увидеть маму, папу и этого дурачка Уилфрида. Хуже, чем знать, что я не сумела спасти ни короля, ни Малку. Грифоны не умеют говорить (дра-

коны умеют, однако они разговаривают только с героями — так сказал Лир), но желто-золотые глаза чудовища, глядевшие прямо на меня, были настолько выразительны, что я буквально услышала:

Да, я скоро умру, но вы уже мертвецы, и я успею обглодать ваши косточки до того, как вороны доберутся до меня. Я умру, однако люди будут помнить, кем я был и что сделал, даже когда в вашем жалком муравейнике не останется никого, кто бы помнил ваши имена. А это значит, что я победил...

И я знала, что это — чистейшая правда.

В следующее мгновение я увидела над собой отверстый клюв и алый провал горячего зева.

А потом это случилось.

Сначала я думала — это просто облако.

Я была до того растеряна и напугана, что действительно подумала — это белое облако, которое почему-то скользит очень низко и очень быстро. И я почти не удивилась, когда облако ударило грифона в бок и отшвырнуло в сторону, а я покатила по земле прямо в руки Молли, которая обхватила меня так крепко, что я едва могла дышать. В конце концов мне все же удалось высвободить голову, и тогда я увидела, что это было...

В своих мыслях я вижу это до сих пор. Даже сейчас, в эту самую минуту...

Они вовсе не похожи на лошадей. Даже не знаю, почему люди считают иначе. Конечно, у них те же четыре ноги и хвост, но на этом сходство и кончается. Копыта у них раздвоенные, как у козы или оленя, а голова меньше, чем у лошади, и гораздо изящнее. Да и все туловище совсем не конское, так что сказать, будто единороги похожи на лошадей — все равно что сравнивать снежинку с коровой. Рог у них длинный и кажется очень тяжелым: даже удивительно, как такая тонкая шея может выдержать подобную тяжесть.

Шмендрик стоял на коленях с закрытыми глазами. Только губы его шевелились, словно он все еще пел. «Амальтея, Амальтея...» — шептала Молли, но она обращалась не ко мне и вообще ни к кому. Единорог стояла напротив грифона, и разделяло их только тело короля. Ее изящные передние ножки слегка приплясывали на месте, но я видела, что задние ноги Амальтеи напряжились, как у баранов, когда они готовятся к атаке, только бараны опускают голову почти к самой земле, а Единорог, напротив, подняла голову вверх, так что длинный витой рог засиял в солнечных лучах, словно перламутровая раковина. Внезапно Она испустила крик, от которого мне снова захотелось зарыться го-

ловой в подол Моллиного плаща и заткнуть уши руками — столько в этом крике было обжигающей ярости и... боли.

Потом голова Единорога опустилась...

Хотя и смертельно раненый, грифон не собирался сдаваться и сопротивлялся с мужеством отчаяния. Неуклюже подпрыгнув, он ринулся навстречу Единорогу, но Амальтея легко уклонилась, и страшный окровавленный клюв впустую шелкнул рядом с ее белоснежными ногами. И каждый раз, когда грифон атаковал, Амальтея разворачивалась (намного быстрее, чем это сделала бы любая лошадь) и сама делала выпад прежде, чем чудовище успевало отпрянуть и изготавиться к обороне. Это было немножко несправедливо по отношению к грифону, но я больше его не жалела.

И вот наконец Единорог мотнула головой и, ударив грифона рогом плащом, одним движением сбила его с ног. Но еще до того как Амальтея повернулась, чудовище с неожиданным проворством вскочило и прыгнуло вверх. Мертвая львиная часть очень мешала грифону, но он отчаянно забил крыльями и сумел подняться достаточно высоко, чтобы оказаться на спине Единорога. Вцепившись в белую шкуру Амальтеи своими орлиными когтями, чудовище пустило в ход клюв, стараясь добраться до горла. Я вскрикнула — просто не смогла сдержаться, но Амальтея уже встала на дыбы, да так резко, что я испугалась, как бы Она не опрокинулась. Однако Единорог устояла, зато грифон не удержался и полетел на землю, а уже в следующий миг Амальтея развернулась и — стремительная, как белая молния — вонзила рог между железными перьями, пронзив второе сердце чудовища.

После этого Она еще долго топтала врага копытами, но в этом уже не было нужды.

Шмендрик и Молли бросились к королю. Они не смотрели на поверженного грифона и почти не обращали внимания на Единорога. Я тоже хотела вернуться к Малке, но вместо этого пошла за ними к Лире. Грифон нанес ему страшную рану — я хорошо рассмотрела ее во время своей отчаянной попытки завладеть королевским мечом и уже не думала, что король может быть жив. Но он был жив, хотя и едва-едва. Когда мы опустились рядом с ним на колени, он открыл глаза и, приветливо улыбнувшись нам, проговорил отчетливо и внятно:

— Лисон?.. Кажется, мне пора принять ванну.

Я не плакала. И Молли тоже не плакала. А вот Шмендрик плакал.

— Нет, Ваше Величество! — сказал он. — Вам не нужна ванна, правда...

На лице Лира появилось озадаченное выражение.

— Но от меня дурно пахнет, Лисон. Мне кажется, я опять обмочился. С этими словами он потянулся к моей руке и стиснул с неожиданной силой.

— А-а, малышка... — произнес он. — Я тебя знаю, малышка. Не надо меня стыдиться, я просто стар.

Я тоже, как смогла, пожала его пальцы.

— Привет, Ваше Величество! — проговорила я, не зная, что еще сказать. — Привет, Ваше...

Его лицо вдруг стало очень молодым, прекрасным и счастливым, а взгляд устремился куда-то поверх моего плеча, и я поняла, что хотя бы взглядом он тянется к кому-то или к чему-то позади меня. Потом я почувствовала на затылке чье-то теплое дыхание и, обернувшись, увидела Единорога. Она была вся в крови, которая текла из глубоких ран на спине и шее, но в ее глазах был только Лир. Я отодвинулась, чтобы не мешать Ей дотянуться до него, а когда снова посмотрела, король был уже мертв. Мне девять, уже почти десять, и я способна отличить живого человека от мертвого.

Единорог еще долго стояла над телом короля Лира. Сначала я стояла рядом, однако спустя какое-то время отошла в сторону и присела рядом с Малкой. Потом ко мне подошла Молли. Только Шмендрик остался стоять на коленях рядом с королем, и я видела, что он разговаривает о чем-то с Единорогом. Я не слышала, что он говорит, но по его лицу я видела — он о чем-то просит Амальтею. О чем-то очень важном, быть может — о самом важном, что только может быть... Моя мама говорит, будто всегда знает, когда я собираюсь о чем-то попросить — еще до того, как я открою рот. Единорог ничего не отвечала, — единороги, я думаю, тоже не умеют говорить, — но Шмендрик продолжал упрашивать Ее, пока Она не повернула голову и не посмотрела на него. Только тогда маг замолчал и, встав на ноги, медленно побрел куда-то к деревьям. Один. А Единорог осталась стоять, где стояла.

Молли тем временем пыталась меня утешить. Она говорила, какая Малка была храбрая и что она, наверное, единственная собака в мире, которая напала на грифона. Еще она спросила, были ли у нее щенки, и я сказала — да, но ни один из них не был Малкой. Даже странно, как Молли изо всех сил старалась утешить меня, а я утешала ее, потому что у нее ничего не получалось. Впрочем, утешать меня было не нужно. Все это время я испытывала какое-то непонятное спокойствие, словно находилась ужасно далеко от всего — почти так же далеко, как Малка. Я не плакала, а только закрыла ей глаза, как закрывают глаза людям, и снова и снова гладила ее по жесткой, спутанной шерсти.

Единорога я не заметила. Молли должна была видеть Ее, но она ничего мне не сказала и даже не пошевелилась. Я продолжала ласкать Малку и ни на что не обращала внимания, пока голова Единорога не склонилась над самым моим плечом. Она была так близко, что я отчетливо видела засохшую кровь грифона в бороздках спирального рога, но мне было ни чуточки не страшно. Как я уже сказала, я вообще ничего не чувствовала. Потом длинный рог очень легко коснулся Малки в том месте, где я ее гладила... и Малка открыла глаза.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что она снова жива. Мне потребовалось куда больше времени. Малка тем временем высунула язык и задышала часто-часто, словно ей очень хотелось пить, и Молли сходила куда-то и принесла в ладонях немного воды. Малка все вылакала и попыталась встать, но запуталась в ногах и повалилась на бок, как щенок. Она, однако, не сдавалась и вскоре уже стояла на всех четырех лапах, хотя еще немного покачивалась. Несколько раз Малка пыталась лизнуть меня в лицо, но все время промахивалась; когда же ей это удалось, я наконец заплакала.

Потом Малка увидела Единорога и сделала очень странную вещь. Сначала она несколько секунд смотрела на Амальтею, а потом поклонилась на свой собачий манер или сделала реверанс: вытянув передние лапы, Малка опустила голову и положила ее между ними на землю. А Единорог очень осторожно ткнула Малку носом.

Потом Единорог впервые посмотрела на меня. Или, может быть, я впервые увидела Ее по-настоящему. Рог, копыта, Ее волшебная белизна — все это сейчас не имело значения, потому что я смотрела прямо в Ее глубокие, бесконечно глубокие глаза. И каким-то образом они избавили меня от того, что я увидела в глазах грифона, потому что весь ужас, который я пережила, не исчез — ни когда чудовище умерло, ни даже когда ожила Малка. В глазах Единорога был весь огромный мир — мир, который я, наверное, никогда не увижу, но сейчас это было не важно, потому что я его *видела*, и этот мир был прекрасен, и я тоже была его частью. И теперь, когда я думаю о Джихейн, о Лули и о моей Фелисите, которая, как Единорог, могла разговаривать только глазами, я думаю именно о них, а не о грифоне. Вот что произошло, когда я и Единорог посмотрели друг на друга.

Я не заметила, как Единорог попрощалась с Молли и Шмендриком, не увидела, как Она умчалась прочь. Да я и не хотела этого видеть. Зато я слышала, как Шмендрик сказал:

— Простая собака... Я сам чуть не умер, когда пел для Нее; я при-

зывал Ее на помощь Лиру как никто и никогда не призывал ни одного единорога, но Она оживила не его, а эту паршивую овчарку!

Но Молли возразила:

— Она тоже любила его, вот почему Она позволила ему умереть. И пожалуйста, говори потише — девочка может услышать...

Я хотела сказать, что это ничего и что я понимаю — Шмендрик говорит так, потому что очень расстроен, но Молли подошла ко мне и стала вместе со мной гладить Малку, и мне не пришлось ничего говорить.

— Мы проводим тебя и Малку домой со всем почетом, который подобает двум леди, — проговорила Молли. — А потом мы отвезем домой короля...

— И я никогда больше вас не увижу, — закончила я. — Ни вас, ни его...

— Сколько тебе лет, Суз? — спросила Молли.

— Девять, — ответила я. — Скоро будет десять. Ты же знаешь.

— А ты умеешь свистеть?

Я кивнула, и Молли огляделась по сторонам с таким видом, словно собиралась что-то украсть. Потом она наклонилась ко мне и прошептала:

— Я хочу сделать тебе один подарок, но ты не должна открывать его до тех пор, пока тебе не исполнится семнадцать. В свой семнадцатый день рождения ты должна будешь отправиться в какое-нибудь уединенное, тихое место, которое будет тебе очень дорого, и посвистеть вот так...

И Молли просвистела мне короткую музыкальную фразу, а потом заставила меня повторять ее снова и снова, пока не убедилась, что я все запомнила точно.

— Больше не свисти, — сказала она. — То есть ты не должна насвистывать эту мелодию вслух, пока тебе не исполнится семнадцать, но про себя ты можешь повторять ее сколько угодно. Ты понимаешь разницу, Суз?

— Я не ребенок, — ответила я. — И все понимаю. А что случится, когда мне стукнет семнадцать и я ее просвистую... просвишу?

Молли улыбнулась.

— К тебе кое-кто придет... Я только не знаю, кто это будет. Может быть, это будет величайший в мире маг, может быть, просто одна старая женщина, которая питает слабость к непослушным и отважным детям. — Она несильно ущипнула меня за щеку. — А может быть — только может быть! — это будет Единорог, потому что с тобой, Суз, всегда будут случаться удивительные и прекрасные вещи. Даю тебе честное

слово, хотя ты, наверное, думаешь, что слово старухи немногого стоит. В общем, кто-нибудь к тебе да придет...

А потом мы положили тело короля на его лошадь и тронулись в обратный путь, и я снова ехала со Шмендриком, как в начале нашего путешествия. И они проводили меня до самого дома, как обещали, и сказали моим маме и папе, что грифон мертв и что я помогала его прикончить. (Видели бы вы лицо Уилфрида, когда он услышал такое!..) На прощание Шмендрик и Молли по очереди обняли меня, и Молли шепнула мне на ухо: «Помни! Не раньше, чем тебе исполнится семнадцать!..». После этого они уехали, чтобы отвезти короля обратно в замок и похоронить, а я выпила кружку холодного молока и отправилась вместе с папой и Малкой загонять стадо на ночь в сарай.

Вот и все, что со мной случилось. Мелодию, которую насвистела мне Молли, я постоянно повторяю, но только про себя, в уме. Иногда она даже снится мне ночью, но я никогда не насвистываю ее вслух. Еще я часто беседую о нашем приключении с Малкой, потому что нужно же мне хоть с кем-нибудь поговорить!.. Я обещала ей, что когда мне исполнится семнадцать, я возьму ее с собой в свое заветное место, которое я уже выбрала. Малка к этому времени будет, конечно, уже очень пожилой собачьей леди, но это не имеет значения, потому что кто-нибудь обязательно к нам придет.

Я надеюсь, что это будут Молли и Шмендрик. Единорог, конечно, очень красива, но они ведь мои друзья, и мне хочется, чтобы Молли снова меня обняла и рассказала все те удивительные истории, которые не успела рассказать в прошлый раз, и чтобы Шмендрик снова спел мне свою глупую песенку:

*Сузли, Сузли, тра-ля-ля,
Между нами говоря,
Егоза и непоседа хочет видеть короля.
Сузли, Сузли, непоседа,
Что тут долго говорить?
Отвечай-ка поскорее,
Будешь ты со мной дружить?..*

Да, ради этого я могу и подождать.

Перевел с английского
Владимир ГРИШЕЧКИН

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ГОМЕРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В основной своей массе и читатели, и даже критики полагают, что фэнтези эпическая и героическая — одно и то же. Московский критик с этим принципиально не согласен. Итак, что же такое эпическая фэнтези и чем она отличается от всех остальных направлений литературы меча и магии?

Раскатистое словосочетание «эпическая фэнтези» — привычная приманка-завлекалочка на книжных лотках. Она прицельно воздействует на определенную читательскую категорию — примерно так же, как и давно уже ни к чему не обязывающая характеристика на обложке книги того или иного заморского автора: «Достойный наследник Дж.Р.Р.Толкина».

Сам же термин, конечно, придуман не издателями, а литературоведами. Смысл его, впрочем, всегда был изрядно размыт и чаще всего оказывался синонимом «классической фэнтези» — понятия, кстати, столь же невнятного (в восприятии массового читателя это что-то «в духе Толкина»). В связи с этим английский исследователь Джон Клют в «Энциклопедии фэнтези» с нескрываемой досадой пишет: «К несчастью, термин слишком обильно использовался издателями для характеристики многотомных героических фэнтези, и потому утратил свою целесообразность».

А между тем «эпическая фэнтези» и «фэнтези героическая» отнюдь не синонимы. Это, конечно же, не означает, что эпике чужды герои (куда же без них!). Но в данном случае деяния отдельного героя — не главное. Во главе эпической фэнтези лежит сотворение постоянно меняющегося «вторичного мира» и его истории. И таким образом эта ветвь жанра теснее связана с мифологией. В этом коренное отличие эпики от героической и авантурной фэнтези, где мир служит только «подложкой» для приключений и подвигов героев. Какими бы значительными подобные подвиги ни выглядели, в самом мире — они принципиально ничего не изменяют.

Итак, эпическая фэнтези имеет дело с миром, а героико-приключенческая — с героем. Авторы эпики — Гомеры новой эпохи. Им не достаточно одного-двух главных персонажей, на просторах романосаг они желают управлять судьбами целых народов и государств.

Конечно же, граница, разделяющая понятия «эпическая фэн-

тези» и «героическая фэнтези», достаточно условна (как и любые другие жанровые границы). Тем более, что оба поджанра вышли из единого источника — из героического эпоса. И подчас они легко перетекают друг в друга. Достаточно выстроить логичную и связную биографию для героя «меча и колдовства» или, еще лучше, связать воедино нескольких героев, и возникает что-то весьма похожее на high и вполне притом *epic fantasy*. Подобные операции, кстати, частенько проделывали продолжатели говардовских циклов о Конане и Кулле, создавая целую историю «хайборийской эры».

История эпической фэнтези богата и ветвиста. Разделение европейской протофэнтези на два потока случилось еще в эпоху рыцарских романов. Одни из них представляли обширные эпические полотна, описывающие всю историю рыцарей Круглого Стола или франкских паладинов, другие же повествовали о «штучном» приключении доблестного рыцаря (часто вне времени и пространства), и приключения эти, как часть мозаики, легко могли быть вставлены в любой эпизод большой истории Артура или Карла Великого. Что же касается прямых прототипов, то назовем два романа, фактически породивших основные направления всей фэнтезийной литературы: «Смерть Артура» То-

маса Мэлори (предтеча фэнтези эпической) и «Неистовый Роланд» Лодовико Ариосто (в этой книге, соответственно, истоки героической фэнтези).

Собственно же история жанра начинается в Англии конца XIX века, когда появились книги Дж.Макдональда и У.Морриса — истинных родоначальников этого направления (Макдональду, кстати, принадлежит и авторство самого термина «фэнтези»). Но, наметив теорию «вторичных миров» (термин этот уже в XX веке введет Дж.Р.Р.Толкин), Макдональд так и не поднялся до сотворения нового эпоса. Да, и он, и лорд Дансени создавали яркие, продуманные «вторичные реальности», но их произведения были далеки от собственно эпики. Эпос нуждается в глобальном размахе, в бурной героике, в красочных картинах космического противостояния. Произведения же упомянутых классиков были слишком камерны, контуры вселенских битв в них лишь угадываются.

Первым же произведением, которое смело можно отнести именно к эпической фэнтези, стал роман Уильяма Морриса «Род Вольфингов» с его нарочито архаичным стилем и обширными поэтическими вставками. Роман этот не только реанимировал в новой европейской словесности традиции средневековой саги, но и оказал колоссальное влияние на создателя «Властелина Колец».

Впрочем, в западном фантастиковедении У.Моррис зачислен лишь в предшественники, но не в родоначальники жанра. Официальной же датой рождения эпической фэнтези большинство критиков называют 1914 год, когда увидел свет первый том дилогии «Пуйл» валлийского писателя Кеннета Морриса. Созданная по мотивам валлийского эпоса сага однофамильца автора «Рода Вольфингов» соединила в себе высокий средневековый стиль с традициями прозы нового времени — и в этом смысле стала ориентиром для позднейших авторов, в том числе и Толкина.

Другой заметной вехой в довоенной истории жанра стали романы Эрика Эдисона. Среди некоторых фантастоведов бытует мнение, что если весь цикл «Зимиамвия» увидел бы свет при жизни автора до триумфа «Властелина Колец» (первый роман — «Червь Уроборос» — вышел в 1922 году, но весь цикл был издан только в 1992–м), то Эдисон определенно занял бы трон профессора Толкина. Впрочем, подобная точка зрения весьма спорна. Мрачно-пессимистический пафос эдисоновского эпоса, главная идея которого в иллюзорности и тщетности земного существования, серьезно проигрывал гуманистическим идеям «Властелина Колец».

Нет смысла подробно останавливаться на главном творении оксфордского профессора,

ставшем эталоном жанра. Бесспорно, сокрушительный успех толкиновской саги дал мощнейший импульс развитию фэнтези вообще и ее эпической ветви в особенности. Уже к концу 1950–х годов вся история жанра разделилась на «до» и «после» «Властелина Колец».

Но не все так просто. Трилогия Толкина сыграла и отрицательную роль в судьбе жанра *epic fantasy*. Собственно, вся «вина» Профессора лишь в его эрудиции и таланте филолога и писателя. Он столь щедро зачерпнул из «Котла Волшебных Историй» западного мира, что вычерпал его до дна. В его обширном творчестве нашлось место всему, что со времен романтиков составляло Легенду Западной Европы: и падение Атлантиды, и Первая Война на Небесах, и мотивы артуровских и каролингских романов, и кельтские и германские сказания о богах и героях, и многообразие сохранных деревенскими поверьями нечеловеческих «народцев»...

А что же досталось идущим следом? Практически ничего, кроме обвинений в эпигонстве. Толкин невольно перекрыл путь последователям. Даже обратившись снова к толкиновским первоисточникам, можно было получить лишь похожий результат. А «нетолкиновских» источников на Западе не осталось. Кое-кто, конечно, сдобривал тексты восточной (славянской, ассиро-вавилонской, китайской и

т.д.) экзотикой.* Иногда получалось интересно. Но в сравнении с шедевром Профессора все это явно проигрывало. Так что сознательное, открытое «подражательство» со временем утвердилось как признак хорошего тона.

Даже «Космическая трилогия» и «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса, друга и соратника Толкина по кружку «Инклингов», нередко воспринимаются читателями едва ли не как довесок к трудам старшего коллеги. При том, что по степени художественного дарования эти авторы равноценны.

По большому счету, «Властелин Колец» и «Сильмариллион» логичнее было бы представить как итог развития фэнтези, а не импульс. Совершив в лице Толкина рывок в Большую Литературу, фэнтези там и закрепилась лишь двумя именами — Толкина и Льюиса. Прочим места уже не осталось.

И все-таки кое-что из толкиновского мира современные последователи побоялись (или не желали) переносить в свои произведения. Во-первых, ядро эпоса о Средиземье — «Властелин Колец» — максимально для эпической фэнтези «антигероичен». Важная для Толкина идея («помощь приходит от малых») превращает традиционных эпических героев, подобных Арагорну, в персонажей второго плана. Главные же герои —

Фродо и Сэм — в эпическом смысле героями не являются. На столь далекий уход от эпического штампа «наследники Толкина» не рискуют.

Во-вторых, Толкин, наследник традиций У.Морриса, не страшился форм древнего сказания. Те, кто читал «Сильмариллион», «Неоконченные сказания», «Историю Средиземья», заметили, что объем написанного Профессором о своем мире в былинном, сказовом, хроникальном, наукообразном ключе превышает адаптированный для массового читателя роман. Иными словами, Толкин не только создал мифологию, но еще и отлил ее в мифологическую литературную форму. В этом один из секретов «достоверности» толкиновского мира. Среди «наследников» очень немногие решались на подобный «эксперимент». И причина тому не только в отсутствии филологической квалификации. Просто долгое время жанр сказания казался ушедшим в прошлое, невостребованным у читателя. Несомненно, и «Сильмариллион» едва ли нашел бы издателя без культового имени на обложке.

Ситуация стала меняться лишь в два последних десятилетия. И связано это с бурным развитием ролевой субкультуры. Не секрет, что для многих ее представителей «Сильмариллион» ценнее «Властелина Колец». Мифология соз-

* Пожалуй, только Урсуде Ле Гуин, создавшей *Земноморье* столь мастеровито и талантливо, удалось выйти из тени Профессора. (Прим. авт.)

дает фон, на котором можно свободно конструировать собственные образы и сюжеты. Рынок фэнтези откликается на запрос. И вот уже У.Ле Гуин, как бы извиняясь («поскольку подобные вымышленные факты... представляют для некоторых читателей вполне реальный интерес»), включает в сборник «Сказания Земноморья» хроникальное «Краткое описание Земноморья». Другие авторы (например, Д.Лункан или Р.Джордан) идут еще дальше, создавая в соавторстве с нанятыми издателем специалистами «путеводители» по своему миру. Времена и вкусы меняются.

Эпоха «после «Властелина Колец» продолжается до сих пор. Проблема «эпигонства», как ясно уже из вышесказанного, сегодня просто неотступная данность. Талантливый фэнтезийный автор может сотворить действительно оригинальный и запоминающийся мир даже из набора устоявшихся шаблонов. Признанную королеву американской фэнтези Андрэ Нортона легко можно обвинить в подражательстве не одному лишь Толкину. Но виртуозно созданные ею миры и мифы неизменно имеют заслуженный успех у читателя. Умение оригинально скомбинировать мотивы, может быть, главное при создании современного «вторичного мира».

Конечно, есть авторы, которые принципиально отказываются быть чьим бы то ни было наследником. Но бросая открытый вызов «праотцам», они зачастую оказываются

в большей зависимости от предшественника, нежели скромные ученики. Наиболее распространенная и продуктивная попытка разорвать преследующую «зависимость» — высмеивание фэнтезийной эпикки. И читательская любовь к подобным текстам вполне объяснима. Правда, не у всех авторов получается посмеяться над фэнтезийными штампами столь же блестяще и талантливо, как это удалось в «Плоском Мире» Терри Пратчетту.

Что же до полемики с отцами-основателями, то она может вестись как верными учениками (У.Ле Гуин, С.Дональдсон, Т.Уильямс), так и теми, для кого эта роль абсолютно неприемлема. Благо, толкиновский или льюисовский консерватизм дает новой эпохе немало поводов для оппозиции. И некоторые из бунтарей в самом деле создали яркие, запоминающиеся и цельные миры, блестящие образцы фэнтезийной эпикки, как, например, «Плоская Земля» Т.Ли. Но прилагать к «Новой волне» фэнтези четкие поджанровые классификации рискованно. Ее духовный отец и лидер М.Муркок, решительно смешивающий и выворачивающий наизнанку образы как эпической, так и героической фэнтези, стал лучшим тому примером.

Что же касается нынешних наследников, то основная масса саготворцев на серьезные литературные лавры не претендует. Фэнтези без особых претензий довольствуется ролью одной из ветвей развесистого древа маскульта. Однако среди

сотен забытых фэнтезийных королевств встречаются отдельные «вторичные миры», заслуживающие упоминания в летописи не только фантастической прозы, но и литературы вообще. Такие жемчужины в море эпической фэнтези наперечет, но они есть: У.Ле Гуин со своим «Волшебником Земноморья», С.Дональдсон, чьи «Хроники Томаса Ковенанта» — одно из немногих произведений, по праву сопоставляемых с «Властелином Колец», Т.Уильямс и его «Память, печаль, шип». И, конечно, нельзя обойтись без упоминания Р.Джордана, у которого есть уже вполне реальный шанс войти в историю как автору самого объемного фэнтезийного романа. Ведь непомерно многотомное «Колесо времени», по справедливому признанию самого создателя, есть единый роман, а не цикл. Эпос Джордана интересен дерзкой попыткой превзойти прототип. Достаточно отметить, что на карте толкиновского Запада к моменту действия «Властелина Колец» отмечено лишь около десятка государств и племен, тогда как у Джордана раза в три больше, и автор явно поставил себе цель расписать историю и внутреннюю жизнь каждого...

Вслед классикам Британии и США подтягиваются авторы-эпики и других стран. Канадец Г.Г.Кэй, редактировавший некогда «Сильмариллион», в «Гобеленах Фьонавара» создал уже собственный «вторичный мир», во многом полемичный по отношению к Средиземью.

Активно развивается и относительно новое направление эпика — историческая фэнтези.

К сожалению, объем журнального обзора не позволяет охватить весь спектр современной эпической фэнтези. Но в заключении надо сказать несколько слов и об отечественных опытах в освоении жанра. В России традиции *epic fantasy* формировались загодя — и «Сказаниями о титанах» Я.Э.Голосовкера, и даже «визионерской» эпикой Д.Л.Андреева. Но вал переводной масс-литературы, конечно, перенаправил многие векторы, превратив лучшие образцы фэнтези русской в парадоксальное, лишь изредка удачное, сочетание классических и литературных традиций с импортированным в готовом виде жанром. Пионерами русскоязычной фэнтезийной эпика стали в середине 1990-х Г.Л.Олди и Н.Перумов, а в «историко-эпическом» (может быть, наиболее перспективном для русской культуры) варианте — Д.Трускиновская и Е.Хаецкая. Удивительно, что собственного эпоса до сих пор не породила давшая немало добротных образцов героики «меча и колдовства» славяно-киевская ветвь русской фэнтези.

И тем не менее опыты российских авторов дают повод к определенным надеждам. Как знать, может, наши писатели в скором времени преподнесут читателям свободные от заимствований примеры подлинной эпической фэнтези.

Автор статьи апеллировал в основном к именам, хорошо известным не только любителям фэнтези, но и самым стойким поклонникам НФ. Однако раз окунувшись в современный фэнтезийный поток, нельзя не заметить, что в основной своей массе произведения этого жанра серьезно уступают по качеству научной фантастике. На вопрос, с чем это связано (да и так ли это на самом деле или мы слишком пристрастны), отвечают три писателя — последовательный приверженец «твердой» НФ, автор, отдающий предпочтение фэнтези, и прозаик—«универсал».

Александр ГРОМОВ:

Боюсь, что мне предлагают сравнить Енисей с Язуой. Научной фантастики уже практически нет как таковой, а «твердая» фантастика хиреет. К тому же не все ее авторы решаются ныне позиционировать себя как фантасты — вероятно, из-за того, что вал серости и безграмотности серьезно дискредитировал фантастику как литературное направление. Вместе с тем фэнтези, что называется, цветет и пахнет. Таковы потребности рынка на данном историческом отрезке.

Вот и половина ответа. «Твердую» фантастику труднее продать. Она отбирается редакторами строже. Автор должен убедить читателя в том, что его творение стоит читать. Нет более читателей, сладко млеющих от слов «звездолет» или, допустим, «скафандр». Вывелись. Тогда как читатель, охотно клюющий на эльфов или драконов, вовсе не такая уж редкость. Более того: боюсь, что он—то и является основным читателем фэнтези. Инфантилизм взрослых людей — примета времени. Ребенок готов бесконечно играть в одни и те же кубики.

Потому и слабо востребованы подлинными мастера фэнтези, выписывающие оригинальные миры, разрабатывающие нестандартные сюжеты, тщательно работающие со словом. Основной читатель фэнтези терпеть не может задумываться над чем—то, выходящим за привычные узенькие рамочки. Дайте ему знакомый мир и знакомый конфликт — он будет счастлив. Ему нет дела до того, что эта «осетрина» даже не второй, а сто второй свежести. И зачем ему литературные изыски — они ведь только усложняют восприятие!

Есть и вторая половина ответа: писать слабую фэнтези легче, чем слабую «твердую» фантастику, а сильную — труднее. «Твердая» фантастика, даже будучи не слишком научной, все же требует от автора приличного образования в области науки—техники. Фэнтези — нет. Достаточно чуть—чуть знать историю с мифологией — и можно строчить погонные километ—

ры о магах, мечях, драконах (недостающее — вписать). Скудость знаний и отсутствие дисциплины мышления здесь не помеха, а подмога.

В результате имеем то, что имеем.

А жаль. Ибо я, будучи типичным «твердым» фантастом, все же считаю, что фэнтези как метод перспективнее. Но пока не переведутся любители несвежей осетрины, отдельные фэнтезийные жемчужные зерна по-прежнему будут тонуть в... другой субстанции.

Так что, как хотите, а фантастическая «Яуза», в отличие от Яузы реальной, выглядит почище фэнтезийного «Енисея».

Алексей ПЕХОВ:

Сегодня фантастика следует исключительно требованиям рынка. Это серьезный бизнес, колоссальные деньги, коммерческая развлекательная литература — как бы кощунственно эти слова для многих ни звучали.

Издателям невыгодно выпускать то, что не принесет реальную прибыль, а большинству читателей нравится фэнтези.

Направление НФ, стоящее на другой чаше весов, сегодня волнует не слишком большую аудиторию. Поэтому издателей интересуют, в основном, авторы, которые давно работают в этой нише и имеют своего постоянного читателя. Конечно, должны быть исключения (правда, я навскидку ни одной дебютной книги классической НФ за последние годы вспомнить не смог). Но в этом случае издатель должен гораздо более тщательно выбирать тексты новых авторов для искушенного покупателя НФ, литературный вкус которого давно сложился и «закостенел».

Однако есть любопытная деталь. Под крыло НФ в последнее время стараются загнать всё, что только можно. Научной фантастикой у нас становится и криптоистория, и космическая опера, и социальная фантастика, и фантастический боевик, и темпоральная фантастика, и фантастика с элементами философии, религии, мистики, хоррора и даже юмора.

Я не раз сталкивался с ситуацией, когда уважаемые и серьезные люди, не жалующие фэнтези, призывают под знамена НФ всё, что является хотя бы мало-мальски удачным проектом, но не напоминает «недофантастику». Хорошая книга? Нет волшебников на говорящих грифонах? Отдайте, это наше! Научная фантастика. Видите, сколько всего хорошего сделано в НФ! Не то что примитивное барахло для взрослых детей, желающих сказок.

Впечатление от подобной мобилизации крайне странное. Словно полководцы пытаются наскрести по сусекам разношерстную армию, дабы хоть кого-то выставить против войска побеждающей фэнтези.

Весь вопрос: а надо ли устраивать подобное противостояние? И является ли, в принципе, научной фантастикой большинство того, что под ней сегодня подразумевают?

С моей точки зрения, правда состоит в том, что на данный момент у нас издается мизерное количество классической НФ, и далеко не все эти романы мы вспомним через год–два. То же самое относится и к фэнтези: она нисколько не выигрывает у «старшего брата». И читатели, и специалисты из всего огромного количества выходящей за год жанровой продукции в лучшем случае не забудут пять—десять действительно ярких и интересных книг.

Среди большого количества романов–фэнтези сложнее найти хорошую книгу, чем среди малочисленной НФ. Но единственным объективным показателем станет проверка временем. Осмелюсь предположить, что доли хорошей НФ и фэнтези окажутся в итоге примерно равными.

Александр ЗОРИЧ:

Яна БОЦМАН: Я полагаю, что качество книг фэнтези действительно в среднем уступает качеству книг НФ (хотя отдаю себе отчет, что это утверждение сродни рапорту о «средней температуре по больнице»). Я связываю такой проигрыш в качестве с размытостью самого определения «фэнтези». Когда я изучаю ассортимент раздела «фэнтези» в соседнем книжном магазине, у меня складывается впечатление, что фэнтези — это своего рода панель, на которую берут всех и на которой никто и никогда не краснеет. Собственно, словом «фэнтези» сейчас называется практически любой литературный труд, где присутствует хотя бы один фантастический элемент. Всякий горячечный бред о дембеле, который «провалился» в страну роботов–мутантов, где царит злокозненная Железная Королева и люди ходят на боках, может, по мнению маркетологов, называться этим дорогим для Зорича, как для фантезиста со стажем, термином. Когда у жанра нет четко очерченных границ, когда в нем «все можно», жанр превращается в помойку. Что все мы, читатели, и наблюдаем. И издательства старательно торопят это превращение.

Дмитрий ГОРДЕВСКИЙ: Литературное исполнение большинства современных НФ–книг я бы тоже не переоценивал. На самом деле, если этот уровень и выше, чем уровень книг фэнтези, то не намного. Кажущийся выигрыш в качестве проистекает, на мой взгляд, из того очевидного факта, что НФ предполагает более строгий сеттинг (то есть набор эстетических и структурных констант). Да и прилагательное «научный», к счастью, отпугивает от жанра НФ многих графоманов, каковые предпочитают изливать на бумагу свои мечтания и фантазии, а не выстраивать правдоподобные сюжетные схемы и штудировать справочники вроде «Физики космоса» ради одного удачного описания удаленной планеты.

Рецензии

Терри ПРАТЧЕТТ

**CARPE
JUGULUM.
ХВАТАЙ
ЗА ГОРЛО!**

Москва — СПб.:

ЭКСМО —

Домино,

2006. — 512 с.

Пер. с англ.

Н. Бердешникова,

А.Жикаренцева.

(Серия «Плоский
мир»).

20 100 экз.

Матушка Ветровоск и ее товарки, пожалуй, любимые персонажи Пратчетта (ну, разве что капитан Ваймс и капрал Моркоу могут с ними соперничать). Они появляются, когда автор хочет сказать о чем-то очень для него важном. В данном случае пародия на модные ныне истории о вампирах — лишь декорация, на фоне которой Пратчетт ставит совсем другую пьесу. В частности — о власти, о том, что старая добрая беззастенчивая тирания может оказаться если и не лучше, то как-то честнее новомодной, основанной на НЛП, «всенародной любви» и промывке мозгов. И о том, что как бы зло ни мутировало, как бы ни притворялось современным, оно все равно остается злом. И еще (что не типично для в общем-то нерелигиозного писателя): в поисках себя можно обрести бога. И наоборот.

Сама по себе вампирская тема — вещь настолько благодатная, учитывая нынешнюю конъюнктуру, что даже пародировать ее как-то неловко. Вот и Пратчетт дает себе меньше воли, чем хотелось бы читателю — например, в романе отсутствует такая замечательная, богатая на всевозможные трюки и приколы фигура, как охотник за вампирами. Борьба с любезной и обходительной нечистью, железной хваткой взявшей за горло Ланкр, приходится неуклюжему священнику-омнианцу, да все тем же ведьмам — вечной триединой сущности («дева, мать и... еще одна»). Только в роли девы на сей раз выступает ведьма-неофитка Агнесса, в роли матери — Маграт, а в роли «еще одной» — нянюшка Ягг. А вот фигура матушки Ветровоск постепенно обособляется, отчего приобретает какой-то уж и вовсе сверхчеловеческий — или нечеловеческий — масштаб.

Заодно неутомимый Пратчетт мимоходом иронизирует по поводу пафосных воплощений «полых холмов», «короля былого и грядущего», «Франкенштейна» и прочих романтических-готических сюжетов.

Мария Галина

Ирина
АНДРОНАТИ,
Андрей
ЛАЗАРЧУК,
Михаил
УСПЕНСКИЙ

**МАРШ
ЭККЛЕЗИАСТОВ**

*СПб: Амфора,
2006. — 432 с.
(Серия «История
будущего»).*
5000 экз.

Слово обладает волшебной силой превращаться в реальность. Нужна лишь смелость, чтобы позволить слову это сделать. Десять лет назад роман «Посмотри в глаза чудовищ» стал знаменит не потому, что в нем восставал из праха поэт Гумилёв. И даже не потому, что жанр криптоистории оказался востребован в пору безвременья. Все же главным в том романе был пойманный на кончик пера дух времени и смелость (буквально кураж), сопровождавшие слова и поступки главного героя и создававшие смычку между литературой и жизнью.

И вот перед нами последний роман трилогии. Десять лет спустя читатель вновь получает возможность узнать о приключениях Николая Гумилёва. Бывший поэт, выдающийся мистик и путешественник по магическим мирам опять попал в передрыгу, да еще со всеми друзьями и домочадцами. Но на этот раз человечеству угрожают не подземные ящеры, которые предпочли задружиться с поэтом-воином. Источник проблем — более древние и таинственные силы, осколки давно забытых цивилизаций. Семь эпох прошло с тех пор, как был возведен загадочный Ирем — негостеприимный и нечеловеческий город, в котором время остановилось. Волна грандиозных катастроф, захлестнувшая планету, забрасывает Гумилёва с конгресса тайных обществ прямоком в это царство теней. Его сын Степан во главе «команды спасателей» прибывает к нему на помощь. В то же время в Москве бушуют невиданные пожары, в Швейцарии идет революция ролевиков, Священный Грааль украден малоизвестными самураями...

Все апокалиптические сюжеты развиваются параллельно, складываются в сложную мозаику, в которой разобраться непросто. Да и нужно ли? Лучше просто читать... Но, увы, в этом постмодернистском коллаже из сказок и жанровых историй, под перечнем цитат из классиков и современников кураж весь выдохся. Тот Гумилёв был настоящий — а этот всего лишь сказочный.

Сергей Некрасов

Юлия ОСТАПЕНКО

**ЖАЖДА
СНЯЩИХ**

*Москва: АСТ —
Транзиткнига,
2006. — 346 с.
(Серия «Звездный
лабиринт»).*
5000 экз.

В сборнике молодой львовской писательницы собраны произведения малой формы; некоторые из них уже публиковались в периодике. В жанровом отношении равноправие между НФ и фэнтези почти соблюдено. Отличительная особенность всех представленных рассказов — их накал. Автор безжалостно подвергает читателя эмоциональной бомбардировке, обостряя до предела внешне вполне житейские ситуации.

Досадно даже не то, что, препарирруя внутренний мир героев и их действия, писательница чаще всего обращается к эмоциям негативным, рискуя утопить в депрессии читателя. Досадно, что при всей яркости психологической составляющей многие иные элементы рассказа просто игнорируются. Пренебрежение миром, в котором действуют герои, придает внешним обстоятельствам декоративную функцию, усиливающую и без того отчетливое ощущение наигранныости происходящего. К примеру, рецензент не смог поверить, что причиной колонизации планеты цивилизацией, овладевшей межзвездными перелетами, стало обнаружение «залелей нефти» («Полтюбика жидкой удачи»).

Сам автор, впрочем, не скрывает своей особой симпатии к жанру фэнтези, где требования к правдоподобию и внутренней логике событий существенно ниже, чем в НФ. Но пренебрежение законами драматургии прозаического произведения (и не важно, в каком жанре ты предпочитаешь работать) изрядно мешает убедиться хотя бы в литературной достоверности текста.

Удачей сборника (среди весьма различающихся по мастерству исполнения рассказов) можно назвать новеллу «Ромашка» — уже известную читателям «Если». Здесь наряду с психологизмом есть и оригинальная идея, попытка заставить читателя поверить в подлинность происходящего. А ведь, казалось бы, автор всего-то уделил немного больше внимания иным элементам текста, хотя бы таким, как сюжетная интрига...

Сергей Шикарев

Александр ЗОРИЧ

**ВРЕМЯ —
МОСКОВСКОЕ**

*Москва: АСТ,
2006. — 608 с.
(Серия «Звездный
лабиринт»).*
7000 экз.

Роман «Время — московское» завершает нашу-мевшую космическую трилогию А.Зорича. За те несколько лет, пока она создавалась, отношение к ней самого автора заметно изменилось. Если в первой книге А.Зорич выступал, не покидая родного образа — ироничного модерниста, интеллектуала, ухитрившегося и в космоопере припрятать фигу в кармане, то последняя часть трилогии звучит совершенно иначе. Трилогия оказалась той игрушкой, которая неожиданно проявила прочную связь с социальной реальностью наших дней. Поэтому А.Зорич перестал держать дистанцию между собой и текстом. То, что в первой книге было предметом иронии, признаком архаизации массового сознания, в последнем рассматривается под иным углом: так ли это все смешно? может быть, напротив, за авторитарной реальностью стоит реальность архетипическая? И в слове «фундаментализм» главное — «фундамент», а не то, как его трактуют?

Батальные сцены, по всей видимости, поднадоели автору, поэтому финальная победа гипер-России над гипер-Ираном выписана без души и фантазии.

Зато кое-какие новинки заслуживают доброго слова. Во-первых, роман двух главных героев — молодого пилота и ксеноархеологини. Оба, что называется, «имели опыт», однако А.Зорич построил их знакомство как медленное, в духе старых советских фильмов, сближение двух людей, можно сказать, неискушенных в любви. Это для современной нашей фантастики диковина, притом диковина, выполненная удачно, живо.

Во-вторых, выведение Церкви в жизнь людей далекого будущего. То, что на российских космических крейсерах молебен перед сражением станет нормальным явлением, для нашей НФ не новость. Но образ крупного ученого, из христианских побуждений тормозящего милитарный радикализм большого начальства и готового душу положить «за други своя», это неожиданно и интересно.

Дмитрий Володихин

Джон РАЙТ

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Москва — СПб.:

ЭКМО —

Домино,

2006. — 464 с.

Пер. с англ.

Н. Свидерской.

(Серия

«Фантастический

бестселлер»).

4000 экз.

В преддверии вступления человечества в эру Высокой Трансцендентальности все возможные и невозможные нейроформы, обитающие в Золотой Ойкумене, готовятся к грандиозному празднику. А тем временем семь пэров — практически бессмертных и всемогущих созданий — намерены претворить в жизнь свои планы по установлению общественной стабильности путем лишения людей жажды приключений, стремления к риску и поискам героического величия. Для этого во время празднеств они воздействуют на подсознание масс... Впрочем, Фазтон Изначальный, сын одного из властителей миров и умов, уже готовится вернуть себе свои воспоминания, от которых он добровольно отказался, и восстать против замыслов пэров.

«Золотой век» — первая книга одноименной трилогии американца Джона Райта, зарекомендовавшего себя как яркого и изобретательного визионера. Действительно, возникающие в ходе повествования образы подчиняют себе сюжет, не отличающийся оригинальностью. Книга напоминает спектакль, причем разыгрываемый порой в абсурдистском ключе.

Конечно, способности героя к левитации можно объяснить наличием сети энергетических линий, магнитными якорями, асинхронными генераторами и тем, что действие происходит в виртуальной реальности. Повествование прекрасно иллюстрирует известный тезис Артура Кларка о тождественности на определенном уровне развития науки и магии. А вот появление в тексте летающего пингвина, наряженного в галстук-бабочку, авиационные очки и длинный белый шарф, подсказывает, что всерьез к происходящему относиться все-таки не стоит.

Созданный автором мир, в котором сходятся образы и персонажи различных эпох, от примет времени текущего максимально дистанцирован. Реплика главного героя о том, что «реализм — прежде всего», противоречит и содержанию, и духу книги, что делает чтение «Золотого века» весьма непростым занятием.

Сергей Шикарев

Энн МАККЕФРИ,
Маргарет БОЛЛ

**НАСЛЕДНИЦА
ЕДИНОРОГОВ.
ПОИСКИ
АКОРНЫ**

*Москва: ЭКСМО,
2006. — 668 с.
Пер. с англ.
Н. Васильевой,
Д. Смукиновича.
(Серия «Драконы
Перна»).
7000 экз.*

Первые два романа из фантастико–приключенческой тетралогии, написанной маститой Энн Маккеффри в соавторстве с молодой коллегой по цеху Маргарет Болл.

Спору нет, из этой серии могла бы получиться великолепная авантурная кинокомедия в духе «Автостопом по Галактике»: стремительный, полный неожиданных поворотов сюжет, запоминающиеся персонажи, остроумные диалоги и очень обаятельная троица главных героев — космических рудознатцев, шурующих в астероидных поясах в поисках редких металлов.

Но самый привлекательный персонаж этой саги — представительница внегалактической расы разумных лошадей девочка–единорог Акорна, которую приятели случайно нашли в глубоком космосе в автономной капсуле–колыбели. Вскоре выясняется, что эта космическая сиротка, смахивающая на очаровательную лошадку из японского аниме, обладает уникальными способностями: с помощью своего рога она может распознавать металлы, очищать воздух и воду. Но куда в мешке не утаишь: возможностями малышки заинтересовалась всемогущая и безжалостная Корпорация Объединенных Производителей. Что же делать нашим друзьям? Правильно: делать ноги и спасать девочку–лошадку — собственно, весь этот «эскейп» и является сюжетным стержнем.

Авторы не просто создали увлекательное повествование, но и вдоволь посмеялись над многими стереотипами современной западной цивилизации — начиная с пресловутой политкорректности и заканчивая противостоянием «США — арабский Восток». Так что при желании романы можно считать и сатирой, но достаточно легкой и незлобивой.

Поклонниками фэнтези Маккеффри, в первую очередь, любима за создание одного из самых масштабных миров — планеты Перн. Похоже, писательница наконец–то решила отдохнуть от бесконечной драконографии Перна и написать нечто для души — милое, компактное и совсем не претендующее на культовость.

Сергей Коротков

Мишель УЭЛЬБЕК

**ВОЗМОЖНОСТЬ
ОСТРОВА***Москва:**Иностранка,**2006. — 475 с.**Пер с фр.**И. Стаф.**(Серия «За
алюминатором»).**10 000 экз.*

Уэльбек — признанный лидер французской прозы, один из самых популярных авторов мейнстрима. В центре нового романа — история нашего современника, стареющего неполиткорректного комика Даниэля. Неожиданно для себя он оказывается втянут в странную секту «элохимитов», которые верят, что человек создан пришельцами со звезд, и пытаются разработать методики практического бессмертия. Правда, результат далек от ожиданий. После физической смерти «нечеловека» на основе генокода создается новое взрослое тело, в котором благодаря белковым субстратам по дневниковым записям предшественника постепенно формируется новая личность, во многом повторяющая прежнюю. На воссоздание человека уходит пара недель.

В дневнике Даниэля–1 его «потомки» — Даниэль–24 и Даниэль–25 — находят для себя много непонятного. Что такое любовь, зачем человеку смеяться и лить слезы? У «нелюдей» чувствительность нервных окончаний снижена, они не нуждаются в чувственных ласках. Им остается лишь спокойно наблюдать за распадом биосферы и набегами дикарей, ожидая окончательного перехода человечества в электронно–цифровую форму.

Земная цивилизация терпит крах, вытесняется квазибессмертными «неолюдьми» в первобытное состояние. Но нарисованное автором мрачное будущее — лишь незаконнорожденное дитя сегодняшних депрессий и разочарований образованного европейца. Страсть к неограниченному потреблению, жажда чувственных удовольствий и сексуального доминирования, страх перед старостью... Под этим скрывается глубочайший кризис современной культуры, замкнутой на идеологию антропоцентризма. Чтобы изучить природу этого кризиса, Уэльбек вновь обращается к жанровым шаблонам НФ и создает образцовое произведение современной фантастики. По эпическому размаху и широте охватываемых проблем оно сравнимо, возможно, лишь с книгами Азимова и Кларка, но при этом полно горького пессимизма.

Сергей Некрасов

САГА О НЕДОДЕЛАННЫХ ДАМБЛДОРАХ

Сюзанна КЛАРК. ДЖОНАТАН СТРЕНДЖ И МИСТЕР НОРРЕЛЛ.
АСТ — Транзиткнига.

Выход этого британского бестселлера 2004 года у нас ожидали с нетерпением. Еще бы: в течение 2005 года дебютный роман Сюзанны Кларк собрал колоритный букет главных жанровых премий — «Hugo», «World Fantasy Award», «Locus» и «Mythopoeic Award». Добавьте к этому список наград, на которые он номинировался, и становится понятно: перед нами самое значительное произведение жанра последних лет. Но вот книга вышла на русском, и нетерпеливое ожидание сменилось... недоумением.

На обложке красуется слоган: «Магическая история Великобритании — для тех, кто уже прочитал Джоан Роулинг». Но объективности ради уточним: чем меньше читатель будет вспоминать о приключениях очкастого волшебника, тем лучше. И для него, читателя, и для автора «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла».

За Сюзанну Кларк, честно говоря, обидно: выйди роман десятью годами раньше, книга определенно вызвала бы если и не сенсацию, то оправданно серьезный интерес. Однако после Дж. Роулинг писать об английской магии можно либо лучше, либо — никак. Лучше у Кларк явно не получилось.

Основная беда романа — его безбожная затянутость. Вытолкнув из себя колоссальную по объему сагу, британская писательница «забыла» обогатить ее увлекательной интригой. А ведь сюжетный посыл книги весьма оригинален, он даже любопытнее, чем в цикле Роулинг.

События «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла» развиваются не в нашем мире, а в альтернативном, где в средневековье от эльфов спасу не было и вмешивались они в жизнь простых англичан куда чаще, чем того требуют сказочные приличия. Остроухие выкрадывали человеческих детей и удерживали их внутри полых хол-

мов. Обычно детишкам была уготована незавидная участь рабов, но некоторым все же улыбалось счастье стать приемными детьми эльфийской аристократии. И вот в 1110 году, в дни правления короля Генриха I, на севере Англии появилось эльфийское войско, ведомое Джоном Аскглассом, приемным сыном владыки эльфов Оберона. Аскгласс претендовал на часть английских земель, якобы отнятых норманнами у его настоящего отца-человека. В ходе начавшейся кампании эльфы, используя магические силы, разгромили войска короля Генриха и захватили весь север — от Туида до Трента. Так образовалось два британских королевства — Южное, со столицей в Лондоне, и Северное, где стольным градом провозгласили Ньюкасл.

Четыреста лет правил севером Джон Аскгласс, прозванный Королем-вороном. Четыреста лет росла и развивалась магия на английской земле. Потом Король-ворон исчез. Возможно, он скрылся в Стране фей, возможно, в Аду, однако с тех пор магия начала хиреть и выдыхаться, а к началу XIX столетия на Британских островах и вовсе не осталось ни одного полноценного волшебника.

Сохранялись, правда, общины лжемагов, изучавших волшебство по книгам и любивших о нем пошутить. И вот такому-то обществу колдунов-теоретиков из Йорка в 1807 году неожиданно пришлось столкнуться с самым настоящим

волшебником — мистером Гильбертом Норреллом, способным творить истинные чудеса...

Любопытная история, не правда ли? Да только автор почему-то излагает ее шиворот-навыворот. Вместо того чтобы связно поведать предысторию английской магии, С.Кларк начинает свой роман с невнятного эпизода о столкновении йоркских «волшебников» с мистером Норреллом. Обо всех же предшествующих событиях говорится скользь и неясно. Вероятно, писательница рассчитывала, что таким образом сумеет привлечь внимание к развитию сюжета. Увы, «завлекаловка» оформлена столь безыскусно, что даже у самого благодушно настроенного читателя начинает сводить скулы от скуки. Неспешная манера повествования, равно как и образы большей части героев, встречающихся в первом томе, также не способствуют тому, чтобы эту скуку разогнать. Волшебники из Йорка выглядят унылыми филистерами, мистер Норрелл — довольно мерзким типом, мелочным сквалыгой и снобом одновременно. Он даже в подметки Альбусу Дамблдору не годится...

А ведь многое в восприятии романа можно было бы исправить незначительными перестановками в драматургии текста: пролог к третьему тому, рассказывающий о пришествии эльфийского войска в Англию, стоило бы сделать прологом к первому. Заинтригованный столь неожиданным изменением

хода реальной истории, читатель простил бы автору и затянутую экспозицию, и унылых героев. Ведь действительно было бы интересно проследить, как отразилось правление Короля-ворона на судьбе Британии, да и всей Европы.

Более или менее действие оживляется только к середине фолианта, когда на страницах появляется новое лицо — Джонатан Стрендж, второй великий волшебник XIX века, приход которого в стихотворении-пророчестве возвестил еще Король-ворон. Стрендж, симпатичный сын гнусного отца, верный муж и достойный друг, это единственный по настоящему запоминающийся персонаж романа. С его появлением книга становится интересней, набирает темп, и самые лучшие страницы романа повествуют о том, как молодой маг помогал герцогу Веллингтону выиграть сначала испанскую кампанию, а затем и битву при Ватерлоо.

Впрочем, не буду раскрывать всех перипетий сюжета, потому что, может статься, кое-кто и пожелает побольше узнать о мире Короля-ворона и Джонатана Стренджа. Но должен предупредить: если ожидать от книги лихих приключений и загадок, ярких героев и непримиримого противостояния добра и зла в волшебном мире магов Англии, то разочарования не избежать. А вот если заранее настроиться на неспешный ритм прозы, имитирующей ма-

неру И.Диккенса и У.Коллинза, на постмодернистскую иронию, пролизывающую многие сцены и эпизоды, и смириться с нарочито невнятным финалом, тогда можно получить от фолианта С.Кларк и некоторое интеллектуальное удовольствие. Одним словом, перед нами очередная «книга для писателей». Коллеги С.Кларк «по цеху» смогут многое из ее текста почерпнуть.

У западных журналистов иногда встречается такая оценка компьютерной игры: «Лучшая игра, в которую никто не играл». И часто непонятно — почему? Рецензенты в таких ситуациях обычно отделяются сакраментальным: «Не цепляет!». Так вот, роман «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» явно стремится к тому, чтобы в нашей стране оказаться «отличной книгой, которую никто не читает». И идея вроде бы интересная, и сюжет ничего, и перевод на уровне, отлично отражающий атмосферу оригинала... А вот не цепляет, хоть ты тресни!

Впрочем, думаю, что благодарные читатели у романа Кларк в России найдутся. Только вот число их окажется существенно меньше миллионной массы фэнов, нетерпеливо ожидающих очередного тома саги о «мальчике, который выжил». Вот и я, пожалуй, отложу на дальнюю полку постмодернистский опыт С.Кларк и примкну к этой толпе сторонников Гарри Поттера.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

Фантастика

уже всю проявляет себя в политике. Одними из самых рейтинговых вопросов сетевого сообщества президенту России Владимиру Путину на традиционной интернет-конференции стали: «Будут ли использоваться для защиты границ России гигантские боевые человекоподобные роботы?» и «Как вы относитесь к пробуждению Ктулху?». На первый вопрос президент ответил, что все возможно, но пока человек при охране границ гораздо важнее, а поклонникам Говарда Лавкрафта Путин посоветовал обратиться к истинным ценностям и побольше читать Библию, Талмуд или Коран.

Эльдар Рязанов

заканчивает работу над художественным фильмом под названием «Андерсен. Жизнь без любви». Лента, посвященная жизни и творчеству знаменитого датского сказочника Ханса Кристиана Андерсена, не является биографической в полном смысле — в ней реальные события тесно переплетены с вполне сказочными историями, недаром рабочий подзаголовок фильма был «Фантазия на тему». Самого сказочника (а также иногда героев его историй) сыграют: в детстве — Ваня Харатьян, сын Дмитрия Харатьяна; в молодости — Станислав Рядинский; в зрелом возрасте — Сергей Мигицко. Кроме того, в ленте задействованы такие корифеи актерского цеха, как Олег Табаков, Вячеслав Тихонов, Лия Ахеджакова, Андрей Толубеев, Мария Аронova.

«Старкон»,

конвент поклонников «Звездных войн» (уже седьмой по счету), проходил 7—9 июля в московском ДК ВВЦ. В программе присутствовало несколько презентаций ролевых игр «по мотивам», прошли турниры по фехтованию на макетах световых мечей, по тактическим карточным играм, по стрельбе, семинар «Переводы «Звездных войн» на русский язык», доклады, концерты, премьеры фильмов-фанфиков «Холод» и «Ф.О.Р.С.», костюмированные представления.

«Футурама»

после долгих продюсерских сомнений все-таки возродилась. Тринадцать новых эпизодов этого пародийного мультсериала уже снимаются и появятся на телеэкранах в начале 2008 года. Управлять похождениями в далеком бу-

душем разносчика пиццы Фрая и его друзей опять станет «отец» «Футурамы» и «Симпсонов» продюсер Мэтт Гроунинг, а сами съемки осуществит компания 20th Century Fox Television.

Переводчик

Олег Колесников выиграл судебный процесс у компании «КМ онлайн» по поводу нарушения последней авторских прав истца — размещения в платном интернет-доступе переводов романа Станислава Лема «Дневник, найденный в ванне» и трех романов Фреда Саберхагена. Напомним, что портал «КМ.ru» долго позиционировал себя в качестве истового борца за авторские права в интернете, инспирировав шумные процессы против сетевых библиотек. К примеру, процесс против самого известного бесплатного сетевого ресурса «Библиотека Мошкова». Теперь же выяснилось, что борцы с пиратством сами оказались пиратами.

В конце июня

в старинном замке крестоносцев в Нидзице на севере Польши состоялся XIII Международный фестиваль фантастики, организуемый издательством «Солярис». Почетными гостями фестиваля были Анджей Сапковский, немецкий писатель Томас Мильке, английский художник Крис Ахиллеос и российская писательница Мария Галина. По итогам интернет-голосования польских фэнов лучшей книгой года признан сборник «Шаги в неизвестное» (издательство «Солярис»). Награда «Сфинкс» за лучший роман на польском языке присуждена «Хозяину ледяного сада» Ярослава Гжедовича, за лучший переводной роман года приз достался Стефу Свенстону за «Год нашей войны». В этой номинации на четвертое место вышел роман Марии Галиной «Глядящие из темноты».

Вручены

мемориальные премии им. Джона Кэмпбелла (вручается с 1973 года) и Теодора Старджона (с 1987 года). Церемония проходила 7 июля в Канзасском университете, город Лоуренс. Лучшим научно-фантастическим романом 2005 года жюри кэмпбелловской премии посчитало «Сканирование разума» Роберта Сойера. Лучший НФ-рассказ того же года удостоился премии им. Теодора Старджона — это «Калорийный человек» Паоло Басигалупи.

Агентство F-пресс

АРБЕНИН Константин Юрьевич

Музыкант, поэт и прозаик Константин Арбенин родился в 1968 году в Ленинграде. Известен он, главным образом, как автор песен и вокалист петербургской рок-группы «Зимовье Зверей», образованной в 1995 году и на сегодняшний день подготовившей 15 аудиоальбомов. Кроме того, К.Арбенин выпустил несколько поэтических и прозаических книг: «Транзитная пуля» (1998), «Пушкин мой» (1999), «Дон Гуан как зеркало мировой революции» (2001), «Комнатные побеги» (2004).

Как фантаст К.Арбенин работает в жанре современной ироничной сказки, сплетая фольклорные мотивы с элементами критического реализма. В 1998 году были созданы первые миниатюры цикла «Сказки на засыпку», после чего автор подготовил серию одноимённых передач для петербургской редакции «Радио России». Новеллы из этого цикла публиковались в периодической печати. В прошлом году состоялся дебют автора и на страницах «Если».

БИГЛ Питер (BEAGLE, Peter S.)

Один из ведущих авторов современной фэнтези, американский писатель Питер Соьер Бигл родился в 1939 году в Нью-Йорке. Он окончил колледж по специальности «писатель» и первый рассказ напечатал в 17-летнем возрасте — «Телефонный звонок» (1957). В том же году начинающий автор написал свой первый роман «Милое укромное местечко», вышедший три года спустя.

С тех пор Питер Бигл опубликовал восемь романов, один из которых, «Последний единорог» (1968), стал бестселлером и послужил основой одноимённой анимационной экранизации на студии Уолта Диснея (сценарий написал сам автор). По результатам многочисленных опросов роман постоянно включается в десятку лучших фэнтезийных книг всех времен. Два других романа, «Воздушный народ» (1986) и «Тамсин» (1999), завоевали Мифопоэтическую премию. Кроме того, перу Питера Бигла принадлежит более полутора десятков рассказов и повестей.

В 1960—1980 годах Бигл много работал в кино и на телевидении, он автор сценария экспериментального анимационного фильма Ральфа Бакши «Властелин Колец». Лента не удалась, однако свой след в истории фантастики и кино оставила — посмотрев эту картину, подросток по имени Питер Джексон решил прочитать трилогию Толкина.

В 1990-х годах Бигл вернулся к литературной фэнтези, написав, в частности, продолжение своего самого популярного романа — повести «Соната единорога» (1996) и «Единорог Джулии» (1997), а в прошлом году завершил свою трилогию своеобразной кодой — короткой повестью «Два сердца».

Питер Бигл, последние годы постоянно проживающий в Окленде (штат Калифорния), известен также как талантливый гитарист и исполнитель народных песен.

ДЯЧЕНКО Марина Юрьевна ДЯЧЕНКО Сергей Сергеевич

Сергей Дяченко (р.1945) — профессиональный врач—психиатр и спортсмен—подводник, избородивший едва ли не все моря. Он кандидат биологических наук, участник многих научных экспедиций. Помимо этого С.Дяченко — выпускник сценарного факультета ВГИКа: по его сценариям снято несколько документальных и художественных лент. Как кинодраматург неоднократно премировался на всесоюзных и международных кинофестивалях.

Биография Марины Ширшовой—Дяченко (р. 1968) также тесно связана с театральнo—кинематографическим миром. Марина — профессиональная актриса театра и кино, окончила актерское отделение и аспирантуру Киевского театрального института, где и по сей день преподает искусство сценической речи.

Проживают супруги и соавторы в Киеве.

Литературная звезда супружеского дуэта взошла в 1994 году, когда появился их дебютный роман в жанре героико—романтической фэнтези «Привратник», завоевавший сразу две престижные награды — приз «Хрустальный стол» (лучшее произведение украинской фантастики) и премию «Еврокон» (лучшие европейские фантасты года).

Зарекомендовав себя в качестве талантливых авторов фэнтези, М. и С.Дяченко, тем не менее довольно быстро отошли от канонов жанра. Героико—романтические атрибуты уступили место выраженному психологизму и философскому подтексту. Сегодня соавторы — признанные лидеры философской фантастики, в которой переплетены элементы фэнтези, НФ, неомифологизма и городского романа. Их перу принадлежат такие книги, как «Ритуал» (1996), «Ведьмин век» (1997), «Казнь» (1999), «Корни камня» (1999), «Армагед—дом» (2000), «Долина совести» (2001), «Пандем» (2003), «Судья» (2003), «Варан» (2004), «Авантюрист» (2005). В 2001 и 2005 годах они выпустили романы, написанные в соавторстве с Г.Л.Олди и А.Валентиновым — «Рубеж» и «Пентакль». Кроме того, супруги Дяченко создали ряд сказочных произведений для детей.

За двенадцать лет работы М. и С.Дяченко успели собрать полный букет жанровых премий — «Сигму—Ф», «Бронзовую улитку», «Аэлиту», «АБС—премию», «Странник», «Интерпресскон», «Роскон», «Филигрань», «Золотой кадудцей» и другие.

КИРПИЧЁВ Вадим Владимирович

Родился в 1954 году в г. Донецке. Высшее образование получил в Донецком политехническом институте (специальность — прикладная математика), после чего работал программистом. С 1993 года живет и работает в Москве.

Первая жанровая публикация состоялась в 1993 году в журнале «Химия и жизнь». С тех пор автор опубликовал в периодике ряд рассказов и повестей. В 2000 году вышла дебютная книга В.Кирпичёва — сборник «Враг по разуму», а в 2005—м появился и первый НФ—роман «Вечник».

КОЛОДАН Дмитрий Геннадьевич

Родился в 1979 году в Ленинграде. Окончил биологический факультет РГПУ им. Герцена, однако нынешняя его профессия далека от полученной специальности — он работает дизайнером в рекламном издании. Выпустил около 20 книг с описаниями компьютерных игр, опубликовал несколько юмористических пьес в журналах.

В жанре впервые выступил в 2005 году: рассказ «Покупатель камней» был опубликован в «Если». С тех пор автор напечатал еще несколько рассказов в журналах и сборнике «Мифотворцы: Портал в Европу». В 2006–м стал победителем конкурса «Роскон–Грелка».

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

«Я всю жизнь писал только то, что мне было интересно. На заказ мною написана пара очерков, и хотя эти очерки не хуже и не лучше других, мне почему–то стыдно их видеть. Видимо, потому, что не душа заболела это написать, а меня попросили — видимо, считали, что я смогу справиться с этой темой».

Из on–line интервью

МИДЯНИН Василий

Псевдоним московского писателя и антологиста (не раскрывается по просьбе автора).

Родился в Харькове. Работал корреспондентом газеты, редактором самиздатовского «Черного журнала». Сейчас живет в Москве. Дебютировал в 2000 году рассказом «Ночной монстр», опубликованном в первом выпуске альманаха «Наша фантастика».

Рассказы Мидянина печатались в журналах, сборниках и петербургских антологиях «Новые русские сказки».

ШАИНЯН Карина Сергеевна

Карина Шаинян родилась в 1976 году в Грозном, но вскоре семья переехала на север Сахалина. Окончила факультет психологии МГУ и некоторое время работала школьным психологом. В настоящее время — инструктор в конных походах по Горному Алтаю. Живет в Москве.

В 2003 году состоялась дебютная публикация — рассказ «Корм для пеликанов» был напечатан в журнале «Порог». В 2004–м рассказ «Рыба–говорец» победил на росконовском мастер–классе Сергея Лукьяненко.

Рассказы Карины Шаинян публиковались в сборниках в периодической печати.

Лауреат премии им. В.Савченко за рассказ «Теремок» (2006).

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ